

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

В.А.ЛЕКТОРСКИЙ

СУБЪЕКТ
ОБЪЕКТ
ПОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

На основе философского обобщения проблем методологии науки, психологии познания, психолингвистики, истории науки в книге дан целостный анализ познавательного отношения субъекта и объекта. Исследуются различные формы и типы связи предметно-практической и познавательной деятельности, взаимоотношение самосознания и познания, разнообразные компоненты в системе знания, проблема соотношения обоснования и развития знания. В книге затрагивается ряд нерешенных актуальных философских и методологических проблем.

Ответственный редактор
доктор философских наук
В. Н. САДОВСКИЙ

© Издательство «Наука», 1980 г.

Л $\frac{10502-257}{042 (02)-80}$ 225-80 0302020100

ВВЕДЕНИЕ

То, что человек не только практически действующее существо, но также и существо познающее, известно всем.

В констатации этого факта никаких проблем нет. Однако они начинаются сразу же, как только мы пытаемся отдать себе отчет в том, что же такое познание, познавательное отношение, каковы особенности такого специфического продукта человеческой деятельности, как знание.

Вопросы эти с необходимостью возникают уже при первых попытках теоретически осмыслить действительность и понять место в ней человека. Постановка и обсуждение мировоззренческих проблем на теоретическом уровне предполагают сознательное отношение к используемым абстракциям, представление о том, где имеет место подлинное знание и где «ложная мудрость», т. е. только лишь претензия на знание.

Можно выделить несколько смыслов, в которых употребляются термины «знать», «знание» в обыденном языке. Так, например, можно говорить о «знании» в смысле умения что-либо делать («Я знаю, как обращаться с этим инструментом», «Я знаю, как построить дом»).

Мы говорим также о «знании» в смысле умения опознать какой-либо предмет, какого-то человека («Я хорошо знаю Москву», «Я знаю этого человека уже двадцать лет»).

Наконец, под «знанием» мы понимаем такой продукт человеческой деятельности, который характеризует (и притом правильно) некоторое состояние дел в действительности: наличие каких-то свойств у определенных предметов, существование тех или иных отношений, реализация каких-то событий, протекание некоторых процессов и т. д. («Я знаю, что имеет место то-то и то-то»).

Нужно сказать, что с тех пор как стали размышлять над тем, что такое знание — а этим начали заниматься

почти с тех пор как возникла философия, — преимущественное внимание уделяли анализу последнего типа знания. И это вполне понятно, так как именно к этому типу принадлежит теоретическое знание (хотя, разумеется, не только оно), которое было как результатом деятельности философов, так и предметом их тщательного осмысления. Однако можно ли понять особенности последнего типа знания в том случае, если рассматривать его изолированно от двух других?

В частности, то, как соотносится знание в смысле понимания содержания, структуры, свойств и отношений данного объекта с знанием в смысле умения воспроизвести этот объект в человеческой деятельности, в том числе деятельности практической?

Этот и другие вопросы вставляли в истории философской мысли, и разные направления и школы философии пытались дать на них ответы.

Размышление над структурой познавательного отношения приводит к выводу о том, что оно задается определенного типа связью познающего человека (субъекта познания) и познаваемого предмета (объекта познавательной деятельности). Если я утверждаю, что знаю что-то о чем-то, то это предполагает одновременное осознание мною следующих моментов: во-первых, того, что мое знание говорит о некотором объекте, не совпадающем с этим знанием, внеположным ему; во-вторых, что это знание принадлежит мне, что процесс познания осуществляю я; в-третьих, что я претендую на выражение в знании действительного, реального положения дел и могу подтвердить эту свою претензию посредством той или иной процедуры обоснования знания.

Констатация этих моментов сразу же влечет за собой целый ряд вопросов. В частности, что такое объект знания, какова его природа? Может ли быть объектом знания сам познающий субъект, и если может, то в каком смысле? Как можно одновременно знать внеположный субъекту объект и сознать самого субъекта как «центр» познавательной деятельности? И вообще, что такое «я»? Тело человека или что-то еще? Каковы способы обоснования знания, нормы, стандарты, позволяющие отличать то, что соответствует действительности, от иллюзии, от пустого «мнения»? Существуют ли такие нормы и стандарты? И если существуют, то как они сами в свою очередь обосновываются? Может ли существовать не осозна-

ваемое мною знание, т. е. такое знание, что я не знаю, что знаю нечто? Совпадает ли знание чего-то с его пониманием? Наконец, каковы механизмы познавательного процесса? Как реально взаимодействуют между собою два члена познавательного отношения: субъект и объект (разумеется, если только такое взаимодействие действительно имеет место)?

Нужно сказать, что анализ всех этих вопросов, которые в разных аспектах обсуждались, начиная с античности, долго осуществлялся в философии — в ее специальной дисциплине, получившей название «теория познания», — преимущественно на основе исследования особенностей таких систем знания, которые воплотились, с одной стороны, в обыденном знании («здравом смысле»), а с другой — в самой философии как первой форме теоретического мышления (некоторые философы относили к анализируемым системам знания также и мифологию). Правда, уже в античности существовала и наука, прежде всего в виде одного из разделов математики — геометрии. Размышления над особенностями познавательного процесса в математике с самого начала существенно повлияли на способы постановки и обсуждения многих теоретико-познавательных проблем. Однако самостоятельным видом теоретической деятельности, отличным от философии, наука становится лишь с XVII в., т. е. со времени возникновения опирающегося на эксперимент естествознания. С этого момента научное знание, его строение, содержание и возможности, а также способы его обоснования, его взаимоотношение с обыденным знанием — все эти и другие вопросы становятся предметом пристального внимания философов. Невозможно понять особенности, например, таких существенно повлиявших на развитие философии теоретико-познавательных построений, как концепции Декарта и Канта, если не учитывать их отношения к современной им науке, образцом и моделью («парадигмой») которой тогда была классическая механика.

Вместе с тем теоретико-познавательные размышления ученых, специалистов в частных областях знания в то время были нетипичны и иногда казались не имеющими прямого отношения к тому делу, которым они занимались как профессионалы. Конечно, наука — это область человеческой деятельности, которая специализируется на получении, производстве знания. Однако вопросы о том, что такое знание, каковы способы его обоснования, стандарты

познавательной деятельности и т. д., одно время представлялись для многих естествоиспытателей и специалистов в частных областях знания в качестве отвлеченных, чуть ли не схоластических, и уж во всяком случае не обязательных для успешной работы в науке.

Безусловно, каждый ученый знал, что получаемое им знание относится к существующим вне этого знания и независимым от него реальным объектам (т. е. разделял установки так называемого стихийного материализма). Существование предметной области знания было непроблематичным. Что касается стандартов, выполнение которых является необходимым условием допуска результата деятельности ученого в систему научного (экспериментального и теоретического) знания, то они более или менее стихийно усваивались в процессе овладения содержанием и исследовательскими методами принятых теорий (и прежде всего теорий «образцовых», служивших «парадигмой» исследования), в ходе обучения способам обращения с приборами и измерительными инструментами, способам обработки экспериментальных данных и истолкования показаний приборов и т. д. Вопросы относительно обоснованности самих этих стандартов, как правило, не возникало.

Положение радикально изменилось на рубеже XIX—XX вв., когда выявилась проблематичность основ классического естествознания (включая математику). Как известно, всесторонний марксистский анализ революции в естествознании был дан в знаменитой книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В дальнейшем философы-марксисты немало сделали в изучении этого явления. Мы не будем подробно характеризовать сущность революции в естествознании, а отошлем читателя к существующей литературе *¹.

Отметим только, что изменение способов теоретического рассуждения и методов сопоставления разных научных теорий, явившееся следствием научной революции в начале нашего столетия, существенно изменило отношение к теоретико-познавательной проблематике представителей специальных наук. Нельзя назвать буквально ни одного из творцов крупнейших научных теорий XX в., который не пытался бы дать теоретико-познавательное обоснование своим специально научным построениям, причем в этом

*¹ Здесь и далее см. Примечания в конце книги.

обосновании они зачастую доходили до постановки общих вопросов о природе познания, критериях знания и т. д. Иногда говорят даже о том, что теоретико-познавательная проблема взаимоотношения субъекта и объекта, бывшая долгое время предметом преимущественного интереса философов, в этот период становится также и одной из кардинальных проблем специально-научного знания.

Нужно сказать, что это обстоятельство во многом связано с реально усложнившимся отношением научного знания к соответствующей ему системе объектов. Дело в том, что любой познавательный процесс предполагает использование определенных посредников между познающим субъектом и познаваемым объектом. В донаучной познавательной практике роль этих посредников играли прежде всего орудия трудовой деятельности, все предметы, созданные человеком для человека и воплощающие определенные социально-культурные ценности (т. е. по существу вся созданная человеком «вторая природа», искусственная «среда»), наконец, разные знаково-символические системы (прежде всего естественный язык) и выраженные в этих системах и при их посредстве различные понятийные образования. В науке к этому добавляется, с одной стороны, система приборов и измеряющих устройств, а с другой — совокупность находящихся между собой в определенном отношении теорий, для выражения которых наряду с естественным используются также и искусственные, специально сконструированные языки. В наше время система этих посредников в науке стала настолько сложной, а их отношения друг к другу и к познаваемому объекту настолько непростыми, что в ряде случаев требуется специальное исследование по выделению предметной области теории, по выявлению ее объективного смысла. При этом обнаруживается, что выбор того или иного типа посредников (т. е. использования определенного вида приборов, способов описания результатов исследования, систем отсчета и т. д.) не безразличен к предметному смыслу получаемого знания, а существенно влияет на выделение тех или иных аспектов познаваемой объективной реальности. В этой связи предметом внимания со стороны представителей тех специальных наук, которые непосредственно имеют дело не с человеком, а с природой, становится также и сам человек, познающий субъект, как существо, конструирующее приборы и системы теоретического знания.

Было обращено, в частности, особое внимание на то, что сами специфические физические, психические и другие особенности человека как познающего существа влияют на характер используемых им средств исследования (в частности, макроразмеры тела человека определяют необходимость пользования макротелами в качестве научных приборов). В этой связи следует заметить, что предметная интерпретация научного знания, выявление его объективного смысла не просто продукт праздного философского любопытства, а необходимый момент научной работы, условие плодотворности разработки той или иной исследовательской программы.

Выявление важных и существенных моментов познавательного отношения, обнаружение теснейшей связи теоретико-познавательных размышлений с успешной работой в специальных науках сопровождалось в ряде случаев определенными издержками философского характера.¹ Объясняется это многими причинами, в том числе тем, что некоторые крупные ученые, взявшись за решение общих философских проблем — а к таковым относится и проблема взаимоотношения субъекта и объекта в познавательном процессе, — не всегда обнаруживают необходимую философскую подготовку и знакомство с научной философией диалектического материализма (последнее обстоятельство связано с условиями жизни и деятельности этих ученых в современном буржуазном обществе). Необходимость определения места субъекта в производстве знания иной раз идеалистически истолковывается как ликвидация различия субъекта и объекта, как невозможность говорить об объективной реальности вне ее осознания и т. д.

Во всяком случае многие важные и интересные теоретико-познавательные размышления современных западных ученых нуждаются в тщательном марксистском философском анализе для отделения в них рационального смысла от не относящихся к делу идеалистических наслоений.

Приведем лишь некоторые примеры того, как теоретико-познавательная проблема взаимоотношения субъекта и объекта обсуждается сегодня представителями специально-научного знания.

Так, при изучении объектов классической физики можно было либо пренебречь воздействием на них средств исследования, либо учесть это воздействие при обработке

информации об исследуемых событиях. В методологии же квантовой механики физические объекты рассматриваются с учетом их взаимодействия с измерительными устройствами, которые оказывают существенное влияние на поведение объектов исследования². При этом имеется существенная зависимость способа описания индивидуального квантового явления от класса (внутреннего устройства) измерительных приборов, используемых для локализации этого явления в пространстве-времени. Поэтому «однозначное описание собственно квантового явления должно в принципе включать описание всех существенных частей экспериментальной установки»³. Как пишет известный советский физик В. А. Фок, в квантовой механике «основным элементом», составляющим «предмет физической теории», является «результат взаимодействия атомного объекта с классически описываемым прибором»⁴. Из этого обстоятельства ряд виднейших современных западных физиков (включая, например, таких, как В. Гейзенберг) сделали вывод о стирании в квантовой механике различения познающего субъекта и познаваемого объекта.

Далее, проблемы обоснования математики, остро вставшие в связи с обнаружением в начале нашего столетия парадоксов теории множеств, вызвали к жизни одно из направлений философии математики — интуиционизм, который явился определенным способом решения вопроса о допустимых объектах математического рассуждения.

«В классической математике бесконечность рассматривается как *актуальная*, или *завершенная*, или *протяженная*, или *экзистенциальная*. Бесконечное множество рассматривается как существующее в виде завершенной совокупности, до и независимо от всякого процесса порождения или построения его человеком, как если бы оно полностью лежало перед нами для нашего обозрения. В интуиционистской математике бесконечность рассматривается только как *потенциальная*, или *становящаяся*, или *конструктивная*»⁵. Интуиционисты создали новую математику, включая теорию континуума и теорию множеств. Эта математика не оперирует актуальной бесконечностью в качестве объекта рассуждения. В то же время в ней есть такие понятия и правила, которых нет в классической математике.

Важно заметить, что в основу понимания природы и смысла математических рассуждений интуиционисты кла-

дуг определенные философские установки, в которых сложно переплетены достижения математической мысли и их идеалистические истолкования. Так, по мнению Гейтинга, в математике не остается «никакого другого источника, кроме интуиции, которая с непосредственной ясностью помещает перед нашими глазами математические понятия и выводы»⁶. Эта интуиция, существующая как бы до математического языка и дискурсивного логического рассуждения, вместе с тем совпадает с особым рода деятельностью сознания. «Математика, как говорит мимоходом Броуер, есть более деяние (*Doen*), чем учение»⁷. Деяние же, в свою очередь, якобы совпадает с интуитивным осознанием времени. Поэтому объекты математики, по Броуеру, существуют лишь в человеческом сознании.

Упомянем, наконец, и так называемую концепцию онтологической релятивности, выдвинутую совсем недавно крупнейшим американским специалистом по символической логике, философии логики и математики У. О. Куайном. Отталкиваясь непосредственно от проблем обоснования математики и обнаружив, что решение вопроса о сущности объектов определенной математической теории предполагает перевод этой теории на другой язык, которому присуща иная система объектов, Куайн делает вывод о том, что именно перевод теории определяет ее онтологию. Он формулирует тезис, согласно которому говорить об онтологии той или иной теории (характеризовать ее объекты) можно не абсолютно, а лишь относительно, т. е. относительно лишь другой теории, которая является моделью для данной. Куайн придает своему тезису значение, выходящее за пределы математики, и считает, что он весьма важен для понимания природы теоретического познания вообще⁸.

Отметим, что развитие специально-научного знания привлекает ныне внимание к проблеме взаимоотношения субъекта и объекта познавательной деятельности также и с другой стороны. Речь идет о бурном росте специальных наук, исследующих те или иные формы и механизмы познавательного процесса (иногда эти науки называют «науками о человеке»).

К числу этих наук прежде всего, бесспорно, относится психология.

Психологическая мысль насчитывает немало столетий, а психология как самостоятельная наука, опирающаяся на экспериментальную основу, существует по крайней

мере сотню лет. Понятия «субъект», «объект», «сознание», «самосознание» и другие издавна были фундаментальными в психологии. Понимание принципиального смысла взаимоотношения субъекта и объекта, характера познавательного процесса, психологи, как правило, заимствовали из различных философских концепций.

Одна из особенностей современной психологии состоит в попытке широкого экспериментального исследования познавательного процесса специальными методами. Такие разделы этой науки, как психология восприятия, психология мышления, получили за последние десятилетия значительные результаты. Начинает развиваться так называемая когнитивная психология, которая пытается по-новому подойти к исследованию познавательных процессов, выявляя их интеграцию в сложные структуры, формирующиеся в условиях определенной познавательной задачи.

Большое внимание привлекла к себе концепция становления механизмов познавательной деятельности, детально разработанная известным швейцарским психологом Ж. Пиаже. Теоретически интерпретируя полученные им экспериментальные данные, Ж. Пиаже претендует на решение основных теоретико-познавательных проблем. Психолог исследует различные структуры, в которые входят субъект и объект, и анализирует связь интеллектуальной и предметно-практической деятельности.

В литературе по лингвистике, этнолингвистике, культурной антропологии, психолингвистике до сих пор живо обсуждается гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, получившая широкую известность в конце 40-х годов нашего столетия.

Гипотеза исходит из того, что мы не можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, причем последний является не только побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления, но и способом построения нашего «мира».

Известный американский лингвист, автор трансформационной порождающей модели в лингвистике Н. Хомский выступил с критикой бихевиористской, эмпиристской теории обучения языку. Н. Хомский считает, что эта теория не учитывает ряда важных аспектов языка: творческий характер пользования языком; существование абстрактной порождающей структуры языка («глубинная структура»); универсальный характер некоторых элементов

языковой структуры. Для объяснения этих особенностей языка Н. Хомский постулирует существование некоторых фундаментальных психологических структур — врожденных идей субъекта, сознательно воскрешая некоторые моменты теоретико-познавательной концепции Декарта⁹.

Укажем, наконец, на быстрое развитие науковедения как особой комплексной дисциплины, которая ставит целью исследование науки специально-научными методами. В рамках науковедения изучаются не только экономические, социологические, социально-психологические и коммуникационные аспекты научной деятельности, но и исследуется процесс производства и трансформации научного знания. С науковедением начинают смыкаться некоторые исследования по истории науки. В этой связи особый интерес представляет вызвавшая большой резонанс книга американского специалиста по истории науки Т. Куна «Структура научных революций»¹⁰. Автор на основе теоретического анализа большого историко-научного материала выявляет важную роль в научном исследовании так называемой парадигмы, т. е. теории, принятой за образцовую в данном научном сообществе в данное время вместе с присущими ей методами задания и решения научных проблем, а также способами понимания эмпирических фактов. В работе Т. Куна обращается особое внимание на коллективный характер научной деятельности и отмечается, что отдельный ученый не может рассматриваться в качестве полноценного субъекта научной деятельности. Т. Кун делает из своей концепции широкие философские выводы, прежде всего теоретико-познавательного и методологического характера. И как раз в этом пункте становится особенно явной уязвимость ряда моментов его теории. Дело в том, что, с точки зрения Куна, между отдельными «парадигмами» (он уподобляет их «различным мирам», в которых живут исследователи) не существует логических переходов. «Парадигмы» несоизмеримы между собой, что приводит к разрыву между различными принципиальными теоретическими концепциями в науке. Таким образом, определенные стороны учения Т. Куна дают основания для выводов релятивистского и субъективистского характера.

Мы привели лишь некоторые примеры обсуждения в современных специальных науках принципиальных теоретико-познавательных проблем, связанных с пониманием природы познания и знания, отношения субъекта и объ-

екта, т. е. тех проблем, которые каких-нибудь сто лет тому назад считались большинством ученых исключительным делом философов-профессионалов.

В этой связи представляется важным и плодотворным сопоставление выходов в общую теоретико-познавательную тематику, которые делаются в ходе развития современных специальных наук, с теми традициями постановки и обсуждения этих вопросов, которые сложились в ходе исторического развития философии как особой дисциплины. В самом деле, те проблемы, которые относительно недавно стали предметом непосредственного интереса представителей специально-научного знания, имеют длительную историю обсуждения в философии, в которой были выявлены и опробованы различные общие типы их задания и анализа, был вскрыт целый ряд принципиальных трудностей теоретико-познавательного исследования и вместе с тем найдены пути (в марксистской философии) плодотворной работы в этой области.

Вместе с тем развитие современных специальных наук, и прежде всего наук о познании, дает материал для важных выводов общего теоретико-познавательного характера, ставит перед философией определенные новые проблемы или выявляет новые аспекты ее старых проблем. Одной из них, к которой ныне вновь привлечено внимание, является вопрос относительно природы, статуса и методов самого теоретико-познавательного исследования.

Ряд ученых (в их числе Ж. Пнаже, У. Куайн, некоторые представители структурализма) считают, что теория познания как особая философская дисциплина, не сводящаяся к совокупности данных специальных наук о познании, потеряла право на существование. Все проблемы, относящиеся к пониманию познания, с этой точки зрения решаются либо в психологии, либо в семиотике, либо в общем учении о формальных структурах.

Один из тезисов, которые мы попытаемся аргументировать в данной работе, состоит в следующем. Теория познания действительно меняет свои формы и некоторые методы, традиционно сложившиеся в философии. Меняется и отношение научной теории познания к специально-научному знанию. Существо этих изменений проанализировано основоположниками марксистско-ленинской философии, в которой сформулированы основы научной теоретико-познавательной концепции, адекватной развитию человеческого познания. Вместе с тем принципиаль-

ные проблемы теории познания не исчезают, сохраняется природа этой теории как особой философской дисциплины, несводимой к совокупности специально-научного знания.

Советские философы, исходя из основополагающих работ классиков марксизма-ленинизма и обобщая опыт современной науки, за последние двадцать лет проделали значительную работу по изучению проблематики, связанной с пониманием природы и специфических особенностей познавательного отношения. Целый ряд исследований посвящен анализу места познания в ряду других форм отражения; во многих работах изучался общий характер связи познания и практической деятельности; большое внимание было уделено разработке вопроса о формах активности субъекта в процессе отражения действительности; в ряде работ анализировалась проблема взаимоотношения индивидуального и социального в процессе познания; исследовался вопрос об отношении объекта и предмета знания; во многих работах изучалась проблема взаимоотношения субъективного и объективного в процессе развития познания¹¹. Значительное число работ посвящено изучению диалектики субъекта и объекта в процессе познания в связи с анализом философских проблем, вставших в ходе развития современных естественных наук. Основное внимание в этих работах уделяется проблеме взаимоотношения объекта и средств исследования, вопросу о природе физической реальности, проблеме объективности естественнонаучного знания¹². Наконец, ряд важных аспектов познавательного отношения изучался в связи с обсуждением философских проблем психологии. Речь идет, в частности, о таких проблемах, как взаимоотношение деятельности и сознания, роль предметной практической деятельности в генезисе восприятия, характер так называемых умственных действий, проблема «Я»¹³.

В настоящей работе предпринимается попытка, с одной стороны, подвести известный итог исследований в этой области как самого автора¹⁴, так и других советских специалистов по теории познания, а с другой стороны, проанализировать целый ряд таких аспектов данной проблемы, которые имеют общий и принципиальный характер и вместе с тем недостаточно изучены в отечественной литературе.

В предлагаемой работе мы пытаемся выявить и рассмотреть главные типы понимания познавательного отно-

шения, отношения субъекта и объекта, т. е. различные способы постановки и обсуждения основной теоретико-познавательной тематики. Это делается с целью четкой формулировки тех условий изучения этого вопроса, которые обеспечивают плодотворность и научность теоретического поиска на основе диалектико-материалистической теории познания и вместе с тем соответствуют особенностям познавательной ситуации, созданной развитием современной науки.

Анализ проблемы познавательного отношения мы начинаем с критического рассмотрения тех способов ее постановки, которые характерны для домарксистской и современной немарксистской буржуазной философии. Предпринятое в этой части нашей работы исследование имеет двойное значение. Прежде всего оно дает возможность выявить те способы теоретико-познавательного анализа, которые заведомо ведут это исследование в тупик, т. е. порождают противоречия между философской концепцией и реальными фактами познания и сознания, а также внутреннее противоречие в составе самой теоретико-познавательной концепции. Выявление и отбрасывание тех способов изучения познавательного отношения, которые не обеспечивают возможности построения подлинно научной теории познания, помогают более четко обрисовать тот специфический подход к анализу познания, который характерен для марксистско-ленинской гносеологии.

В ходе критического анализа домарксистских и немарксистских теорий познания мы стремились тщательно отделить реальные факты познания, на которых спекулируют эти теории, от даваемой этим фактам ложной интерпретации. Что касается последней, то мы считали обязательным возможно более полное выявление и детальный критический анализ аргументации, используемой в этих теориях, с тем, чтобы точно фиксировать те принципиально ложные ходы философского рассуждения, которые ответственны за несостоятельность подобного типа теоретико-познавательных исследований.

Исследование способов изучения познавательного отношения, характерных для домарксистских и немарксистских теорий познания, имеет и другое значение. Дело в том, что эти гносеологические подходы нередко в той или иной форме воспроизводятся представителями специальных наук за рубежом (в психологии, при обсуждении философских проблем физики, в исследовании вопросов

обоснования математики и т. д.). Поэтому критический анализ этих типов понимания познавательного отношения субъекта и объекта оказывается весьма важным также для правильного философского истолкования многих разделов современного научного знания.

В первой главе первого раздела критически анализируется понимание познавательного отношения, как отношения двух физических систем. Это понимание характерно для метафизического материализма. Принципиальные слабости метафизического материализма заставляют его представителей по ряду существенных вопросов делать уступки субъективному идеализму. Если в прошлом представление отношения субъекта и объекта как отношения двух физических систем было в целом материалистическим, хотя и содержало определенные моменты субъективизма, то в современной буржуазной философии этот способ понимания познания, как правило, формулируется в рамках субъективного идеализма, и лишь иногда включает элементы механистического материализма (Рассел). Мы критически рассматриваем также попытки дальнейших модификаций этой схемы познавательного отношения за счет введения в нее натуралистически истолкованной деятельности субъекта: генетическую эпистемологию психолога Ж. Пиаже и операционализм физика П. Бриджмена. Будучи известными специалистами в своих областях знания, эти ученые выявили ряд фактов, существенных для понимания процесса познания. Однако их попытки философского истолкования этих фактов не выходят за рамки исследуемого в первом разделе типа понимания познавательного отношения, что предопределяет серьезные изъяны их теоретико-познавательных построений.

Обнаруживаемая общность в принципиальном понимании отношения субъекта и объекта в процессе познания дает возможность объединить такие гносеологические концепции, которые в других отношениях весьма непохожи друг на друга (Пиаже и Бриджмен в отличие от Локка и Рассела не являются философами-профессионалами, Пиаже — механистический материалист с элементами субъективизма, Бриджмен — субъективный идеалист с элементами материализма).

Вторая глава первого раздела посвящена критическому анализу весьма влиятельного в буржуазной философии типа понимания познания, а именно направления, пытаю-

щегося выяснить сущность познания путем анализа структуры индивидуального сознания. Такое понимание познания впервые в четком виде выразил Декарт, затем оно разрабатывалось разными школами субъективно-идеалистической гносеологии. Особый интерес представляет этот подход при исследовании познавательного отношения в трансценденталистских концепциях (Кант, Фихте, феноменология Гуссерля). Основная проблема теоретико-познавательных концепций, исходящих из рассматриваемого понимания познания, — это вопрос обоснования знания. В связи с его обсуждением в рамках подобных теорий рассматривается ряд важных проблем гносеологии: взаимоотношение сознания и знания, знания о мире и знания о себе, структура акта рефлексии, взаимоотношение Я и других субъектов в процессе познания и др. Однако все эти вопросы получают принципиально неверное истолкование — реальные факты познания и сознания, на которые наталкиваются представители субъективно-идеалистической гносеологии, мистифицируются. В работе подробно выявляются все те изъяны субъективистских теоретико-познавательных концепций, которые делают невозможным научное исследование познавательного отношения. Кроме того, показывается, что все эти изъяны коренятся в принципиально неверном понимании самого познавательного отношения: как отношения, якобы определяемого структурой замкнутого в себе индивидуального сознания.

Следует заметить, что в первом и втором разделах книги мы не преследуем цель возможно полного разбора всех тех немарксистских концепций, которые можно было бы отнести к анализируемым общим теоретико-познавательным точкам зрения. Наш выбор объектов критики определяется стремлением выявить и разобрать такие способы выражения рассматриваемых гносеологических позиций, которые, с одной стороны, представляют их классическую форму, а с другой — весьма распространены в современной западной философии и оказывают влияние также и на представителей специальных наук. Таким образом, первые два раздела — это вовсе не «историческое введение» к последующей части работы¹⁵.

Данные особенности критического анализа определяют то обстоятельство, что последовательность, в которую мы выстраиваем критикуемые нами концепции, не всегда со-

впадает с последовательностью их возникновения в истории философии.

Значительная часть материала, критически анализируемого нами (например, ряд аспектов теории познания Гуссерля, гносеология Сартра), впервые стала объектом марксистского исследования. Кроме того, мы пытались также выявить те аспекты теоретико-познавательных концепций Декарта, Канта, Фихте, которые не привлекали до сих пор внимания философов-марксистов.

Второй раздел монографии посвящен исследованию специфических особенностей трактовки познавательного отношения в системе научной, т. е. марксистско-ленинской гносеологии, выявлению тех перспектив, которые открываются при таком подходе к анализу ряда принципиальных проблем, обсуждаемых ныне с позиций диалектико-материалистической концепции субъекта, объекта и познания в работах по методологии науки, науковедению, психологии.

В работе показано, что диалектико-материалистическое понимание познавательного отношения не только позволяет ответить на те вопросы, в которых запуталась немарксистская гносеология, не только дает научное объяснение тех реальных фактов познания, на которые натолкнулись, будучи не в состоянии их верно осмыслить, представители буржуазной философии. Марксистско-ленинское понимание познания открывает принципиально новый горизонт теоретико-познавательного исследования, ставит перед гносеологией такие задачи и проблемы, которые невозможны в рамках теории познания, традиционной для буржуазной философии.

Мы предпринимаем детальный анализ исходной позиции марксистско-ленинского понимания познавательного отношения субъекта и объекта, позиции, связанной с принципиальным признанием единства отражательной, предметно-практической и коммуникационной деятельности, с признанием социальной опосредованности и исторического характера познания. На основе принципов диалектико-материалистической теории познания разрабатывается ряд проблем, поставленных в ходе развития современных специальных наук и самой научной теории познания. Многие из этих вопросов либо совсем не рассматривались в нашей литературе по теории познания, либо изучались недостаточно полно, либо же, наконец, исследовались не в тех аспектах, которые стали предметом

анализа в данной работе. Это касается, в частности, вопросов о роли объектных эталонов в процессе формирования чувственного знания, о взаимоотношении предметных и операциональных компонентов в системе знания, о разных типах связи идеальных и реальных объектов, о взаимоотношении «альтернативных» концептуальных систем и соответствующих им объектов, о связи непрерывности и прерывности познавательного опыта, о соотношении обоснования и развития знания, о взаимоотношении знания, самосознания и рефлексии, явного и неявного знания, об отношении индивидуальных и коллективных субъектов познания, о статусе и специфических особенностях научного теоретико-познавательного исследования, о его взаимоотношении с специальными науками о познании и др. Анализ этих вопросов увязывается с философским осмыслением данных ряда специальных дисциплин (психология восприятия, когнитивная психология, этнолингвистика, науковедение, история науки, формально-логический анализ научных теорий и т. д.). В связи с позитивной разработкой исследуемой проблематики проводится критический анализ некоторых современных немарксистских концепций, в которых содержится ложное истолкование теоретико-познавательных проблем, возникших в ходе развития современной науки: концепций Куна, Сепира-Уорфа, Куайна, Поппера и др. Некоторые из них (например, теория онтологической релятивности Куайна) впервые стали объектом всесторонней марксистской критики. Во втором разделе предпринят также критический анализ того понимания познания, которое на объективно-идеалистической основе было сформулировано Гегелем. Гегель наиболее близко подошел к осмыслению ряда важных особенностей диалектики субъекта и объекта в процессе познания, но, оставаясь на позициях идеализма, не смог сформулировать научной теории познания.

В монографии обосновывается ряд положений, которые, по мнению автора, вытекают из особенностей марксистско-ленинского понимания природы познания и являются существенными для дальнейшего исследования проблем научной теории познания.

Это, в частности, следующие положения:

1) Понимание субъекта как материального существа и признание важной роли в познании материальной деятельности субъекта необходимо, но само по себе недоста-

точно для научной трактовки познавательного отношения. Ограниченное натуралистическое истолкование практической и познавательной деятельности субъекта не может противостоять субъективизму. Научное понимание познавательного отношения предполагает последовательное проведение точки зрения единства отражения и деятельности. Но это в свою очередь оказывается возможным лишь в том случае, если сам субъект и его деятельность поняты в их социально-культурной и исторической обусловленности, если признается, что предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта опосредована отношением субъекта к другим субъектам.

2) Человеческое познание как высшая форма отражения действительности предполагает не только сознательное отношение субъекта к объекту, но и сознательное отношение субъекта к самому себе. Элементарные формы знания (например, восприятие) сопровождаются сознанием места индивидуального субъекта в системе пространственно-временных отношений объективного мира. Научная деятельность возможна лишь тогда, когда имеет место не только движение познания по изучаемым объектам, но и сознание присущих коллективному субъекту способов и норм познавательной деятельности.

3) Научная теория познания является особым видом рефлексии над знанием и ставит задачу выявить необходимые условия любого познания, выделить всеобщие познавательные нормы. Одна из важных специфических черт этой теории состоит в том, что в ней отражение характеристик реально существующего знания осуществляется в неразрывном единстве с предписыванием определенных норм познавательной деятельности. Создаваемый теорией познания общий образ познания, науки сам включается в реальный ход познания и в известных отношениях перестраивает его.

О том, как автору удалось выполнить свой замысел, судить читателю. Все критические замечания, продиктованные желанием продвинуть обсуждение тех вопросов, которые исследуются в данной работе, будут приняты с благодарностью.

Автор выражает глубокую признательность И. А. Акчурина, А. С. Богомолу, А. М. Коршунову, В. И. Купцову, В. В. Давыдову, М. С. Роговину за ценные советы и замечания, а также Л. С. Савельевой за большую помощь при подготовке рукописи к печати.

Раздел первый

ПОНИМАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ В НЕМАРКСИСТСКИХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Глава первая

ТРАКТОВКА ПОЗНАНИЯ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ ПРИРОДНЫХ СИСТЕМ

Теория познания метафизического материализма исходит из совершенно верной предпосылки: вся действительность понимается как система материальных образований, находящихся между собою в определенных отношениях и связанных некоторыми реальными зависимостями. И субъект и объект, подчеркивается в этой концепции, должны рассматриваться как определенные материальные системы, между которыми существует реальная, материальная связь. Субъект, как это справедливо отмечается, не является каким-то сверхматериальным существом, находящимся вне объективно-реального мира, а включен в саму объективную действительность. «Субъект» и «объект» — это расчленения внутри этой действительности. Поэтому, как взаимодействия субъекта с объектом, так и процессы, происходящие внутри субъекта, вполне объективно реальны.

Однако в рамках метафизического материализма эти верные материалистические исходные посылки сочетаются с такими предположениями, которые заводят в тупик исследование ряда принципиальных теоретико-познавательных вопросов, а в определенных пунктах заставляют делать серьезные уступки субъективизму, отступать от материалистической теории отражения. Речь идет о понимании субъекта как чисто природного, физического тела или биологического существа, взаимодействующего с миром материальных объектов по природным, естественно-данным законам. Подобное понимание взаимоотношения познающего субъекта и познаваемого объекта неприемле-

мо с точки зрения научной, диалектико-материалистической теории познания.

Попытаемся показать, в чем именно заключаются принципиальные дефекты понимания познания как взаимодействия двух природных систем.

1. Интерпретация знания как результата причинного воздействия объекта на субъект

Уже в античности формируется представление о том, что знание об объекте возникает как результат причинного воздействия объекта на субъект. Правда, это воздействие понимается своеобразно: от объекта отделяется, «истекает» его «образ», «облик», который «плывет» по пространству между объектом и субъектом, и, попадая в субъекта, приобретает там качества знания.

В философии Нового времени принципиально то же самое представление о механизме возникновения знания получает иной вид. Дело в том, что с точки зрения сложившихся к тому времени идей классической механики воздействовать друг на друга могут только материальные физические тела, которым непосредственно присущи лишь качества плотности, протяженности и формы. Ни о каком «истечении» «обликов» вещей не может быть и речи. Тела могут оставлять друг в друге лишь материальные следы воздействия. Результат физического воздействия объекта на органы чувств (будет ли это воздействие непосредственным, как в случае с осязанием, или же опосредованным, как это имеет место в процессе зрения) и является восприятием — первым, основным и исходным видом знания. Все остальные виды и типы знания так или иначе производны от восприятия. Поэтому раскрытие его механизма — это по сути дела и есть выяснение сущности знания, познавательного отношения вообще.

Вот как, например, рассуждал один из классических представителей подобной концепции, английский философ Дж. Локк: «... простые идеи (этим термином Дж. Локк именoval то, что мы называем восприятием. — В. Л.) не выдумки нашего воображения, а естественные и закономерные продукты вещей, которые нас окружают и на самом деле действуют на нас и с которыми вследствие этого связано все искомое нами и требуемое нашим положением соответствие; ибо простые идеи доставляют нам такие представления о вещах, которые этим вещам свой-

ственно вызывать у нас, благодаря чему мы способны различать виды и состояния отдельных субстанций, а значит, и использовать субстанции для своих надобностей, применять их ради своей пользы. Так, имеющаяся в уме идея белизны или горечи, точно соответствуя той силе некоторых тел, которая вызывает у нас эту идею, обладает вполне реальной сообразностью с вещами вне нас, какая возможна или необходима для нее. И этой сообразности между нашими простыми идеями и существующими вещами достаточно для реального познания»¹.

Именно по особым образованиям, возникающим в самом субъекте, — «идеям», восприятиям человек судит о реально существующих объектах. Отношение системы взаимосвязанных восприятий к реальным объектам напоминает отношение карты к реальной местности. Карта — это не сама местность. В то же время человек, умеющий читать карту, прекрасно ориентируется во взаимоотношении реальных объектов той местности, к которой относится карта.

Казалось бы, ясное и логичное рассуждение. Нужно сказать, что развитие современной нейрофизиологии действительно раскрывает множество зависимостей, характеризующих причинные цепи, идущие от внешних объектов в органы чувств человека и далее — в его мозг. При этом учитываются и законы распространения, отражения и преломления света в случае зрения, и особенности процесса распространения звуковых колебаний в случае слуха, и строение сетчатки, и законы возбуждения нервных проводящих путей и т. д. Важно подчеркнуть, что современные исследования устанавливают исключительно важную роль коры головного мозга в процессе восприятия. При повреждении того или иного центра (зрительного, слухового и т. д.) соответствующий процесс восприятия не может быть осуществлен.

Нейрофизиологические исследования, безусловно, имеют исключительно важное значение для выяснения материальных механизмов процесса восприятия, и в этом направлении предстоит сделать еще очень много. Вопрос, однако, состоит в том, достаточно ли этих исследований, взятых самих по себе, для понимания восприятия как особого вида знания и можно ли толковать нейрофизиологические данные в рамках той теории восприятия, основные положения которой мы изложили и которая получила в философии название репрезентационизма?

Заметим, что с точки зрения репрезентационизма не все, что имеется в восприятии, соответствует особенностям самих реально существующих объектов. Поскольку естественные науки, и прежде всего физика, не оперируют понятиями цвета, вкуса, запаха и т. д., то соответствующие качества восприятия, рассуждают представители данной точки зрения, следует считать не присущими реально существующим объектам (которые характеризуются понятиями протяженности, плотности, количества, формы, движения и т. д.), а возникающими в процессе воздействия объекта на субъект. Так формулируется учение о так называемых первичных и вторичных качествах, учение, изложенное в четкой форме еще Дж. Локком и до сих пор имеющее сторонников. «Первичные» качества наших восприятий (восприятие пространственных отношений предметов, их величины и т. д.) более или менее точно воспроизводят реальные свойства самих объектов. Что же касается «вторичных» качеств, то, хотя они и имеют объективные причины, однако не воспроизводят свойств вне нас существующих реальных объектов. «Вторичные» качества, таким образом, если и неполностью субъективны и иллюзорны, все же более субъективны, чем «первичные».

Попробуем теперь представить логику репрезентационистской концепции. Это позволит нам выявить ее слабые пункты².

1) Начнем прежде всего с того, что само деление на «первичные» и «вторичные» качества является весьма уязвимым. Верно, конечно, что естественные науки не оперируют такими понятиями, как цвет, вкус, запах и т. д. (хотя эти науки, конечно, могут пользоваться понятиями, соотносимыми с понятиями цвета, вкуса, запаха: например, понятием длины электромагнитной волны и т. д.). Не оперирует, например, понятиями цвета, вкуса и такая наука, как нейрофизиология, которая объясняет механизм восприятия посредством выявления разного пространственного расположения нервных проводящих путей и центров головного мозга, а также исследует частоту распространения возбуждений через нервные пути. Так называемые вторичные качества не встречаются среди объектов нейрофизиологического анализа, ибо «вторичные» качества в принципе не вписываются в систему физического взаимодействия. Но в таком случае возникает естественный вопрос: а где же они возникают и в ка-

ком «пространстве» существуют? Нас уже не может удовлетворить ответ, согласно которому они возникают «в процессе» воздействия объекта на субъект, ибо анализ этого процесса в терминах взаимодействия природных тел не использует понятия, относящиеся к этим «качествам».

Представляется неубедительным и утверждение о том, что «первичные» качества в отличие от «вторичных» более или менее точно воспроизводят свойства реальных объектов. Конечно, субъективный момент в восприятии цвета, во вкусовых ощущениях и других достаточно велик. Но момент субъективности всегда имеется и в восприятии пространственных форм и отношений реальных объектов. В иных случаях эта субъективность столь значительна, что с необходимостью порождает разнообразные иллюзии восприятия, детально исследованные в современной психологии. Однако в обычной жизни справедливо считается, что восприятие пространственных предметных форм в целом объективно. Но почему в таком случае приписывать субъективность восприятию звука, цвета, запаха и т. д.? Верно, что в понятийную картину мира, рисуемую естествознанием, не входят цвета, звуки, запахи. Однако в нее не включаются и многие из тех пространственно-временных взаимоотношений, закрепленных в материальных телах, которые с точки зрения донаучного «здорового смысла» представляются необходимой принадлежностью объективно-реального мира. Если считать, что реально наличны лишь те характеристики действительности, которые выражены в понятиях современных естественнонаучных теорий, мы должны прийти к выводу о том, что не существует не только свойств, соответствующих «вторичным» качествам, но также и объективных коррелятов качеств «первичных», ибо то, что нам представляется более или менее четко локализованными предметами в пространстве и времени, с точки зрения современной физики является лишь сложной совокупностью процессов на квантовомеханическом уровне. Причем в этом случае наши обычные представления о пространстве, времени и локализации объектов уже не работают. В этом случае обычное восприятие внешних объектов, включающее как «вторичные», так и «первичные» качества, будет выглядеть как нечто не соответствующее их реальной природе, как следствие особого устройства органов чувств, как результат макроразмеров нашего тела.

Однако не слишком ли далеко по пути субъективизма заводит нас это предположение?

Отметим, наконец, что уязвимо и другое предположение, из которого исходит разделение воспринимаемых качеств на «первичные» и «вторичные», а именно приписывание результату воздействия «первичных» качеств объекта на органы чувств некоего принципиального сходства с этими качествами. Дело в том, что, как показывают нейрофизиологические исследования, те процессы, которые протекают в нервной системе в момент восприятия, как правило, не имеют внешнего сходства с явлениями, выступающими в качестве объекта восприятия.

2) Как следует из «причинной теории» восприятия субъект непосредственно имеет дело не с самим объектом, а со «следами» его воздействия на воспринимающий аппарат. Особенности, «качества» этих «следов» субъект как бы «выносит во вне», «проецирует» на реальный объект, приписывает их самому объекту, хотя не все из них действительно присущи последнему.

Однако непонятно, почему субъект необходимо приписывает объекту такие качества, которые ему несвойственны, и как он это делает. В терминах воздействия одной физической системы на другую понять механизм проекции невозможно.

3) Непонятно и другое: как субъект может «читать», т. е. воспринимать «отпечатки», «следы» воздействия объекта на его воспринимающий аппарат?

Ведь согласно данной концепции всякое восприятие необходимо опосредовано органами чувств и нервным аппаратом. Какими же органами чувств могут быть восприняты те «отпечатки», которые имеются в самом этом аппарате, реализующем процесс восприятия? Если даже и предположить, что такие особые «органы чувств» существуют, то это не решает проблемы, а лишь передвигает ее. Ибо и в этих «органах чувств» должны существовать какие-то новые «отпечатки», которые кто-то должен снова «читать» ... и т. д. и т. п. И кто этот «кто-то», читающий отпечатки? Субъект? Но в соответствии с исходными посылками данной концепции субъект — это физическое тело, природная материальная система, которая не может располагаться «где-то» в собственном нервном аппарате и читать отпечатки в своем мозгу.

Остается другой выход: признать, что процесс восприятия «отпечатков» в воспринимающей системе — при-

ципиально иного рода, чем процесс восприятия внешних субъекту объектов, что первый процесс осуществляется непосредственно и обходится без органов чувств и «чтения» соответствующих следов. Но признать это — значит отказаться от мнения о том, что процесс возникновения восприятия как особого типа знания может быть до конца и исчерпывающе осмыслен в понятиях воздействия одной физической системы на другую.

4) Если последовательно придерживаться данной концепции, то неизбежны субъективистские выводы, находящиеся в противоречии с материалистической теорией отражения. Вот, например, один из них. «Причинная» теория восприятия считает, что непосредственно восприятие характеризует процессы, происходящие в воспринимающем аппарате субъекта, и лишь весьма косвенным образом может быть соотнесено с реальным объектом. Те процессы, которые действительно реально происходят во время восприятия, могут быть выявлены в результате исследования работы анализаторов и нервно-мозговых структур. Однако если следовать логике данной концепции, то приходится признать, что физиолог, изучающий работу мозга, в действительности непосредственно имеет дело не с этим мозгом, а с своим собственным, ибо любой объект доступен ученому лишь через посредство «отпечатков» в его собственном мозгу, которые довольно условно «символизируют» внешнюю реальность, ибо похожи на эту реальность лишь в некоторых отношениях. Б. Рассел, сторонник «причинной» теории восприятия, делает этот вывод, подчеркивая ошибочность предположения, «что человек может видеть материю... Даже самый способный физиолог не может совершить этот подвиг. Его восприятие, когда он смотрит на мозг, есть явление его собственного духа и имеет только причинную связь с мозгом, который, как ему кажется, он видит»³.

Следует заметить, что, идя по пути субъективизма, Рассел в отличие от Локка и других метафизических материалистов, принимает «причинную теорию» восприятия в рамках субъективно-идеалистической философской концепции. То, что у материалистов-метафизиков было уступкой субъективизму, становится у Рассела ядром теории познания.

5) Наконец, отметим и такой существенный факт, который трудно объяснить, если рассматривать процесс восприятия как простое причинное воздействие одной физи-

ческой системы на другую. Речь идет о том, что восприятие всегда предполагает осознание воспринятого и подведение его (в самом процессе восприятия) под ту или иную категорию объектов, что и выражается в понимании воспринимаемого предмета. Понимание при этом означает определенную активность субъекта, проявляющуюся, в частности, в том, что одно и то же воздействие объекта на воспринимающий аппарат субъекта может по-разному предметно осмысляться и восприниматься. Предметное осмысление действительности осуществляется в рамках некоторой системы объективных «эталонов». Восприятие носит, таким образом, определенные черты нормативности.

Нужно сказать, что вообще именно те черты восприятия, которые связаны с его осознанностью и нормативностью, меньше всего поддаются истолкованию в понятиях причинного воздействия одной физической системы на другую. С необходимостью понимать восприятие как особое образование — не просто материальный «отпечаток», а феномен сознания — мы сталкивались и в других случаях, например, когда говорили о проблеме локализации чувственного образа, объяснении механизма «проекции» и т. д. Поэтому большинство сторонников «причинной» теории восприятия так или иначе признают, что цепи природного причинения в воспринимающем аппарате субъекта приводят к возникновению особого рода феномена, который непосредственно не может быть понят и объяснен в понятиях механики, физики, химии и других естественных наук — феномена осознаваемого субъектом чувственного образа (такова, например, позиция Б. Рассела). Однако такое признание по существу означает уже отказ от понимания познавательного отношения как только лишь особого типа связи двух физических систем.

Подчеркнем, что критика «причинной» концепции восприятия вовсе не означает отрицания того факта, что субъект в некоторых отношениях действительно является сложной природной системой, что действительно имеет место воздействие объекта на органы чувств познающего субъекта и что без этого воздействия познание вообще невозможно.

Невозможно также не считаться с огромным материалом, накопленным нейрофизиологией. Все дело, по-видимому, в философско-теоретическом осмыслении этого материала.

2. Теория познавательного «уравновешивания» субъекта и объекта

Некоторые современные сторонники понимания познавательного отношения как особого типа взаимодействия двух природных систем считают, что изъятны теоретико-познавательных концепций, которые мы критиковали в предыдущем параграфе, определяются не тем, что познание истолковывается как чисто природный процесс, а тем, что взаимодействие субъекта и объекта трактуется односторонне: исследуется воздействие объекта на субъект и не учитывается обратное воздействие субъекта на объект. В этой связи формулируется точка зрения, согласно которой достаточно уделить при анализе познания должное внимание собственной активности субъекта, в частности его внешней материальной деятельности, как будут преодолены принципиальные недостатки теоретико-познавательной концепции метафизического материализма, в частности, можно будет объяснить нормативный характер познания. При этом следует подчеркнуть, что деятельность, на необходимость исследования которой обращается внимание, в этом случае понимается сугубо натуралистически, как природная характеристика особого тела — познающего субъекта. Такой подход к анализу деятельности вполне приемлем для представителей этой точки зрения. В самом деле, данный подход не выходит в принципе за рамки понимания познавательного отношения как особого типа природного взаимодействия. Несмотря на то что сторонники этого подхода анализируют ряд проблем познания более тонко и точно, чем это делали Локк и другие теоретики, односторонне подчеркивавшие воздействие объекта на субъект, тем не менее и в рамках «модернизированной» натуралистической модели познания принципиально невозможно построить адекватную теоретико-познавательную концепцию. Теоретики, натуралистически истолковывающие познавательную активность субъекта, либо остаются на позициях метафизического материализма, либо переходят на точку зрения субъективного идеализма, либо, наконец, ассимилируют обе эти позиции.

В качестве примера подобного понимания познавательного отношения приведем систему так называемой генетической эпистемологии одного из крупнейших современных западных психологов Ж. Пиаже. Весьма влия-

тельная за рубежом концепция «генетической эпистемологии» выросла как попытка философского осмысления большого материала экспериментальных и теоретических психологических исследований, осуществлявшихся Ж. Пиаже и его сотрудниками на протяжении нескольких десятков лет. При анализе «генетической эпистемологии» мы будем стремиться отделять реальные факты, выявленные Пиаже (к этим фактам, характеризующим важные аспекты процесса познания, мы еще будем обращаться при исследовании проблемы в позитивном плане), от даваемой им теоретической интерпретации. Что касается последней, то она в философской своей части во многом несостоятельна.

Подход швейцарского психолога к анализу познания характеризуется двумя особенностями. Во-первых, признается активная роль субъекта на всех уровнях познавательного процесса, начиная от восприятия и кончая сложными интеллектуальными структурами. Эта активность субъекта выражается в преобразовании объекта, в том, что объект может воздействовать на субъект лишь в процессе деятельности самого субъекта; вместе с тем деятельность субъекта носит разный характер на различных интеллектуальных уровнях. Во-вторых, познавательное отношение понимается в рамках системно-структурного подхода: различные познавательные образования осмысливаются как некоторые целостные структуры; а само отношение субъекта к объекту рассматривается как особого типа система, внутри которой взаимно «уравновешиваются» субъект и объект.

Основные идеи операциональной концепции интеллекта (так Пиаже именует свою психологическую теорию)⁴ состоят в следующем:

1. Интеллект определяется в контексте поведения, т. е. особого обмена (взаимодействия) между внешним миром и субъектом.

«В противоположность физиологическим обменам, носящим материальный характер и предполагающим внутреннее изменение тел, «поведения», изучаемые психологией, носят функциональный характер и реализуются на больших расстояниях — в пространстве (восприятие и т. д.) и во времени (память и т. д.), а также по весьма сложным траекториям (с изгибами, отклонениями и т. д.)»⁵. Интеллект, по Ж. Пиаже, — это определенная форма когнитивного аспекта поведения, функциональное

назначение которого — *структурирование отношений между средой и организмом.*

2. Интеллект, как и все остальные биологические процессы и функции, обладает, согласно Пиаже, *адаптивной* природой. Адаптация при этом понимается как равновесие между ассимиляцией (или усвоением данного материала существующими схемами поведения) и аккомодацией (или приспособлением этих схем к определенной ситуации). Совершенно очевидно, что адаптация может быть весьма различной по своей природе. Например, материальной, когда равновесие достигается за счет «взаимопроникновения между той или иной частью живого тела и той или иной частью внешней среды»⁶, или функциональной, не сводящейся к такому материальному взаимопроникновению (обмену). Важнейшим моментом в понимании природы интеллекта является утверждение о *специфически функциональном* характере адаптации в интеллектуальной сфере.

3. Познание, осуществляемое интеллектом, не есть, согласно Пиаже, статическая копия реальности. Познавать объект — это значит воздействовать на него, динамически воспроизвести его, и именно поэтому суть интеллекта — в его *деятельной* природе. Психическая и, следовательно, интеллектуальная жизнь начинается «с функциональных воздействий, т. е. с того момента, когда ассимиляция не изменяет более ассимилируемые объекты физико-химическим образом, а включает их в формы своей собственной деятельности»⁷, иначе говоря, когда аккомодация влияет *только на деятельность.*

4. Интеллектуальная деятельность *производна* от материальных действий субъекта; ее элементы — операции — представляют собой *интериоризованные* действия, которые только в том случае оказываются операциями в собственном смысле слова, когда они координируются между собой, образуя *обратимые, устойчивые* и вместе с тем *подвижные целостные структуры.*

5. Такие целостные структуры могут существенно отличаться между собой как по степени их обратимости и характеру подвижности, так и по отнесенности к той или иной сфере объектов. Более того, другие когнитивные функции (например, восприятие) также характеризуются структурным строением. Возникающие в этой связи проблемы генетического родства когнитивных функций (и

поведения в целом) и специфики интеллекта решаются Ж. Пиаже следующим образом. Интеллект «продолжает и завершает совокупность адаптивных процессов»: если органическая адаптация «обеспечивает лишь мгновенное, реализующееся в данном месте, а потому и весьма ограниченное равновесие», то простейшие когнитивные функции (восприятие, навык, память и т. д.) «продолжают это равновесие как в пространстве, так и во времени», но лишь один интеллект «тяготеет к тотальному равновесию, стремясь к тому, чтобы ассимилировать всю совокупность действительности и чтобы аккомодировать к ней действие, которое он освобождает от рабского подчинения изначальным «здесь» и «теперь»⁸. Отсюда — принцип *генетического выведения* интеллектуальных операций, обратной стороной которого является невозможность указания строгих границ интеллекта, — последний приходится характеризовать лишь «тем направлением, на которое ориентировано его развитие»⁹.

Таким образом, согласно Пиаже, интеллект есть особая форма взаимодействия между субъектом и объектом, специфическая деятельность, которая, будучи производной от внешней предметной деятельности, предстает как совокупность интериоризованных операций, скоординированных между собой и образующих обратимые, устойчивые и одновременно подвижные целостные структуры. Интеллект, говорит Ж. Пиаже, можно определить как «прогрессирующую обратимость мобильных психических структур», или, что то же самое, как «состояние равновесия, к которому тяготеют все последовательно расположенные адаптации сенсомоторного и когнитивного порядка, так же как и все ассимилятивные и аккомодирующие взаимодействия организма со средой»¹⁰.

Таким образом, психологическая и теоретико-познавательная концепция Пиаже оказывается производной от понимания им взаимоотношения организма и среды и характеризуется ярко выраженной биологической направленностью. Позднее мы увидим, что, в свою очередь, сами биологические процессы ассимиляции и аккомодации Пиаже пытается истолковать в понятиях физической и механической теории равновесия.

Центральное ядро генезиса интеллекта, по Пиаже, образует формирование логического мышления, способность к которому ни прирождена, ни преформирована в человеческом духе. Логическое мышление является продуктом

нарастающей активности субъекта в его взаимоотношении с внешним миром.

Пиаже выделил четыре основные стадии развития логического мышления: сенсомоторную, дооперационального интеллекта, конкретных операций и формальных операций¹¹.

I. Интеллектуальные акты на стадии *сенсомоторного интеллекта* (до двух лет) основываются на координации движений и восприятий и совершаются без какого-либо представления. Хотя сенсомоторный интеллект не является еще логическим, он образует «функциональную» подготовку собственно логического мышления.

II. *Дооперациональный интеллект* (от двух до семи лет) характеризуется сформированной речью, представлениями, интериоризацией действия в мысль (действие замещается каким-либо знаком: словом, образом, символом).

На стадии дооперационального интеллекта ребенок не в состоянии применить ранее приобретенную схему действия с константными предметами ни к отдаленным предметам, ни к определенным множествам и количествам. У ребенка отсутствуют обратимые операции и понятия сохранения, приложимые к действиям более высокого уровня, чем сенсомоторные действия.

III. На стадии *конкретных операций* (от 8 до 11 лет) различные типы мыслительной деятельности, возникшие во время предшествующего периода, наконец, достигают состояния «подвижного равновесия», т. е. приобретают характер обратимости. В этот же период формируются основные понятия сохранения, ребенок способен к логическим конкретным операциям. Он может образовывать из конкретных предметов как отношения, так и классы. Однако логические операции не стали еще генерализованными. На этой стадии дети не могут построить логически правильную речь независимо от реального действия.

IV. На стадии *формальных операций* (от 11—12 до 14—15 лет) завершается генезис интеллекта. В этот период появляется способность мыслить гипотетически-дедуктивно, теоретически, формируется система операций пропозициональной логики (логики высказываний). С равным успехом субъект теперь может оперировать как с объектами, так и с высказываниями. Появление подобных систем операций свидетельствует, по мнению Пиаже, о том, что интеллект сформирован.

Хотя развитие логического мышления образует важнейшую сторону генезиса интеллекта, оно, однако, не исчерпывает полностью этот процесс. В ходе и на основе формирования операциональных структур различной сложности ребенок постепенно овладевает окружающей его действительностью. «В течение первых семи лет жизни, — пишут Пиаже и Инельдер, — ребенок мало-помалу открывает элементарные принципы инвариантности, относящиеся к предмету, количеству, числу, пространству и времени, которые придают его картине мира объективную структуру»¹². Важнейшими компонентами в интерпретации этого процесса, предложенной Пиаже, являются: 1) анализ построения действительности ребенком в зависимости от его активности; 2) духовное развитие ребенка как все увеличивающаяся система овладеваемых им инвариантов; 3) становление логического мышления как основа всего интеллектуального развития ребенка.

Психологическая и логическая концепция Пиаже составили тот конкретный материал, на основе которого была сформулирована концепция «генетической эпистемологии»¹³.

Исторически имевшие место многочисленные попытки построить научную эпистемологию не привели к положительному результату потому, считает Пиаже, что они исходили из статической точки зрения.

В рамках генетической эпистемологии Пиаже обосновывает существование «диалектической связи» между субъектом и объектами, нераздельность субъекта S и объектов O. Именно из «взаимодействия $S \rightleftharpoons O$ и вытекает действие, источник познания. Исходным пунктом этого познания является ни S, ни O, а взаимосвязь $\rightleftharpoons$, характерная для действия. Именно на основе этого диалектического взаимодействия и раскрывается постепенно объект и его свойства — путем децентрации, которая освобождает познание от внешних иллюзий. Отталкиваясь от этого взаимодействия $\rightleftharpoons$, субъект, раскрывая и познавая объект, организует действия в стройную систему, составляющую операции его интеллекта или мышления»¹⁴.

Развитие познания, считает Пиаже, ведет к тому, что знание субъекта об объекте становится все более инвариантным по отношению к изменяющимся условиям опыта и к позиции субъекта в отношении объекта. На этом пути создатель «генетической эпистемологии» приходит к мысли о возможности применения теории инвариантов

(в частности, математической теории групп) к изучению процессов познания. Познавательные структуры, складывающиеся на различных стадиях развития интеллекта, Пиаже математически представляет в виде различных структур: в частности, алгебраических групп (и группировок), структур порядка, топологических структур. С точки зрения Пиаже, инвариант группы преобразований в интеллектуальной структуре является знанием о самом объекте, о его собственных свойствах, т. е. независимо от той или иной частной системы отсчета, в которой обнаруживаются эти свойства. Обратимость операций в интеллектуальных структурах непосредственно связана с наличием в них инвариантов.

В теории Пиаже инвариантность знания об объекте по отношению к той или иной субъективной «перспективе» обеспечена реальным взаимодействием субъекта и объекта, связана с действием субъекта и вполне однозначно определяется собственными свойствами объекта, существующего объективно-реально. Материализм как исходная философская посылка концепции Пиаже особенно явно выступает при обсуждении им этой проблемы.

Конечно, возникновение устойчивых и обратимых операциональных структур интеллекта не означает, по мнению Пиаже, что в знании субъекта отныне совершенно не может возникать положений неустойчивости. Знание всегда есть знание о внешнем объекте, свойства которого неисчерпаемы, он предстает перед субъектом постоянно с новой стороны и постоянно ставит новые проблемы. Когда Пиаже подчеркивает возрастание устойчивости знания об объекте в ходе интеллектуального развития, то он имеет в виду прежде всего формирование обратимых структур интеллектуальных операций, т. е. *логических* средств, которые позволяют субъекту решать те задачи, которые ставит перед ним действительность. Поскольку, однако, Пиаже считает, что в основе решения задач лежит сформированность операциональных структур, позволяющих решать классы однотипных проблем, постольку возрастание устойчивости структур интеллекта характеризует и рост устойчивости, инвариантности знания субъекта в целом.

Между тем хорошо известно, что при всей важности критерия инвариантности как индикатора объективности знания, он не является единственным и главным критерием, и на высших ступенях развития познания, особен-

но при построении научного знания, это обнаруживается со всей отчетливостью.

Именно это различие форм, в которых может выступать критерий инвариантности, производность этого критерия от других, более фундаментальных, не учитывается в работах Пиаже. Он в основном вычленяет те стороны формирования инвариантного знания об объекте, которые могут быть адекватно описаны с помощью существующего математического аппарата и прежде всего теории групп. Из теории групп Пиаже выводит и свое положение о роли обратимости операций как средства достижения инвариантности знания. Между тем если учитывать разнообразие форм, в которых выступает инвариантность знания, то приходится признать, что обратимость познавательных операций, по-видимому, не является таким универсальным индикатором объективности знания, как склонен расценивать ее Пиаже.

Заметим, что попытки решить проблему объективности знания с помощью понятия инвариантности широко распространены ныне в зарубежной литературе по теории познания и методологии науки. Так, например, один из крупнейших современных физиков Макс Борн, рассуждая о природе «физической реальности», отмечает, что ключом к понятию реальности не только в физике, но в любом аспекте мира является понятие инварианта группы преобразований.

«Инварианты суть понятия, о которых естествознание говорит так же, как на обыкновенном языке говорят о „вещах“, и которым оно присваивает названия так же, как если бы это были обычные вещи»¹⁵. Большинство измерений в физике, считает Борн, относится не к самим объектам, а к их проекциям на другие объекты. «Проекция... определяется относительно системы отсчета... В общем случае существует много эквивалентных систем отсчета. Во всякой физической теории дается правило, которое связывает друг с другом проекции одного и того же объекта на различные системы отсчета»¹⁶.

Следует, однако, заметить, что попытки отождествить построение объективного знания с выявлением инвариантных характеристик объекта наталкиваются на серьезные философские затруднения. Дело в том, что приборы, с помощью которых физик производит эксперименты, выступают в данном аспекте как вполне реальные физические тела, по объективным законам взаимодействующие

с другими телами, а поэтому и результаты взаимодействия, так же как и вообще свойства, возникающие в результате отношения одного объекта к другим объектам, так называемые проекции должны существовать объективно-реально. К тому же инвариантность не выступает абсолютной характеристикой того или иного свойства, а выявляется лишь в той или иной системе отношений, и то, что инвариантно в одной системе, может быть неинвариантным в другой, а тем более во всех возможных системах. Таким образом, теория инвариантов не может иметь того принципиального теоретико-познавательного значения, которое ей приписывают Пиаже и некоторые другие зарубежные исследователи¹⁷.

В рамках «генетической эпистемологии» Пиаже пытается связать теорию инвариантов с теорией равновесия. В этом пункте особенно явно обнаруживается принципиальная философская слабость концепции Пиаже.

Пиаже считает, что возникновение инварианта в интеллектуальной структуре (и, следовательно, появление обратимости операций) непосредственно связано с уравниванием операций между собой и, как следствие этого, с равновесием субъекта и объекта. Поэтому теория равновесия должна дать ключ к пониманию интеллектуального развития. Равновесие понимается Пиаже не как баланс сил в состоянии покоя, а как максимальное значение деятельности субъекта, компенсирующей определенные внешние изменения.

Строя модель «равновесия» субъекта и объекта сначала по аналогии с равновесием физической системы и ее среды, а затем по образцу равновесия биологического организма с окружением, Пиаже не может из этой модели вывести специфические свойства своеобразной «уравновешенности» субъекта и объекта, а поэтому вынужден вводить эти свойства в свою систему извне, в явном несогласии с принятой им исходной моделью.

В механике замкнутая система считается находящейся в равновесии в том случае, если сумма всех возможных работ внутри системы равна нулю.

Пиаже, вводя термин «равновесие» в свои теоретические рассуждения, сначала понимал «равновесие» в смысле, близком к указанному. Система субъект—объект (а под «объектом» он понимает прежде всего ту часть окружающей субъекта среды, с которой он непосредственно практически и познавательно взаимодействует) может

считаться находящейся в равновесии в том случае, если сумма всех возможных взаимодействий субъекта и объекта равна нулю (это означает, что субъект всегда может совершить действие, обратное первому и восстанавливающее исходное положение). Внешнее равновесие субъекта и объекта обеспечивается установлением равновесия внутри операциональной структуры: наличие в этой структуре операции, обратной основной, как раз и ведет к тому, что сумма всех возможных операций внутри структуры оказывается равной нулю¹⁸.

Вскоре, однако, оказалось, что проводившаяся Пиаже аналогия между равновесием в механической системе и равновесием в структуре интеллектуальных операций весьма неточна. Во-первых, механический принцип имеет дело с замкнутой системой, т. е. с системой, изолированной от влияния окружающей среды, в то время как вся суть того «уравновешивания» интеллектуальных операций, о котором говорит Пиаже, состоит в том, что посредством него достигается устойчивость знания об объекте относительно изменяющегося опыта. Иными словами, Пиаже имеет дело не с «замкнутой», а с «открытой» системой. Во-вторых, выяснилось, что в самой физике равновесие системы лишь в редких случаях выражается упомянутым принципом. Более общие случаи равновесия системы, которые рассматриваются, например, в термодинамике, связаны с наличием в системе минимума потенциальной энергии (что обусловлено достижением системой наиболее вероятного состояния). Механическое равновесие оказывается лишь частным случаем более общего состояния равновесия. В последние годы рядом физиков и математиков (И. Пригожин и др.) понятие равновесия обобщено до «динамического равновесия». Математическую теорию динамического равновесия системы оказалось возможным приложить к исследованию «открытых систем», т. е. систем, обменивающихся веществами и энергией с окружающей средой. Некоторые биологи сделали попытки применить теорию динамического равновесия к изучению живых организмов как «открытых систем»¹⁹.

Пиаже говорит об «уравновешивании» операций внутри познавательной структуры и считает, что эта «уравновешенность» достигается за счет полной обратимости операций. Пытаясь избавиться от телеологии при объяснении внутренней тенденции действий субъекта к взаимному уравновешиванию, Пиаже хочет построить свою кон-

цепцию на основе физической теории равновесия. Известно, что тенденция физической замкнутой системы к принятию наиболее вероятного состояния объясняется действием статистических законов, без всякой апелляции к скрытой цели. Однако равновесие в физической системе весьма часто достигается не за счет повышения обратимости процессов внутри системы, а как раз наоборот: за счет принятия некоего необратимого состояния.

Убедившись в невозможности вывести из физической модели равновесия принципиально важный для его психологической и теоретико-познавательной концепции факт познавательной «уравновешенности» субъекта и объекта, Пиаже оказался вынужденным все более подчеркивать *специфический* характер психического равновесия.

Следует различать, считает Пиаже, операции «инструментально возможные» и «структурно возможные». Первые операции это те, которые сам субъект в данный момент рассматривает как возможные, как такие, которые он мог бы совершить. Хотя с точки зрения самого субъекта «инструментально возможные» операции не есть реально совершаемые им, посторонний наблюдатель (например, психолог, изучающий данного человека) может считать их реальными, так как обдумывание субъектом своих возможных действий есть такой же реальный психологический процесс, как и внешняя деятельность. «Структурно возможные» те операции субъекта, которые он сам не рассматривает в данный момент как возможные (может быть, и вообще не знает о своей возможности их совершить), но которые тем не менее он способен осуществить, ибо у него объективно сформировалась операциональная структура, включающая эти операции. Таким образом, основой всех операций субъекта являются «структурно возможные» операции, которые в сущности совпадают с самой операциональной структурой. «Инструментально возможные» операции составляют часть «структурно возможных», а реальные — часть последних. Таким образом, в интеллектуальной операциональной структуре, подчеркивает Пиаже, уравновешенность реальных и возможных изменений выражается совсем иначе, чем в физической системе. В то время как в интеллектуальной структуре существуют «инструментально возможные» операции, являющиеся как бы посредствующим звеном между реальными и возможными изменениями, в физической системе может существовать лишь резкая дихотомия реальных и

возможных изменений. Итак, аналогия между интеллектуальным и физическим равновесием не может быть проведена далеко.

Важно подчеркнуть, что анализ реальной «уравновешенности» субъекта и объекта в процессе познания привел Пиаже к признанию таких характеристик этой «уравновешенности», которые при всем желании не могут быть выведены из модели равновесия физической системы или биологического организма. Рассуждая об «инструментально» и «структурно» возможных операциях, Пиаже вынужден говорить о *сознании*, об *обдумывании* субъектом своих возможных действий и о других специфически психических состояниях как о необходимом компоненте «равновесия» субъекта и объекта.

Признав недостаточность физической теории равновесия для понимания «уравновешенности» субъекта и объекта, Пиаже объективно продемонстрировал принципиальную слабость собственной теоретико-познавательной позиции, хотя и не сумел выработать такую концепцию, в рамках которой можно адекватно объяснить анализируемые им факты.

Характерно, что когда Пиаже потребовалось определить понятие «обратимости» действия (т. е. понятие операции, так как операция и есть обратимое действие), он не смог ограничиться указанием только на то, что обратимость связана с возможностью выполнения действия в двух противоположных направлениях, и был вынужден указать на важность наличия *осознания* того, что действие при его выполнении в обоих направлениях остается одним и тем же²⁰. Естественно, что понятие обратимости в физике не может быть определено подобным образом.

Пиаже признает, что та обратимость интеллектуальных операций, о которой он говорит, не имеет ничего общего с обратимостью реальных физических процессов. Так, говоря о формировании понятия времени, он замечает, что обратимость времени для субъекта означает не то, что реальное, физическое время способно течь в обратном направлении (реальное время необратимо), а лишь то, что субъект мысленно может переходить не только от предыдущего момента времени к последующему, но и от последующего к предыдущему (т. е. совершить не только операцию $A \rightarrow B$, но и операцию $B \rightarrow A$), *осознавая*, однако, то, что реальная последовательность моментов не изменяется (т. е. A предшествует B). «Построение вре-

мени является... прекрасным примером совместного действия обратимых процессов субъекта и необратимых процессов объекта», — замечает Пиаже²¹.

Таким образом, Ж. Пиаже не удастся вывести в рамках своей концепции нормативность познавательных структур без обращения к явлениям сознания, к тем явлениям, исследование которых не вписывается в понимание взаимоотношения субъекта и объекта посредством механики, физики и биологии, т. е. не соответствует тому подходу, из которого принципиально исходит «генетическая эпистемология». Объективность знания и другие принципиальные характеристики познания оказываются невозможным объяснить при помощи теории «уравновешивания» субъекта и объекта, понимаемых как природные, естественно-данные тела.

3. Понимание познания как совокупности физических операций субъекта

Если, согласно Пиаже, деятельность субъекта служит средством воспроизведения характеристик реального объекта в системе знания, то с точки зрения других представителей натуралистической модели познания, подчеркивающих активно-деятельный характер субъекта, вообще невозможно говорить о существовании реального предмета познания, независимого от деятельности субъекта. Познание в этом случае трактуется уже не как отражение, а лишь как совокупность отдельных внешних действий, операций субъекта. Формулируя в качестве исходных ряд натуралистических, метафизическо-материалистических предпосылок (как субъект, так и объект считаются включенными в структуру природной реальности, а действия, операции субъекта истолковываются как физические, материальные), представители этих концепций кончают построением систем субъективно-идеалистической гносеологии.

К числу подобных концепций принадлежит довольно влиятельная до недавнего времени в среде западных философов и естествоиспытателей теоретико-познавательная и методологическая концепция операционализма. Операционализм обращает внимание на весьма важную характеристику познавательного процесса. А именно, что в процессе познания человек ставит между собой и познаваемым объектом определенные искусственно созданные

предметы: приборы, средства измерения и т. д. Заметим, что в теории Пиаже этот факт не получает должной оценки. Однако, использующиеся в познании предметы — «посредники» — рассматриваются операционализмом как принципиально не отличающиеся от остальных природных тел. Тот факт, что эти предметы произведены не природой, а человеком, что они включены в систему социально-культурных связей, не имеет в рамках этой концепции существенного теоретико-познавательного значения.

Основные идеи операционализма были высказаны известным американским физиком П. У. Бриджменом²².

Бриджмен обратил внимание на то, что специальная теория относительности не только существенно изменила наши представления о мире, но и по-новому поставила ряд логических и теоретико-познавательных проблем, связанных с интерпретацией используемых в физике математических формализмов, с выяснением смысла физических понятий. «Обнаружение того, что классические понятия, которые до сих пор принимались без всякого сомнения, не соответствуют новой ситуации, было великим потрясением, и в результате возникло критическое отношение ко всей нашей концептуальной структуре»²³.

Размышляя над логическим смыслом процедур, применявшихся Эйнштейном при определении основных понятий специальной теории относительности, Бриджмен приходит к выводу, что вопреки общепринятому взгляду, согласно которому большинство понятий классической физики характеризуют свойства объектов, предметов, действительный смысл физических понятий лежит в совокупности экспериментальных операций, точнее, в совокупности операций измерения. Так, рассуждает Бриджмен, мы, очевидно, знаем, что такое «длина», если мы можем определить, какова длина того или иного конкретного объекта. Для того чтобы ее установить, необходимо осуществить определенные физические операции. «Понятие длины фиксировано, если фиксированы операции, посредством которых измеряется длина: иными словами, понятие длины не включает в себе ничего иного, как совокупности операций, посредством которых определяется длина. В общем мы имеем в виду под понятием не что иное, как совокупность операций; понятие синонимично соответствующему множеству операций»²⁴. Если понятие не является физическим (таким, как, например, понятие математического

континуума), то и операции будут «умственными». При этом Бриджмен подчеркивает, что каждое множество операций, эквивалентное понятию, является уникальным множеством (т. е. каждому понятию соответствует только одно множество операций)²⁵.

В этой связи, продолжает Бриджмен, нетрудно показать, что такие понятия классической физики, как «абсолютное время» или «абсолютная одновременность», лишены смысла, ибо не существует физических операций, посредством которых можно было бы приписать тому или иному событию предикат абсолютного времени.

Если учитывать, что операции, которым эквивалентно физическое понятие, являются *актуальными* физическими операциями, то в рамках операционализма неизбежен вывод о том, что понятия могут быть определены только посредством актуального эксперимента и теряют смысл в отношении тех областей действительности, с которыми мы еще не имеем экспериментального контакта. Поэтому, считает Бриджмен, мы не можем высказывать каких-либо утверждений в отношении этих областей. Если же мы такие утверждения все-таки делаем, то должны их рассматривать в качестве условной экстраполяции, всю сомнительность которой следует отчетливо осознавать и которая может быть оправдана лишь будущими экспериментами.

Так, до появления специальной теории относительности считалось, что каждые два события *A* и *B* обладают таким свойством в отношении времени их осуществления, что *A* происходит либо раньше *B*, либо позже, либо одновременно с *B*. Казалось, что подобное утверждение является простым описанием поведения объектов, данных в опыте. Однако сам опыт, на описание которого претендовало данное утверждение, был весьма ограничен. Когда же рамки опыта были раздвинуты и в поле исследования попали тела, передвигающиеся с большими скоростями, была обнаружена несостоятельность понятия одновременности, использовавшегося классической физикой.

Эйнштейн показал, пишет Бриджмен, что операции, дающие возможность утверждать одновременность двух «событий», включают измерения, производимые наблюдателем, так что одновременность является не абсолютным свойством двух «событий», а включает отношение этих двух «событий» к наблюдателю, субъекту, к его системе

отсчета, к скорости этих «событий» относительно системы отсчета наблюдателя.

На примере детального операционального анализа понятия длины П. Бриджмен вносит дальнейшие уточнения в свою методологическую концепцию.

Посредством каких операций мы измеряем длину любого конкретного физического объекта? — спрашивает он. Что касается объектов обычного опыта, то для их измерения обычно применяется процедура, которая в грубом описании выглядит следующим образом. Берется стержень, играющий роль меры длины, и накладывается на объект таким образом, что один из концов стержня совпадает с одним из концов объекта, затем на объекте отмечается положение второго конца стержня, после чего стержень передвигается по линии, составляющей продолжение его предшествующего положения, таким образом, что первый конец стержня совпадает с предшествующим положением второго конца. Подобная процедура повторяется до тех пор, пока не будет достигнут второй конец объекта. В таком случае длиной объекта называется число отдельных приложений стержня.

Бриджмен обращает внимание на то, что описанная процедура, выглядящая столь простой, в действительности является чрезвычайно сложной. Для того чтобы посредством этой процедуры можно было определить действительную длину измеряемого объекта, необходимо соблюдение целого ряда условий. Так, например, мы должны быть уверены, что температура стержня является нормальной температурой, при которой обычно измеряется длина данных объектов, в противном случае в результаты наших измерений пришлось бы вносить поправки на влияние температурных изменений. В том случае, если мы измеряем вертикальную длину объекта, мы должны вносить в результат поправку на влияние сил тяготения на длину измеряющегося стержня. Наконец, мы должны быть уверены в том, что измеряющий стержень не является магнитом и не подвержен действию электрических сил. Все эти условия обычно учитываются каждым физиком, производящим измерения с той или иной конкретной целью.

Однако, продолжает Бриджмен, при осуществлении операционального анализа мы должны пойти еще дальше в выявлении условий измерения и специфицировать *все детали*, имеющие отношение к движению стержня при

измерении: например, точный путь стержня в пространстве, его скорость и ускорение. На практике, при измерении объектов обычного опыта, эти условия не учитываются. И это вполне понятно, так как в обычном опыте вариации такого рода условий не влияют на конечный результат.

Но мы должны признать, подчеркивает Бриджмен, что опыт всегда подвержен ошибкам, и при расширении границ опыта и возрастающей точности измерений может обнаружиться, что те условия, которые ныне кажутся не влияющими на результат измерений, в действительности оказывают на него серьезное воздействие. «В принципе операции, посредством которых измеряется длина, должны быть специфицированы единственным образом. Если мы имеем более одного множества операций, мы имеем более одного понятия, и, строго говоря, для каждого отдельного множества операций должно быть отдельное имя» ²⁶.

В том случае, если мы захотим измерить длину движущегося объекта, применяемые операции будут иными. На первый взгляд, достаточно забраться на него и повторить ту процедуру, которая применялась при измерении длины неподвижного объекта. В действительности дело обстоит несколько сложнее. Полная спецификация применяемых операций предполагает учет нескольких дополнительных условий. Каким образом мы будем достигать объект, имея в руках измеряющий стержень? Будем ли мы сначала догонять движущийся объект и затем прыгать на него, или мы будем дожидаться момента, когда объект приблизится к нам? Если объект движется довольно быстро, то, очевидно, на него нельзя прыгать непосредственно с неподвижной опоры, и приходится воспользоваться каким-либо специальным приспособлением, например движущимся автомобилем.

Так как операции, которые Эйнштейн использовал для определения понятия длины, отличны от тех операций, которые используются при измерении длины в обычном опыте, то «длина» Эйнштейна не означает того же самого, что «длина» обычного опыта. Это *разные понятия*, хотя они и имеют некоторые общие черты: в том случае, когда скорость движущегося тела относительно измеряющей системы достигает нуля, операции измерения движущегося объекта совпадают с операциями, применяемыми при измерении длины неподвижного объекта.

В непосредственной связи с изложением существа операционального анализа находятся теоретико-познавательные размышления Бриджмена о природе окружающей нас физической реальности.

Анализируя логический смысл этого понятия, Бриджмен приходит к выводу, что атрибут физической реальности приписывается тем понятиям, которые могут быть определены *различными, независимыми* друг от друга множествами физических операций.

Как мы помним, основная идея операционализма состоит в подчеркивании того, что каждому множеству операций соответствует в сущности только одно понятие. В том случае, если два (или более) независимых друг от друга множества операций дают одни и те же результаты, мы с точки зрения операционализма можем условно отождествить различные понятия, соответствующие разным множествам, считать их одним понятием, которому приписывается статус физической реальности. Такое понятие выступает как инвариант в отношении различных множеств операций, как выражение некоей корреляции, связи между различными множествами физических явлений. В то же время не следует забывать, подчеркивает Бриджмен, и того, что отождествление результатов различных множеств измерений является до некоторой степени условным; оно оправдано лишь наличными измерениями; будущий опыт может вскрыть расхождения в результатах измерений, относящихся к разным множествам, в этом случае единое понятие придется «расщепить» на два или более понятия, которые могут и не обладать статусом физической реальности.

Исследуя смысл понятия напряженности упругого тела, Бриджмен отмечает, что напряженности приписывается характер физической реальности в результате того, что существует множество физических операций независимое от того множества, которое было использовано для первоначального определения понятия. Первоначально напряженность определяется как свойство внутренних точек тела, находящееся в простой математической зависимости от величины сил, действующих на свободную поверхность тела. Но о напряженности можно точно заключать и другими способами: о ней можно судить по натяжениям, которые определяются на основании внешней деформации тела, и по оптическому эффекту двойной рефракции в прозрачных телах.

Такое же понятие, как понятие электрического поля, согласно Бриджмену, не характеризует физической реальности, а обладает чертами удобного конструкта: существует взаимоднозначное соответствие между значениями поля и величиной точечных электрических зарядов, в терминах которых определяется поле, однако не имеется на одной физической операции, независимой от операций, использовавшихся для определения понятия поля, посредством которого можно было бы убедиться в его реальности.

В работах, выпущенных после «Логике современной физики», Бриджмен ставит вопрос о природе реальности в более общей форме, связывая его с операциональным анализом философских категорий «существование» и «объект». При этом важно заметить, что позиция Бриджмена претерпела в этом вопросе некоторое изменение: если в 20-х годах он видел смысл в четком различении полезных конструктов и понятий, характеризующих реальность, то уже в работе «Природа физической теории»²⁷, выясняя смысл того понятия напряженности внутри твердого тела, которое анализировалось в «Логике современной физики», Бриджмен замечает: «Будем ли мы приписывать напряженности физическую „реальность“, является чисто академическим вопросом; важным является лишь то, что мы нашли удобным ввести величину, которая, несомненно, не может быть измерена непосредственно»²⁸.

В работах Бриджмена все большее ударение делается на эффективность, на прагматическую значимость понятий.

Отвечая на вопрос о том, каким образом мы знаем, что такие объекты повседневного опыта, как столы, облака и звезды, существуют, Бриджмен подчеркивает, что эти вещи существуют только потому, что соответствующие им понятия успешно работают в нашем опыте. «В моей попытке решить проблему адаптации к моему окружению я изобретаю некоторые приспособления, некоторые из которых оказываются эффективными, и я использую их в своем мышлении. Существование — это термин, предполагающий эффективность некоторых из этих приспособлений. Понятия стола, облака помогают обращаться с некоторыми аспектами моего опыта; поэтому они „существуют“»²⁹.

Одним из важных направлений эволюции теоретико-познавательной и методологической концепции Бриджме-

на явилась универсализация тех предписаний, которые первоначально предназначались лишь в качестве частных методов анализа концептуальной структуры современной физики. Правда, уже в работе 1927 г. Бриджмен считает полезным использование операционалистской техники анализа для решения проблем, далеко выходящих за рамки физического исследования, и считает, что в свете операционального критерия значения целый ряд традиционных философских вопросов оказывается бессмысленным. Однако лишь в работах 30—40-х годов Бриджмен специально разбирает с операциональных позиций целый ряд понятий философии и специальных наук (природа языка, мышления, логики, математики, опыта и т. д.). В этих работах содержится попытка построить законченную теоретико-познавательную систему, и уж во всяком случае они свидетельствуют о том, что Бриджмен стремился обосновать некоторое целостное *направление* в теории познания, методологии и философии науки (которое его сторонники окрестили термином «операционализм»).

Вместе с тем попытки Бриджмена построить на основе своих методологических установок стройное здание теоретико-познавательной концепции интересны тем, что в них явственно обнаруживается шаткость, логическая необоснованность фундаментальных утверждений операционализма, четко обнаруживается субъективно-идеалистический характер операционализма.

В основе операционализма, как мы видим, лежит подчеркивание уникальности выполняемых экспериментатором операциональных процедур, необходимость при определении понятий выявлять все отдельные физические операции. Продолжая эту линию рассуждений, Бриджмен вполне логично приходит к выводу о том, что, строго говоря, каждая операция неповторима, так как она осуществляется данным единичным индивидом в данное время и в данном месте. Операции не должны обобщаться, так как не существует метода, гарантирующего будущность такого обобщения.

Но если принять эти теоретические посылки, тогда неизбежен вывод о том, что не только неоперациональные, но и операциональные определения понятий в сущности невозможны. Как замечает американский исследователь операционализма А. К. Бенджамен: «Любая вторая операция, сколь бы она ни была подобна первой, должна быть другой операцией, так как она отличается от пер-

вой по крайней мере своей пространственно-временной локализацией. Два измерения длины данного объекта, даже если результаты совпадают, должны быть различны. Если понятие всегда должно определяться посредством операции, а каждая операция является единичностью, само понятие становится единичным по способу определения. Различие будет существовать не только между длиной поля, измеряемой при помощи рулетки, и длиной, измеряемой посредством триангуляции (даже если результаты измерений те же), но даже и между *значениями* всех индивидуальных измерений длины рулеткой (снова — даже если результаты измерений совпадают)»³⁰. Но таким образом определенные понятия лишаются какой бы то ни было познавательной ценности, так как в сущности перестают быть понятиями, особенность которых, как известно, состоит в охватывании чего-то общего в различных ситуациях. Подобное доведение до логического конца одной из основных посылок операционализма вступает в решительное противоречие с заявлениями самого Бриджмена о том, что физические операции, в терминах которых даются определения понятий, должны быть *повторяемыми* (repeatable) и всегда осуществимыми. Более того, Бриджмен пишет: «Несмотря на всю точность операциональных определений, их применение не имеет смысла, если ситуация, в которой они применяются, не развита в такой степени, что известны по крайней мере два метода получения одного и того же результата»³¹.

Можно было бы полагать, что подобное противоречие в основах концепции устраняется положением о том, что каждое понятие синонимично не отдельно взятой операции, а некоторому множеству (set) повторимых, воспроизводимых (repeatable) операций. Однако нетрудно убедиться в том, что тезис о множестве операций не устраняет основной логической трудности. Каждые две операции в чем-то похожи и чем-то отличаются друг от друга. Объединение ряда операций в единое множество (или единый класс), синонимическое значению того или иного понятия, предполагает прежде всего выделение некоторого общего признака, свойства, присущего всем этим операциям и не определяемого операциональным способом (таким образом, операциональные определения необходимо предполагают наличие некоторых неоперационально понимаемых характеристик). К тому же предполагается наличие критерия, указывающего, в какой степени опера-

ции должны быть подобны друг другу, для того чтобы они могли образовать единое множество (в зависимости от требуемой степени подобия можно образовывать различные множества операций, которым будут соответствовать различные операционально определяемые понятия). Поскольку операционализм в принципе неспособен указать такого критерия, оказывается логически несостоятельным его основное методологическое утверждение о том, что разным множествам физических операций соответствуют разные понятия. В самом деле, почему мы в одном случае имеем право объединять разные операции *в единое* множество, которому соответствует одно, и только *одно* понятие, а в другом случае должны соглашаться с тем, что различные множества операций (даже если они выделяются в одних и тех же или сходных результатах) характеризуют *разные* понятия, а если мы в целях практического удобства иногда и относим различные множества операций к одному понятию, то почему это отнесение может рассматриваться лишь как некая временная удобная прагматическая процедура, которая с методологической точки зрения не может считаться правомерной?

Необходимым общефилософским коррелятом методологической позиции Бриджмена является субъективный идеализм.

В «Логике современной физики» наряду с субъективистскими общефилософскими утверждениями, логически вытекающими из основ концепции³², можно было встретить и ряд заявлений в духе естественнонаучного материализма. В последующих работах Бриджмена вытекающая из операционализма субъективно-идеалистическая позиция осознается более четко и проводится вполне последовательно. В книге «Природа физической теории» защищается откровенный солипсизм: «Очевидно, я никогда не могу выскочить из самого себя; непосредственный опыт включает только вещи в моем сознании — разного рода чувственные впечатления и различные результаты работы мозга и ничего больше... В конечном счете наука является только моей частной наукой, искусство — моим личным искусством, религия — моей личной религией и т. д.

Мне представляется, как я уже говорил, что солипсистская позиция, если это действительно солипсистская позиция, является простым выражением того, что дает мне непосредственный опыт, и нам следовало бы так изменить

наше мышление, чтобы эта позиция не казалась нам антипатичной»³³.

В одной из работ Бриджмен рассуждает на тему о том, что не существует никакой операции, посредством которой мы могли бы доказать, что вселенная возникла более, чем пять минут тому назад, «так как любой из наших методов доказательства — это то, что мы делаем сейчас»³⁴.

Однако самым существенным обстоятельством, определившим намечающийся в настоящее время отказ от операционализма как методологии и теории познания со стороны широких кругов зарубежных ученых, является даже не столько самопротиворечивость операционализма, сколько обнаружившееся (и четко осознанное в 40—50-е годы) резкое несоответствие операционалистских рекомендаций действительному ходу развития науки. Если в 30-е годы можно было встретить высказывания о том, что операционализм является чем-то общепринятым в физике³⁵, то в настоящее время распространенным является убеждение в том, что операционализм весьма далек от понимания подлинных проблем научной методологии.

Дело в том, что в реальной практике научного познания ученые предпочитают пользоваться так называемыми открытыми понятиями, т. е. такими понятиями, значение которых относительно экспериментальных ситуаций не определено полностью (поскольку все эти ситуации невозможно заранее полностью исчерпать). Операциональные же определения характеризуют закрытие понятия, так как они фиксируют значение понятий лишь для некоторых определенных условий.

Американский философ и логик А. Пап приводит пример, показывающий, что метод операционализма и метод открытых понятий способны приводить к разным результатам в практике исследования. Заметим, что пример этот чисто гипотетичен (наука не имела до сих пор дел с экспериментами, подобными описанному ниже). Смысл этого примера — «мысленного эксперимента» — в наглядной демонстрации методологических дефектов операционализма.

Допустим, в эксперименте ученый установил, что тело x_1 уравнивает тела $y_1 + z_1$. На основании этого можно заключить, что масса тела x_1 больше массы тела y_1 . Однако когда x_1 и y_1 последовательно подвешиваются на пружинных весах, x_1 производит меньшую деформацию пружины, чем y_1 , а когда на x_1 и y_1 действуют внешние

силы, равные друг другу на основании статического критерия (они способны уравнивать друг друга), x_1 получает большее ускорение, чем y_1 . Если ученый считает предпочтительным оперировать с закрытыми понятиями (а именно это и рекомендует делать строгий операционализм), то он, приняв статические эксперименты за определение понятия «масса», должен был бы считать, что этими экспериментами установлено, что масса x_1 больше, чем масса y_1 , и что кинетические эксперименты не имеют никакого отношения к сравнению масс x_1 и y_1 . Однако в практике научного исследования имеет место нечто другое. Если прошлый опыт показал наличие корреляции между результатами статических и кинетических экспериментов, то неоднократное обнаружение отсутствия такой корреляции в некоторых случаях воспринимается, как правило, не в качестве показателя обязательного реального отсутствия связи между результатами различных экспериментальных ситуаций (и обязательного различия понятий, относящихся к разным множествам измерений), а как свидетельство того, что при осуществлении статических экспериментов может иметь место влияние на результат эксперимента некоторых невыявленных условий $c_1, c_2, \dots, c_n$, обнаружить которые и пытается ученый.

Иными словами, если ученый, придерживающийся канонов строгого операционализма, должен был бы сделать вывод о том, что тело x_1 имеет массу, большую, чем тело y_1 , то ученый, оперирующий с открытыми понятиями, сделает иной вывод: «Безусловно, результаты статических опытов заслуживают доверия и x_1 , действительно, перетягивает y_1 ; однако результаты двух других экспериментов делают невероятным, чтобы x_1 имела массу, большую y_1 »³⁶. Иными словами, в том случае, когда понятие массы выступает в качестве открытого понятия, оно приобретает большую предсказательную силу и помогает корректировать результаты новых экспериментов в свете других экспериментов, так как сами эксперименты выступают не в качестве отдельных разорванных множеств операций (на что ориентирует операционализм), а как звенья единой системы, объединенной открытыми понятиями.

Суть дела состоит в том, что так называемые открытые понятия, которыми преимущественно пользуется наука, функционируют в рамках систем теоретического знания. Именно в этих рамках, характеризующихся определенными предпосылками, онтологическими допуще-

ниями, тем или иным способом выделения определенного аспекта объективной реальности, имеют смысл операции измерения тех или иных величин. Иными словами, сами по себе измерительные операции не только не могут задавать смысла научных понятий, но, как правило, в изолированном виде, просто не существуют. Что же касается принципиального вопроса о том, каким стандартам, *нормам* подчинены производство и оценка теоретического знания (и знания вообще), то этот вопрос, как видно из изложенного, принципиально не может быть решен в рамках операционализма.

Большинство участников состоявшегося в 1954 г. симпозиума «Современное состояние операционализма»³⁷ пришли к выводу, что «если бы правило операционалистской осторожности строго и последовательно применялось, физика свелась бы к простому описанию изолированных данных»³⁸.

Возникает естественный вопрос: если операционализм как теория познания и общая методология науки должен быть отвергнут, означает ли это, что техника операционального анализа абсолютно не имеет никакого рационального содержания?

Мы уже отмечали, что, хотя большинство понятий науки и не может быть определено через термины, фиксирующие результаты измерения (а именно в этом смысле понимаются операциональные определения в строгом операционализме), такого рода определения все же имеют известную значимость. Эти определения используются тогда, когда еще не выработано общего неоперационального определения через указание специфических свойств и отношений определяемого понятия. «Можно не уметь в общей форме дать ответа на вопросы: «Что такое длина?», «Что такое причинность?», «Что такое одновременность?» и т. п. Однако коль скоро мы умеем в большинстве конкретных случаев определять длину и одновременность посредством измерительных операций, определять положение тела во время t_2 на основании его положения во время t_1 и сообщенного ему импульса, мы можем сказать, что слова «длина», «одновременность» и «причинность» имеют вполне определенный однозначный смысл»³⁹.

«Операциональное определение» является не определением в точном смысле этого слова, а формулированием эмпирических условий применимости теоретического понятия, причем одно и то же теоретическое понятие может

получить несколько эмпирических интерпретаций посредством различных «операциональных определений».

Если попытаться в общей форме оценить значение операционализма для методологии наук, то можно прийти к выводу о том, что подчеркивание Бриджменом (вслед за Эйнштейном) необходимости связи теоретических конструкций с экспериментальными операциями имело определенное основание, хотя характер этой связи был понят в операционализме принципиально неправильно.

«Операционализм Бриджмена в искаженной форме отразил тот несомненный факт методологии естественных наук, что выявление значения... теоретических понятий... предполагает установление некоторых эмпирических зависимостей между экспериментально воспроизводимыми ситуациями и также эмпирически фиксируемыми следствиями этих операций»⁴⁰.

Как видим, значение техники операционального анализа не столь уж велико. При этом важно заметить, что эта техника может плодотворно использоваться лишь в том случае, если смысл измерительных операций, характер их отнесения к тому или иному научному понятию уже заданы наперед, т. е. если уже существуют определенные системы знания, характеризующего состояние дел в объективном мире, независимом от субъекта и его операций. Любая простейшая измерительная процедура уже предполагает выделение той объективной величины, того параметра, который подлежит измерению, а также «встраивание» полученных результатов в систему отношений между математическими объектами (так как итог измерения выражается в математической форме). Что касается норм получения и оценки самих систем знания, относимого к объектам, то этот вопрос не поддается решению с позиций операционализма как теоретико-познавательной и методологической концепции. Иными словами, в рамках данной концепции нельзя прийти к пониманию природы знания, характера познавательного отношения.

Мы пытались показать, что в случае натуралистического понимания познавательного отношения субъекта и объекта в качестве того или иного рода взаимодействия двух природных систем независимо от того, какая доля активности отводится каждому из полюсов взаимодействия, ряд принципиальных теоретико-познавательных проблем не разрешим. Это прежде всего вопросы, связанные с осмыслением природы и характера норм получения и

оценки знания, а также вопросы, касающиеся места и роли в познавательном процессе такого специфического образования, как сознание.

Пытаясь исходить из концепции метафизического материализма, сторонники натуралистической модели познания вынуждены делать неизбежные для них уступки субъективизму, а в ряде случаев целиком переходят на позиции субъективного идеализма и отказываются от материалистической теории отражения.

Обратим еще раз внимание на то, что выявление несостоятельности теоретико-познавательных концепций, которые были сформулированы сторонниками натуралистического понимания познания, вовсе не означает игнорирования тех реальных фактов, которые в этих концепциях получают ложную интерпретацию (некоторые из этих фактов были обнаружены самими представителями критикуемых концепций).

Действительно, человек как познающий субъект имеет тело, которое подчиняется механическим, физическим, химическим, биологическим законам. Этот и другие факты имеют определенное отношение к механизмам осуществления познания. Все дело, однако, в том, что из природных особенностей тела человека нельзя понять его характеристики как субъекта, действующего и познающего специфически человеческим образом. Осмысление принципиальных, наиболее существенных особенностей познавательного отношения оказывается невозможным в рамках того способа представления проблемы субъекта и объекта, о котором шла речь в данной главе.

Очевидно, все дело в философской и научно-теоретической интерпретации отмеченных фактов, а также в оценке их значения для теоретико-познавательного исследования.

ИСТОЛКОВАНИЕ ПОЗНАНИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЕМОГО СТРУКТУРОЙ СОЗНАНИЯ

1. Проблема обоснования знания и «радикальная» рефлексия

В домарксистской и современной немарксистской буржуазной философии значительно распространены такие концепции, которые пытаются решить принципиальные проблемы гносеологии, исходя из понимания познания как определяемого структурой индивидуального сознания. Последнее трактуется как совершенно автономное, ни от чего другого не зависимое и ничем другим не определяемое явление. Ясно, что подобные концепции совершенно откровенно выражают позиции субъективного идеализма и противостоят марксистско-ленинской теории познания.

Вместе с тем следует заметить, что эти идеалистические концепции спекулируют на реальных проблемах, мимо которых нельзя пройти при анализе познавательного отношения. Речь идет прежде всего о выявлении функционирующих в познании нормативов, эталонов, позволяющих отделять знание от незнания. Иными словами, имеется в виду проблема обоснования знания, которая является центральной для субъективно-идеалистических концепций буржуазной гносеологии, анализируемых в этой главе. Данные концепции не просто провозглашают необходимость исходить из особенностей индивидуального сознания при исследовании познания. Они выдвигают целую систему аргументов для доказательства тезиса о том, что лишь принятие субъективно-идеалистической позиции в гносеологии позволяет решить проблему обоснования знания, и что якобы всякая иная философская интерпретация знания и познания бессильна справиться с этой проблемой. Данные концепции не только до сих пор влиятельны в буржуазной философии, но и оказывают воздействие на некоторых зарубежных представителей специальных наук (в математике, в психологии и др.). Все это заставляет нас детально разобраться в аргументации главных представителей подобного подхода в понимании познавательного отношения, вскрыть несостоятельность их рассуждений и четко отделить реальные проблемы теории

познания, подлинные факты познания и сознания — а представители критикуемых концепций натолкнулись на целый ряд таких фактов — от их идеалистической, ложной интерпретации.

Прежде всего остановимся на самой проблеме обоснования знания.

Если знание — это такое специфическое образование, которому присуще свойство истинности, т. е. соответствия объективно реальному положению дел, то, очевидно, должны существовать какие-то нормы, эталоны, позволяющие судить о том, что мы действительно имеем дело с знанием и дающие возможность отделять знание от незнания.

В том случае, если мы будем располагать такими эталонами, мы сможем судить о степени истинности всех тех специфических продуктов человеческой деятельности, которые претендуют на то, чтобы быть знанием, т. е., очевидно, сможем показать мнимость претензий некоторых из них и вместе с тем окончательно утвердить другие в статусе знания. Значит, задача состоит в том, чтобы выявить эти нормативные конституенты всякого знания.

Обратим внимание на то, что сама постановка проблемы обоснования знания предполагает критическое отношение к разнообразным существующим видам знания, начиная от расхожих мнений «здравого смысла» и кончая специально-научными теориями и философскими построениями. Ни один из различных видов знания, взятый вне специального теоретико-познавательного анализа, не может претендовать на абсолютную подлинность только в силу того, что он считается таковым в настоящее время, вот необходимая предпосылка обсуждаемой постановки проблемы. А это означает допущение возможности того, что в результате теоретико-познавательного исследования будет признана недостаточной обоснованность не только тех или иных суждений «здравого смысла», но и каких-то положений, а может быть, и целых разделов теоретического знания. И, действительно, обсуждение проблемы обоснования знания в истории философии необходимо сопровождалось отрицанием правомерности ряда теоретических построений, считавшихся в течение длительного времени общепризнанными (таково, например, отрицание И. Кантом всей проблематики рационалистической онтологии XVII—XVIII вв.). Исследование вопросов обоснования той или иной специально-научной дисциплины,

ставшее актуальным в XX в., также необходимо связано с признанием правомерности одних способов задания проблем и методов рассуждения и неприятием других (именно такой характер носят споры различных направлений обоснования математики, а также современные дискуссии вокруг интерпретации квантовой механики). Теоретическая деятельность по обоснованию той или иной специально-научной дисциплины, поскольку она включает анализ способов рассуждения и оценки знаний в данной области, как правило, предполагает не только решение специальных вопросов, относящихся к определенной науке, но и в той или иной мере исследование некоторых общих философских проблем. Поэтому не случайно проблематика обоснования математики нередко фигурирует под названием «философии математики», а вопросы содержательной интерпретации современных физических теорий включаются в «философские вопросы физики». Вместе с тем общая проблема обоснования знания, как она ставится в философии, отличается рядом особенностей от вопросов обоснования той или иной специальной науки.

Дело в том, что в философии речь идет не об обосновании знаний того или иного типа, а об обосновании всякого знания вообще безотносительно к его конкретному содержанию, т. е. о поисках таких критериев, которые позволяют в любом случае отделять знание от незнания.

В связи со сказанным мы хотели бы с самого начала обратить внимание на то, что при обсуждении вполне реальной и правомерной проблемы обоснования знания представители разбираемого в данной главе подхода в исследовании познавательного отношения исходят из двух предпосылок, которые им кажутся вполне естественными, но которые в действительности предопределяют субъективистский характер их гносеологических концепций. Прежде всего это метафизическое представление о существовании таких эталонов, которые позволяют раз и навсегда отделить истинное знание от заблуждений, провести резкую границу между знанием и незнанием и выделить «в чистом виде» какие-то системы «абсолютного» знания, которое можно было бы положить в основание всей системы научных теорий. Рассматриваемые теоретико-познавательные концепции исходят также и из другой предпосылки: ввиду того, что постановка проблемы обоснования знания предполагает критическое отношение к тем или иным его

видам, сама проблема истолковывается как необходимость отказа в философском анализе познавательного отношения субъекта к объекту от опоры на результаты специальных наук или же на положения донаучного «здорового смысла». Иными словами, поскольку степень обоснованности научного знания должна быть выяснена в результате философского анализа, то философское исследование знания не может предполагать те или иные положения специальных наук в качестве обоснованных в себе истин (оно предполагает их, так же как положения «здорового смысла» и философские теории, лишь в качестве своего предмета). Это значит, что та область философии, которая занимается решением данной проблемы, т. е. теория познания, должна пониматься как специфическая сфера теоретической деятельности, принципиально отличная от всех видов и типов специально-научного знания, т. е. в качестве такой области, в которой нельзя пользоваться данными частных наук. (Таким образом, анализируемый подход в исследовании познания отличается своим отношением к специальным наукам от подхода, рассмотренного нами в первой главе: последний, как мы помним, предполагал широкое использование данных механики, физики, биологии, физиологии и других наук).

Следует согласиться с тем, что задача познания состоит в преодолении заблуждений и получении истинного знания. Важную роль в решении этой проблемы действительно играет теоретико-познавательная рефлексия над знанием. Справедливо и положение о том, что постановка проблемы обоснования знания предполагает критическое отношение к каким-то разделам существующего знания. И вместе с тем ложно мнение о возможности получения «чистого», «абсолютного знания», так же как несостоятельно и утверждение о том, что при решении проблемы обоснования знания мы должны отвлечься от всех данных специальных наук. Во втором разделе данной работы мы дадим характеристику тому подходу к проблеме обоснования знания, который не принимает этих ложных предпосылок — марксистско-ленинской теории познания.

Впервые в классической форме вопрос обоснования знания был поставлен Р. Декартом. Постановка этой проблемы и ее острота в значительной степени стимулировались особенностями социально-культурной и научной ситуации, в которой разворачивалась теоретическая деятельность Декарта, ситуации, характеризовавшейся, с одной

стороны, возникновением буржуазного способа производства (и в связи с этим обострением индивидуального самосознания), а с другой стороны, становлением науки Нового времени, резко противопоставившей себя схоластической традиции. Однако в целом теоретические рассуждения Декарта выходят за пределы конкретно-исторической ситуации, ибо принятый им способ анализа оказался типическим и с теми или иными модификациями многократно воспроизводился в западной буржуазной философии.

Исходный пункт рассуждений Декарта — недоверие к культурной традиции: «...я научился не слишком твердо полагаться на то, в чем меня убедил только пример и обычай»⁴¹. «...Как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совершенно забросил книжную науку... решив не искать иной науки, кроме той, какую можно найти в себе самом или в великой книге мира...»⁴².

Ведь философия «уже в течение многих веков культивировалась самыми выдающимися умами и тем не менее в ней нет ни одного положения, которого нельзя было бы оспаривать и, следовательно, сомневаться в нем...»⁴³, так формулирует Декарт тезис, который после него неоднократно повторялся философами, решавшими проблему обоснования знания. И далее: «Что касается других наук, то, поскольку они заимствуют свои принципы из философии, я полагал, что и здесь на столь шаткой основе нельзя было построить ничего прочного»⁴⁴.

Итак, речь идет о радикальной попытке обоснования всей системы теоретического знания.

Где же искать решения этой проблемы?

Декарт исходит из того, что принимать за истинное следует только лишь то, что познается таковым с очевидностью, т. е. представляется уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает никакого повода подвергать его сомнению.

Между тем следует ли доверять показаниям чувств? Ведь они нередко нас обманывают. Так, например, башни, издали казавшиеся круглыми, вблизи оказываются четырехугольными, а исполинские статуи, воздвигнутые на самой вершине этих башен, кажутся маленькими, если на них смотреть снизу. При этом заблуждения могут основываться на показаниях не только внешних чувств, но и чувств внутренних. «Ибо существует ли чувство более

внутреннее и более близкое, чем боль? А между тем я некогда слышал от лиц, у которых были отрезаны руки и ноги, что им иногда казалось, будто они чувствуют боль в отрезанных членах. Это навело меня на ту мысль, что я также не могу быть вполне уверен в болезни какого-либо своего члена, если даже и буду испытывать в нем боль»⁴⁵.

Можно, правда, считать, что есть вещи, относительно которых чувства вряд ли могут нас обманывать. Например, вряд ли можно сомневаться в том, что я сижу здесь, за этим столом, одетый в домашнее платье, и держу в руках эту бумагу и т. д. «И каким образом мог бы я отрицать, что эти руки и это тело принадлежат мне, иначе, как приравняв себя к каким-то безумцам...»⁴⁶. Однако вполне может оказаться, что все это — лишь мое сновидение. «Остановившись на этой мысли, я так ясно убеждаюсь в отсутствии верных признаков, посредством которых можно было бы отличать бодрствование от сна, что прихожу в изумление, и мое изумление так велико, что я почти готов верить, будто бы сплю»⁴⁷.

Вместе с тем нашему уму предстают такие ясные и отчетливые положения, касающиеся простых и всеобщих вещей, изучаемых в арифметике и геометрии (эти положения относятся к протяженности телесных вещей, их фигуре, величине, числу, времени и т. д.), что сомневаться в них невозможно. Арифметика, геометрия и подобные им науки не заботятся о том, существуют ли реально в природе изучаемые ими объекты. Вместе с тем эти науки содержат нечто несомненное и достоверное. «Ибо сплю ли я или бодрствую, два и три, сложенные вместе, всегда образуют число пять и квадрат никогда не будет иметь более четырех сторон»⁴⁸.

Однако нельзя ли допустить, что бог, а может быть лучше сказать, какой-либо злой гений, настолько же обманчивый и хитрый, насколько могущественный, употребил все свое искусство для того, чтобы меня обмануть? — продолжает Декарт. Но в таком случае небо, воздух, земля, цвета, формы, звуки, все внешние предметы будут лишь иллюзиями и грезами.

«И так как я думаю, что люди иногда ошибаются даже в вещах, которые считают наиболее известными им, то и меня, быть может, бог создал таким, что я ошибаюсь каждый раз, когда складываю два с тремя или считаю стороны квадрата, или рассуждаю о чем-нибудь еще более

легком, если только можно вообразить себе что-нибудь более легкое»⁴⁹.

Таким образом, заключает Декарт, можно сомневаться также и в математических доказательствах.

Но существует ли вообще что-либо достоверное? Этой исходной и основной достоверностью, считает Декарт, является мысль обо мне самом как о чем-то существующем. Пусть даже хитрый и могущественный обманщик обманывает меня во всем, включая реальность моего тела, моих рук, ног, головы и т. д. «Но несомненно, что я существую, если он меня обманывает; и пусть он меня обманывает, сколько ему угодно, он все-таки никогда не сможет сделать, чтобы я был ничем, пока я буду думать, что я нечто. . . . Положение «я есмь, я существую» неизбежно истинно всякий раз, как я его произношу или постигаю умом»⁵⁰.

Можно сомневаться во всем, но я не могу сомневаться в том, что я, сомневающийся, существую, подчеркивает Декарт.

«Столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит, что, невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение: я мыслю, следовательно, я существую, истинно и что оно поэтому есть первое и вернейшее из всех заключений, представляющееся тому, кто методически располагает свои мысли»⁵¹.

Итак, мысль о моем существовании, самосознание — вот самая достоверная и несомненная истина, утверждает Декарт. Моей сущностью является мышление, считает он, причем под мышлением понимается, «все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою»⁵². (К мышлению, таким образом, относится не только понимание, но и желание, воображение, т. е. все те психические процессы, которые сопровождаются самосознанием.) Поэтому, считает Декарт, я не могу заключать о моем существовании из таких фактов, которые выражаются в суждениях: «я вижу», «я иду», и т. д., ибо содержание, передаваемое посредством этих суждений, не является абсолютно непроблематичным: «Я могу думать, что вижу или хожу, хотя бы я не открывал глаз и не трогался с места, как бывает подчас во сне и как могло бы быть даже, если бы я вовсе не имел тела»⁵³. Иное дело, если я имею в виду только «мое внутреннее сознание, в силу которого мне кажется,

будто я вижу или хожу...»⁵⁴. В последнем случае «заключение настолько правильно, что я в нем не могу сомневаться...»⁵⁵.

Человеку представляется, будто бы он воспринимает посредством органов чувств реально существующие предметы, продолжает Декарт свои рассуждения, но в их реальности как раз можно усомниться. Вместе с тем нельзя усомниться в том, что мне кажется, будто я их воспринимаю. «Во всяком случае, достоверно по крайней мере то, что мне кажется, будто бы я вижу свет, слышу шум и ощущаю тепло»⁵⁶. «Ибо если из того, что я вижу воск, я заключаю об его существовании, то, конечно, из того же, что я вижу, с гораздо большей очевидностью следует, что я сам существую. Вполне возможно, чтобы то, что я вижу, не было в действительности воском; возможно также, чтобы у меня не было глаз, которыми бы я мог видеть что-либо; но невозможно, чтобы я, мыслящий, не существовал, когда я вижу, или, что то же самое, когда я мыслю, что вижу»⁵⁷.

Важно подчеркнуть, что с точки зрения Декарта мое существование и мое мышление — это не просто два качества, одинаково принадлежащие разумной субстанции (*res cogitans*). Сама эта субстанция — некоторое единство деятельности мышления и его продукта — мыслящего Я, вследствие чего, если прекращается деятельность, то исчезает, перестает существовать и само Я. «Я есмь, я существую — это достоверно. На сколько времени? На столько, сколько я мыслю, ибо возможно и то, что я совсем перестал бы существовать, если бы окончательно перестал мыслить»⁵⁸.

Итак, согласно Декарту, самосознание, мысль о собственном существовании характеризуется не только ясностью и отчетливостью, т. е. непосредственной очевидностью, но и наибольшей достоверностью.

Но как же быть с признанием реального существования мира внешнего сознанию? Существуют ли убедительные средства его доказательства?

В этом пункте своих рассуждений Декарт вынужден прибегнуть к ссылке на бога, так как в его системе не имеется других средств для решения данного вопроса. Декарт уверяет читателя в том, что в сознании присутствует ясная и отчетливая идея всесовершенного существа, т. е. бога, из самой сущности которого якобы вытекает его существование. Это существо не может быть обманщиком, продолжает Декарт. А это значит, что все, что постигается

ясно и отчетливо, должно быть истинным, т. е. относиться к реально существующему объекту.

Таким образом, заключает Декарт, теперь «я уже, правда, не думаю, что должен смело признавать все вещи, которые, по-видимому, мне внушаются чувствами, но и не думаю также, что должен подвергать их все сомнению»⁵⁹. «... По крайней мере надо признать, что все, достигаемое мной в них ясно и отчетливо, то есть вообще все, составляющее объект чистой математики, действительно находится в них»⁶⁰.

Выделим некоторые принципиальные моменты в рассуждениях Декарта, важные с точки зрения последующего анализа.

Декарт прежде всего подчеркивает то обстоятельство, что знание субъектом состояний собственного сознания в их отнесенности к «я» — нечто отличное от знания о внешних предметах. С его точки зрения, это означает, что субъект имеет непосредственный доступ к субъективной сфере, в то время как знание внешних тел — лишь нечто опосредованное. Поэтому, хотя в обычном опыте познавательная деятельность направлена прежде всего на внешние материальные объекты, хотя роль субъективного мира и его характеристики обычно остаются как бы в тени, логически рассуждая, считает Декарт, именно познание субъективных состояний в связи с производящим их «я» является наиболее простым делом. (Заметим, что именно этот момент декартовых рассуждений послужил отправным пунктом для эмпирической интроспекционистской психологии.)

Обратим внимание далее на то, что Декарт связывает обоснованность знания со степенью его рефлексированности. Именно то знание является исходной генетической и логической основой всякого другого, подчеркивает он, которое в максимальной степени рефлексировано, т. е. содержит не только указание на свой объект, но и отсылку к условиям собственной очевидности и достоверности. Именно такое знание, по мнению Декарта, содержится в положении: «Я мыслю, следовательно, я существую», которое и должно быть, по его мнению, положено в основание всей системы знания.

Важным моментом в концепции Декарта является положение о том, что субъект, мыслящее «Я», не существует рядом со своей деятельностью, а есть ее продукт и вместе с тем постоянное условие, т. е. существует лишь

постольку, поскольку осуществляется деятельность мышления (и в известном смысле даже полагается этой деятельностью).

Подчеркнем, наконец, принципиальное различие Декартом суждения об объективной реальности и полагания самой этой реальности. Именно эти принципиальные моменты декартовской концепции ассимилировались последующей идеалистической философией в связи с попытками решить проблему обоснования знания.

Попытаемся дать критический анализ некоторых из этих попыток, а одновременно и критику декартовых рассуждений.

С точки зрения Декарта, критериям ясности и отчетливости в полной мере отвечают лишь те положения, содержание которых соотносено с актом субъективной рефлексии. Так, например, математические суждения ясны и отчетливы лишь в той мере, в какой мы не приписываем им объективно-реального смысла (т. е. рассуждаем о свойствах треугольника, воздерживаясь от решения вопроса о том, существуют ли треугольники в действительности). В принципе, считает Декарт, чувственное восприятие тоже может быть ясным и отчетливым, но лишь в том случае, если мы соотносим его только с состояниями своего сознания (т. е. включаем его в акт самосознания) и отвлекаемся от вопроса объективности его смысла. В обычной жизни легко отвлечься от объективного смысла математических суждений, поэтому-то математика и является, по мнению Декарта, абсолютно достоверной наукой, образцом научности вообще. Чрезвычайно трудно осуществить эту операцию в отношении чувственных восприятий, поэтому-то науки, основанные на показаниях органов чувств, далеки от идеалов строгой научности. Точнее, они смогут приблизиться к этим идеалам лишь в той мере, в какой удастся их математизировать. Чувственные восприятия, считает Декарт, часто бывают ясными, но редко являются также и отчетливыми («Ясным я называю такое восприятие, которое очевидно и имеется налицо для внимательного ума... Отчетливым же я называю восприятие, которое настолько отлично от всего остального, что содержит только ясно представляющееся тому, кто надлежащим образом его рассматривает... Так, когда кто-либо чувствует сильную боль, то это восприятие боли представляется ему очень ясным, но оно не всегда отчетливо, потому что обыкновенные люди смешивают его

с ложным суждением о природе того, что предполагают в большой части тела...») ⁶¹.

Данные рассуждения обосновывают рационалистический характер теоретико-познавательной концепции Декарта.

Но можно ли принимать тезис о том, что акт познания состояний собственного сознания, т. е. акт субъективной рефлексии, является средством получения самых очевидных и несомненных утверждений, и вместе с тем стоять на позициях эмпиризма в теории познания?

Такая возможность не только не исключается логически, но и реально оказалась одним из основных путей развития метафизического эмпиризма в западноевропейской философии, а именно тем путем, на котором эмпиризм превращается в субъективно-идеалистический феноменализм.

Попытки кардинально решить философскую проблему обоснования знания при помощи субъективистского истолкования данных чувственности в наиболее утонченной и технически разработанной форме выразились в доктрине «чувственных данных», которая была предметом оживленной полемики в англо-американской философской литературе первой половины нашего столетия ⁶².

Представители названной доктрины (а она развивалась в разных вариантах в рамках философских систем неореализма, критического реализма, логического позитивизма) попытались совместить тезис о том, что очевидное и непосредственно данное знание так или иначе выражает рефлексию субъекта над собой, с признанием того, что в опыте дается знание о реально существующих объектах, и даже не просто совместить эти положения, а логически вывести из первого второе, не прибегая при этом в отличие от Декарта к помощи бога. С этой целью были постулированы как якобы результат рефлексии над содержанием восприятия некие особые объекты — «чувственные данные», знание которых интуитивно и несомненно.

Вот типичный способ введения «чувственных данных» в качестве объектов теоретико-познавательного исследования: «Когда я смотрю на помидор, я могу во многом усомниться. Я могу сомневаться в том, действительно ли я вижу помидор, а не искусно раскрашенное изделие из воска. Я могу сомневаться в том, существует ли в данном случае вообще какая-либо материальная вещь. Возможно, то,

что я принимаю за помидор, является в действительности лишь его отражением в зеркале; возможно, я даже являюсь жертвой какой-то галлюцинации. В одном, однако, я не могу сомневаться: в том, что существует красное пятно круглой и отчасти выпуклой формы, выступающее на фоне других цветовых пятен и имеющее некоторую видимую глубину, и что все это цветное поле непосредственно презентировано моему сознанию»⁶³.

Вот эти цветные пятна, звуковые тона и т. д. и считаются «чувственно данными». Важно при этом подчеркнуть, что они не отождествляются с ощущениями. «Чувственным данным» приписывается статус особого рода объектов, а ощущения — якобы результат непосредственного, интуитивного знания этих объектов. Элементарный процесс, лежащий в основе всякого познания, рассматривается как особое «чувствование» (*sensing*), прямое постижение «чувственных данных», в акте непосредственного схватывания их содержания. Вместе с тем «чувственные данные» — это и не материальные вещи, ибо обладание теми или иными «чувственными данными» еще не является гарантией реального существования того материального объекта, к которому они кажутся относящимися. У каждого познающего субъекта — свои личные, частные (*private*) «чувственные данные», отличные от «чувственных данных» другого лица.

Вот как один из известных теоретиков этой концепции английский философ Х. Прайс описывает основные характеристики «чувственных данных»: 1. Они являются индивидуумами, а не универсалиями. 2. Это не субстанции, так как они порождаются из ничего и превращаются в ничто; их существование, происхождение и особенности зависят от состояния воспринимающего субъекта. 3. Они могут рассматриваться как события, но они не являются фазами в изменении какой-либо материальной вещи. 4. Вместе с тем это и не фазы в изменении сознающего субъекта, так как в некотором отношении они являются конституентами поверхностей внешних субъекту физических объектов и в этом смысле существуют как бы «вне черепа». 5. Поэтому в отличие от других событий они не являются фазами в изменении какой бы то ни было субстанции, будучи ни психическими, ни физическими⁶⁴.

Уже это описание свидетельствует о парадоксальной природе постулированных объектов. Попытка примирить тезис о непосредственном, интуитивном, несомненном ха-

рактере постижения «чувственных данных» — тезис, заставляющий теоретиков данной концепции подчеркивать частный, личный (private) характер этих особых объектов, их зависимость от познающего субъекта, — с признанием того, что в реальном опыте мы имеем дело с физическими, материальными объектами, а не с состояниями субъекта, заставляли приписывать «чувственным данным» несовместимые черты.

В самом деле, что такое реальный материальный объект и как возникает знание о нем с точки зрения представителей данной концепции?

Материальный объект не что иное, как определенная совокупность, класс или семья «чувственных данных», отвечают эти теоретики. Эта семья состоит как из актуальных, в данный момент существующих «чувственных данных» (которые, как нам уже известно, возникают «из ничего» с тем, чтобы опять уйти в «ничто»), а также из бесконечного количества возможных «чувственных данных», в данный момент актуально не присутствующих в чувственном поле, но способных при определенных условиях перейти из возможности в действительность. Заметим, что по вопросу о том, следует ли приписывать возможным «чувственным данным» статус реального существования, между представителями данной концепции велась целая дискуссия.

Возможные «чувственные данные» связаны с теми, которые актуально существуют, определенными зависимостями и располагаются по определенным сериям. При этом все «чувственные данные», как актуальные, так и возможные, относящиеся к данному материальному объекту, делятся на два подкласса: те, которые характеризуют «реальные» или «стандартные» особенности данного объекта, и те, которые конституируют его искаженную форму, его «видимость». Дело в том, что круглый предмет будет с некоторой точки зрения восприниматься как эллиптический, а предмет красного цвета при необычном освещении будет выглядеть как черный и т. д. Эти факты дали основание подразделить «чувственные данные», относящиеся к данному материальному предмету, на «нуклеарные» и «нестандартные».

Анализируя логику подобных рассуждений, мы видим прежде всего явную несовместимость признания зависимости «чувственных данных» от субъекта и его состояний с приписыванием этих «данных» самим материальным

объектам, которые существуют объективно-реально («вне черепа»), и даже попытку свести последние к совокупности «чувственных данных». В самом деле. Хорошо известно, что от силы моего внимания, от степени поглощенности процедурой рассматривания сторон данного предмета зависит то, насколько ясно и детально выступают для моего сознания различные чувственные качества этого предмета. Более того. Внимательное рассматривание может обнаружить такие качества предмета, которые раньше мною вообще не замечались. Но это значит, что акт порождения «чувственных данных», которые считаются существующими «вне черепа», определяется вниманием субъекта!

Не выдерживает критики и тезис о том, что «чувственные данные» как особого типа объекты якобы выявлялись в результате рефлексии над чувственным опытом, восприятием. Дело в том, что восприятие всегда так или иначе нацелено на реально существующие материальные объекты. К таким объектам относится, в частности, и зеркальное отражение, и искусственное изображение того или иного предмета и т. д. Другое дело, что в процессе восприятия субъект может ошибаться и принимать один объект за другой: например, зеркальное отражение данного объекта или его искусное подобие — за сам этот объект. Субъект может неправильно оценить условия восприятия предмета, и тогда возникают многочисленные иллюзии, подробно проанализированные в современной психологии восприятия. (Следует в этой связи заметить, что галлюцинация отлична от восприятия, в том числе и от иллюзорного восприятия, не только потому, что не существует соответствующего ей реального объекта, но и по своему субъективному модусу.) Таким образом, ошибки восприятия, разумеется, возможны и происходят нередко. Важно, однако, подчеркнуть, что, во-первых, восприятие всегда нацелено на реальные, материальные предметы, а не на «чувственные данные», во-вторых, в обычной практике всегда существуют вполне определенные способы, позволяющие отделять ошибочные восприятия, иллюзии от тех, которым соответствуют реальные предметы. Конечно, в опыте приходится также решать задачи, связанные с выделением тех качеств, тех чувственных сторон предметов (цветов, пространственных форм, звуков и т. д.), которые теоретики современного эмпиризма превратили в особые объекты. Но дело в том, что знание этих сторон

производно от знания реальных объектов в их целом. Иными словами, в действительном опыте имеет место как раз обратная зависимость, чем та, которая предположена в разбираемой концепции. «Чувственные данные» как особого рода объекты — не материальные и не психические — и соответствующий им элементарный познавательный процесс «чувствования», вовсе не вводятся в теоретико-познавательную концепцию в результате анализа структуры подлинного чувственного опыта, хотя именно на это претендуют авторы доктрины, а постулируются как способ решения проблемы обоснования знания на основе принятия тезиса о существовании непосредственного и несомненного знания, содержащего ссылку на познающий субъект.

Сама задача идентификации и реидентификации тех сторон предметов, которые были гипостазированы в «чувственные данные» (т. е. задача по определению того, имеем ли мы дело с одним и тем же данным единичным цветовым оттенком, данным единичным звучанием и т. д., а не просто с двумя похожими отдельными представителями одного и того же цвета или звука как некоторой чувственной универсалии), может быть решена только в том случае, если чувственные качества, о которых идет речь, соотнесены с материальными предметами, а не рассматриваются как самостоятельные сущности. Лишь решая задачу идентификации и реидентификации материальных предметов — а эта задача имеет определенный способ решения в опыте, — мы можем ответить и на вопрос о возможностях идентификации и реидентификации отдельных чувственных сторон, качеств предметов. Так мы можем утверждать, что созерцаем именно данную цветовую гамму, а не похожий на нее другой экземпляр того же чувственного «рода» лишь в том случае, если мы соотносим ее с тем материальным предметом, которому она присуща, например данной картине, и отличаем этот предмет от всех других (мы различаем картину — подлинник от ее репродукции, копии, подделки под нее). Мы можем с уверенностью считать, что слышим то же самое исполнение симфонии (подобный вопрос может возникнуть в том случае, если мы вынуждены были прервать на время процесс слушания) лишь в том случае, если мы сумели реидентифицировать материальный источник звучания и реальную предметную ситуацию, т. е. если мы обнаружили, что по-прежнему имеем дело с теми же музыкан-

тами, с тем же дирижером, находимся в той же аудитории и т. д. Таким образом, если бы «чувственные данные» существовали как самостоятельные объекты, их невозможно было бы ни идентифицировать, ни реидентифицировать. Но в этом случае они не могли бы лежать в основании опыта.

Проанализируем теперь вопрос о том, можно ли из высказываний об актуальных и возможных «чувственных данных» вывести высказывания о материальных объектах. Данная доктрина в лингвистической версии, развивавшейся логическими позитивистами, утверждает, что высказывание о материальном предмете эквивалентно множеству высказываний о «чувственных данных» (актуальных и возможных).

Обратим, однако, внимание на то, что это множество является бесконечным, ибо должно включать указания на все возможные условия (точки зрения, позиции, условия освещенности и т. д.), при которых данный объект может наблюдаться. Каждое условие будет характеризовать несколько отличные от других «чувственные данные». Между тем элементы бесконечного множества не могут быть перечислены в конечное время. Однако процедуру идентификации и реидентификации материальных объектов мы осуществляем в реальном опыте довольно быстро и, как правило, безошибочно.

Обратим далее внимание на то, что высказывания о материальных объектах характеризуются специфической неопределенностью и открытостью в отношении возможных множеств «чувственных данных», которые предполагаются относящимися к ним. Так, например, утверждение «в этом гараже имеется автомашина» не говорит ничего определенного относительно цвета машины, ее размера, формы, стиля, конструкции и т. д. Поэтому, если мы попытаемся дать анализ содержания данного высказывания в терминах «чувственных данных», мы быстро придем к выводу о том, что имеется множество вариантов этого анализа, при этом какой бы вариант мы ни выбрали, у нас нет гарантии того, что выбор осуществлен верно (например, мы можем включить в наше множество «красные чувственные данные», а машина в действительности окажется синей и т. д.)⁶⁵.

Самое существенное возражение против анализа смысла высказываний о материальных предметах в терминах «чувственных данных» состоит в том, что в сущ-

ности этот анализ не может быть осуществлен в чистом виде даже в том случае, если принять поставленную задачу как имеющую смысл. Дело в том, что раскрытие содержания высказывания о материальном предмете в терминах «чувственных данных» необходимо включает ссылку как на наблюдателя, так и на условие его наблюдения. Как то, так и другое предполагает понятие материальных объектов (конечно, наблюдатель не только материальный объект, но в данном случае существенно именно это его качество, т. е. то, что он может менять свое положение по отношению к другим предметам, двигаться среди них и т. д.). Так, например, высказывание «в данном гараже имеется автомашина» с точки зрения представителей разбираемой концепции означает: «Если наблюдатель пойдет в гараж и будет осуществлять такие и такие-то действия (например, повернет голову в такое-то и такое-то направлении, будет совершать руками такое-то и такое-то действие и т. д.), то он будет иметь такое-то множество чувственных данных». Важно при этом заметить, что данный анализ предполагает нормальное функционирование органов чувств наблюдателя⁶⁶.

Естественно, что понятия наблюдателя, его органов чувств, действия, места наблюдения, направления взгляда и т. д. характеризуют определенные материальные объекты, их отношения, состояния, происходящие с их участием процессы и т. д. Таким образом, попытка дать анализ смысла высказывания о том или ином материальном объекте только лишь в терминах «чувственных данных» не увенчивается успехом, поскольку в анализирующем предложении невозможно избежать использования таких терминов, которые относятся к материальным предметам. Все старания приверженцев концепции «чувственных данных» обойти эту принципиальную трудность не дали желаемых результатов.

Отметим еще один парадокс, к которому приводит рассматриваемая доктрина. Допустим, я знаю, что у вас в кармане спрятан магнит. Если я встану рядом с вами с компасом в руке, то стрелка компаса, которая должна показывать на север, отклонится в сторону под воздействием скрытого магнита. Данный факт легко объясним в понятиях материальных предметов и их причинных связей. Однако, если я сторонник концепции «чувственных данных», я должен сделать странный вывод о том, что действительные события (актуальные «данные», от-

носящиеся к поведению компаса) обусловлены лишь возможными («чувственные данные», относящиеся к спрятанному компасу) ⁶⁷.

Итак, обосновать реальный чувственный опыт, к которому, по мнению эмпириков, в конечном счете и сводится все познание, посредством доктрины так называемых «чувственных данных», особого рода сущностей, носящих «личный» (private) характер и зависимых от субъекта, оказалось невозможным. Понятие материального объекта, независимого от индивидуального наблюдателя, является необходимой характеристикой опыта, направленного на внешний мир, при этом такой его характеристикой, которая никоим образом не может быть сведена к той или иной совокупности «чувственных данных».

2. Трансцендентальный Субъект, эмпирический субъект. Концепция самодостоверности трансцендентального сознания как гаранта объективности знания

Означает ли признание независимости материального объекта от индивидуального сознания отказ от самой попытки обоснования знания посредством утверждения самодостоверности сознания или каких-то связанных с ним субъективных образований? Как показывает опыт истории философии, это необязательно. В буржуазной философии существуют теоретико-познавательные концепции, пытающиеся не совершать ошибок, характерных для субъективистского эмпиризма, для доктрины «чувственных данных», и в то же время решить проблему обоснования знания на основе принципиального признания специфического и автономного характера субъективности. В этом случае подчеркивается, что любой познавательный опыт имеет такие конституирующие его связи (формирующие присутствие в опыте физических объектов с определенной соподчиненностью различных аспектов этих объектов, причинных цепей, пространственно-временного расположения предметов и событий и т. д.), которые не могут быть редуцированы к «чувственным данным», к тому или иному случайному эмпирическому наполнению опыта или к простому физическому воздействию внешнего предмета на органы чувств познающего. Структура опыта носит объективный характер, утверждают представители этого подхода, и не зависит от отдельного

наблюдателя, индивидуального субъекта, от его состояний и «чувственных данных».

В то же время в понимании самого субъекта совершается принципиально важный шаг — субъект как бы раскалывается на два различных составляющих его слоя: индивидуальный и трансцендентальный субъекты. В отношении первого считается справедливым положение о том, что объективная структура опыта от него независима. В то же время эта структура, нормативы и критерии, применяемые в познавательном процессе, коренятся в особенностях трансцендентального субъекта. Этот подход, получивший название трансцендентализма, является, таким образом, своеобразной переформулировкой декартовской программы анализа познания. Различные виды трансцендентализма отличаются друг от друга в зависимости от того, как в них понимается сама возможность выявления трансцендентальной структуры опыта, а значит, и возможность решения проблемы обоснования знания.

Одной из самых влиятельных концепций такого рода в современной буржуазной философии является трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля⁶⁸. Нужно сказать, что из всех трансценденталистских доктрин феноменология при формулировке задач и в поисках методов теоретико-познавательного исследования в наибольшей степени близка Декарту. Анализ трансцендентального сознания Гуссерль пытается осуществить посредством особой процедуры, которая им именуется феноменологическим описанием того, что дано сознанию с наибольшей очевидностью и самодостоверностью.

В основе всякого познания реальности, считает Гуссерль, лежит непосредственное, интуитивное знание, отождествляемое в феноменологии с восприятием. Однако последнее понимается вовсе не в духе философского эмпиризма. Чувственное восприятие и непосредственное восприятие не синонимичны с точки зрения гуссерлевской философии. Во-первых, Гуссерль выделяет различные типы непосредственного восприятия и соответствующие им переживания очевидности, относящиеся не только к физическим объектам, но и к состояниям сознания, не только к индивидуальным предметам, но и к их сущностям, «эйдосам», универсалиям (так называемое непосредственное узрение сущности). Во-вторых, Гуссерль подчеркивает, что и восприятие физических предметов,

или «внешнее восприятие», отнюдь не сводимо к той или иной совокупности чувственных компонентов, «чувственных данных», а всегда включает определенные нечувственные элементы, слои, характеризующие схему данного вида предметности.

Решение проблемы обоснования знания в трансцендентальной феноменологии сводится к выделению таких актов познания, объекты которых переживаются нами с полной очевидностью, т. е. непосредственно актуально даны сознанию. С этим связана и другая сторона предлагаемого решения — отделение актуально данного от того, что актуально не дано. Дело в том, рассуждает Гуссерль, что в обычном, фактически имеющем место познании актуально данное, т. е. непосредственно схватываемое, переживаемое с очевидностью, перемешано с актуально неданным, с примысливаемым, полагаемым, предполагаемым («мнимым», по терминологии Гуссерля). Конечно, не данное актуально, а лишь полагаемое связано определенным образом с тем, что дано с очевидностью. Однако связь эта не такого рода, чтобы можно было с полной уверенностью ожидать, что будущее течение опыта обеспечит «выполнение» (т. е. представит соответствующие с очевидностью переживаемые «данные») чисто «мнимых» на данном этапе компонентов опыта⁶⁹.

Например, если я воспринимаю дом, то в настоящий момент я с очевидностью переживаю лишь данность мне той стороны дома, которой он непосредственно обращен ко мне. Вместе с тем в сам факт моего восприятия включено полагание существования других сторон дома и *возможность* для меня увидеть эти стороны при соответствующем перемещении вокруг дома. (Это как раз и есть то, что представители анализировавшейся выше эмпиристской концепции называли «возможными чувственными данными».) Без такого полагания возможностей получения соответствующих очевидностей был бы невозможен сам акт восприятия. Однако может случиться так, что, обходя дом, я обнаружу, что его задняя стена оказалась разрушенной в результате какой-то катастрофы, что, следовательно, это уже не дом в точном смысле слова, что жильцы покинули его. В этом случае мое первоначальное восприятие данного предмета как нормального дома окажется ошибочным, а ожидания соответствующих очевидностей, связанных с данным предметом, окажутся нереализованными.

Таким образом, полагание, осуществляемое в самом акте восприятия, какого-то индивидуального объекта в качестве предмета определенного рода — в данном случае в качестве «дома» (восприятие его «в горизонте» определенного рода предметности, как выражается Гуссерль) — оказалось не «выполненным» соответствующими индивидуальными очевидностями. Индивидуальный предмет «этот дом» не был дан сознанию с полной очевидностью. Важно, однако, подчеркнуть, продолжает Гуссерль свои рассуждения, что сам акт полагания, акт «мнения» данного индивидуального предмета дан сознанию с очевидностью. Восприятие индивидуального предмета как дома оказалось нереализованным. Но сам акт такой-то и такой-то нацеленности сознания, в данном случае его нацеленности на восприятие данного предмета как дома, обладает для сознания полной очевидностью.

С точки зрения Гуссерля, как ее излагает З. Какабадзе, «материальная вещь всегда остается неполно и односторонне открытой. С этим связаны возможности разочарования, т. е. возможности того, что в новых «перспективах» вещь окажется уже не той же самой. Материальная вещь открывается всегда релятивно, не исключая сомнения в ее действительном бытии, и тем самым ее бытие обнаруживает себя в качестве случайного. Бытие материальной вещи никогда не усматривается так, чтобы вместе с тем усматривалась возможность ее небытия. Мы никогда не можем с полной уверенностью, т. е. с аподиктической очевидностью утверждать, что действительно существует, например, этот стол, раз я вижу актуально, непосредственно этот цвет и эту фигуру»⁷⁰.

Зато сознанию дано с полной, аподиктической очевидностью то, что оно имеет в данный момент акты такой-то и такой-то нацеленности, полагает, «мнит» то-то и то-то. Можно сомневаться в бытии внешнего мира, зато нельзя усомниться в бытии самого сознания, в моем собственном бытии, повторяет Э. Гуссерль декартовский ход мыслей.

Когда мы нацеливаем наше сознание на непосредственное восприятие, на переживание с аподиктической очевидностью самих его актов, отвлекаясь от вопроса о том, соответствуют ли этим актам реальные предметы (т. е., совершая, по терминологии Гуссерля, процедуру «эпохэ», воздержания от утверждения реального существования соответствующих предметов), мы с точки зрения транс-

цендентальной феноменологии имеем дело с особым предметом — «чистым сознанием» и с особым актом непосредственного постижения, интуитивного схватывания этого предмета — трансцендентальной рефлексией.

Гуссерль подчеркивает, что в обычном опыте, с которым имеет дело повседневная практика, а также специальные науки, исходят из действительного существования мира материальных предметов. Это так называемая естественная установка сознания. Трансцендентальная рефлексия, которая имеет задачей выявление аподиктических очевидностей — а лишь на этом пути можно получить решение проблемы обоснования знания, считает Гуссерль, — вынуждена порвать с «естественной» установкой обычного познания, т. е. совершить процедуру «эпохэ».

Однако «трансцендентальной редукции», «эпохэ», недостаточно для решения проблемы обоснования знания, считает Гуссерль. Для этого нужна еще и «эйдетическая редукция».

Дело в том, что знание той или иной реальной предметности всегда предполагает непосредственное схватывание не только индивидуальной данности, но и сущностных, необходимых связей, предметных структур. Сама индивидуальная очевидность дается лишь в рамках, «в горизонте» тех или иных сущностных («эйдетических») зависимостей. Поэтому решение задачи обоснования знания — это прежде всего выявление этих зависимостей, которые определяют возможность любого конкретного опыта, относящегося к постижению индивидуальных реальных предметов. Иными словами, ответ на вопрос: «Как возможно знание?» — предполагает прежде всего выявление сущностей, «эйдосов» всех тех различных типов предметности, с которыми приходится иметь дело в опыте.

Важно заметить, что «эйдосы» для трансцендентальной феноменологии — это не то же самое, что понятия, хотя они кажутся на первый взгляд очень близкими, ибо как «эйдосы», так и понятия характеризуют смысл объектов. «Эйдосы» — это не мыслительные, логические конструкции, а такие смыслы, сущностные структуры разных типов предметности, которые в гуссерлевском понимании даются непосредственно, интуитивно при особой установке сознания. Они ведут доязыковое существование, хотя и могут выражаться в языке. При этом язык неспособен в полной мере выразить все их оттенки, ибо, во-первых, он является орудием мышления, а не непосред-

ственного созерцания, а во-вторых, неотделим от «естественной», обычной установки сознания. Поэтому задача феноменологического описания исключительно сложна: как по причине трудности осуществления самого акта интуитивного постижения «эйдосов», акта, предполагающего отказ от «естественной» установки сознания, так и вследствие невозможности точно описать в языке результаты трансцендентальной рефлексии; приходится поэтому иногда прибегать к помощи метафор, намеков, иносказаний и других способов косвенной передачи содержания вплоть до изобретения новых словесных конструкций.

Типы и виды «эйдосов» разнообразны и несводимы друг к другу, полагается в трансцендентальной феноменологии. Это и «эйдосы» отдельных видов физических предметов («стол», «стул», «дом» и т. д.), и такие «эйдосы», как «физический предмет», «число», «фигура», «восприятие», «мышление» и т. д., и такие, которых представители феноменалистического эмпиризма называли бы «чувственными универсалиями»: «краснота», «голубизна», «цветность», «громкость» и т. д.

Таким образом, для Гуссерля подлинное знание по существу совпадает с опытом, с непосредственным восприятием соответствующих предметностей (другое дело, что само восприятие, как мы уже говорили, понимается здесь чрезвычайно широко, выделяются его разные типы и т. д.).

Мышление, само по себе взятое, с точки зрения Гуссерля, дает не постоянное знание, а знание лишь в условном смысле слова, знание «фигуративное», «символическое», т. е. такое, которое производно и зависимо от подлинного, опытного знания. Хотя мышление и необходимо вплетается в течение опыта и без него невозможна научная деятельность, однако переоценка значения мышления за счет недооценки принципиальной роли исходных и фундаментальных его интуиций заводит познание в тупик, подчеркивает Гуссерль.

Обратим особое внимание на этот момент в трансцендентальной феноменологии, ибо если и не полное отождествление, то во всяком случае сильное сближение знания вообще с тем или иным способом непосредственного схватывания объекта, по существу, характеризует все разновидности решения проблемы обоснования знания, принятые в западноевропейской буржуазной философии Нового времени. Ход рассуждений, приводящих к подобному по-

ниманию проблемы обоснования, весьма прост. В самом деле. Если чисто мыслительное знание носит выводной характер, то его предпосылки явно не являются таковыми, иначе они сами были бы чем-то обусловлены и обоснованы. Поэтому они не могут в той или иной мере не быть непосредственно, интуитивно данными.

Каковы же способы выявления «эйдосов», т. е. возможностей опытного познания? Это трансцендентальная эйдетическая рефлексия, особого типа опыт сознания, внутреннее восприятие, осуществляемое без посредства органов чувств и направленное на само «чистое сознание». В сознании, считает Гуссерль, «эйдосы» обычно не даются в чистом виде, а как бы сплавлены с теми или иными индивидуальными очевидностями. Трансцендентальное сознание занимает «эйдетическую» установку, позволяющую ему отделить «эйдос» от его конкретной, индивидуальной экземплификации и непосредственно схватить его, как таковой («интуитивное узрение сущности»). В принципе достаточно одного экземпляра, индивидуального воплощения того или иного «эйдоса» для того, чтобы постичь сам «эйдос», например, достаточно трансцендентальной эйдетической рефлексии над актом восприятия данного дома для того, чтобы выявить «эйдос» дома вообще. Но на практике подобная процедура оказывается трудно осуществимой, если не невозможной, признает Гуссерль. Поэтому он предлагает воспользоваться особой разработанной им техникой «эйдетической дескрипции». Исходя из актуального акта полагания данного предмета под данным значением (например, под значением «дом»), мы с помощью свободной фантазии начинаем варьировать разные экземплификации данного значения, данного «эйдоса». В этих экземплификациях мы обнаруживаем нечто инвариантное, то, что нельзя устранить до тех пор, пока мы продолжаем «мнить» предметы под данным значением. Этот инвариант и будет «эйдосом» данной предметности. «Эйдетический анализ», по мысли Гуссерля, позволяет выявить структуры опыта, и прежде всего необходимые сущностные априорные связи, независимые от того или иного конкретного накопления опыта. Это, в свою очередь, дает возможность построить априорные «региональные онтологии», соответствующие разным типам предметности и задающие «горизонты» познавательной деятельности как в сфере донаучного знания, так и в многообразных научных дисциплинах.

Принципиально важным является для Гуссерля то устанавливаемое в ходе трансцендентальной рефлексии обстоятельство, что сознание всегда является сознанием «чего-то», говорит о «чем-то», всегда нацелено, интенционально направлено, как выражается Гуссерль, на какой-то *предмет, объект*. Этот объект необязательно должен быть материальной индивидуальной вещью, а может быть и идеальной «сущностью», «эйдосом», универсалией, может быть и актами самого сознания. Объект может существовать реально и может не быть действительным, а только лишь «мниться» в актах сознания. В последнем случае сам акт «мнения» ирреального объекта будет реальным событием в сознании. Если в ходе трансцендентальной рефлексии выявляются «эйдосы», относимые не к той или иной «материальной онтологии», а характеризующие природу самого сознания, например, если в качестве объекта выступает «эйдос» «восприятия вообще», то в этом случае акт восприятия как предмет рефлексии может тоже реально не существовать, а лишь «мниться» в процессе свободного варьирования в фантазии разных экземпляров восприятия, стоящих под значением восприятия вообще. В этом случае акт восприятия, являющийся объектом интенционального анализа, ирреален, зато акт трансцендентальной рефлексии, направленной на этот объект, относится к реальности сознания, продолжает Гуссерль свои рассуждения. Таким образом, возможность реального или ирреального существования касается не только таких объектов, как материальные тела, но и таких возможных объектов трансцендентальной рефлексии, как акты сознания. Что же касается «эйдосов», либо относимых к материальным телам, либо формальных (логических и математических), либо «эйдосов» самого сознания, то они ведут особое, идеальное существование в рамках трансцендентального сознания, ибо в отличие от реальных событий, которые «случаются», «эйдосы» не могут «случаться»: их существование неотделимо от существования самого трансцендентального сознания. Важно то, подчеркивает Гуссерль, что сознание в любом случае предметно, объектно ориентировано. Каждый акт сознания предполагает существование двух полюсов: интенционального *объекта* того или иного рода и самого осуществляющего акт сознания, *субъекта*, Я, его. Объект лежит вне сознания, ибо трансцендентен интенциональному акту, и в то же время в другом отношении имманентен сознанию,

ибо полагается, «мнится» сознанием, в то время как вопрос о существовании реальности, соответствующей данному интенциональному объекту, всегда остается открытым, считает Гуссерль.

Таким образом, с точки зрения трансцендентальной феноменологии специфика организации сознания выражается в его *субъектно-объектной* структуре. Субъектно-объектное отношение присуще лишь сознанию и выражает связи его разных полюсов. Было бы нелепо и бессмысленно пытаться моделировать это отношение посредством каких-то физических тел или систем, считает Гуссерль, ибо компоненты этого отношения (интенциональный акт, интенциональный объект, субъект, осуществляющий эти акты) характеризуют лишь «чистое сознание» и вне его немыслимы.

Так называемая естественная установка исходит из того, что существуют как Я, так и внешний для меня мир реальных объектов. Под «Я» в данном случае имеется в виду конкретный телесный индивид, наделенный психикой, сознанием. Однако поскольку акт трансцендентальной редукции предполагает «вынесение за скобки» вопроса о реальном существовании мира материальных предметов, напоминает Гуссерль, постольку остается открытым и вопрос о существовании моего тела. Трансцендентальная рефлексия имеет дело только с «чистым сознанием». Последнее складывается из интенциональных актов, которым соответствуют интенциональные объекты. Однако в том случае, если Я осуществляю не только трансцендентальную, но и «эйдетическую» редукцию и при этом ставлю перед собою цель не только выявление «эйдосов» тех или иных материальных и формальных объектов, но и «эйдосов» самого сознания, то в ходе такой трансцендентальной рефлексии, утверждает Гуссерль, я выявляю, непосредственно постигаю сущность самого «чистого сознания», а именно Трансцендентальное его как лежащее в основе всех «эйдосов» и интенциональных актов, как конституирующее смыслы всех предметностей. Коррелятивным Трансцендентальному его объектом является «эйдос Мира» в качестве «горизонта» всех возможных типов и видов предметов. Именно Трансцендентальное его и осуществляет акты трансцендентальной рефлексии, считает Гуссерль. Поэтому, когда последняя направлена на само Трансцендентальное его, оно как бы совпадает само с собою, имея себя самого объектом собственной рефлексии.

сии. В этом случае осуществляется «абсолютная рефлексия», имеет место «абсолютное знание», лежащее в основе всякого знания и служащее верховной инстанцией обоснования познания вообще. Поэтому вся трансцендентальная феноменология может рассматриваться в качестве «эгологии», учения о Трансцендентальном эго. Именно знание о субъективном бытии и лежит в основе всякого знания, считает Гуссерль, подчеркивая необходимость «направить взор» в сторону субъекта⁷¹.

Таким образом, с точки зрения Гуссерля, в основе знания, опыта лежит рефлексия, самопознание. И наиболее адекватным является то знание, которое совпадает с абсолютной рефлексией, с полным самосознанием, т. е. такое знание, которое знает о том, что оно знает, отдает себе полный самоотчет как в собственном объекте, так и в собственном бытии и в тех процедурах, которыми оно достигается. Обратим особое внимание на этот важный пункт трансцендентальной феноменологии.

Подчеркнем далее некоторые особенности Трансцендентального эго в понимании Гуссерля. Дело в том, что оно не должно представляться в качестве некоей сверхиндивидуальной сущности, объединяющей различные конкретные сознания или тем более разных телесных индивидов (как, например, Гегель изображает Абсолютного Субъекта). Конечно, на уровне трансцендентальной рефлексии, направленной на Трансцендентальное эго, считает Гуссерль, не стоит вопрос о различии между конкретными индивидуальными сознаниями (и в этом смысле вопрос о различии между «мной» и «тобой»), ибо в этом случае речь идет о выявлении самого «эйдоса» сознания. Но главное с точки зрения трансцендентальной феноменологии состоит в том, что Трансцендентальное эго схватывается не путем сравнения или какого-то иного соотношения, объединения разных индивидуальных сознаний, а в результате определенного типа *моей* рефлексии, направленной на *мое* собственное сознание. Трансцендентальное эго оказывается глубинной образующей основой моего сознания и, следовательно, основой меня самого. Обычный язык, находящийся во власти «естественной» установки, считает Гуссерль, способен и в данном случае вводить в заблуждение, ибо я могу говорить обо «мне» и как о конкретном телесном индивиде, с характерной фигурой, походкой, с особым выражением лица, и как о неповторимой индивидуальной жизни сознания с его особой

«биографией», с специфическим отношением к своему прошлому и будущему, и, наконец, как о верховной инстанции всякой сознательной активности и всех интенций, о той инстанции, которая существует до всякой индивидуальной психологической биографии (и в этом смысле до всякого индивидуального Я) и вместе с тем лежит в ее основе. Именно эта верховная инстанция и является Трансцендентальным его, которое, как видно из сказанного, тоже есть я сам и лежит не где-нибудь, а именно во мне. Иного доступа к Трансцендентальному его как через особый тип анализа моего собственного сознания не существует.

Возвратимся теперь к характерному для феноменологии тезису о субъектно-объектной структуре сознания. Подчеркнем, что интенциональный объект в гуссерлевском понимании — это не нечто эфемерное, сугубо индивидуальное (как мы уже отмечали, именно так понимают представители феноменалистического эмпиризма такие «особые объекты» сознания, как «чувственные данные»), ибо он всегда дается «в горизонте» того или иного «эйдоса», в рамках тех или иных сущностей, необходимых предметных структур (а в случае трансцендентальной эйдетической рефлексии объект может быть и чистым «эйдосом»). В этой связи Гуссерль критикует господствовавший в западноевропейской психологии в течение двух столетий эмпирический интроспекционизм. Следуя определенной интерпретации декартовской философии и соединив эту интерпретацию с тезисами эмпиризма, представители интроспекционизма видели задачу психологии прежде всего в выявлении эмпирических зависимостей между данными сознания, которые понимаются, во-первых, как сугубо индивидуальные «события» в поле сознания, во-вторых, как данные чисто субъективные, отношение которых к объектам, предметам должно быть полностью элиминировано в интересах чистоты исследования. Гуссерль показывает — и нужно заметить, что в этом пункте он вполне прав, — что невозможен анализ субъективного, сознания вне учета его отнесенности к объекту (его интенциональной направленности на объект, как выражается Гуссерль). Справедливо, подчеркивает Гуссерль, и то, что данные сознания — это не сугубо индивидуальные события, а факты, включенные в некоторые устойчивые, необходимые структуры. Между тем, если считать задачей психологии описание индивидуаль-

ных фактов в поле сознания и выявление их эмпирических зависимостей, то приходится признать, что акт самосознания, эмпирической интроспекции вменяется в поток психической жизни, искажает чистоту исследуемого объекта (ведь самосознание тоже включается в жизнь сознания) и тем самым не позволяет осуществить ту самую цель, которая перед ним ставится. Такой упрек традиционно адресовался интроспекционистской эмпирической психологии. Однако психология и не должна ставить перед собой те цели, которые характерны для интроспекционизма, считает Гуссерль. Безусловно, задача психологии состоит в исследовании субъективной реальности, сознания, и в этой связи психология близка трансцендентальной феноменологии, хотя в первой изучение сознания должно осуществляться несколько в ином ракурсе, чем это имеет место во второй (вопрос об отношении феноменологической психологии и трансцендентальной феноменологии — особая тема, которой мы не можем здесь касаться)⁷². Конечно, изучение субъективной реальности немыслимо вне актов самосознания, считает Гуссерль. Но процедура самосознания должна осуществляться не как эмпирическая интроспекция, а в виде феноменологической рефлексии, которая прежде всего направлена на выявление «эйдосов» сознания, продолжает Гуссерль свои рассуждения. Традиционная интроспекционистская психология именно потому и не богата значительными результатами, считает он, что она с самого начала шла по неверному пути, определенному ложным пониманием предмета и методов исследования. Те результаты, которые она все же сумела добыть, получены не вследствие правильной установки, а вопреки последней.

Гуссерль считает, что выявление субъектно-объектной структуры сознания является также и средством преодоления декартовского дуализма, для которого характерна ориентация на выявление «чисто субъективных» образований, вне их объектной отнесенности.

Как видно из изложенного, Гуссерль в своей феноменологии касается ряда реальных проблем анализа познания и сознания. Укажем лишь на некоторые из них, важные для последующего исследования. Как мы уже отмечали, им справедливо подчеркивается невозможность изучения субъективного, сознания вне учета его объектной отнесенности (его «интенциональной направленности»). Гуссерль верно выявляет ряд принципиальных слабостей

интроспекционистской эмпирической психологии, теоретико-познавательной концепции субъективистского эмпиризма. Правильна, конечно, констатация того важного обстоятельства, что сознание является объектом особого рода и его познание в чем-то должно отличаться от познания внешнего сознанию материального объекта (ибо я имею как бы «внутренний доступ» к своему сознанию). Верно и указание на существование определенной связи между познанием внешнего предмета и фактом отнесения знания к познающему субъекту, т. е. фактом самоотчета, самосознания, саморефлексии. Нужно также отметить и то, что в рамках трансцендентальной феноменологии и феноменологической психологии как Гуссерлем, так и его учениками осуществлено описание большого количества фактов, связанных с работой сознания. Конечно, эти факты пуждаются в критической оценке, ибо их описание феноменологами существует в рамках соответствующей ложной интерпретации — на этом мы остановимся несколько ниже, — но вместе с тем эти факты могут быть определенным образом учтены и переработаны теми дисциплинами, которые так или иначе имеют дело с анализом сознания: психологией, психиатрией, эстетикой, теорией познания и др.

Однако если говорить об общей теоретико-познавательной концепции Гуссерля, о решении им проблемы обоснования знания, то следует со всей определенностью подчеркнуть несостоятельность трансцендентальной феноменологии. Остановимся на этом более подробно.

Гуссерль, как мы помним, исходит из принципиального разделения актуально данного и неактуально данного сознанию. Лишь первому, считает он, сопутствует переживание самоочевидности, которое провозглашается в трансцендентальной феноменологии показателем подлинного, действительного наличия соответствующей предметности. Однако каждому хорошо известно, что переживание того или иного факта, события как очевидного во все не является гарантией его действительного существования. Все иллюзии восприятия, например, свидетельствуют, что нам может казаться очевидным и несомненным то, что реально не имеет места.

Гуссерль отдает полный отчет в этом факте. Поэтому он подчеркивает, что феноменологическая самоочевидность нетождественна субъективно-психологической уверенности. Первая якобы достигается в результате особой уста-

новки сознания, вследствие специальных процедур трансцендентальной рефлексии.

Вторая, по мнению Гуссерля, может иметь место и в том случае, когда сознание полагает интенциональные объекты, которым не соответствует реальность, именно тогда и возникают иллюзии восприятия.

Однако зададимся вопросом: представляет ли трансцендентальная феноменология метод четкого отделения субъективной уверенности от переживания очевидности? Этим методом, по мнению Гуссерля, является трансцендентальная рефлексия (предполагающая «эпохэ», «трансцендентальную» редукцию, в некоторых случаях и «эйдетическую» редукцию и т. д.). Но как определить, что мы выполнили все процедуры, требуемые трансцендентальной рефлексией? Это может быть обеспечено только лишь достижением результата этой рефлексии, отвечает Гуссерль, т. е. возникновением специфического переживания самоочевидности. Таким образом, мы оказываемся в логическом кругу.

Гуссерль сам вынужден признать, что в процессе феноменологического описания практически чрезвычайно трудно отделить «чистое» трансцендентальное переживание очевидности от похожих на него субъективно-психологических явлений. Поэтому развитие его концепции непрерывно сопровождалось не только уточнениями уже осуществленных описаний, но в иных случаях их существенными модификациями. Если же говорить о последователях Гуссерля, то они нередко «с самоочевидностью» «видели» совершенно различные вещи. Добавим к этому также характерное для феноменологии утверждение о том, что обычный язык не в силах точно передать переживаемые данные, вследствие чего даже при выполнении требований доктрины не существует гарантии адекватного выражения результатов анализа. Все это делает практически невозможным указание каких-то четких критериев, позволяющих утверждать, что необходимая чистота феноменологического исследования достигнута. Но в таком случае открываются широкие возможности для произвола и субъективизма. Поэтому Гуссерлю приходится подчеркивать, что чистое описание данных трансцендентального сознания — это не столько реальный результат фактически существующих феноменологических исследований, сколько некая идеальная цель, к которой они должны стремиться. Эта цель, считает Гуссерль, обусловлена са-

мой постановкой проблемы обоснования, предполагающей существование такого рода знания, которому соответствующий объект дан непосредственно, интуитивно, самоочевидно.

Таким образом, утверждение о переживаниях самоочевидности как истинных показателях предметной реальности основано не столько на фактических результатах анализа сознания и познания, сколько на определенных допущениях относительно характера проблемы обоснования знания и возможных путях ее решения, тех самых допущениях немарксистских теоретико-познавательных концепций, о которых мы говорили в начале данной главы. Однако почему мы должны считать правомерными сами эти допущения?

С попыткой преодоления субъективизма в феноменологических описаниях связан предлагаемый Гуссерлем метод свободного варьирования в фантазии разных выражений данного значения с целью выявления их инварианта — «эйдоса». Этот метод по замыслу должен обеспечить некоторую общезначимую технику анализа сознания. Нетрудно, однако, видеть, что данный метод ничем принципиально не отличается от обычного эмпирического обобщения путем сопоставления единичных предметов. Почему следует придавать результатам такого обобщения характер априорных сущностей сознания, а не считать их тем, чем они являются на самом деле — выражением конечного эмпирического опыта?

Вообще сама процедура, называемая Гуссерлем трансцендентальной рефлексией, представляется сомнительной в ряде принципиальных пунктов. Прежде всего это относится к «эпохе», т. е. к воздержанию от суждения о существовании предметов материального мира. Конечно, в ходе нашего опыта иной раз возникают ситуации, когда мы не можем с уверенностью сказать, имеем ли мы действительно дело с тем предметом, который представляется реально существующим, или же речь идет о кажимости, об ошибке восприятия. Важно, однако, подчеркнуть, во-первых, что ситуации подобного рода не столь часты, во-вторых, что всегда имеются средства точно убедиться в характере восприятия, т. е. в том, является ли оно иллюзорным или подлинным, в-третьих, что само осуществляемое в опыте отличие иллюзии от реальности опирается на обоснованное убеждение в реальном существовании по крайней мере подавляющего большинства тех предметов,

которые даются нам в восприятии. Дело, таким образом, вовсе не в наивности «естественной» установки сознания, убежденной в существовании материального мира, а как раз в необоснованности универсализации ситуации неуверенности в реальности предмета восприятия. Утверждение феноменологии о том, что существование предметов материального мира (не того или иного предмета этого мира, а всех вообще материальных предметов) никогда не дано с несомненностью, получено не в результате анализа действительного опыта, а как следствие ложной предвзятой установки. Эта установка тесно связана с стремлением выявить условия «абсолютного знания». Последнее якобы достигается тогда, когда знание объекта совпадает с рефлексией над самим знанием, что, по мнению Гуссерля, и имеет место в трансцендентальной рефлексии.

Однако следует ли относить к подлинному лишь «абсолютное знание»? Какие у нас имеются основания для лишения статуса настоящего знания (а именно к этому обязывает Гуссерль) результатов познавательной деятельности как в сфере обыденного опыта, так и в области разнообразных научных дисциплин, имеющих дело с исследованием эмпирических фактов? Не правильнее было бы поступить наоборот и соотнести нашу идеальную модель знания с реальными образцами знания, получаемого в ходе действительного познавательного процесса? Подчеркнем в этой связи, что те примеры априорного «абсолютного знания», которые приводит Гуссерль, — истины логики и математики, так называемые региональные онтологии, т. е. феноменологические описания «эйдосов», якобы лежащих в основе тех или иных научных дисциплин, — как раз не выдерживают проверки на априорность и «абсолютность» в свете развития науки в двадцатом столетии. Заметим, что в этом пункте обнаруживается принципиальный порок не только гуссерлевской феноменологии, но и всех видов трансцендентализма как способа решения проблемы обоснования знания. К этому вопросу мы еще будем возвращаться.

Наконец, обратим внимание на характер высшего обосновывающего положения феноменологии — утверждения о существовании Трансцендентального его. Это утверждение получено, как мы видели, в результате трансцендентальной рефлексии. Однако сама процедура трансцендентальной рефлексии, связанной с «эпохэ» и с выделением особого предмета — «чистого сознания», как мы говори-

ли, весьма сомнительна. Поэтому и попытки отделить «Я» как единство сознания и материальной телесности от «Я» как «чистого» индивидуального сознания, а последнее — от Трансцендентального его выглядят весьма неубедительно. Утверждение о том, что все предметные смыслы, так же как и все индивидуальные субъекты (т. е. я сам и другие сознательные существа), конституированы мною как Трансцендентальным его, не может не вести логически к многократно скомпрометировавшему себя субъективному идеализму в самой одиозной форме — в виде солипсизма, сколь бы ни открепчивался Гуссерль от последнего. Хотя Гуссерль и подчеркивает невозможность анализа субъективного, сознания вне его объектной отнесенности, этим еще не преодолевается декартовский субъективизм, ибо интенциональный объект мыслится в качестве существующего в рамках трансцендентального сознания и как конституированный последним (вопрос же о существовании реальной предметности, соответствующей интенциональному объекту, выносится за скобки трансцендентальной феноменологии).

Однако можно ли сохранить основные посылки трансцендентализма в решении проблемы обоснования знания и вместе с тем избавиться от таких явных слабостей феноменологии, как ее апелляция к субъективным переживаниям очевидности, не подкрепленная какими-то другими, логически более убедительными процедурами? Иными словами, существуют ли такие варианты решения проблемы возможности знания, которые пытаются двигаться более логическим путем и в то же время остаются в принципиальных рамках трансцендентализма?

Как к попытке такого решения обратимся к теоретико-познавательной концепции И.-Г. Фихте⁷³.

Последний исходит из положений, как будто бы близких феноменологии. Фихте ставит задачу превратить трансцендентальную философию как учение о возможности познания вообще, научного познания в особенности в «очевидную науку»⁷⁴, подчеркивает, что теоретическое наукоучение «предполагает способность свободы внутреннего созерцания»⁷⁵. Основоположение знания, подчеркивает Фихте, должно быть отыскано как нечто абсолютно первое, как нечто такое, что не может быть ни доказано, ни определено.

Исходя из фактов эмпирического сознания, а затем «отмысливая» все, что является случайным, и оставляя

лишь то, что нельзя более отделить от сознания (т. е. совершая процедуру, в чем-то напоминающую гуссерлевскую трансцендентальную рефлексия), Фихте приходит к утверждению декартовского положения «Я есмь» в качестве высшего факта, который лежит в основании всех других. «Это... положение должно было бы быть допущено без всяких доказательств, несмотря на то что все наукоучение занято тем, как бы его доказать»⁷⁶.

Далее в размышлениях Фихте обнаруживаются существенно новые моменты. Дело в том, подчеркивает он, что самосознание Трансцендентального Я, выражающееся в положении «Я есмь», это не просто продукт непосредственного внутреннего восприятия некоторой очевидности (как сказал бы Гуссерль), а результат *деятельности* по определению неопределенного. Самосознание должно быть понято не просто как интуитивное схватывание объекта, который как бы извне дан интенциональному акту, а как мыслительное полагание самого объекта и одновременно как рефлексия над продуктом этого полагания, причем рефлексия (которая выступает в качестве лишь одного из моментов сложной процедуры самосознания) отнюдь не сводится к простому созерцанию данности, а является активной деятельностью по аналитическому расчленению полагаемой данности. Таким образом, Трансцендентальное Я — это не просто данный объект, каким он представляется Гуссерлю, а своеобразное единство деятельности и ее продукта, своего рода «дело-действие». Вне направленной на него деятельности самосознания не существует и само «чистое Я» (вспомним сходный момент в рассуждениях Декарта): «Я полагает себя самого, и оно есть только благодаря этому самоположению. И наоборот, Я есть, и оно полагает свое бытие благодаря только своему бытию. — Оно является в одно и то же время и тем, что совершает действие, и продуктом этого действия; — действующим началом и тем, что получается в результате деятельности. Действие и дело суть одно и то же, и потому Я есмь есть выражение некоторого дела-действия...»⁷⁷.

Я вне деятельности самополагания и саморефлексии — это ничто, оно просто не существует, подчеркивает Фихте. Но именно деятельная природа Абсолютного Я, заставляющая его стремиться к все большей степени самоопределенности — как результату воздействия на самого себя — приводит далее к необходимости противопоставить (противоположить) ему Не-Я, которое, с одной стороны

ограничивает Я, а с другой стороны, существует в рамках Абсолютного Я, ибо является полаганием последнего. Лишь в связи с противоположением Я и не-Я, подчеркивает Фихте, т. е. лишь с появлением внешнего для Я объекта, само Я становится полноценным объектом для себя. Лишь через не-Я Я становится нечто, т. е. тем, о чем что-то можно сказать. То Я, которое существует в рамках противопоставления не-Я — это уже не Абсолютный Субъект, а субъект эмпирический, ибо он ограничен внешним ему объектом. Если чистая деятельность (делодействие) Абсолютного Я не предполагает никакого объекта, а «возвращается в себя самого», то определение Я в виде эмпирического субъекта («нисхождение» от Абсолютного Субъекта к эмпирическому) выявляет взаимную опосредованность Я и не-Я в виде закона сознания: *«без субъекта нет объекта, без объекта нет субъекта»*⁷⁸. Таким образом, в то время, как первоначальное положение «Я есмь» выступает как нечто непосредственно данное и достоверное, деятельность самосознания необходимо приводит к его самоопосредованию, к порождению целого ряда полаганий и противоположений, которые, по мнению Фихте, логически вытекают друг из друга. Этой опосредующей деятельности самосознания соответствует рефлексивная деятельность теоретического наукоучения, в котором формулируется тезис о том, что деятельность Я может быть лишь опосредованной, а «непосредственной вообще не должно быть»⁷⁹. В качестве абстрактных моментов этих вытекающих друг из друга полаганий и противоположений чистого Я выступают логические категории (реальность, отрицание, причинность, взаимодействие и т. д.), выражающие необходимые связи и зависимости опыта и делающие возможным знание. Рефлексия теоретического наукоучения выделяет категориальные зависимости знания.

Следует обратить внимание на следующие особенности анализируемой теоретико-познавательной концепции, которые будут для нас важны в связи с последующим исследованием.

Фихте подчеркивает, что самосознание и самопознание — это не просто пассивное непосредственное схватывание некоего данного объекта, а всегда выход *за пределы* непосредственного, попытка определить, осмыслить последнее (любое элементарное сознание уже содержит в себе элемент мышления, считает Фихте).

Я, чистое сознание, не есть с самого начала готовый объект, оно *становится* таковым, *объективируется* по мере того, как делается предметом собственной самопознающей деятельности.

Отсюда вытекает, что Я как собственный объект — это в известном смысле результат творчества, конструирования (полагания).

В той мере, в какой Я становится предметом своей деятельности и рефлексии и противопоставляет себя не-Я, оно делается другим, чем было первоначально, диалектически *изменяет* и развивает себя самого. Иными словами, предмет самопознания — это продукт его собственной деятельности. Но не в том смысле, что это некая выдумка сознания, произвольная фикция, а в том, что Я как объект выступает в качестве результата необходимого разворачивания, диалектического опосредования того, что первоначально выступало как чисто непосредственное тождество $Я=Я$. Самопознание, рефлексия предполагает вынесение во вне, объективацию того, что сначала было чисто внутренним, субъективным и непосредственно сливалось с самим собой в виде «факта сознания»: «Я есмь».

Вообще, подчеркивает Фихте, определение и раскрытие сущности того, что представляется непосредственно данным и очевидным, обнаруживает скрытую за ним сложную систему деятельности сознания.

Заметим сразу же, что в этих рассуждениях Фихте в спекулятивной идеалистической форме схватывается ряд моментов познавательной деятельности, к обсуждению которых в позитивном плане нам еще придется вернуться. Однако нетрудно показать, что проблемы обоснования знания фихтевская концепция тоже не решает.

Фихте справедливо подчеркивает, что необходимым условием познания является определение неопределенного, мыслительное опосредствование того, что первоначально представляется чисто непосредственным, и верно отмечает, что данные условия относятся не только к познанию внешних субъекту объектов, но и к познанию самого субъекта. Однако он не в состоянии сколько-нибудь убедительно доказать, что требуемое определение неопределенного, равнозначное конституированию опыта, должно осуществляться именно в тех категориальных формах, о которых идет речь в его «Наукоучении». Иными словами, он не может произвести априорную дедукцию сущностных зависимостей всякого знания из актов полагания

и противопоставления чистого Я, на что он претендует. Фактически в фихтевском «Наукоучении» имеет место предположение ряда категориальных связей, характеризующих налицо имеющийся эмпирический опыт, а также традиционно принимаемые законы формальной логики (законы тождества, противоречия и др.). Таким образом, центральное для его концепции утверждение о том, что факт самополагания чистого Я — «Я есмь» — лежит в основании всякого знания и всех сущностных априорных зависимостей последнего, повисает в воздухе, остается бездоказательным утверждением.

Мы уже не говорим о том, что принятие фихтевского Абсолютного Я в качестве центра, конституирующего знание и предметную реальность, приводит к тупикам идеалистического субъективизма, так же как и гуссерлевское Трансцендентальное его.

3. Факт знания и трансцендентальная интерпретация условий его возможности

Но, можно ли, не претендуя на то, чтобы логически дедуцировать сущностные зависимости знания из факта самосознания «Я есмь Я», остаться в рамках трансцендентализма? В этом случае философ вынужден ставить перед собой задачу выявить условия возможности знания из логического анализа, расчленения и препарирования фактически, реально имеющего место знания, зафиксированного как в истинах обыденного сознания, так и в положениях специальных наук. Ясно, что при подобном подходе отношение между знанием и самосознанием приходится понимать как-то иначе, чем это делали Гуссерль и Фихте.

Отмеченная возможность была реализована в «критической» трансцендентальной теории познания И. Канта⁸⁰.

Важно подчеркнуть, что Кант вовсе не обсуждает вопрос «возможно ли знание?», и в этом пункте его философия серьезно отличается, например, от декартовской. То, что знание не только возможно, но и действительно, фактически *существует*, одна из принципиальных предпосылок кантовской теории познания. Иными словами, Кант, как впоследствии выражались неокантианцы, ориентируется на *факт* знания. Это знание, считает он, выражено, по крайней мере, в специальных научных дисциплинах, относящихся к чистой математике и чистому (т. е. тео-

ретическому) естествознанию. Основной вопрос его теории познания состоит в выяснении того, *как возможны* чистая математика и чистое естествознание, т. е. как возможно знание вообще. Кант отправляется от факта существования несомненного, признанного продукта познавательной деятельности — научного знания — и пытается путем его аналитического расчленения реконструировать логические условия его производства, т. е. двигается от исследования результата к выявлению возможностей его порождения.

Подобная постановка вопроса с кантовской точки зрения оправдана тем, что если существование чистой математики и чистого естествознания несомненно, то утверждение о реальности метафизики как подлинного знания весьма проблематично. Выявление всеобщих условий возможности знания могло бы не только дать ответ на вопрос о том, возможна ли метафизика, но и в случае положительного ответа обнаружить методы наиболее плодотворной работы в этой области, считает Кант⁸¹.

Двигаясь в направлении осуществления поставленной задачи, Кант приходит к выводу о том, что опыт как знание объективно существующих предметов, независимых от данного эмпирического индивида и состояний его сознания, предполагает вместе с тем постоянную ссылку на субъект. Эта ссылка осуществляется двояким образом. Во-первых, именно выделение объективности опыта и отличие фиксируемых в нем процессов от субъективных ассоциаций, от случайного течения представлений и т. д. означают постоянное (актуальное и потенциальное) соотношение мира объектов и процессов сознания. Во-вторых, само единство опыта предполагает единство сознания. Последнее обстоятельство особенно важно, считает Кант. Если бы течение объективного опыта, по его мнению, не могло постоянно сопровождаться некоторым актом самосознания в виде признания тождества того Я, которому принадлежит опыт — этот акт, по Канту, выражается в виде утверждения «Я мыслю», — то было бы невозможно и единство объективного опыта.

Дело в том, что объективность опыта неотделима от наличия в нем разного рода зависимостей, в том числе необходимых. Объект — это как бы воплощение определенного правила увязывания разнообразных чувственных впечатлений. Течение объективного опыта характеризуется внутренне связанной картиной необходимого взаимодействия всех его компонентов, в этом течении существует

определенная непрерывность, т. е. последующее состояние необходимо вытекает из предыдущего. Если бы в опыте существовали «разрывы», т. е. последующие события не вытекали бы из предыдущих по необходимым правилам, то мы не имели бы оснований считать опыт объективным, подчеркивает Кант, а должны были бы квалифицировать его как субъективную связь ассоциаций, т. е. как относящийся к индивидуальному сознанию, а не к миру материальных объектов. Вместе с тем всякий опыт — это *мой* опыт, т. е. принадлежит мне как испытывающему его лицу, «ничьего» опыта не существует. Теперь допустим, рассуждает Кант, что «Я» как субъект опыта не сохраняю никакого тождества, т. е. могу полностью исчезнуть как одно «Я» и возродиться как другое, не имеющее ничего общего и никакой связи с первым.

В этом случае должен измениться и сам опыт, так как его принадлежность «Я» — это необходимая характеристика опыта, как мы только что признали, и если «Я» стало другим, то другим стал и опыт. Но если между первым и вторым «Я» нет никакой связи, то нет никакой связи и между первым и вторым опытом. Это означает, что в течении опыта существуют «разрывы». Поэтому и сам опыт в этом случае не объективен, а субъективен. Следовательно, заключает Кант, необходимым условием объективности опыта является самосознание Я как себе тождественного в виде утверждения «Я мыслю», которое потенциально сопровождает течение опыта (важно заметить, что, с точки зрения Канта, акт самосознания «Я мыслю» вовсе не обязан актуально сопровождать опыт; объективность последнего лишь предполагает постоянную возможность подобного самосознания)⁸².

Индивидуальное эмпирическое самосознание, позволяющее отличать субъективную связь ассоциаций от объективных зависимостей внешних этому самосознанию предметов, Кант называет субъективным единством сознания. Что же касается того единства сознания, благодаря которому, по его мнению, становится возможной сама объективность опыта, то оно получает в кантовской философии название объективного единства самосознания или трансцендентального единства апперцепции и принципиально отграничивается от первого⁸³.

Субъективное единство самосознания имеет дело с потоком индивидуальных представлений и характеризует «внутреннее чувство». Многообразие, дающееся во вту-

треннем чувстве, тоже упорядочено определенным образом (правила этого упорядочивания определяются априорной формой времени), хотя это упорядочивание необъективно, т. е. отлично от тех типов порядка, которые имеют место в мире внешних объектов, существующих в формах пространства и времени и дающихся субъекту посредством «внешнего чувства». Субъективное единство самосознания весьма специфично. Дело в том, что в отличие от того единства, которое относится к объективному («внешнему») опыту, первое не характеризует никакой постоянной субстанции, остающейся себе тождественной при разнообразных сменах своих состояний. Поэтому, считает Кант, посредством внутреннего чувства нельзя выявить такие необходимые зависимости и правила следования чувственных впечатлений, которые дали бы возможность конструировать полноценный объект познания. Объекты внешнего чувства, дающиеся не только в формах времени, но и пространства (последнее, таким образом, выступает в кантовской гносеологии необходимым условием объективности), предполагают в качестве своего сущностного основания априорные категориальные схемы, исходя из которых можно вести разработку теоретического («чистого») естествознания. Что же касается объектов внутреннего чувства, то это не объекты в строгом смысле слова, ибо состояния сознания зыбки, неопределенны, эфемерны. Конечно, они тоже упорядочены определенным образом — в формах времени. Однако эта упорядоченность не может задать возможность теоретической («чистой») науки о явлениях индивидуального сознания. Психология, по мнению Канта, возможна лишь как эмпирическая описательная наука, констатирующая случайные связи в субъективном потоке представлений и в принципе неспособная пользоваться методами математики (с точки зрения Канта, подлинная наука должна выражаться на языке математики).

Более того. Внутренний опыт не только лишен некоторых существенных особенностей внешнего, позволяющих последнему быть основой теоретической науки, но и невозможен без внешнего созерцания. Дело в том, что временное определение, являющееся формой упорядочивания внутреннего опыта, существует лишь через воплощение хода времени в тех или иных пространственных процессах, т. е. процессах, происходящих с теми или иными материальными предметами. «Всякое временное определе-

ние мы можем воспринять только через смену во внешних отношениях (движение) к постоянному в пространстве (например, движение солнца по отношению к предметам на земле); более того, у нас нет ничего постоянного, что мы могли бы положить в основание понятия субстанции как созерцание, кроме только *материи*. . . Вот почему у этого Я нет ни одного предиката созерцания, который, будучи *постоянным*, мог бы служить коррелятом для временного определения во внутреннем чувстве, подобно тому как *непроницаемость* есть коррелят материи как *эмпирическое созерцание*»⁸⁴.

Однако из этого вытекает в высшей степени важное следствие, а именно: «...сам внутренний опыт возможен только опосредованно и только при помощи внешнего опыта»⁸⁵.

Сам Кант расценивает это следствие как прямое опровержение «проблематического идеализма Декарта», «который объявляет несомненно достоверным лишь одно эмпирическое утверждение (*assertio*), а именно: я существую»⁸⁶. «Идеализм, — пишет Кант, — предполагает, что единственный непосредственный опыт — это внутренний опыт и что, исходя из этого опыта, мы только *заключаем* о внешних вещах, да и то без достаточной достоверности, как это всегда бывает, когда мы заключаем от данных действий к *определенным причинам*: ведь причина представлений, которую мы, быть может ложно, приписываем внешним вещам, может находиться в нас самих. Между тем мы доказали здесь, что внешний опыт непосредствен в собственном смысле слова и что только при его посредстве возможно если не сознание нашего собственного существования, то все же его определение во времени, т. е. *внутренний опыт*»⁸⁷.

С кантовской точки зрения, это значит, что если речь идет о конкретном индивидуальном сознании, о субъективном, то мы не можем рассматривать его в духе Гуссерля как «чистое сознание», а обязательно должны соотносить его с теми процессами, которые осуществляются материальными объектами, телами. Правда, Гуссерль тоже подчеркивает необходимость соотнесения любого субъективного акта с тем объектом, на который этот акт направлен. Но у Гуссерля речь идет лишь об интенциональном объекте, т. е. об объекте, который существует в рамках трансцендентального сознания и не обязан быть реальным. Поэтому в принципе Гуссерль не выходит

в данном пункте за пределы декартовской позиции. Кант ставит вопрос принципиально иначе: сознание самого себя, «внутреннее чувство» должно быть опосредовано сознанием внешних объектов, реальных материальных предметов. Конечно, Кант прекрасно отдает отчет в том, что не всегда представление о внешних вещах означает их реальное существование, как доказывают факты иллюзий, галлюцинаций и т. д., т. е. те факты, от которых как раз и отталкиваются Декарт и Гуссерль в утверждениях относительно «очевидности» данности сознания самому себе и «неочевидности» данности сознанию внешних объектов. Однако, подчеркивает Кант, сами иллюзии, галлюцинации и т. д. существуют «только как воспроизведение прежних внешних восприятий, которые... возможны лишь благодаря действительности внешних предметов... Представляет ли собой тот или иной предполагаемый опыт не один только плод воображения — этот вопрос должен решаться согласно отдельным определениям опыта и путем сравнения с критериями всякого действительного опыта»⁸⁸.

Итак, что же удастся показать Канту? Во-первых, что эмпирическое самосознание («внутреннее чувство») необходимо предполагает восприятие внешних объектов, независимых от данного индивидуального сознания. Во-вторых, что единство и связность объективного опыта означают также единство и связность познающего субъекта (этот факт в кантовской гносеологии именуется «объективным единством самосознания»). В-третьих, что познавательное отношение к внешнему объекту обязательно сопровождается также и отношением к познающему субъекту, т. е. разными формами самосознания.

Однако Кант делает дальнейший шаг и выдвигает тезис, не вытекающий из данных утверждений, но представляемый им как их логическое следствие. Он формулирует положение о том, что объективное единство самосознания или трансцендентальное единство апперцепции является *основанием* объективного единства опыта. Положение «Я мыслю» провозглашается высшим основоположением всякого знания⁸⁹, и Кант тем самым, по сути дела, возвращается к Декарту, которого он только что критиковал за «проблематический идеализм».

Правда, и в этом пункте имеется существенное отличие позиции Канта не только от позиции Декарта, но и от Гуссерля, и от Фихте. Дело в том, что для Канта по-

ложение «Я мыслю» (так же, как и положение «Я существую»), будучи выражением особого рода сознания, точнее, самосознания не выражает вместе с тем знания. Необходимым условием знания, по Канту, является данность соответствующего объекта в опыте, т. е. знание и опыт совпадают. Правда, сам опыт понимается Кантом отнюдь не как что-то чисто непосредственное: здесь его позиция противостоит как эмпиризму, так и феноменологии. Тем не менее условием опыта является синтезирование непосредственно чувственных компонентов. Там, где последнее не имеет места, мы не имеем опыта, а значит, и знания.

Поэтому, например, априорные категории рассудка, взятые сами по себе, не содержат знания (и невозможно никакое «сущностное узрение» их содержания в гуссерлевском духе). О них можно мыслить, т. е. аналитически расчленять их содержание, но это не будет знанием, познанием.

Кант, таким образом, разводит мышление и познание, сознание и знание. Положение «Я мыслю» выражает акт самосознания. Однако оно не есть знание, ибо соответствующий ему предмет — мыслящее Я — не дан ни в каком опыте. Субъект трансцендентальной апперцепции не может стать объектом самого себя. О нем можно только лишь мыслить или как-то символически намекать на него, «единство сознания есть лишь единство в *мышлении*», а посредством одного только мышления объект не дается; следовательно, категория субстанции, предполагающая каждый раз данное *созерцание*, неприменима к нему, и потому этот субъект вовсе не может быть познан. Следовательно, оттого, что субъект категорий мыслит эти категории, он не может получить понятие о самом себе как объекте категорий. . . »⁹⁰.

Важно отметить, что Трансцендентальное Я, которое лежит, с точки зрения Канта, в основании всего опыта, не может в рамках его системы как-то быть непосредственно схвачено. О нем Кант предлагает лишь логически заключать как о некоей потусторонней сущности, как о «вещи в себе».

Если даже эмпирическая рефлексия (субъективное единство самосознания), с точки зрения Канта, не является полноценным знанием, так как его объекты, даваемые во внутреннем чувстве, лишены ряда особенностей настоящих объектов, с которыми имеет дело внешний

опыт, то трансцендентальная рефлексия (трансцендентальное единство самосознания) вообще не считается знанием. (Вспомним, что для Гуссерля именно трансцендентальная рефлексия — выражение «абсолютного знания»). Трансцендентальное Я, по Канту, принципиально внеопытно. Что же касается эмпирического самосознания, то это лишь явление эмпирическому субъекту Трансцендентального Я как «вещи в себе»⁹¹.

Фактически это означает, что Канту не удастся обосновать знание посредством трансцендентального самосознания. Сам он вынужден признать, что в рамках конечного, реально существующего опыта нет средств перехода от второго к первому. Для Канта закрыт принятый Гуссерлем способ этого перехода посредством «непосредственного узрения» некоторых «очевидностей», кенигсбергский философ считает, что «очевидность» никоим образом не является гарантией реального существования соответствующего предмета⁹².

Для него невозможна и «дедукция» априорных форм всякого знания из деятельности Трансцендентального Я (фихтевский путь), ибо в кантовском понимании Я как основание знания не может быть предметом опыта и объектом знания, а является принципиально внеопытной «вещью в себе». Тем более не может быть и речи об обосновании знания посредством эмпирического (субъективного) самосознания. Последнее, как известно, уже предполагает существование мира материальных объектов, и знание о них скорее само обосновано последним, чем является основой знания. К тому же эмпирическое Я, подчеркивает Кант, именно в силу эмпиричности и случайности присущих ему процессов не может быть гарантом всеобщности и необходимости характеристик всякого знания.

Поэтому-то Канту не остается ничего другого, как уверять читателя в том, что переход от трансцендентального единства апперцепции (которое считается высшим основоположением всякого знания) к конституированию опыта, т. е., с одной стороны, мира объектов, выступающих для конечного сознания как «эмпирически реальные», и, с другой стороны, соответствующих им видов знания, осуществляется в некоторых потусторонних сферах, как бы «за спиной» эмпирического сознания. Этот переход, именуемый трансцендентальным синтезом, и выражает самодеятельность Трансцендентального Я.

Поэтому, согласно Канту, трансцендентальное единство апперцепции выступает в двух формах. Его глубинная суть выражается в его самодеятельности, т. е. в работе по трансцендентальному синтезу. Именно *синтетическое* единство трансцендентальной апперцепции является высшим основоположением познания. Что же касается сознания тождества мыслящего субъекта, даваемого каждому эмпирическому индивиду в виде самосознания «Я мыслю», то оно, как считает Кант, выступает лишь в качестве отблеска спонтанной деятельности Трансцендентального Я и характеризует не столько саму эту деятельность, сколько ее результат — тождество Я самому себе ($Я=Я$). Кант предлагает называть последнее *аналитическим* единством трансцендентальной апперцепции.

Но поскольку конечный эмпирический индивид не имеет непосредственного доступа к Трансцендентальному Я, а располагает лишь некоторой целью, через которую можно схватить что-то из его деятельности в виде самосознания «Я мыслю», само Трансцендентальное Я получает в кантовской философии весьма противоречивые характеристики. С одной стороны, оно рассматривается как некоторая глубинная сила меня самого, в этом пункте Кант схож с Гуссерлем и Фихте. Однако Трансцендентальный Субъект объявляется также и вещью в себе, некоторой потусторонней сущностью. И здесь он уже выступает как нечто, находящееся не только во мне, но и вне меня, как «сознание вообще», как объективная структура, лежащая в основе всех индивидуальных сознаний. О Трансцендентальном Субъекте в этом аспекте правильнее было бы говорить уже не «Я», а «Мы» (Кант нередко так и поступает). Иными словами, субъективный идеализм Канта в этом пункте не лишен определенных черт идеализма объективного.

Итак, в решении проблемы обоснования знания Кант прежде всего пытался идти от анализа характеристик готового продукта познавательной деятельности — знания — к реконструированию логических условий его порождения. В качестве образцов знания, на которые он ориентировался, были выбраны не только определенные положения «здравого смысла», но прежде всего результаты математики, современного ему математического естествознания (классической механики), итоги формально-логических исследований. Теоретически расчленив и аналитически исследуя эти различные виды и типы знания, Кант

выявляет определенные структуры и инварианты в том знании, которое фактически, реально было ему доступно и которое характеризовало определенный отрезок развития познания. На этом пути он получает ряд результатов, представляющих не только исторический интерес. Однако обоснование всеобщности и необходимости этих результатов было возможно, с точки зрения Канта, лишь путем их соотношения с деятельностью Трансцендентального Субъекта, с трансцендентальным единством самосознания. Именно эту задачу Кант и не выполняет, ибо логические средства для выражения спонтанной деятельности Трансцендентального Я отсутствуют в его системе. Поэтому теоретико-познавательная концепция Канта, будучи безусловно субъективно идеалистической, не может тем не менее рассматриваться как «эгология» в отличие от трансценденталистских систем Фихте и Гуссерля. Кант выявил ряд важных моментов, относящихся к исследованию познания и сознания. Но проблема обоснования знания не решается и в его концепции, и не может быть решена, поскольку эта концепция остается идеалистической.

Итак, как мы видим, попытки решить проблему обоснования знания, понять природу познания исходя из постулата о существовании особого типа знания, несомненного, достоверного и непосредственно относящегося к «чистому сознанию», оказываются безуспешными. Так называемая радикальная рефлексия над «чистым» сознанием («поворот взора в сторону субъекта», как выражается Гуссерль) не только не в состоянии обосновать объективность опыта, но даже не может гарантировать в своих рамках реальную действительность других познающих индивидов («других Я»). Не получает разрешения и вопрос о природе «Я», о способах его постижения. Трансценденталистская версия субъективно-рефлексивной процедуры обоснования познания, постулирующая априорность определенных структур и нормативов обыденного и специально-научного знания, приходит в противоречие с развитием современного научного знания.

4. Концепция «жизненного мира» и уникальность места эмпирического субъекта в структуре опыта

В современной буржуазной философии влиятельны другие варианты идеалистического решения проблемы обоснования знания. В качестве обосновывающей инстан-

ции рассматривается не Трансцендентальный Субъект, понимаемый в отъединенности от мира реальных материальных предметов, от эмпирического телесного индивида и от сообщества других таких же «Я», а как раз этот эмпирический субъект, т. е. особого типа единство сознания и телесности. На этом пути пытаются выявить необходимые зависимости знания и опыта.

Подобные подходы к пониманию познания являются отходом от трансцендентализма. Однако это еще не отказ от истолкования познания как определяемого структурой индивидуального сознания. Просто сознание понимается не как «чистое» сознание «чистого» индивидуального «Я», а в его органической связи с телесностью и его включенностью в сеть взаимодействий с другими субъектами. Отказ от слишком явно выраженного субъективизма тех философских концепций, которые опираются на «чистое» сознание, не означает разрыва с идеализмом. Последнее предопределяет несостоятельность попыток решить проблему обоснования знания, которые мы сейчас рассмотрим.

Отмеченное понимание субъекта характерно для поздних работ Э. Гуссерля. Противопоставляя обыденный, донаучный и вненаучный «жизненный мир» (*Lebens-Welt*) объективированному миру математизирующей науки, Э. Гуссерль пытается показать, что научно-теоретическое отношение к действительности производно и в своих существенных измерениях зависимо от того непосредственного, «жизненного» отношения к миру, которое специфично для *Lebens-Welt*.

Вместе с тем, считает философ, наука имеет тенденцию — и она неустранимо присуща самой научно-теоретической форме познания — абстрагироваться от своих «жизненных» истоков, как бы забывать о них и заниматься такими построениями, которые укоренены не в дотеоретических содержательных данностях, а в «жизненном мире». На этом пути, т. е. на пути формалистического объективизма, познание неизбежно приходит к тупикам, к парадоксам, кризису своих оснований, которые, по мнению Э. Гуссерля, характеризуют ныне всю европейскую науку (эти рассуждения относятся к 30-м годам нашего столетия). Единственный способ решения проблемы обоснования науки — а кризис ее оснований есть вместе с тем и кризис всей европейской культуры, — так же как проблемы обоснования познания вообще, состоит в выявлении

подлинных истоков науки и в восстановлении той нити, которая связывает последние с научно-теоретическим познанием. Это и будет означать обнаружение условного, ограниченного и несамостоятельного характера научного духа «чистой объективности» и позволит лишить объективизм и неразрывно связанный с ним сциентизм значения всеобщей мировоззренческой ориентации. Непосредственный «жизненный мир», лежащий в основании всех человеческих способов отношения к действительности, в том числе и научно-теоретического познания, по мнению Э. Гуссерля, характеризуется специфическим единством субъективного и объективного, причем единство это имеет источник в субъекте, «центрировано» вокруг индивидуального эмпирического «Я».

В самом деле, продолжает Э. Гуссерль свои рассуждения, эмпирическому субъекту дан прежде всего он сам как индивидуальное «Я» со свойственным ему сознанием и только ему присущим уникальным телом.

Все необходимые отношения опыта определены именно через особенности индивидуального субъекта. Хорошо известно, например, что объективный опыт предполагает существование общезначимой сетки пространственных отношений, которая определяет взаимное расположение материальных предметов (вспомним, что для Канта формы пространственных зависимостей в отличие от зависимостей временных являются главным способом выражения объективного характера опыта). Но каким образом формируется пространственная структура опыта? — спрашивает Э. Гуссерль.

Основные пространственные значения — это «здесь» и «там». «„Здесь“ — это место, где нахожусь я со своим телом, точнее, это — мое тело. Что такое „там“? „Там“ определяет себя через „здесь“. Если нет „здесь“, то нет никакого „там“. „Там“ — это „нездесь“, но могущее превратиться в „здесь“. „Там“ понимается как потенциальное „здесь“, понимается через „здесь“. „Там“ определяет себя в отношении к „здесь“, т. е. к моему телу. „Там“ определяет себя в зависимости от того, насколько и как превращаемо оно в „здесь“. „Там“ является „далеким“, если оно трудно превращаемо в „здесь“; оно является „близким“ в силу легкости его превращения в „здесь“... Что же такое конкретно превращение „нездесь“ в „здесь“, т. е. достижение „там“? „Там“ — это место, где находится не-мое тело, вернее это не-мое тело. Поэтому превращение

„там“ в „здесь“, т. е. достижение „там“ означает превращение не-моего тела в мое, в продолжение моего тела... Поэтому превращение не-моего тела в продолжение моего тела означает его превращение в мое орудие. Но условием для превращения некоторого тела в мое орудие является его превращение в продолжение моего тела, т. е. его достижение в смысле простого прикосновения к нему моим телом. „Прикосновение“ здесь говорится в самом широком смысле этого слова. И видение глазом составляет особый вид этого прикосновения»⁹³.

Если мы абстрагируемся от этого отношения «здесь» и «там» к индивидуальному субъекту, то всякое различие между ними теряет смысл, подчеркивает Э. Гуссерль.

Подобным образом, т. е. на основе возможности превращения «там» в «здесь», определяются, по его мнению, отношения между «впереди» — «сзади», «налево» — «направо», «выше» — «ниже».

«Впереди» — это то, что перед моим лицом, «сзади» — то, что за моей спиной, и для достижения чего нужно повернуться, «выше» — то, что над моей головой, «ниже» — то, что под ногами, и т. д. Если отвлечься от отношения этих различий к различным частям моего тела и от возможностей их достижения, то исчезнут и сами эти различия. Если бы между частями моего тела не было различий, то не было бы и различий между «впереди» — «сзади», «налево» — «направо» и т. д.

Далее Э. Гуссерль анализирует ступени «объективации» пространственных отношений, т. е. ступени их отвлечения от тех исходных зависимостей происхождения, которые связывают их с индивидуальным субъектом и его телом. Одна из таких ступеней состоит в том, что мы как бы переносим точку отсчета, т. е. «здесь», с моего тела на какое-то другое тело (которое первоначально выступало как существующее «там»), и, отпавляясь от этого, последнего, не совпадающего с моим телом, определяем пространственные отношения других вещей, например, говорим о том, что река лежит недалеко от дома, что один предмет находится направо от другого, и т. д. В этом случае мы определяем пространственные отношения вещей как бы безотносительно к нашему телу, отвлекаясь от него. Однако важно не забывать того, подчеркивает Э. Гуссерль, что это стало возможно лишь потому, что мы условно отождествили себя, свое тело с тем телом, которое

избрано нами как отправной пункт определения пространственных отношений, т. е. как бы поставили себя в воображении на место этого тела, ибо для самих по себе взятых тел, вне их отношения к субъекту с его телом не существует отношений «налево» — «направо», «близко» — «далеко» и т. д. Но это значит, считает Гуссерль, что «объективные» пространственные отношения между вещами в конечном итоге определяются через мое тело, через меня как субъекта.

Дальнейшие шаги в «объективации» пространства связаны с использованием некоторых всеобщих эталонов измерения длины, т. е. некоторых особых предметов, которые изготавливаются нами специально для выражения с их помощью пространственных отношений предметов. В этом случае мы можем посредством сообщения знать о тех или иных расстояниях даже в том случае, когда мы не можем наблюдать эти расстояния непосредственно. Использование всеобщих масштабов еще в большей степени способно упрочить иллюзию независимости пространственных отношений предметов от субъекта с его телом. Однако, продолжает Э. Гуссерль, эталон измерения не только выбран в качестве такового субъектом, но и конституирован в своих пространственных свойствах лишь в силу отношения к телу субъекта, т. е. через отношение «здесь» и «там».

«Объективность» пространства, поясняет он, «заключается не в независимости пространственных значений от субъекта, а в их одинаковой повторяемости. Я принципиально могу повторить позицию, занимаемую мной однажды по отношению к определенной вещи, и тогда повторится пространственное значение этой последней. Я принципиально могу повторить позицию, занимаемую другим субъектом по отношению к некоторой вещи, и тогда также повторится пространственное значение этой последней. Объективность заключается именно в этой повторяемости значений; однако следует помнить, что повторяемость значений зависит от повторяемости позиций субъекта»⁹⁴.

Как видим, с точки зрения Э. Гуссерля, «объективность» пространства предполагает существование других эмпирических субъектов и определенное мое отношение к этим субъектам. Вообще объективность опыта, подчеркивает Э. Гуссерль, предполагает его интерсубъективность, т. е. общую значимость для всех других субъектов.

Но что значит «другой субъект»?

Так же, как пространственные зависимости опыта конституированы их отношением ко мне, так же, считает Э. Гуссерль, конституируется и другой субъект. Среди окружающих меня тел находятся и такие, которые похожи на меня по способу своего функционирования. Если бы я находился там, где находится это тело, то оно могло бы служить мне и моим сознательным интенциям. (Субъект, таким образом, для Э. Гуссерля — это не просто тело особого рода, а единство сознания и телесности.) Так по аналогии со мной образуется значение «другого субъекта», который в отличие от меня самого не дан мне непосредственно, а лишь конституируется мной.

Тело другого субъекта, с одной стороны, принадлежит моему миру, так как оно конституировано мною, а с другой стороны, принадлежит миру этого другого субъекта. Поэтому мой мир должен совпадать с его миром. Этот общий для нас и для всех других субъектов общезначимый мир и является «объективным» миром. Иными словами, объективность мира состоит, по Э. Гуссерлю, не в его независимости от субъекта, а в его общезначимости, т. е. в его общем значении для всякого субъекта.

Между тем, продолжает Гуссерль свои рассуждения, в научно-теоретическом познании, которое занимается выявлением и анализом инвариантов различных измерений, а затем инвариантов этих инвариантов, происходит отвлечение от обусловленности измерений характером выбранных эталонов, которые, в свою очередь, конституированы их отношением к индивидуальному субъекту с его телом. Отождествляя выявляемые ею инварианты с объективным миром, математизированная наука понимает объективность как полную независимость от какого бы то ни было субъекта. Происходит забвение того фундаментального факта, считает Э. Гуссерль, что значение объективности мира конституировано субъектом и определяется отношением к нему и его телу. (Сама общезначимость, интер-субъективность мира тоже в конечном счете зависит от меня как индивидуального субъекта, подчеркивает философ, ибо другой субъект конституируется мною, в моем опыте.) Увлекаясь идеалом ложно понятой объективности, математизированная наука впадает в грех сциентизма и неминуемо приходит к кризису собственных оснований. Единственный путь преодоления этого кризиса — выявление значения индивидуального субъекта как

центра космоса, заканчивает Э. Гуссерль свои рассуждения по данному вопросу.

Попытаемся теперь проанализировать эти рассуждения и выяснить, насколько они основательны. Э. Гуссерль исходит (как из *первичной очевидности*) из того, что индивидуальный субъект дан самому себе со своим сознанием и телом. Именно связанностью с этим субъектом определяется, по его мнению, первичное пространственное значение «здесь». Что касается значения «там», которое относится уже к тому, что лежит вне субъекта и его тела, то оно, по мнению Э. Гуссерля, конституируется, определяется в зависимости от значения «здесь», а именно как то, что может превратиться в «здесь», может быть достигнуто субъектом и вступить в непосредственное соприкосновение с его телом. Однако нетрудно показать, что предложенный анализ неадекватен даже с точки зрения критериев феноменологического описания. Дело в том, что «здесь» уже предполагает «там», значения эти взаимозависимы. Верно, что «там» — это то, что может превратиться в «здесь», стать «здесь». Но верно также и то, что «здесь» — это «не-там». Иными словами, значение «здесь» предполагает значение «там». Не менее верно и то, что «здесь» — это «там», с точки зрения другого субъекта, вообще с точки зрения иного пункта отсчета расстояний. И если для субъекта не существует этой второй зависимости, зависимости «здесь» от «там», для него нет и самого значения «здесь». Отношение «здесь-там» предполагает равноправную роль обоих его полюсов.

Конечно, элементарное пространственное отношение «здесь-там» включает ссылку на индивидуального субъекта, ибо лишь для него имеет смысл значение «здесь». Вместе с тем в значение «здесь» с самого начала входит то, что оно является «там» с некоторой другой точки зрения, с другой позиции, а «там» — это то, что существует вне субъекта и его тела. Поэтому ссылка на индивидуального субъекта в отношении «здесь-там» означает не конституирование этого отношения в зависимости от субъекта и его тела, а осознание (с большей или меньшей степенью отчетливости) вписанности, включенности эмпирического субъекта в некоторую сетку объективных пространственных отношений, выступающих для него в данном пункте в виде значения «здесь».

Э. Гуссерль показывает зависимость отношений «верх-низ», «спереди-сзади», «налево-направо» и т. д. от моего

тела и от различия его частей. Можно согласиться с тем, что эти значения имеют определенный антропоморфный оттенок и предполагают ссылку на субъекта и разные части его тела. Однако важно заметить, что само тело субъекта существует для него как особого рода предмет только лишь в том случае, если оно выступает как включенное в объективную сеть отношений, в том числе пространственных, с другими телами: как материальными предметами, так и телами других субъектов. Для того чтобы я мог осознать разные части моего тела (в том числе и такие, которые я не вижу в обычных условиях: лицо, голова, спина и т. д.) как образующие некоторое единство, принадлежащие к одному и тому же предмету, я должен обладать способностью представления моего тела как бы со стороны, с позиций другого субъекта, т. е. как пространственно локализованное и существующее в определенного рода взаимоотношениях с другими телами. Иными словами, конституирование значений «сзади-спереди» и т. д. уже предполагает существование для субъекта определенной сетки элементарных объективных пространственных отношений и как бы лишь накладывается на эту сетку, а вовсе не определяет последнюю вопреки уверениям Э. Гуссерля.

Иными словами, субъект может представить себя на месте какого-то другого объекта и принять этот другой объект за точку отсчета расстояний, например за точку определения отношений «ближе-дальше», лишь в том случае, если он одновременно способен представить само свое тело как заместимое любым другим телом в качестве определителя пространственных зависимостей.

Э. Гуссерль обращает внимание на связь объективности пространства с возможностью повторения позиции, занимаемой субъектом по отношению к определенной вещи. Однако представление о возможности повторения пространственной позиции субъекта уже предполагает существование для субъекта определенной объективной сетки пространственных отношений, только в рамках которых и имеет смысл занятие той или иной позиции, так же как предполагает объективное значение тела самого субъекта и его пространственную локализацию.

Разумеется, верно положение о том, что введение всеобщих эталонов, масштабов для измерения пространственных отношений, а затем выявление инвариантов этих отношений на ступени научно-теоретического познания ха-

рактизует выявление все более общих зависимостей предметного мира, сопровождающееся отвлечением от тех связей, которые включают в эти зависимости того или иного эмпирического субъекта или группу таких субъектов (социально-культурное сообщество). Однако речь должна идти именно о переходе к исследованию более общих типов зависимостей, а не о стадиях «объективации» первоначальных, якобы чисто «субъективных» значений, как уверяет Э. Гуссерль. Любой опыт, сколь бы непосредствен и «жизнен» он ни был, если только он претендует на познавательное значение, всегда включает различение моего субъективного потока сознания и объективной системы зависимостей материальных предметов. Поэтому при всех отличиях научно-теоретического познания от тех форм дотеоретического отношения к миру, которые Э. Гуссерль называет «жизненным миром», — а такие отличия, бесспорно, существуют и в определенных аспектах имеют принципиальное значение — все виды познавательного отношения не могут не быть направлены на мир объектов, существующих независимо от сознания, т. е. не могут не страдать тем, по выражению Э. Гуссерля, «грехом объективизма», который по мнению философа обусловил кризис оснований современной европейской науки.

Попытка поставить субъекта в «центр» космоса, вывести объективность мира из характеристик индивидуального субъекта не увенчалась успехом, так как субъект уже с самого начала оказывается вписанным в определенную систему объективных зависимостей.

Обратим внимание еще на один момент в гуссерлевском анализе. Как мы помним, для Э. Гуссерля объективность мира равнозначна его интер-субъективности, т. е. общности его значений для любого субъекта. Последнее предполагает существование, помимо меня, также и другого субъекта. Однако этот другой первоначально конституирован мною, т. е. существует как определенный продукт моего познавательного опыта, существует в моем опыте и понимается «по аналогии» со мной. Это значит, что когда Э. Гуссерль затем становится на точку зрения другого и начинает рассуждать о том, что тело этого другого субъекта, так же как я со своим телом, в свою очередь, также существует в опыте этого другого, не следует забывать, что в рамках его философии другой субъект принципиально не может быть равноправен со мной,

ибо в конечном счете конституирован мною, в то время как я со своим телом дан себе непосредственно и являюсь подлинным исходным пунктом конституирования всех зависимостей опыта. А это значит, что в рамках гуссерлевской философии тезис об интер-субъективности, общезначимости мира, по существу, оказывается фиктивным и что в конечном итоге Э. Гуссерль не в состоянии разорвать очерченный им самим круг солипсизма.

5. Понимание познания

в качестве обусловленного индивидуальным сознанием и вместе с тем мистифицирующего сущность последнего. Я, «другие» и мир объектов

Любая попытка понять специфические характеристики знания не может не считаться с теми принципиальными фактами, что эмпирический субъект необходимо включен, вписан в мир материальных объектов, существующих независимо от него и его сознания, и что другие субъекты не менее реальны, чем я, и не могут рассматриваться только как продукты моего опыта.

В современной западной философии существует концепция, пытающаяся учесть эти принципиальные факты в рамках своеобразно истолкованной феноменологии и все же связать принципиальные особенности знания и познавательного отношения с специфическими характеристиками индивидуального эмпирического субъекта. Попытка такого рода предпринимается известным современным французским феноменологом-экзистенциалистом Ж.-П. Сартром в его главном философском труде «Бытие и Ничто»⁹⁵.

Сразу же оговоримся, что теоретико-познавательная проблематика, вопрос об обосновании знания не находятся в центре сартровского анализа, хотя Сартр и дает свое решение этих проблем. Отношение субъекта и объекта рассматривается им в рамках определенной концепции сознания и человека. Однако понимание связи сознания и знания, развиваемое Сартром, представляет интерес в связи с обсуждаемой нами проблемой.

Исходный пункт его рассуждений — признание существования двух реальностей: объективного материального бытия, которое он именует бытием «В-себе», и сознания, бытия «Для-себя». Первое существует само по себе и не нуждается во втором. Второе же невозможно без первого, ибо лишено какого бы то ни было содержания, абсолютно

пусто, прозрачно, открыто как для внешнего мира, так и для самого себя, словом, представляет собой «ничто», «дыру» в бытии В-себе, «дыру», которая лишена какой бы то ни было плотности и постоянно нуждается в наполнении. Однако именно вследствие того, что сознание является определенным «провалом» в вещественном бытии, оно как бы выключено из действия всех субстанциональных связей и зависимостей и совершенно свободно. Сознание, таким образом, это не просто пустота, заполняемая извне данным содержанием, а особого рода бытие, центр активной свободной деятельности.

Содержание, поставляемое бытием В-себе, не определяет деятельности сознания, а служит лишь своеобразным поводом для нее, трамплином, отталкиваясь от которого она развертывается. Однако, поскольку эта деятельность не определяется извне данным содержанием и вместе с тем лишена собственного внутреннего содержания, ее существо сводится к негации, к отрицанию какой бы то ни было зависимости. Именно в отрицании выражается, по Сартру, свобода сознания.

Вместе с тем Сартр подчеркивает, что сознание не существует вне материального мира, вне бытия В-себе. Сознание в его понимании не может быть уподоблено кантовскому или гуссерлевскому Трансцендентальному Субъекту, во-первых, потому, что как бы включено в мир материальных объектов, хотя само не является объектом (в этой связи Сартр критикует гуссерлевское учение о трансцендентальной редукции, об «эпохэ»), во-вторых, потому, что оно фактично, эмпирично существует в определенных конкретных ситуациях и связано с телом того или иного эмпирического субъекта.

Более того, в известном смысле сознание, бытие Для-себя совпадает с телом эмпирического субъекта, неотличимо от него. Речь идет о том аспекте, который, по мнению Сартра, специфически характеризует исходное, первоначальное восприятие индивидом собственного тела и который принципиально отличается от того, в каком меня, мое тело воспринимает другой субъект. В первоначальном, исходном опыте, рассуждает Сартр, я не воспринимаю себя как объект. Глаз не видит самого себя. Я не вижу своего лица. Я не могу схватить себя как некий предмет, расположенный в ряду других предметов. Объекты — это то, что существует вне меня и принадлежит к материальному миру, к бытию В-себе. Однако ведь

я должен получать какие-то ощущения от движений собственного тела! Во всяком случае так утверждает психология. Утверждения научной психологии, подчеркивает Сартр, исходят из существования моего тела как материального объекта среди других объектов и связывают мои определенные переживания с процессами, происходящими в так понятом моем теле. Между тем суть дела, согласно Сартру, в том, что в первичном исходном опыте индивиду не дано его тело в качестве объекта, и поэтому он принципиально не может какие-либо процессы своего сознания связывать с собственным телом, понимаемым как объект (принципиально не может локализовать те или иные ощущения, например, ощущение боли, не может связать какие-то свои переживания с собственным физическим состоянием и т. д.). Исходным образом индивиду даны только мир внешних материальных объектов и он сам как отличный от этих объектов, как сознание, как бытие Для-себя. В той мере, в какой переживания обладают известной «плотностью», они относятся к внешним объектам. Например, если я чувствую сопротивление при воздействии на внешний предмет, сама эта сопротивляемость воспринимается не как связанная с действующим моей руки и характеризующая мое, «во мне» находящееся субъективное переживание, а относится к объективным свойствам внешних предметов, выражает их особенности, в данном случае их меру сопротивляемости. Боль — это тоже не то, что локализовано во мне, а то, что выражает свойства некоторых объектов при определенных обстоятельствах. Что же касается моего тела, то оно в своем исходном и основном смысле, во-первых, определяет фактичность моего сознания, т. е. ту конкретную объективную ситуацию, в которой я оказался (в частности, определяет, «где» именно я нахожусь), а во-вторых, выступает как возможность и способ активной деятельности моего сознания, бытия Для-себя, по существу совпадающая с последним⁹⁶.

Таким образом, Сартру свойственно особое понимание сознания, не совпадающее с тем, что широко принято. Сознание, бытие Для-себя, пишет Сартр, это не то же, что психика или субъективный мир, характеризующийся какими-то процессами, связями, зависимостями, сложными механизмами, особыми типами отношений осознанных и бессознательных явлений и т. д., мир, являющийся, в частности, предметом специального исследова-

ния в научной психологии. Сознание, бытие Для-себя принципиально апсихологично. Возникновение особого субъективного мира является, по Сартру, следствием объективации сознания и выражает искаженное понимание исходных и первоначальных характеристик бытия Для-себя и вместе с тем одновременно онтологический факт деградации самого сознания.

Как мы видим, Сартр не только не исходит из утверждений научной психологии, но и пытается показать сомнительность ряда ее основных абстракций и допущений. Подобно Гуссерлю, он подчеркивает, что феноменологическое описание не предполагает никаких научных результатов и что именно наука обязана считаться с данными феноменологического анализа, а не наоборот. (Поэтому, между прочим, понимание Сартром мира материального бытия В-себе не совпадает с естественнонаучным учением о материи, в чем мы уже могли убедиться выше).

Обратим внимание на следующий важный момент в рассуждениях Сартра. Дело в том, что для него то отношение между бытием В-себе и бытием Для-себя, о котором говорилось выше, — это не только исходный и первоначальный пункт, но и выражение подлинного существа их отношений, того существа, которое в обычных условиях загорожено, задвинуто, спрятано, искажено всякого рода обстоятельствами. Поэтому, например, когда субъект способен локализовать ощущение боли в той или иной части тела, когда он всматривается в мир своих переживаний и соотносит их с прошлыми и нынешними событиями своей жизни, когда он следит за развитием собственной мысли и контролирует этот процесс, во всех этих случаях, согласно Сартру, имеет место искажение подлинных характеристик сознания, бытия Для-себя.

Сознание как «ничто» не совпадает с психической жизнью эмпирического Я, а лежит в основе этой последней, где-то в ее глубинах. (Важно заметить, что, с точки зрения Сартра, такое положение дел, когда сознание оказывается чем-то лежащим в глубине, в основании индивидуального Я, его психической жизни, выражает онтологический факт искаженного выражения подлинной природы сознания. Речь идет о реальном положении, а не просто о нашем искаженном понимании. Ибо сознание как раз лишено какой бы то ни было глубины и не обладает никакой сущностью.) С одной стороны, сознание определяет все течение психической жизни Я, всю индивидуальную

субъективную биографию, а с другой стороны, не только отлучно от этой биографии, но и искажается ею. Вместе с тем сознание, по Сартру, не есть и Трансцендентальное Я в духе Гуссерля. Во-первых, потому, что оно фактично, а не трансцендентально, совпадает с определенным образом понятным телом субъекта. Во-вторых, всякое Я, в том числе и Трансцендентальное Я, имеет какую-то внутреннюю определенность, плотность, некое содержание. Сознание полностью лишено такого содержания, абсолютно пусто. Значит, оно не есть Я, рассуждает Сартр.

Обычная субъективная жизнь необходимо предполагает рефлексия. Рефлексия же возможна лишь в том случае, если есть ее объект, который задерживает внутренний взор субъекта. Подлинное сознание, бытие Для-себя, считает Сартр, абсолютно прозрачно, является полной пустотой, сквозь которую внутренний взгляд проникает, нигде не останавливаясь и ни от чего не отражаясь. Поэтому самосознание, отнесение субъекта к самому себе, которое характерно для сознания — а такое отнесение постоянно имеет место, считает Сартр, ибо сознание с самого начала четко отличает себя от мира вещей В-себе — не является рефлексией. Сознание принципиально до-рефлексивно, с точки зрения Сартра.

Рефлексия возникает вместе с ее объектом — «Я», и в известном смысле порождает сам этот объект. Сартр обращает внимание на важный факт, который играл принципиальную роль также и в философской системе Фихте и который мы будем в дальнейшем анализировать в позитивном плане. Речь идет о том, что процесс индивидуальной рефлексии, направленной на сознание, не просто находит перед собой готовый объект в виде Я и его состояний, а, являясь определенного рода деятельностью, воздействует на свой объект, меняет его, перестраивает и в известном смысле творит.

Для Фихте это полагание Абсолютным Субъектом самого себя в виде собственного объекта было таким определением неопределенного, которое не только характеризовало становление Я и противопоставление Я и не-Я, но и выявляло внутреннюю сущность Абсолютного Субъекта. Для Сартра полагание «Я» как объекта рефлексии и появление этой последней ни в коей мере не выявляет природу сознания. Более того, на стадии рефлексии, считает Сартр, происходит искажение чистоты сознания и

его деградация. Вместе с тем, согласно Сартру, — и в этом пункте он тоже отличается от Фихте — не существует никакого Трансцендентального или Абсолютного Я, Я может быть только эмпирическим и выражает неповторимые особенности данной индивидуальной личности, отличающие ее от всех других Я. Заметим, что сознание, бытие Для-себя, согласно Сартру, тоже в некотором смысле индивидуально, вследствие чего разные эмпирические субъекты характеризуются разными сознаниями. Однако, если Я выражает собой некоторую плотность, определенное единство индивидуальной биографии, личные особенности субъекта, то сознание, бытие Для-себя само по себе пусто и безлично. Поэтому разные сознания отличаются друг от друга лишь как различные центры свободной деятельности, как бесструктурные точки активности, включенные в разные фактические ситуации. Конечно, в нашем опыте мы различаем сознания на основании их связи с различными индивидуальными «Я». Однако это различие не характеризует, так сказать, метафизической различенности сознаний.

Итак, согласно Сартру, «Я» как выражение единства психической жизни субъекта не характеризует существа сознания и в известном отношении искажает его. Можно сказать, что «Я» как бы «выдумывается», «изобретается» субъектом с той существенной оговоркой, что это «изобретение» осуществляется в постоянных контактах и коммуникациях с другими субъектами. Полагание «Я» — это попытка внести определенность в принципиально неопределенную жизнь сознания, придать сознанию некую плотность и субстанциональность, сделать его собственным объектом.

Вместе с тем, согласно Сартру, сознание постоянно испытывает внутреннее тяготение к своей субстанциализации. Происходит это именно в силу того, что оно пусто и нуждается в наполнении. Однако оно стремится наполнить себя, придать себе содержание таким образом, чтобы не потерять своей главной особенности — способности к деятельности свободного отрицания, деятельности десубстанциализации. Иными словами, сознание пытается превратить себя в некий синтез бытия В-себе и бытия Для-себя, что невозможно в силу взаимоисключения характеристик того и другого. Поэтому опредмечивание сознанием себя, придание себе черт некоторого «Я» сопровождается постоянными попытками снять это опредмечи-

вание. Однако снятие выражается не в возвращении к чистоте и бессодержательности подлинного бытия Для-себя, а в постоянном полагании все новых определенностей сознания в виде смены присущих ему характеристик «Я». Личность человека — нечто подверженное изменениям. Я не равно самому себе, спорит Сартр с формулой Декарта, Канта и Фихте⁹⁷. Поскольку сознание не может принять какого-то окончательного предметного облика в виде того или иного «Я», про него нельзя сказать, чем оно является. Сознание есть то, что оно не есть, и не есть то, что оно есть, подчеркивает Сартр.

Поэтому Сартр принципиально разводит познавательное отношение, предполагающее существование объекта, и акт самосознания, относящийся к принципиально не-объективируемому бытию, бытию Для-себя. Как мы помним, Кант тоже разделяет познание, отношение субъекта к объекту, и самосознание, отношение Трансцендентального Субъекта к самому себе, подчеркивая, что последний не дан в опыте, а потому не может быть предметом знания. Однако для Канта Трансцендентальный Субъект существует как некоторая потусторонняя, трансцендентальная сущность, как вещь в себе, которая, хотя и не является объектом знания, тем не менее может быть мыслима. Для Сартра сознание, бытие Для-себя не знает самого себя, не может быть объектом собственного познания именно потому, что не обладает никакой сущностью и лишено всякой глубины.

Анализ вопроса о том, как понимается Сартром познание внешнего мира, мы пока отложим, сосредоточив в данный момент внимание на сартровской интерпретации процесса самопознания, рефлексии. Рефлексия для Сартра в известном смысле фиктивна, ибо она неспособна постигнуть сознание в его подлинной природе. Однако эта фиктивность не означает, что она не имеет своего объекта или не выражает его особенностей. Такой объект у нее всегда есть — это индивидуальное «Я», и рефлексия адекватна этому объекту (в этой связи Сартр критикует учение о бессознательном в его фрейдовской интерпретации)⁹⁸. Однако суть дела, по Сартру, состоит в том, что объект («Я» и его состояния) появляется вместе с рефлексией и является ее результатом, не выражающим подлинной природы сознания. (Сартр критически оценивает как интроспективную психологию, так и феноменологическую психологию в ее гуссерлевском варианте.)

Каким же образом возникает рефлексия? Она появляется в результате отношения к другому субъекту. Данное индивидуальное сознание само по себе, вне отношения к другим сознаниям, неспособно породить рефлексии, подчеркивает Сартр, оспаривая философскую традицию, представленную Декартом, Кантом, Фихте, Гуссерлем, и нужно признать, что в данном пункте он гораздо ближе к истине, чем указанная традиция.

Другой субъект, считает Сартр, столь же реален, как и я, и не может рассматриваться просто в качестве результата моей конституирующей деятельности в отличие от того, что считал Гуссерль. Вместе с тем, согласно Сартру, мое убеждение в существовании другого сознания никоим образом не основано на познании (никакие познавательные процедуры никогда не могут убедительно доказать факт существования чужого сознания, заявляет Сартр), а является некоторой первичной онтологической данностью, такой же, как данность сознанию внешнего объективного мира. Однако мне дан непосредственно лишь сам факт существования чужого сознания, но не возможность проникновения в это сознание. Разные сознания принципиально разделены и не могут слиться друг с другом. К тому же другое сознание дано в моем опыте как связанное с телом другого субъекта. Это тело выступает как материальный объект, локализованный в пространстве и находящийся рядом и во взаимодействии с другими материальными предметами. Познание внешних действий, реакций тела этого другого субъекта в их обусловленности внешними стимулами, а также нервных процессов, осуществляющихся в этом теле, хотя и имеет определенный смысл, считает Сартр, однако совершенно не характеризует свободного сознания другого субъекта, которое по-настоящему лежит в основе всех его действий. (Сартр добавляет к критике интроспективной психологии критику психологического бихевиоризма.)

Таким образом, тело другого субъекта выступает в моем опыте как объект особого рода, каким оно не является для самого другого субъекта, так же как мое тело первично не является объектом для меня, сливаясь с моим собственным сознанием. Именно тот факт, что другое сознание выступает в моем опыте как неразрывно связанное с особым рода объектом, телом другого субъекта, побуждает меня относиться к другому субъекту в целом как к особому рода объекту, уникальному в своих физических

и психологических характеристиках и «вкладывать» сознательные процессы «внутрь» этого тела, т. е. конституировать особый «мир субъективной жизни сознания», мир психических процессов, существующих в определенных отношениях к процессам материально-телесным. Вместе с тем отношение к другому человеку заставляет меня признать самого себя в качестве «другого» для этого другого субъекта (это признание осуществляется в процессе коммуникации с другим) и наделить себя всеми теми характеристиками, которыми обладает последний в моем опыте. А это означает, что сознание начинает относиться к самому себе так, как к нему относится другой, т. е. как к субъекту, обладающему телом в виде материального предмета, локализованного в пространстве и наделенного психическими переживаниями, помещенными «внутрь» этого тела. Субъект начинает отличать эти переживания и их течение от хода объективных процессов внешнего мира и полагать единство своей психической жизни в виде особого объекта — «Я». Объективация, опредмечивание себя в виде личности, «Я», таким образом, предполагает учет точки зрения другого человека, взгляд на себя как бы со стороны, с точки зрения возможного другого. В этой связи и возникает рефлексия, которая по Сартру является продуктом коммуникации с другими субъектами.

Процесс объективации сознания, превращения его в «Я» как объект другого сознания, а затем и самого субъекта проходит несколько стадий. На одной из них сознание лишь чувствует себя объектом другого субъекта, но не знает в полной мере себя в таком качестве. Это имеет место тогда, когда данное бытие Для-себя чувствует себя предметом разглядывания со стороны другого (проблема «взгляда» несет важную онтологическую нагрузку у Сартра). Лишь в результате коммуникации посредством языка с другим сознание может до конца объективировать себя и породить рефлексию. Поэтому индивидуальный субъект, который видит себя в зеркале и вместе с тем лишен возможности коммуникации, принципиально не может узнать себя в зеркальном образе (для него этот образ выглядит просто странной игрой внешних объектов), ибо вне отношения с другими он не существует для самого себя как объект.

Важно подчеркнуть, что для Сартра объективация сознания в результате отношения к другому является показателем онтологической деградации бытия Для-себя.

Мое «Я» не выражает моей подлинной природы, считает Сартр. Хотя сознание внутренне тяготеет к объективации, хотя оно само совершает эту объективацию и отвечает за нее, последняя выступает как нечто навязанное внешним отношением к другим сознаниям, процессом коммуникации. Отношение к другому логически не вытекает из природы бытия Для-себя. То, что, помимо моего сознания, существуют другие, факт реальный и принципиальный, но метафизически случайный. Мыслима такая ситуация, когда мое сознание существовало бы в одиночестве, считает Сартр⁹⁹. Я не знаю самого себя, так как моя рефлексия касается только внешней оболочки моего сознания, оболочки, существующей в виде «Я». Вместе с тем у меня есть принципиальный доступ к своему сознанию и непосредственное постижение, схватывание его в виде необъективирующего дорефлексивного акта самосознания. Что же касается другого, то Я, согласно Сартру, не только не знаю его подлинных глубин, ибо имею дело лишь с его внешней личиной, но и в отличие от случая с самим собой лишен всякой возможности изнутри проникнуть в его сознание, ибо для того чтобы совершить это, нужно быть на его месте, а различные сознания индивидуальны, метафизически различены. Другой дан в моем опыте как выражение некоторого индивидуального сознания, которое столь же реально, как и мое собственное. Вместе с тем я могу схватить, постигнуть другого лишь как тело, как материальный объект, наделенный психикой, подчеркивает Сартр; условия задачи в данном случае предопределяют невозможность ее решения. Между тем тенденция бытия Для-себя к субстанциализации, к содержательному наполнению необходимо связана также и с стремлением слиться, объединиться с другим сознанием. Невозможность последнего предопределяет трагизм индивидуального существования.

Но как же обстоит дело с познанием внешнего мира, бытия В-себе, как решает Сартр проблему обоснования знания?

Мир объективных материальных предметов, принадлежащих бытию В-себе, непосредственно дан сознанию, считает он. Познательное, субъект-объектное отношение со стороны содержания целиком определено внешним предметом, ибо сознание само по себе пусто. Лишь «ничто» отделяет его от мира внешней предметности. Однако это различие познания и внешнего мира вместе с тем прин-

ципиально, ибо оно означает, что сознание, будучи «ничто», никогда не может просто слиться с миром объектов, просто «вобрать» их содержание. В познавательное отношение сознания к материальному бытию необходимо включен момент отрицательности, негации, внутренне свойственной сознанию. Эта отрицательная активность сознания совпадает по Сартру с первичными, исходными характеристиками времени. Свойственные бытию В-себе объективные пространственные отношения материальных предметов в познавательном процессе необходимо выступают в формах времени, вследствие чего и само время, первоначально совпадавшее с бытием Для-себя, «опространствуется» и приобретает характеристики объективности. Взаимодействие пространственных и временных характеристик опыта порождает разные формы необходимой структурной организации знания (типы причинной зависимости, постоянство предметов знания по отношению к течению времени и т. д.). Именно эти принципиальные особенности познавательного отношения лежат в основе всякого знания, в том числе и научного. С целью выявления инвариантных характеристик опыта наука строит некоторую систему абстрактных, идеальных объектов. Однако объекты эти, по Сартру, в сущности, фиктивны, сами по себе бессодержательны и выполняют чисто прагматическую функцию. Смысл научно-теоретического знания определяется исходным познавательным отношением сознания к бытию В-себе, хотя сама наука забывает об этом, претендуя на выявление скрытой сущности предметов, непосредственно не данной в первичном познавательном опыте¹⁰⁰.

Как видим, Сартр пытается в конечном счете вывести принципиальные особенности знания из специфических характеристик индивидуального сознания и его отношения к миру объектов.

Вместе с тем важно заметить, что, с точки зрения Сартра, научно-теоретическое познание не знает подлинных характеристик бытия В-себе, а имеет дело лишь с абстрактными инвариантными отношениями предметов.

В исходном, донаучном и дотеоретическом познавательном отношении сознания к бытию В-себе схватываются характеристики самих предметов, однако какой бы то ни был познавательный акт не может быть направлен на сознание и на его отношения, в том числе и познавательные, поскольку сознание принципиально необъекти-

вируемо¹⁰¹. Значит, согласно Сартру, проблема обоснования знания не может быть предметом теоретического исследования, т. е. теория познания в традиционном смысле слова оказывается невозможной. Исходные специфические характеристики знания выявляются не в результате познавательного исследования особого рода объектов, а постигаются в ходе феноменологического необъективирующего проникновения в сознание и в его отношения с бытием В-себе.

Однако в точном смысле слова выявление зависимости принципиальных характеристик познания и знания от особенностей сознания не является, по Сартру, решением проблемы обоснования даже в том случае, если это решение искать не на пути познавательного исследования, а на пути особого феноменологического проникновения. Ведь, с его точки зрения, сознание лишено сущности, глубины. Поэтому оно само не имеет никакого основания и не может служить основанием чему бы то ни было. Вообще проблема обоснования чего-то (знания, ценностей, норм деятельности и т. д.), подчеркивает Сартр, появляется лишь на уровне «человеческой реальности» и выражает тщетное стремление бытия Для-себя «укоренить» себя в чем-то, придать себе плотность, субстанциальность, уверенность в себе самом. Проблема эта неразрешима, считает Сартр, вследствие принципиальных особенностей бытия Для-себя. Поэтому, в частности, принципиальные структурные характеристики знания выражают не обоснованность знания в чем-то, а скорее его «безосновность», т. е. тот важный факт, что, будучи обусловлено по содержанию миром внешних предметов, знание в то же время есть отношение сознания, т. е. как бы «подвешено» к «ничему», висит в пустоте. Необходимые связи познавательного опыта всегда так или иначе выражают временное течение событий, а время непосредственно характеризует сознание, свойственную ему негативность.

То обстоятельство, что Сартр отвергает проблему обоснования знания и вообще теоретико-познавательное исследование в его традиционном виде, не означает, что, с его точки зрения, невозможен никакой теоретический анализ процесса познания. Напротив, его концепция не исключает подобного анализа (направленного, например, на выявление логической структуры знания, механизмов его возникновения, разных методов теоретического исследования, способов проверки знания и т. д.). Сартр подчер-

кивает лишь невозможность теоретического, познавательного исследования самого существа познавательного отношения, принципиальных содержательных характеристик знания, проблемы обоснования знания, т. е. тех проблем, которыми всегда занималась теория познания как философская дисциплина. Те вопросы, касающиеся знания и познания, которые не носят философского характера, могут быть, по Сартру, предметом специально научного исследования.

Присмотримся теперь к сартровской концепции взаимоотношения субъекта и объекта более внимательно.

Сартр исходит из непосредственной данности сознания самому себе в виде акта необъективирующего самосознания. Сознание еще до того, как оно опредметит себя в виде «Я», до того, как оно включится в отношения с другими сознаниями, как возникнет акт элементарной рефлексии, уже отличает себя от мира внешних предметов, в интенциональной направленности на которые и выражается элементарный познавательный опыт. Необоснованность этого исходного пункта сартровского анализа определяет принципиальные изъяны его концепции в целом.

Дело в том, что у нас нет оснований для различения самосознания, относящегося к «чистому», необъективированному сознанию, и обычной рефлексии, направленной на индивидуальное «Я» как на объект. Во всяком случае, опыт сознания взрослого человека не дает поводов для подобного различения. (Что касается данных развития детской психики, то о них мы скажем несколько ниже.) Более того, само возникновение сознания как некоего единого центра психической жизни, как определенной индивидуальности, отличающей его от других сознаний, предполагает отнесенность его состояний к деятельности определенного объекта, являющегося моим телом (хотя и неотожествление с этой деятельностью). Само различение сознаний, возможность их индивидуализации предполагает их соотнесение с телами различных субъектов, включенными в объективные отношения с другими предметами.

Сартр соглашается с тем, что отличие меня как «Я» от других предполагает отношение к самому себе как к объекту особого рода, находящемуся в связи с другими материальными объектами и другими «Я», выступающими для меня как объекты. Однако для него подлинная

индивидуальность моего сознания выражается не в «Я», а в самом факте существования чистой бесструктурной точки — бытия Для-себя.

Между тем чистое сознание как нечто абсолютно пустое и бессодержательное, действительно, оказывается «ничем». Однако «ничем» не в смысле Сартра, который не только приписывает сознанию абсолютную пустоту, но одновременно истолковывает его как особого рода бытие, как метафизическую реальность, как центр активности, а «ничем» в смысле абсолютной фикции. Бесструктурное и бессодержательное сознание, лишенное каких бы то ни было свойств и качеств, принципиально не может быть индивидуализировано. Сознания, понятые как «ничто», должны слиться, «склеиться» друг с другом. Но в этом случае рушится принципиальная философская установка Сартра, исходящего из уникальности отдельных сознаний, из невозможности проникновения одного сознания в другое.

Обратимся в этой связи к данным развития детской психики, которая дает нам дополнительные аргументы для критической оценки сартровской концепции.

Согласно Сартру, как мы видели, отличие сознанием себя от внешнего мира является исходным пунктом опыта и не предполагает отношения сознания к другим людям и их сознаниям. Между тем имеются все основания считать — и данные психологии укрепляют нас в этом мнении, — что индивид, не относящийся к себе как особому объекту, включенному, с одной стороны, в мир материальных предметов, а с другой стороны, в мир межчеловеческих отношений, не обладает сознанием и самосознанием, т. е. попросту не отличает себя от остальной действительности. Но это значит также и то, что сам познавательный опыт в этом случае не имеет в полной мере единства и непрерывности, т. е. тех характеристик, которые Кант с полным правом считал показателями его объективности.

В самом деле. Объективность опыта предполагает, по крайней мере, то, что субъект в состоянии отличить те его моменты, которые произведены действиями самих внешних предметов, от тех, которые вызваны субъектом, т. е. обусловлены, с одной стороны, изменением его положения относительно тех или иных объектов (его перемещением, изменением точки зрения, перспективы восприятия и т. д.), а с другой стороны, сменой состояний

сознания. Но наличие у субъекта указанной способности означает, что он может относиться к себе как особому объекту, обладающему сознанием, т. е. может осуществлять акт элементарного самопознания. Значит, в той мере, в какой у субъекта отсутствуют самосознание и самопознание — отличать одно от другого, как мы пытались показать, нет оснований, — познавательный опыт не может сохранять единство и непрерывность, т. е. не может в полной мере выступать как объективный.

Ж. Пиаже, о работах которого по психологии интеллектуального развития и так называемой генетической эпистемологии мы уже говорили в первой главе, основываясь на результатах экспериментальных исследований, выделяет разные стадии в развитии познавательных структур ребенка. Первоначально, на стадии так называемого сенсомоторного интеллекта, ребенок совершенно не существует для себя как объект, а значит, и как субъект. Поэтому окружающие его предметы не сохраняют в его опыте постоянных отношений друг к другу и собственных константных характеристик, независимых от течения самого опыта (т. е. не сохраняют постоянства размера, объема, веса и т. д.).

Предмет, выпавший из поля восприятия, например, в том случае, если ребенок не смотрит в соответствующую сторону или если один предмет загорожен другими, не существует для ребенка, как бы «абсолютно исчезает». Познавательный опыт носит, таким образом, черты разрывности. Взрослые воспринимаются ребенком только лишь в качестве особенно активных предметов, источников удовольствий и наказаний¹⁰².

Эта стадия развития познавательных структур, зафиксированная в исследованиях Пиаже, как видим, имеет некоторое сходство с тем исходным опытом, о котором пишет Сартр. Последний тоже подчеркивает, что первоначально сознание не знает себя как объект, не знает и своего тела как объекта и поэтому не может конституировать особый субъективный мир сознания, отличный от объективных связей предметов, данных в опыте, не может, например, локализовать ощущения, идущие от различных частей собственного тела, а как бы сливается с последним. Важно, однако, отметить принципиальное различие точек зрения Пиаже и Сартра в истолковании этого опыта. Пиаже вопреки Сартру подчеркивает, что на первых стадиях интеллектуального развития субъект не-

способен рефлексивно относиться к себе, и поэтому его сознание не существует как объективно, так и субъективно. Это значит, что для субъекта не существует не только отличия его сознания от его собственного тела (этот факт признает и Сартр), но и его отличия от мира внешних предметов (чего Сартр не признает). На первых стадиях интеллектуального развития субъект в собственном опыте как бы слит с миром внешних предметов. Именно поэтому предметы опыта еще не выступают здесь как объекты, т. е. нечто отличное от субъекта (между тем для Сартра бытие В-себе сразу же дано сознанию как мир объектов).

Важно отметить и другое обстоятельство. Для Сартра первоначальный познавательный опыт лежит в основе всего последующего развития познания и определяет содержание и смысл всех типов, видов и структур знания, включая научно-теоретическое. Между тем, как показывает Пиаже, развитие познания, осуществляемое в ходе индивидуального психического развития, предполагает полное перестраивание тех интеллектуальных механизмов, которые сложились на первых стадиях, и, таким образом, совершенно не может быть понято, если исходить только лишь из знания этих последних.

Вместе с тем было бы неверно истолковывать отмеченные Пиаже характеристики первоначальных стадий интеллектуального развития как своеобразное «экспериментальное подтверждение» тезиса философского субъективизма, согласно которому исходным образом субъекту дан не мир объективных вещей, а он сам и состояния его сознания. Дело в том, что субъект с самого начала развития психики объективно включен в определенные отношения с внешними предметами и другими людьми. Хотя субъективно для него эти предметы первоначально не выступают как объекты, а другие люди как субъекты, тем не менее лишь знание механизмов развития этих объективных отношений, в которые человек оказывается включенным сразу после рождения, позволяет объяснить развитие познания. Что же касается той формы, в какой для субъекта выступают указанные объективные отношения, то знание ее самой по себе неспособно прояснить характер смены познавательных структур. Напротив, сама субъективная форма может и должна быть объяснена исходя из системы объективных отношений. Наконец, отметим, что на первоначальных стадиях интеллектуального разви-

тия субъекту не дан не только мир объектов, но и он сам, состояния его сознания. Поэтому та картина исходного познавательного отношения, которую рисует философский субъективизм, совершенно не соответствует реальным данным познавательного опыта.

Развитие структур познания, показывает Пиаже, предполагающее переход от необратимых к обратимым интеллектуальным операциям (см. первую главу), включает изменение психологических отношений ребенка со взрослыми. На первоначальной стадии эти структуры «центрированы», т. е. не дают возможности отличения непосредственной точки зрения от объективных отношений предметов. «Центрация» предполагает в качестве необходимого дополнения то, что главным механизмом приобщения ребенка к социально-культурному опыту является подражание взрослому человеку, который выступает как абсолютный авторитет. Стадии познавательного развития характеризуют ступени последовательной «децентрации» интеллектуальных структур, т. е. достижения возможности отношения к себе как бы со стороны. Но это означает одновременно и изменение в сторону полной обратимости отношений со взрослым. Иными словами, ребенок начинает относиться к взрослому человеку как принципиально равному себе, как к другому субъекту. Авторитарное давление взрослого сменяется интеллектуальным обменом и познавательной кооперацией. Поэтому ребенок получает возможность в полной мере относиться к себе как к «Я», т. е. существу, подобному всем другим.

Таким образом, то, что Пиаже называет полной обратимостью интеллектуальных операций, необходимо включает рефлексивное отношение субъекта к самому себе.

Принципиальные черты возникновения индивидуальной рефлексии были в философском плане сформулированы К. Марксом. «В некоторых отношениях, — пишет Маркс, — человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: „Я есмь я“, то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода „человек“»¹⁰³.

Таким образом, отношение субъекта к самому себе как «Я» необходимо опосредовано его отношением к другому.

Рефлексия рождается не в результате внутренних потребностей «чистого», изолированного сознания, как это представлялось Декарту, Фихте и Гуссерлю, а в процессе межчеловеческих отношений, в качестве сложного продукта развития системы коммуникаций. Вместе с тем было бы неправильным толковать вышеприведенные слова К. Маркса в том смысле, что сначала индивид признает другого в качестве субъекта, другого «Я», и лишь затем, по аналогии с этим другим, начинает относиться к себе как к субъекту. В действительности существует опосредованность двоякого рода: индивид не только воспринимает себя по аналогии с другим, но одновременно и другого по аналогии с собой. Иными словами, «Я» и «другое Я» возникают одновременно и необходимо предполагают друг друга. Этот факт, между прочим, четко зафиксирован в исследованиях Пиаже.

Подчеркнем, что мы используем в данном контексте лишь экспериментальные факты, полученные Ж. Пиаже, а также некоторые конкретно-психологические обобщения. Что же касается общей теоретико-познавательной и психологической концепции этого автора, согласно которой развитие интеллектуальных операторных структур определяется неким внутренним, «спонтанным» созреванием схем деятельности субъекта, то ее принципиальную критику мы уже дали в первой главе.

Заметим также, что развиваемое в последних работах Пиаже учение о постепенной «децентрации» познавательных структур не следует путать с его ранними положениями о преодолении в процессе развития исходного «эгоцентризма» интеллекта ребенка. Как известно, тезис об «эгоцентризме» вызвал в свое время резкую критику известного советского психолога Л. С. Выготского¹⁰⁴. Он справедливо упрекал Пиаже в неправильном выборе исходного пункта исследования: индивид лишь постепенно вовлекается в систему общественных отношений, существенно модифицируя в ходе этого свои познавательные средства. Подобной независимости индивида в его первоначальном состоянии от общества и его последующей социализации, как подчеркивал Л. С. Выготский, нет.

Ныне Пиаже признает справедливость многих критических замечаний Выготского¹⁰⁵. Все три стадии развития интеллекта, подчеркивает Пиаже, — это стадии процесса социализации. «Человеческий интеллект испытывает воздействие общества на всех уровнях развития, с пер-

вого и до последнего дня»¹⁰⁶. Все дело, однако, в том, считает Пиаже, что на разных стадиях интеллектуального развития воздействие общества осуществляется по-разному. Стадии процесса «децентрации» характеризуют лишь ступени постепенного снятия примата непосредственной точки зрения, неспособности менять данную познавательную перспективу. Ранние стадии интеллектуального развития лучше именовать не «эгоцентризмом», а «центризмом», подчеркивает Пиаже. Сказанное относительно изменения позиции Пиаже в ряде вопросов, хотя и делает его концепцию более тонкой и позволяет ему точнее описывать некоторые факты, особенно те, которые наиболее интересуют нас в данном разделе работы, разумеется, не означает какой-либо радикальной перестройки его философской и психологической теории в целом.

Следует отметить, что взаимное уподобление друг другу начинается, по-видимому, с идентификации действий субъектов. Как мы помним, Сартр, подчеркивая, что отношение к себе как к объекту чуждо самой природе сознания, обращал внимание на то, что в исходном познавательном опыте человек не воспринимает в качестве объекта даже собственное тело: глаз не видит себя, человек не может взглянуть на собственное лицо и т. д. Между тем Сартр упускает из виду, что существуют такие части тела, которые одновременно воспринимаются и «изнутри» как нечто, принадлежащее данному существу, и «извне» как объекты, вписанные в мир материальных предметов. Это те органы, посредством которых я осуществляю предметные действия, которые дают мне возможность передвигаться в объектном мире: мои руки, ноги. Их внешний вид в принципе не отличается от вида соответствующих частей тела другого человека. В ходе совместной деятельности одного человека с другими (прежде всего ребенка со взрослым), по-видимому, осуществляется идентификация действий разных индивидов, а затем взаимное уподобление индивидов в целом, т. е. одновременное становление «Я» и другого «Я».

Из сказанного относительно взаимной опосредованности отношения меня к самому себе и к другому не следует, что мое самосознание и познание мною другого человека принципиально тождественны. Действительно, индивидуальная рефлексия предполагает взгляд на себя как бы со стороны другого. Вместе с тем я всегда знаю о себе нечто такое, что непосредственно другому недо-

ступно: у меня есть ощущения, переживания, воспоминания, которые даны лишь в акте моей рефлексии и которые я могу скрыть от всех (могу, например, даже не выдать ощущения боли). Я имею, таким образом, непосредственный «внутренний доступ» к состояниям собственного сознания. Этот важный реальный факт был зафиксирован и философски осмыслен представителями субъективистских и трансценденталистских концепций. Действительно, о субъективных состояниях другого я могу судить лишь косвенным образом — либо на основании наблюдения его действий, либо воспринимая ту информацию, которую он сообщает о себе. И в первом, и во втором случае не исключается возможность обмана. Однако не менее важно заметить, что сама природа самосознания, индивидуальной рефлексии такова, что ее возникновение необходимо предполагает принципиальное сходство того, что я воспринимаю в себе «изнутри», с тем, что воспринимаю или может воспринять в себе другой субъект. Конечно, этот другой может скрыть от меня те или иные состояния своего сознания, так же как это могу сделать я по отношению к своему сознанию. Это, однако, не исключает принципиальной тождественности механизмов нашей психической жизни, а реально осуществляющийся процесс коммуникации предполагает в качестве предпосылки своей успешности наличие в большинстве случаев взаимопонимания. Мои субъективные состояния даны мне в акте самосознания непосредственно, как они не могут быть даны другому, но я сознаю их в тех формах, которые не являются только моим личным достоянием, а носят меж-индивидуальный характер. Иными словами, акт субъективной рефлексии предполагает, с одной стороны, такой объект, который непосредственно доступен лишь мне (мои субъективные состояния), а с другой стороны, такие средства познавательной фиксации этого объекта, которые предполагают «всякого другого» человека (т. е. то, что осознал бы этот другой, если бы имел непосредственный доступ к состояниям моего сознания).

Таким образом, положение Сартра о том, что не существует никакого доступа к сознанию другого субъекта, не соответствует реальным фактам меж-человеческой коммуникации и по сути дела выражает тезис «плюралистического индивидуализма»: согласно Сартру, существует

Множество сознаний, каждое из которых замкнуто в себе и принципиально не может проникнуть в другие.

Таким образом, познавательный опыт, обладающий характеристиками объективности, т. е. опыт, предполагающий сознательное отношение субъекта к миру объектов, необходимо включает рефлексивное отношение субъекта к самому себе и отличие своего тела от всех других предметов, а также смены состояний сознания от объективных изменений в предметном мире. Субъективный опыт, выражающийся в акте самосознания и самопознания, отличен от объективного опыта, относящегося к миру внешних предметов. Но это не просто два ряда опытов, существующих независимо друг от друга и протекающих как бы параллельно. Как мы пытались показать, оба эти ряда взаимно предполагают и опосредствуют друг друга. Субъективный опыт становится возможным лишь в результате отношения к себе как к объекту, включенному в сетку объективных отношений с предметами и другими людьми. В свою очередь, внешние предметы начинают выступать для субъекта как мир объектов, независимых от него и его сознания, лишь тогда, когда появляется первый, элементарный акт самопознания.

Субъект сознает не только свою включенность в объективную сеть отношений, но и уникальность собственной позиции в мире. Последняя выражается, во-первых, в том, что его тело занимает такое место в системе пространственно-временных связей, которое не занимает никакой другой субъект, во-вторых, в том, что только он имеет «внутренний доступ» к собственным субъективным состояниям. Объективный факт уникальности этой позиции, так же как субъективное сознание этого факта, предполагается самой структурой опытного знания (всякая попытка применить теоретическое знание для описания опытных данных тоже предполагает этот факт). Однако, как мы видели, это обстоятельство не имеет ничего общего с той «центрацией» мира вокруг индивидуального субъекта, которую пытался обосновать Э. Гуссерль в своих поздних работах.

В данной связи заметим, что в ряде теоретико-познавательных концепций эмпиристского толка, распространенных в современной буржуазной философии, критика декартовского тезиса («Я существую» — как высшее основоположение всякого знания) нередко принимает форму отрицания какого бы то ни было серьезного познаватель-

ного значения акта индивидуального самосознания. Так, например, А. Айер подчеркивает, что положение «Я существую» по существу еще ничего не говорит обо мне, так как лишено какого бы то ни было содержания, не идентифицирует меня с каким-либо объектом (в этом отношении, подчеркивает Айер, это утверждение отличается от утверждения о том, что существует человек, обладающий такими-то и такими-то характеристиками). Высказывание «Я существую», считает английский эмпирик, может быть уподоблено простому указанию на индивидуальный объект, не сопровождаемому словами. Такое указание, как известно, не несет никакой информации. К тому же, по его мнению, возможно знание, не сопровождаемое самосознанием¹⁰⁷.

Между тем, как мы пытались показать, самосознание невозможно без отнесения к себе как к определенному объекту, обладающему специфическими уникальными характеристиками и включенному в сеть объективных отношений. Лишь благодаря наличию определенных содержательных зависимостей опыта может возникнуть сам акт индивидуального самосознания (разумеется, все эти зависимости могут непосредственно субъективно не осознаваться, но в неявном виде они присутствуют всегда). Отношение к себе как к «Я», таким образом, включает целую систему связей знания. Поэтому Декарт, Фихте и Гуссерль были правы, когда утверждали, что акт самосознания и рефлексии в скрытом виде уже предполагает принципиальные характеристики знания. Они ошибались в другом: в том, что пытались понять особенности знания и познавательного процесса, исходя из анализа акта рефлексии, «чистого» самосознающего «Я». Действительная же зависимость является прямо противоположной: возникновение «Я», его самосознания и рефлексии должно быть понято как результат процесса формирования познавательного опыта, как следствие развития определенных объективных отношений данного субъекта к миру материальных предметов и других людей.

Принципиальная ошибка трансцендентализма и субъективизма состоит в том, что знание о собственном существовании считается более несомненным, чем знание о существовании внешнего мира. В действительности самый элементарный акт самосознания всегда предполагает признание мира внешних объектов, независимых от сознания и связанных устойчивыми отношениями.

Итак, попытки решить проблему обоснования знаний, предпринятые в рамках философского субъективизма, попытки истолковать познание как определяемое структурой индивидуального сознания принципиально не могли увенчаться успехом.

Это не значит, что представители рассмотренных в данной главе концепций не выявили никаких реальных фактов, связанных с познавательным отношением субъекта и объекта. Мы отмечали самые важные из этих фактов в ходе критического анализа. Суммируя сказанное в данной главе, обратим внимание на то, что представители философского субъективизма обыгрывают в своих целях, во-первых, особенности природы и работы сознания субъекта (наличие непосредственного «внутреннего доступа» к состояниям своего сознания, самосознание как необходимая черта объективности опыта и т. д.), во-вторых, наличие нормативных характеристик во всяком знании.

Идеалистическое препарирование этих реальных фактов познания и подлинных проблем, возникающих в ходе теоретико-познавательного исследования, предопределяет невозможность адекватного понимания познавательного отношения. Тупики, в которые неминуемо заходят представители философского субъективизма, в конечном счете предопределены самим способом задания исходного познавательного отношения субъекта и объекта. Понимание принципиальных особенностей знания и познания предполагает принципиально иную трактовку субъектно-объектных связей.

Здесь мы не анализировали концепции познания, развиваемые в рамках объективно-идеалистических философских систем. Как известно, наиболее обстоятельное исследование проблемы познания в объективно-идеалистическом духе мы находим в философии Гегеля, который сумел выявить ряд важных аспектов познавательного отношения и раскрыть многие стороны диалектики познающего субъекта и познаваемого объекта. Вместе с тем Гегель как идеалист сильнейшим образом мистифицировал суть дела. В гегелевской философии познание понимается уже не как определяемое особенностями индивидуального сознания, а как выражающее специфический способ существования Абсолютного Духа, воплощенного, в частности, в объективных формах человеческой культуры. Учитывая характер тех реальных проблем, на которых спекулирует гегелевская концепция познания, кри-

тику последней мы дадим во втором разделе монографии, в непосредственной связи с позитивным анализом проблемы.

В ходе критического анализа сартровской концепции сознания и знания мы подошли к признанию той важной роли, которую в процессе познания внешнего объекта играет отношение индивидуального субъекта, человека к другим людям и созданной ими предметно-воплощенной культуре. Разрешения занимающих нас вопросов следует искать в рамках такого понимания субъекта и объектов, которое способно учесть все эти принципиальные факты. Решение этой проблемы возможно в рамках марксистско-ленинского подхода к познанию как социально-опосредованной, исторически развивающейся деятельности отражения.

МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД: ПОЗНАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ОПОСРЕДОВАННАЯ, ИСТОРИЧЕСКИ РАЗВИВАЮЩАЯСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТРАЖЕНИЯ

Марксистский анализ проблемы познавательного отношения исходит из признания того принципиального обстоятельства, что познание является *отражением* объективной реальности, существующей независимо от сознания, что сам познающий и сознающий субъект — это природное существо, включенное в объективную реальность, что познание осуществляется при помощи мозга, особой высокоорганизованной материальной системы, и предполагает воздействие внешних объектов на органы чувств человека.

Данные положения разделяются всеми материалистическими концепциями, и марксистско-ленинская философия как высшая форма материализма включает их в свою теоретическую систему.

Однако, как мы видели (см. главу первую первого раздела), принятия этих положений самих по себе вовсе недостаточно для полного и адекватного понимания специфики человеческого познания и знания. Дело в том, что человеческое познание является отражением особого типа, и для объяснения его особенностей необходимы принципиальные дополнения к той теоретико-познавательной концепции, которую выдвигал домарксистский материализм, при этом дополнения такого рода, которые радикально преобразуют эту концепцию, не выводя, однако, за пределы материализма, а, наоборот, делая его более гибким и одновременно более последовательным, т. е. диалектическим.

Задача, которую мы пытаемся решить, состоит в том, чтобы продемонстрировать плодотворность того способа понимания познания, познавательного отношения субъекта и объекта, который открывается марксистско-ленинской философией. Мы преследуем цель наметить с позиций диалектического материализма основные линии решения, с одной стороны, тех проблем, которые были

поставлены в истории философской мысли, а с другой стороны, тех вопросов, которые активно обсуждаются в связи с развитием современной науки, новейшими данными психологии, науковедения, логико-методологических исследований.

Марксистско-ленинская философия исходит из понимания познания как социально-опосредованной, исторически развивающейся деятельности отражения. Познавательное отражение, предметно-историческая деятельность и коммуникация рассматриваются в их диалектическом единстве. «...Идея, образ, а значит, и вообще сознание, мышление не могут быть приняты в качестве самостоятельного члена гносеологического отношения. За отношением идеи, образа и вещи, сознания или познания и бытия стоит другое отношение — человека, в познавательной деятельности которого только и возникает образ, идея, и бытия, которое он познает»¹. В теории познания диалектического материализма не только содержится ключ к объяснению тех реальных фактов познания и сознания, на которые натолкнулись, но не в состоянии были дать им научное объяснение метафизически-материалистические и идеалистические концепции. Кроме того, марксистско-ленинская философия открывает принципиально новые горизонты теоретико-познавательного исследования, ставит такие проблемы, которые не обсуждались в предшествующих гносеологических концепциях. Она радикально меняет характер теории познания, ее методы и отношение к специальным наукам.

ОТРАЖЕНИЕ, ПРЕДМЕТНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ

1. Сенсорная информация и предметное знание

Прежде всего обратим внимание на то, что результаты («следы») воздействия предмета на органы чувств человека, хотя и являются отражением внешнего объекта, но вовсе не составляют знания, они непосредственно не включены в познавательное отношение и, будучи лишь его необходимой предпосылкой, не могут быть охарактеризованы как *познавательные* образы (они суть образы физические). «... Ошибочно рассматривать психические образования как совершенно тождественные нервно-физиологическим механизмам. Субъективный образ безусловно специфичен и несводим к нервной модели»².

В самом деле, эти «следы» несут в себе явно избыточную информацию, которая по причине своей избыточности не может служить для субъекта ориентиром в объективной ситуации. Так, например, если допустить, что зрительная система не преобразует и не организует каким-то образом ретинальные изображения (т. е. «следы» от воздействия световых лучей на сетчатку), а лишь переносит их из одного места в другое и записывает на каком-либо накопителе, то через эту систему будет доставляться около 1 млн. отсчетов яркости элементов изображения за время 0,1 сек. Уже за несколько минут число таких отсчетов достигло бы величины порядка нескольких миллиардов и превысило бы число нейронов в коре больших полушарий головного мозга³.

Поэтому сенсорная система, которая не владеет способами преобразования получаемой информации, преобразования результатов воздействия на нее внешнего объекта, остается слепой, так как не имеет критериев выделения полезных сигналов из шума⁴. Между тем познавательный образ, несущий знание об объекте, содержит как раз ту, и только ту информацию, которая жизненно необходима субъекту как конкретному индивиду и как представителю общества.

Однако отношение между объектным знанием, специфически характеризующим познание, и, в частности, восприятием, с одной стороны, и сенсорной информацией — с другой, не сводится просто к отсеиванию некоторой части последней с помощью определенной системы фильтров. Объектное знание отнюдь не беднее в содержательном смысле, чем сенсорные впечатления, а в некоторых отношениях существенно богаче их, ибо воспринимаем мы предметы с такими их свойствами, знание которых непосредственно не содержится в сенсорики⁵.

Важнейшая особенность восприятия, как подчеркнул К. Маркс, заключается в том, что оно свидетельствует не о раздражении нервного аппарата в результате воздействия предмета на органы чувств, а о самом реально существующем объекте, находящемся вне воспринимающего субъекта. Например, «световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз»⁶.

«Воспринимать кресло, — говорил П. Жанз, — это значит видеть предмет, в который можно сесть, а воспринимать дом, еще более сильно говорил фон Вейцзер, — это значит видеть не образ, который попал в глаз, а, напротив, узнать объект, в который можно войти!»⁷. «Человек кладет книгу не на «темно-коричневое пятно», он кладет ее на стол... Темно-коричневое пятно пропадает, когда мы отворачиваемся, но мы уверены (речь идет о такой уверенности, которая как бы «встроена» в сам процесс восприятия. — В. Л.), что стол и книга находятся по-прежнему там же, где были»⁸.

В. С. Тюхтин обращает внимание на то, что образ, с одной стороны, связан с материальным субстратом, а с другой — в образе дано содержание объекта, а не нервного субстрата. «Парадоксальность единства этих двух сторон неразрешима только на основе принципов физической причинности, но объяснима, если признаки предметности и предварения принять за особое функциональное свойство живых высоко-организованных систем... Это значит, что содержание сигнала отделяется от своей формы (материального субстрата) не анатомическим, не физиологическим, не физическим и химическим путем, а функционально...»⁹.

Взаимоотношения субъекта и воспринимаемого им предмета меняются почти непрерывно, как вследствие

изменения положения предмета, так и в результате движений человека. Это, естественно, не может не вести к постоянному изменению характера и конфигурации «следов» воздействия объекта на сенсорную систему. Если бы образ предмета целиком определялся этими «следами», мы просто не могли бы выделить предмет как самостоятельную реальность. Объект воспринимается, однако, в обычных условиях как не зависящий от конкретных условий восприятия и от самого этого акта (известный в психологии феномен «константности восприятия»). Подобным же образом воспринимается и человеческая речь. «Слова слышны отдельно одно от другого, хотя физически они не разделены ничем; наоборот, физически произносимые слова сливаются в речи — аналогично тому, как наползают друг на друга изображения разных предметов на сетчатке глаза. Отдельные предметы как-то извлекаются из непрерывных паттернов, формирующихся в „приемнике“ — рецепторе»¹⁰. При попытках искусственного воспроизведения речи было сделано следующее наблюдение. Когда речь переводится в световые импульсы в специальных аппаратах, выясняется, что звуки речи, производящие в обычных условиях впечатление тождественных, оказываются с точки зрения своих физических характеристик различными, в то время, как другие, которые мы воспринимаем как различные, оставляют одинаковые видимые следы¹¹.

Таким образом, познание с самого начала, в самых своих элементарных проявлениях объектно ориентировано, предметно определено. Попытки представителей классического эмпиризма, а также современных теоретиков «чувственных данных» представить в качестве исходных элементов и одновременно единиц знания некоторые элементарные субъективные переживания, не отнесенные к материальным объектам, не только приводят к неразрешимым парадоксам в эпистемологии, но и вступают в прямое противоречие с известными ныне результатами научной психологии.

Разумеется, объектное знание появляется не сразу в процессе онтогенетического и филогенетического развития. В этой связи, однако, важно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, там, где нет объектного знания, не существует и восприятие, а следовательно, отсутствует знание в собственном смысле слова, — в этом случае ориентация поведения может осуществляться,

в частности, на основе сенсорной информации. Во-вторых, возникновение восприятия, т. е. объектного знания, не может быть понято только исходя из сенсорной информации или же каких-то иных видов отражения, не воспроизводящих объектные характеристики действительности.

Известный американский психолог Дж. Гибсон выделяет два вида зрения, лишь один из которых является восприятием, т. е. знанием в собственном смысле слова. «Если вы посмотрите в окно, — пишет он, — то увидите за ним обширное окружение: землю и здания или, если вам повезет, пейзаж. Это то, что мы будем называть видимым миром. Это обычная знакомая сцена повседневной жизни, в которой большие предметы выглядят большими, квадратные — квадратными, горизонтальные — горизонтальными, а книга, лежащая в другом конце комнаты, выглядит так, как будто лежит перед вами... Теперь взгляните на комнату не как на комнату, а насколько вы сможете, как на нечто, состоящее из свободных пространств или кусочков цветных поверхностей, отделенных друг от друга контурами... Если вы упорны, то сцена станет походить на картину. Вы можете видеть, что ее содержание чем-то отличается от предыдущей сцены. Это то, что здесь будет называться видимым полем, оно менее знакомо, чем видимый мир, и его нельзя наблюдать без особых усилий»¹².

Анализируя отличия видимого поля от видимого мира, Гибсон отмечает, что видимое поле ограничено (приблизительно 150° — 180°) и имеет форму овала, в то время как видимый мир границ не имеет и простирается сзади за головой, так же как и спереди перед глазами.

Видимое поле является ясным и четким в центре, и его неопределенность увеличивается по мере приближения к его границам. Видимое поле перемещается по мере того, как глаза переходят от одной точки фиксации к другой, между тем видимый мир обладает стабильностью.

Видимый мир всегда ориентирован в соответствии с гравитационной вертикалью, в то время как видимое поле ориентировано относительно своих границ. Изменение положения наблюдателя, например наклона на 90° , ничего не меняет в ориентации его видимого мира, в видимом же поле горизонтали при этом становятся вертикалями. Видимый мир константен. В видимом поле имеют место проекционные отношения. В видимом мире воспри-

нимаются трехмерные глубинные формы объектов, в видимом поле — проекционные формы. Вместе с тем, хотя видимое поле — поле проекционное, оно, по словам Гибсона, «никогда не бывает плоским, подобно поверхности, на которой нарисована или проецирована картина, то есть оно никогда не бывает без глубины, но ему не достает и той характеристики, что оно всегда находится вне нас во внешнем мире»¹³.

С точки зрения Гибсона, видимое поле вовсе не лежит в основе видимого мира. Оба вида зрения являются альтернативными и возникают в результате двух различных установок сознания. Обычная установка сознания при восприятии ведет к презентированности субъекту видимого объектного мира. Другая установка носит искусственный характер и выражает хроническую привычку цивилизованного человека рассматривать мир как картину.

К несколько иной интерпретации этих данных пришла группа советских психологов, изучавших под руководством А. Н. Леонтьева процесс формирования восприятия в необычных условиях¹⁴.

В ряде экспериментов осуществлялось искажение сетчаточных изображений при помощи особых оптических устройств (использование псевдоскопа, а также инвертирование сетчаточных проекций). В результате достигалось резкое разведение предметного образа восприятия и его чувственной ткани. В этих экспериментах было показано не только то, что в определенных условиях субъекту может быть непосредственно презентирована чувственная ткань образа, без ее предметного, объектного осмысления (правда, в этих условиях субъект и не имеет, строго говоря, знания о мире, почти не может в нем ориентироваться), но и то, что формирование перцептивного образа необходимо предполагает определенную деятельность с чувственной тканью. Между тем имеются основания для сближения чувственной ткани с тем, что Гибсон называл видимым полем.

Отрицание Гибсоном связи между сенсорным полем, ощущением и восприятием является совершенно неправомерным. Вместе с тем справедливо мнение Гибсона о качественном отличии восприятия от сенсорного поля¹⁵.

В связи со сказанным важно подчеркнуть, что в обычных условиях чувственная ткань перцептивного образа (соответствующая видимому полю) не создается субъек-

том. На той стадии онтогенеза, когда еще не сформировалось полноценное предметное видение внешнего мира, субъекту не только не презентирован видимый мир, для его сознания не существует и видимого поля. Качества, относящиеся к видимому полю (цвета и их оттенки, взаимное расположение разных контуров и т. д.), осознаются лишь постольку, поскольку они вписаны, включены в видимый мир, т. е. в мир реальных объектов.

Известный искусствовед прошлого века Дж. Рескин, предвосхищая импрессионистов, писал: «Вся сила искусства живописи зависит от нового обретения того, что можно назвать невинностью глаза, т. е. от своего рода детского восприятия плоских чувственных пятен как таковых, без осознания того, что они означают — подобно тому, как их увидел бы слепой, если бы он внезапно прозрел»¹⁶. Между тем в обычных условиях цветовые пятна, как таковые, вне их объектного осмысления и отнесения, не могут осознаваться. Внезапно прозревший в результате удачной операции слепой (подобные случаи известны современной науке) первое время как раз ничего не видит, ибо видеть он может только осмысленным, объектным образом, и этому ему приходится учиться.

Взрослый человек, получающий возможность видеть чувственную ткань зрительного образа — в результате особой рефлексивной установки сознания или же вследствие применения специальных оптических устройств, искажающих обычную сетчаточную проекцию предмета, — всегда сознает неестественность подобной ситуации и не может отделаться от чувства *нереальности* данной его сознанию картины.

Эксперименты советских психологов позволяют сделать еще один вывод, важный для понимания познавательной специфики восприятия. Дело в том, что предметный перцептивный образ не только константен относительно постоянно меняющихся условий восприятия и до известной степени независим от чувственной ткани¹⁷, но и в своей смысловой структуре несет осознание мира как существующего амодально, т. е. *объективно*, независимо от наших сенсорных модальностей — зрительной, тактильной и т. д. Как особенно четко выявилось в ходе исследования перцептивной деятельности при инверсии сетчаточного образа, формирование образа восприятия предполагает непрерывное присутствие в сознании в качестве его элемента амодальной, объективной *схемы мира*,

которая может существовать в ткани любой модальности или в виде некоторых мнемических схем. Воспринимаемый мир — это форма существования схемы мира в той или иной модальности. Существенно, что схема мира включает как свою составную часть и *схему тела*, и перцептивный образ формируется лишь через соотношение воспринимаемого мира с амодальной схемой мира через схему тела¹⁸.

Восприятие как вид познания таким образом предполагает осмысление, понимание, истолкование увиденного. Это осмысление является определенного рода деятельностью. В самом деле, одни и те же сенсорные данные могут соответствовать самым различным реальным предметам. «... Главная задача воспринимающего мозга — отобрать единственный из многих возможных способов интерпретации сенсорных данных. Ведь из одних и тех же данных можно «вывести» совершенно разные объекты. Но воспринимаем мы лишь один объект и обычно воспринимаем верно. Ясно, что дело не только в сочетании, сложении первых паттернов (результаты воздействия внешнего предмета на воспринимающую систему. — В. Л.), восприятие строится и из решений. Чтобы понять это, стоит внимательно рассмотреть неоднозначность объектов, причем тут следует иметь в виду, что выделение некоторой области паттерна как соответствующей объекту, а не просто части фона есть лишь первый шаг в процессе восприятия. Остается еще принять жизненно важное решение: *что есть этот объект?*

Вопрос стоит остро, поскольку любой двумерный паттерн может отвечать *бесконечному числу возможных трехмерных форм*. Восприятию помогают дополнительные источники информации — стереоскопическое зрение, параллакс, возникающий при движении головы. Во всяком случае, остается фактом, что мы почти всегда достаточно надежно решаем, «что **ЕСТЬ** этот объект?», несмотря на бесконечное число возможных решений»¹⁹.

Процесс восприятия всегда предполагает выбор (причем выбор в известном смысле спорный) той интерпретации сенсорных данных, которая является наиболее вероятной, если исходить из мира реальных объектов. Перцепция строит нечто вроде *объект-гипотез*. «К тому же поведение не полностью контролируется сенсорными данными, а основывается на допущениях, *выведенных* в процессе восприятия из этих данных. Это становится ясным

из анализа повседневного опыта: я кладу книгу на стол, не проверяя предварительно, выдержит ли он книгу»²⁰. Иными словами, я действую в соответствии с восприятием свойств физического объекта — стола, а не в соответствии с ощущением того коричневого пятна, которое находится в моем глазу, когда я смотрю на поверхность стола.

Восприятие объекта осуществляется в результате сложного процесса сопоставления сенсорной информации с теми объектными эталонами, которые записаны в памяти. Причем в процессе этого сопоставления возможны и ошибки²¹.

Процесс восприятия — это постоянное решение задач особого рода, своеобразный вид мышления, «визуальное мышление», подчеркивают ныне специалисты по психологии восприятия²².

Попробуем более четко сформулировать теоретико-познавательный смысл сказанного.

Обратим прежде всего внимание на то, что с точки зрения марксистской гносеологии различие между восприятием и мышлением состоит вовсе не в том, что первое якобы является чисто непосредственным, а второе — опосредованным видом знания, как традиционно считал философский эмпиризм. Познание с самого начала объектно направлено, а выделение во внешнем мире объектов, реальных предметов предполагает активную познавательную деятельность, принятие ряда допущений, выдвижение определенных предположений, которые затем апробируются в сенсорной и реальной деятельности. Развитие современной психологии конкретизирует эти принципиальные философские установки.

Конечно, восприятие, или, как называл его В. И. Ленин, «живое созерцание»²³, отличается от абстрактного мышления. В восприятии в обычных условиях презентирован, сознательно дан субъекту лишь результат перцептивной деятельности — предметный образ — и не дана, скрыта от сознания, редуцирована и сокращена сама деятельность по его построению. Между тем мышление, оперирующее абстракциями, предполагает развернутость деятельности по построению предметного образа и сознательный контроль за ходом ее осуществления (хотя и в абстрактном мышлении осознается отнюдь не все, но это уже особая проблема). Поэтому для самого субъекта восприятие выступает как непосредственная данность

объекта и именно по этому признаку отличается им от мышления. Другое важное различие состоит в том, что знание, даваемое восприятием, предполагает существование предметного смысла в той или иной чувственной ткани, в той или иной сенсорной модальности. Как количество сенсорных модальностей, так и их характеристики, а также в значительной степени особенности чувственной ткани определены конкретными историческими обстоятельствами возникновения и развития биологического вида *Homo sapiens*. Конечно, эта определенность не является случайной: органы рецепции как со стороны своего количества, так и по своей «пропускной способности» вполне справлялись с обеспечением вида *Homo sapiens* той информацией, которая первоначально была ему необходима для ориентации в окружающей среде, в мире относительно устойчивых макротел, и для обслуживания определенного узкого круга деятельности. Однако специфическая особенность человека состоит как раз в выходе за пределы биологически определенных видов деятельности. С этим связано и возникновение познания в точном смысле слова и вместе с тем появление необходимости познания таких реальных объектов, их свойств и отношений, которые вообще не могут, в том числе и частично, воздействовать на воспринимающую систему человека. Познание этого рода стало возможным в результате возникновения мышления, использующего систему особых искусственно созданных объектов — предметов особого рода — символов, знаков, графиков, схем, моделей, и т. д. для выявления свойств тех объектов, которые существуют независимо от субъекта. (Заметим, что мышление необязательно должно выражаться в знаковословесной форме, а может осуществляться и в виде особого типа оперирования предметами.)²⁴

Как мы видели, предметный смысл образа восприятия не находится в однозначном отношении к сенсорной информации, в чем-то он беднее этой информации, а в чем-то значительно богаче. Данное обстоятельство объясняется тем, что предметный смысл образа, а следовательно, и специфически человеческое познание в отличие от сенсорной информации возникает не на пути биологической эволюции, а в рамках социально-исторического развития на основе практической деятельности. Субъект может воспринимать и такие стороны объектов, которые не воздействуют на его органы чувств. Вместе с тем существуют та-

кие предметные смыслы, которые в принципе не могут быть «встроены» в чувственную ткань и, следовательно, не могут быть чувственно восприняты. Эти предметные смыслы воссоздаются посредством особого типа мышления, которое сознательно оперирует абстракциями.

Ограниченность восприятия, связанная с его особенностями (субъективная непосредственность, отсутствие осознания осуществляемой интерпретации), создает возможность для возникновения противоречия между восприятием и пониманием предмета (точнее было бы говорить — между двумя разными уровнями понимания: на основе восприятия и на основе абстрактного мышления). Так, например, Луна воспринимается как диск, имеющий 30 сантиметров в поперечнике, удаленный «на глаз» примерно на полтора километра. По-видимому, все люди приблизительно одинаково воспринимают размеры и удаленность Луны, ошибаясь при этом в миллион раз²⁵. Можно привести множество подобных фактов.

В контексте данного рассуждения, однако, важнее подчеркнуть не отличие восприятия от абстрактного мышления, а то, что их объединяет и дает основание говорить о первом как о своеобразном «визуальном мышлении», о деятельности по решению задач на распознавание объектов²⁶.

Марксистская теоретико-познавательная позиция противостоит и метафизическому материализму, и гносеологическому эмпиризму, который в своей развитой форме неизбежно приобретает субъективно-идеалистический характер. Вместе с тем интересно сравнить эту позицию с трансценденталистской интерпретацией познания.

Как мы помним, для Канта и Гуссерля познание всегда имеет дело не с субъективными ощущениями, а с объектами (другой вопрос, как понимаются сами объекты, какой онтологический статус приписывают им эти философы). Обратим, однако, внимание на то, что для Гуссерля интенциональный объект, который в определенных случаях может совпадать с реальным, дан абсолютно непосредственно, с аподиктической очевидностью, знание этого объекта в принципе не может быть результатом конструктивной деятельности субъекта (акт интенциональной направленности на объект — это, по Гуссерлю, акт схватывания некоторой очевидности). Те теоретические объекты, с которыми имеет дело наука, с точки зрения феноменологии, в сущности, не являются подлинными и не харак-

теризуют адекватное знание, а лишь выполняют роль вспомогательных концептуальных конструкций. Позиция Канта по этому вопросу представляется на первый взгляд существенно иной. Кант подчеркивает, что данный в опыте предмет и знание о нем являются в действительности результатом творческой деятельности Трансцендентального Субъекта, продуктом синтеза ощущений. Заметим однако, что и для Канта предметный смысл может существовать в форме знания лишь постольку, поскольку он вписан, включен в определенную чувственную ткань. Субъект обладает знанием лишь постольку, подчеркивает Кант, поскольку предмет знания дан в чувственном опыте (поэтому, с кантовской точки зрения, опыт и знание в сущности совпадают). В этой связи резко противопоставляются знание и мышление — попытки получить знание на пути мышления, т. е. знание тех предметов, которые не могут быть даны в опыте, неизбежно ведут к неразрешимым антиномиям, считает Кант. Это не значит, что, с кантовской точки зрения, о данных объектах нельзя помыслить. Однако о них нельзя знать ничего определенного, считает Кант, ибо всякое знание есть синтез многообразия, а этот синтез, с его точки зрения, возможен лишь в опыте.

В действительности отношение предметного смысла и чувственной ткани восприятия вовсе не сводится к простому «синтезу» многообразных ощущений посредством предметного содержания: многие ощущения отсеиваются, могут возникать противоречия между предметным содержанием и теми или иными сенсорными впечатлениями, и в этом случае последние не замечаются, не сознаются. Главное же состоит в том, что предметный смысл может быть включен в систему знания и в том случае, когда он непосредственно не вписан в чувственный опыт. Иными словами, возможно подлинное знание также и о тех предметах, которые непосредственно не могут быть даны в человеческом опыте. С такими объектами (которые, согласно Канту, в принципе не могут быть предметом знания), имеет дело, с одной стороны, современная микрофизика, с другой — космология.

Решение проблемы обоснования знания в классической гносеологии было связано с постулированием таких видов знания, которые сами не нуждаются в обосновании и в которых объект схватывается более или менее непосредственно. Сказанное относится не только к различным системам эмпиризма, усматривавшим подобное знание в ме-

тафизически истолкованных ощущениях или «чувственных данных», но и к трансценденталистской философии. Поэтому поиски «непосредственно данного» и отличие его от «выведенного» и сконструированного знания всегда были одной из важнейших задач домарксистских и немарксистских теорий познания.

Диалектический материализм, подчеркивающий, что любое знание не может быть объектным, предметным, утверждает тезис (развитие современной психологии и теоретического естествознания подтверждают и конкретизируют этот тезис) о том, что разные уровни знания имеют дело с реальными объектами, хотя на разных уровнях отображаются различные типы объектов и их сторон. «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту, — пишет В. И. Ленин. — *Отражение природы в мысли человека надо понимать не „мертво“, не „абстрактно“, не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»²⁷. Конечно, не все теоретические объекты, с которыми имеет дело научное мышление, непосредственно и однозначно могут быть соотнесены с реально существующими предметами. Важно, однако, подчеркнуть, что существуют такие реальные объекты, которые могут быть отображены лишь с помощью абстрактного мышления и не могут быть непосредственно даны субъекту в чувственном опыте.

Но это значит, что классическая проблема домарксистской теории познания, проблема обоснования знания должна быть не только решена по-новому, но и по-новому задана, поставлена. Это значит, что важнейшей задачей научной теории познания становится не выделение непосредственных данностей, очевидностей в знании, а выявление всеобщих предметных смыслов и норм объективности знания, исследование способов формирования, развития и изменения этих норм и решение на этом пути проблемы взаимоотношения знания и объективно существующей действительности.

2. Иллюзия и реальность

Представление о том, что подлинные свойства реальности схватываются в результате непосредственного воздействия предмета на познающего или же в форме какого-то «слияния» субъекта и объекта, что искажения,

заблуждения, иллюзии объясняются исключительно тем, что субъект недостаточно пассивно следует «предметной данности» и привносит в познавательный процесс нечто от себя — то ли от своей физической и физиологической природы, то ли от активности сознания, — было глубоко укоренено в домарксистской теории познания. Конечно, достаточно давно было известно, что восприятие может обманывать, вводить в заблуждение относительно реального смысла тех или иных объективных ситуаций, однако всегда несомненно было и то, что в большинстве случаев оно с практической точки зрения дает более или менее верное знание. Вместе с тем постижение истины путем абстрактного мышления тоже так или иначе связывалось в классической философии с актом непосредственного, пассивного схватывания («умное видение» идей Платона, интеллектуальная интуиция философов-рационалистов XVII—XVIII вв.; непосредственное «узрение сущностей» Гуссерля и т. д.), т. е. понималось по аналогии с пассивно интерпретированным восприятием. Таким образом, вопрос об активности и пассивности субъекта в познавательном процессе тесно связывался с одной из центральных философских проблем, живо обсуждавшейся со времен античности, — проблемой отношения реальности и кажимости, иллюзии.

Современная психология восприятия дает достаточно богатый материал в пользу того философски важного положения, что результаты («следы») воздействия внешнего предмета на органы чувств как раз совершенно недостаточны для разграничения реальности и иллюзии, ибо, как мы уже говорили, та или иная конфигурация этих следов может соответствовать самым различным реальным объектам. Важно подчеркнуть, что выделение реальных объектов из сенсорной информации, осуществляемое посредством наложения на последнюю тех или иных объект-гипотез, обеспечено не только познавательной активностью субъекта, но и тем, что сами объект-гипотезы апробированы в прошлой практической деятельности (коллективной и индивидуальной) и служат для выделения тех сторон реальных предметов, которые существенно важны именно для этой деятельности. В том случае, когда субъект сталкивается с такими объектами, с которыми он до сих пор не имел дела в своей практике, либо же с известными объектами в необычных ситуациях, с объектами, выступающими под непривычными ракурсами, возникает

Иллюзия — воспринимается не то, что существует на самом деле. (Мы отвлекаемся в данном случае от тех искажений восприятия, которые возникают вследствие утомления сенсорных рецепторов, либо при их адаптации к длительной или интенсивной стимуляции.) Хотя в этом случае сенсорная информация, поступающая от объекта, может вовсе не искажаться и учитываться в полной мере, ее самой по себе оказывается совершенно недостаточно для снятия иллюзии и выявления реального предмета. Иными словами, иллюзия в данном случае — это вовсе не результат активности субъекта, а лишь следствие того, что эта активность неадекватна объективной ситуации.

Американский психолог А. Эймс осуществил следующий эксперимент. На экране проделаны три отверстия, через которые можно смотреть одним глазом соответственно на каждый из трех предметов, расположенных на некотором расстоянии. Любой из них воспринимается в этих условиях как стул. Однако, когда мы смотрим на те же предметы из других отверстий, проделанных в другом экране, находящемся по отношению к первому под некоторым углом, мы обнаруживаем, что только один из предметов в действительности является стулом. Два остальные — это в высшей степени странные объекты, которые тем не менее могут под определенным углом зрения давать на сетине точно такую же проекцию, как и настоящий стул. (Один из объектов — это даже не связный предмет, а просто набор металлических стержней, подвешенных под разными углами перед задником, на котором изображено то, что мы воспринимаем через одно из отверстий в качестве сиденья стула.) Таким образом, лишь один из стульев, которые мы видим в данном эксперименте, является подлинным, реальным, два другие — это иллюзии²⁸.

Возникает иллюзия потому, что из всех возможных интерпретаций (объект-гипотез), соответствующих данным сетчаточным паттернам, субъект бессознательно выбирает ту, которая в наибольшей степени соответствует его практическому опыту. Человек постоянно имеет дело со стульями и, как правило, не сталкивается с теми странными объектами, которые демонстрировал Эймс. Важно, однако, подчеркнуть, что возможные иллюзии, как правило, довольно быстро снимаются в обычной практике: ведь в отличие от искусственных условий лабораторного эксперимента в жизни субъект не просто смотрит из одной

позиции на тот или иной предмет — тем более одним глазом²⁹, а постоянно меняет свою позицию, движется, активно действует, практически пользуется предметами и сам создает новые. Все это обеспечивает вполне достаточные условия для того, чтобы соотнести знание с реальными объектами, выделить тот или иной мимолетный образ восприятия как иллюзию и отделить его от впечатлений, соответствующих реальным предметам. Палка, опущенная в воду, кажется сломанной. И в этом случае иллюзия возникает вовсе не за счет искажения сенсорной информации — объективные обстоятельства в данном случае таковы, что физическое изображение палки на сетчатке глаза не может быть иным: как известно, углы преломления света в воде и воздухе различны. Чувство необычности возникает в данном случае лишь потому, что в нормальной практике мы не имеем дела с такими предметами, которые одновременно находятся в двух средах: в воде и в воздухе, и наша объект-гипотеза не может в данном случае скорректировать искажение проекции палки на сетчатку, как это осуществляет субъект в случае восприятия размеров и форм предметов, видимых под разными углами зрения («константность восприятия»). Но стоит начать действовать той же палкой — а это происходит обычно не тогда, когда она находится наполовину в воде и наполовину в воздухе, — чтобы она была воспринята как прямая, т. е. в соответствии со своими реальными характеристиками.

Таким образом, выделение объективных характеристик воспринимаемых предметов осуществляется в рамках практической деятельности и в соответствии с задачами этой деятельности. Известный искусствовед и специалист по психологии восприятия живописи Э. Гомбрих, излагая опыты со «стульями Эймса», замечает, что, вероятно, гипотетический марсианин, который привык пользоваться в качестве мебели не нашими обычными стульями, а чем-то вроде странных предметов, демонстрируемых Эймсом, иллюзорно воспринимал бы наши стулья в качестве знакомых ему наборов металлических стержней (во всяком случае, таким было бы его первоначальное восприятие, прежде чем марсианин не убедился бы, что стулья являются реальными объектами нашего мира)³⁰. Но именно это обстоятельство, т. е. тесная связь перцепции с непосредственными нуждами практики, обуславливает не только силу, но и слабость восприятия. Дело в том, что

практика не только заставляет воспринимать реальные характеристики предметов. Узость, ограниченность практики может стать причиной массовых, стойких, не поддающихся снятию иллюзий, таких, как, например, впечатление неподвижности Земли и движения Солнца. Сознательно-рефлективное, оперирующее абстракциями мышление отвлекается от сиюминутных потребностей практики и пытается выявить сущностные характеристики объектов, безотносительно к тому, как они выступают в той или иной конкретной ситуации. Это значит не то, что теоретическое мышление вообще изолируется от задач практики и противопоставляет себя ей, а лишь то, что посредством этого мышления выявляются необходимые характеристики объектов и вместе с тем сущностные измерения самой практики. Вследствие этого обеспечивается возможность для действия в таких условиях, которые выглядят необычными и непривычными с точки зрения существующего опыта. Когда в научной астрономии была снята иллюзия движения Солнца и неподвижности Земли (иллюзия эта тем не менее продолжает присутствовать в восприятии до тех пор, пока человек остается на Земле, ибо вполне соответствует обычной земной практике, заставляющей принять Землю за систему отсчета), то тем самым была выявлена в самой абстрактной форме возможность будущей новой, необычной практики, практики космических полетов, позволяющей по-другому увидеть взаимное движение Земли и Солнца.

Хотя в принципе теоретическое мышление способно выявить собственные реальные характеристики предмета, тем не менее и оно в некоторых условиях может упорно воспроизводить весьма стойкие иллюзии. Речь идет, например, о тех случаях, когда теоретическое мышление — это касается преимущественно общественных наук — оказывается тесно связанным с определенного типа узкой и ограниченной практикой, упорно навязывающей участвующим в ней субъектам восприятие лишь видимостных аспектов действительности. Таков, например, раскрытый К. Марксом известный феномен «товарного фетишизма», являющийся массовой объективной иллюзией, которую не могут не разделять агенты капиталистической системы общественных отношений и которая воспроизводится вульгарной буржуазной политэкономией.

К. Маркс сумел теоретически преодолеть эту иллюзию лишь потому, что он встал на позиции революционной

практики пролетариата, практики, которая выводима за пределы деятельности в рамках буржуазного способа производства, ибо предполагала радикальное преобразование последнего.

Особый интерес представляют те случаи иллюзий восприятия, когда перцептивный образ в той или иной степени вступает в *прямое противоречие* с сенсорными данными, отвергая часть последних. Происходит это тогда, когда предметный образ, соответствующий сенсорным данным, является слишком необычным, несоответствующим привычной практике. Примером может служить восприятие изображения вывернутой наизнанку головы, например, внутренней поверхности отливочной формы или гипсовой маски. «Сознание отвергает такие вывернутые наизнанку формы: воспринимается нормальная выпуклая голова, обычное лицо, хотя стереозрение дает то, что соответствует истинной форме реальных вещей. По-видимому, несмотря на отсутствие многозначности в сигналах о глубине, поступающих от стереозрения, они все же не принимаются как окончательные при восприятии структур. Стереозрение позволяет разрешить неоднозначности и неопределенности лишь при наблюдении незнакомых фигур, в отношении которых нет заранее приготовленных перцептивных гипотез; против гипотез, степень вероятности которых очень высока, свидетельство стереозрения не принимается»³¹.

Важно подчеркнуть, что в этой иллюзии выражается не только слабость, но и сила восприятия, ибо «предпочтение, отдаваемое накопленным ранее сведениям, может оказаться фактором, повышающим надежность восприятия, поскольку текущая информация нередко оказывается менее полной и точной, чем та, что запечатлена в прошлом опыте»³². Перцептивная гипотеза ведет себя по отношению к сенсорным «фактам» в принципе так же, как теория в отношении фактов науки.

Смена перцептивных гипотез, однако, как правило, осуществляется труднее, чем смена научных теорий или даже «парадигм», так как объект-гипотезы восприятия слишком непосредственно привязаны к обычной человеческой практике. В этой связи возникает проблема восприятия необычных объектов, особенно остро стоящая именно сегодня, когда человек создал мир сверхсложных технических сооружений, нередко ведущих себя не так, как обычные тела повседневного опыта.

«То, что мозг выбирает именно наиболее вероятный из возможных ответов, таит в себе и некоторую опасность, — замечает Р. Грегори, — трудно, а иногда просто невозможно воспринять очень необычный предмет, особенно в тех случаях, когда его проекция (его изображение) оказывается такой же, как проекция (изображение) привычных, знакомых предметов. И это не пустяк, так как необычные формы действительно встречаются, и не исключено, что в каком-то случае от правильного восприятия их будет зависеть многое. . . Впервые в истории перед Разумным Глазом — непредсказуемое будущее, содержащее такие объекты и ситуации, перед которыми его объект-гипотезы бессильны. Что ж, мы должны научиться жить в мире, который создали. Опасность — в том, что человек способен создать и такой мир, который выйдет из-под ограничений, налагаемых разумом; в этом мире мы не сможем видеть»³³.

В связи со сказанным еще раз подчеркнем одну из важнейших особенностей познавательного отношения. С одной стороны, в акте познания субъекту дается сам реально существующий объект, а не собственные субъективные ощущения. Предметный образ не создается в качестве какой-то особой вещи, для соотнесения которой с внешним объектом требуется особая деятельность по «объективированию» или «проектированию» образа. С другой стороны, познание необходимо предполагает сознание отличия субъекта от познаваемого объекта, а, следовательно, и сознание *отличия* предметного образа, принадлежащего субъекту, от самого реального предмета. Правда, в обычных условиях, когда познание направлено на внешний объект, а не на субъективный мир, сознание субъектной принадлежности предметного образа находится как бы на «периферии» сознания, в центре же поля сознания выступает реальный мир внешних объектов. В этом случае предметный образ как бы «прозрачен» для презентированного в нем предмета. Однако и тогда, когда сознание направлено на мир собственных переживаний — а это установка вторична и производна от направленности на внешний мир, — предмет (в данном случае состояние сознания) и познающий субъект не сливаются, а отделены один от другого.

Субъект может иметь дело с познанием объектов, по крайней мере, трех родов: предметов, внешних не только его сознанию, но и телу, собственного тела (подчеркнем,

что речь в данном случае идет о моем теле, а не о теле другого субъекта) и, наконец, своего сознания. Познание, имеющее дело с объектами первого рода, является основным, исходным и определяющим все остальные типы знания. Это познание с необходимостью предполагает присутствие в сознании объективной схемы мира, в которую включена и схема тела субъекта в качестве занимающего определенное объективное пространственно-временное положение в мире среди других объектов. (В том случае, если субъект не сознает объективного положения своего тела в мире, он не может ориентироваться в предметной среде.) Познание собственного тела, с одной стороны, предполагает, что некоторые его состояния даны субъекту «изнутри» (посредством проприоцептивной рецепции), а с другой стороны, опирается на сознание вписанности тела в объективную сетку связей мира, в которой само тело субъекта выступает как один из объектов.

Таким образом, объективное знание, которое я могу передать, сообщить другим людям, предполагает существование предметов, внешних моему телу и независимых от него, и вписанность моего тела в объективную предметную связь. Что касается знания состояний моего сознания, то оно оказывается возможным лишь потому, что я могу отнестись к себе как бы с точки зрения другого человека, что предполагает не только существование этого другого вне меня, но и совместную деятельность с ним. (Это не исключает того, что есть и такие оттенки в осознании моих переживаний, которые довольно сложно выразить внешним образом и сообщить другому.) А это значит, что и познание субъективных состояний сознания предполагает в качестве необходимой основы объективное знание и было бы невозможно без последнего.

Представим себе, что как будто все познаваемые объекты творятся самим актом познания и не существуют вне познания. Может показаться, что рисуемая нами гипотетическая картина соответствует тому миру переживаний, который присущ ребенку на ранних этапах развития психики, когда еще не сложилось объектное восприятие действительности и не существует дифференциации субъективного и объективного. Но подобное мнение неосновательно. Дело, во-первых, в том, что ранние стадии развития психики содержат возможность и необходимость последующего осознания различения субъекта, его субъективных состояний и мира объектов, во-вторых, в том,

что гипотетическая картина творения объектов самим актом их познания предполагает осознание и признание первичности субъекта и производности объектов, в то время, как для младенца первоначально не существуют не только объекты, но и он сам в качестве субъекта.

Нетрудно показать, что предполагаемая нами ситуация невозможна, ибо даже субъективные состояния сознания не могут полностью определяться направленной на них познавательной активностью. (Хотя отношению субъекта и объекта в процессе рефлексии присущи определенные сложности, о которых речь пойдет в дальнейшем.) Конечно, состояния сознания и тело субъекта не существуют независимо от самого субъекта. Но их познание, как мы подчеркивали, возможно лишь в результате того, что субъект осознает себя вписанным в объективный мир, т. е. мир, заполненный реальными предметами и другими субъектами, существующими вне и независимо от него. Подавляющее большинство этих предметов и других субъектов независимы от данного субъекта как по происхождению, так и по существованию. (Некоторые из них независимы от него только по существованию, но зависимы по происхождению: с одной стороны, это предметы, созданные данным человеком, а с другой — его дети.) Если бы объекты были «привязаны» к субъекту и «следовали» за его движениями и действиями, познавательное отношение было бы попросту невозможным.

Эту принципиальную характеристику познания следует иметь в виду, в частности, тогда, когда обсуждаются философские импликации современных теорий квантовой механики. Не только в физической, но и в философской литературе можно встретить утверждение о том, что при познании объектов микромира стирается различие, граница субъекта и объекта, что в этом случае человек имеет дело с познанием собственных воздействий на предмет знания. Иногда подобные рассуждения связываются с диалектико-материалистическим учением о единстве субъекта и объекта, с марксистским положением о действительной, практической природе познания. В действительности философское значение той познавательной ситуации, с которой столкнулась квантовая физика, заключается в обнаружении принципиально нового типа реальных объектов, обладающих свойствами, резко отличающими их от обычных предметов макромира, а также в необходимости учета условий наблюдения при описании результатов экс-

перимента. Вместе с тем квантовая механика не дает никаких оснований для утверждений о снятии границы субъекта и объекта. Дело в том, что условия наблюдения, о которых идет речь, вполне объективны. Макроприборы и микрообъекты существуют вне субъекта. Экспериментирующий и регистрирующий показания приборов субъект в принципе может быть заменен автоматом.

Разумеется, человек имеет дело также и с познанием продуктов собственного творчества. Но это возможно лишь постольку, поскольку эти продукты (например, мир техники, предметы культуры, научные теории, произведения искусства и т. д., выраженные в знаково-символической форме) выступают внешне-объективированным образом, т. е. вне тела субъекта. Во всяком случае процесс познания, сознательного отражения предмета не может совпадать с процессом его творчества. (Само познание всегда носит творческий характер, но в данном случае имеется в виду не творчество познаваемого предмета, а лишь его воспроизведение в системе знания.)

3. Познание и предметно-практическая деятельность

Мы обращали внимание на роль предметных смыслов, познавательных норм, объект-гипотез в процессе познания и подчеркивали, что эти нормы не возникают в ходе простого воздействия предмета на органы чувств, а сами управляют отбором и преобразованием сенсорной информации при становлении предметного образа. Возникает, однако, естественный вопрос о природе и происхождении этих норм. Не правы ли трансценденталисты, утверждавшие, что познавательные эталоны и нормы внутренне присущи сознанию субъекта и должны быть поняты в результате анализа последнего?

В философии диалектического материализма подчеркивается, что осуществляющееся на основе определенных эталонов и объектных норм познание во всех его формах, начиная с восприятия, формируется в процессе активной практической деятельности субъекта с материальными предметами. Исходным отношением человека к миру является не пассивная рецепция, а практическое преобразование предметной среды.

«Главный недостаток всего предшествовавшего материализма (включая и фейербаховский), — писал К. Маркс, — заключается в том, что предмет, действитель-

ность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, практика; не субъективно. Поэтому деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась абстрактно идеализмом — который, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»³⁴.

«...Люди никоим образом не начинают с того, что „стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира“. Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы есть, пить и т. д., т. е. не „стоять“ в каком-нибудь отношении, а активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности»³⁵.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что марксизм кладет практику в основание своей теории познания. «...Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»³⁶. «...Вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»³⁷.

Факт связи процесса формирования восприятия с предметной деятельностью субъекта широко признан ныне в психологии.

Так, в исследованиях Ж. Пиаже показывается включенность перцепции в более общие схемы предметной активности, каковыми для ребенка раннего возраста являются сенсомоторные схемы.

Первая стадия развития сенсомоторных схем поведения (сенсомоторного интеллекта), согласно Пиаже, характеризуется употреблением врожденных сенсомоторных механизмов, которые приспособляются к особенностям предметов (их форме, величине и т. п.). На этой стадии может иметь место лишь более тонкое различение раздражителей, но не предметное восприятие.

Вторая стадия (начинающаяся со второго месяца жизни) — стадия первичных реакций — характеризуется повторением случайно возникших действий, ведущих к положительному результату. Предмет на данной стадии развития выступает для ребенка как непосредственное продолжение действия.

На третьей стадии (стадии вторичных круговых реакций, которая длится с третьего по девятый месяц жизни) первичные реакции начинают применяться к новым предметам. Возникает ряд новых типов поведения: зрительное

приспособление к медленным движениям (ребенок, следуя за движущимся предметом, продолжает слежение по продолжению траектории после исчезновения объекта), повторное схватывание в том же месте, узнавание целого объекта по видимой части, преодоление препятствий, мешающих восприятию (ребенок убирает пеленку, накинутую ему на лицо), применение к одному и тому же предмету разнообразных действий.

Однако, хотя ребенок и возвращается к первоначальному действию с находящимся на определенном месте предметом, поиска исчезнувшего объекта вне продолжения начатого движения по той же траектории еще нет. Сбрасывая пеленку с лица, дети тем не менее никогда не пытаются снять ее с закрытого у них на глазах предмета. Пиаже считает, что именно на этой стадии зарождается предметность восприятия.

Четвертая стадия (с девяти месяцев до года) — стадия координации приобретенных схем действий и их применения к новым ситуациям. Возникает систематическое исследование новых предметов, как бы связанное с выявлением их назначения (рассматривание, раскачивание, трясение, давление, засовывание в рот, бросание и т. д.). Ребенок активно ищет исчезнувший предмет, но не считается при этом с перемещениями предмета, происходящими у него на глазах. Объект для ребенка является уже реальностью, но реальностью, находящейся в определенном месте при определенном действии.

На пятой стадии (с конца первого до середины второго года жизни) ребенок открывает новые схемы действия благодаря активному экспериментированию. Начинают осуществляться действия с использованием вспомогательных средств, простейшие инструментальные действия. При поисках спрятанного предмета ребенок начинает учитывать последовательные перемещения видимого объекта, ищет его там, где объект был спрятан последний раз.

Наконец, шестая стадия (с середины второго года жизни) знаменует собой переход от сенсомоторного опыта к представлению результатов собственных действий, с одной стороны, и представлению предметов и их перемещений — с другой. На этой стадии становится возможным учет при поиске предмета нескольких последовательных перемещений даже при условии, что во время этих перемещений предмет не виден (после показа ребенку его переносят в зажатой руке, в закрытой коробке) ⁸³.

«... В восприятии в скрытой форме происходит своеобразное моделирование деятельности, как настоящей, так и будущей, а также моделирование будущих состояний объекта, преобразуемого человеком»³⁹.

В работах советских исследователей показано, что первоначально перцептивные процессы формируются и развиваются как органические компоненты практической деятельности, и выяснение особенностей воспринимаемой ситуации является суммарным эффектом этой деятельности в целом. В практической, предметной деятельности возникают операции выделения и анализа признаков предмета. По мере того как деятельность ребенка усложняется и перед ним возникают более трудные познавательные задачи, выясняется ограниченность чисто практического ознакомления с предметом и необходимость в особых перцептивных действиях. Однако и перцептивные действия на первых порах внешне похожи на предметные действия с вещами. Это сходство наблюдается даже в тех случаях, когда речь идет о дистантных рецепторах, которые непосредственно не контактируют с вещами⁴⁰.

Вместе с тем указания на то, что познавательные нормы и операции формируются в процессе практической деятельности субъекта с материальными предметами, еще недостаточно для понимания природы и способов функционирования норм познания. Все дело в том, подчеркивается в марксистской философии, что сама практическая деятельность должна быть понята в ее специфически человеческих характеристиках, а именно как деятельность коллективная, совместная, в ходе осуществления которой каждый индивид вступает в определенные отношения с другими людьми; как деятельность опосредованная, в процессе которой человек ставит между собою и внешним, естественно возникшим предметом другие предметы, созданные людьми и играющие роль инструментов, орудий деятельности; и, наконец, как деятельность исторически развивающаяся и несущая в себе собственную историю⁴¹. Созданные человеком социально-функционирующие предметы, опосредующие разнообразные виды его деятельности — начиная от орудий труда, включая предметы быта, и кончая знаково-символическими системами, моделями, чертежами, схемами и т. д. — играют не только инструментальную, но и важнейшую познавательную роль. Ибо в познаваемых объектах человек выделяет те черты, которые оказываются существенными с точки зрения раз-

вивающейся общественной практики, а это становится возможным именно при помощи предметов-посредников, несущих в себе опредмеченный социально-исторический опыт практической и познавательной деятельности⁴². Овладевая социально-функционирующим, созданным человеком для человека предметом, ребенок **начинает** выделять во внешних объектах, во-первых, те черты и характеристики, которые существенны для деятельности посредством данного инструмента, данного человеком созданного предмета, во-вторых, те их особенности, в которых они подобны предметному арсеналу человеческой деятельности. Иными словами, созданные человеком предметные средства выступают в качестве объективных, вне данного индивида существующих форм выражения познавательных норм, эталонов, объект-гипотез. Усвоение индивидом этих норм, имеющих социальное происхождение, делает возможным их функционирование в качестве структурообразующих компонентов познания. Именно в ходе этого усвоения — а оно происходит в процессе практической деятельности с внешними предметами — и совершается становление предметности, объектности восприятия. Этого принципиального обстоятельства не учел Ж. Пиаже, который внес большой вклад в изучение связи процесса восприятия с развитием форм предметной деятельности, но поставил развитие познавательных структур в полную зависимость от прогрессирующего изменения отношений уравнивания между индивидом и внешней средой.

В исследованиях советских психологов, исходивших из развиваемого в марксистской философии принципиального положения о природе и путях формирования познавательных норм, была выдвинута, а затем экспериментально подтверждена гипотеза о том, что в качестве средств осуществления перцептивных действий выступают выделенные и фиксированные в общественном опыте системы чувственных качеств предметов, которые, будучи усвоены ребенком, приобретают значение эталонов, «единиц измерения» при восприятии многообразных явлений действительности. В различных видах человеческой деятельности выделяются такие системы чувственных качеств (цвета спектра, геометрические формы и т. д.), которые определенным образом «квантуют» соответствующие стороны действительности⁴³. Это значит, например, что четкое различение в процессе восприятия окружности и овала (и вы-

деление этих форм также в предметах естественной природы) производно от их различного функционирования в составе предметной деятельности. Ретинальные изображения окружности и овала могут быть довольно близки друг к другу, и их различие при восприятии существенно обусловлено практикой оперирования созданными человеком предметами, выполняющими роль эталонов перцептивной деятельности.

Как известно, с точки зрения гештальт-психологии выделение субъектом формы окружности в воспринимаемых предметах является одним из ярких примеров действия внутренних структурных (по существу, врожденных) законов всякого познания. Основным законом, определяющим восприятие формы, гештальтисты считают так называемый закон прегнантности, т. е. стремление образа восприятия к принятию «хорошей формы»: симметричной, замкнутой и простой (примером такой симметричной и простой формы является, в частности, форма окружности). При этом в основе закона «прегнантности», по мнению теоретиков этой школы, лежит тенденция к установлению равновесия между, с одной стороны, физическими процессами, совершающимися в субъекте, и, с другой стороны, происходящими во внешних субъекту предметах. Исходя из того, что наиболее уравновешенными физическими системами являются системы с минимумом потенциальной энергии, гештальтисты пытаются показать, что наиболее характерными чертами таких систем являются простота и симметрия⁴⁴. Между тем, если речь идет, например, о выделении субъектом в процессе перцепции формы окружности, то, исходя из данных современной психологии, есть все основания предполагать, что этот процесс опосредован усвоением общественно-сформированных эталонов восприятия. Субъект, действительно, склонен выделять в воспринимаемых объектах такие простые формы, как окружность, в большей мере, чем другие. Однако это объясняется прежде всего особой ролью такого рода форм и предметной человеческой деятельности, что, в свою очередь, обусловлено определенными объективными свойствами этих форм.

Как подчеркивал К. Маркс, «глаз стал *человеческим* глазом точно так же, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека. Поэтому *чувства* непосредственно в своей практике стали *теоретиками*... Образование пяти внешних

чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории»⁴⁵.

Таким образом, осуществление акта познания как специфически-человеческого отражения, воспроизведения существенных характеристик объекта предполагает не только активную деятельность субъекта с предметом, но и создание человеком — не как природным индивидом, а как общественным человеком, т. е. в кооперации с другими людьми — определенной системы «искусственных» предметов, опосредующих процесс отражения и несущих в себе познавательные нормы, эталоны. Эти предметы-посредники, выступая в функции средств познания, обладают специфической особенностью. С одной стороны, их назначение состоит в том, чтобы давать субъекту возможность познавательного отражения характеристик тех объектов, которые существуют независимо от них. С другой стороны, сами посредники являются своеобразными объектами, которые обладают своими особенностями, имеют внутренние связи, предполагают определенные способы оперирования с ними и существуют первоначально во внешней, опредмеченной форме (лишь затем они усваиваются индивидом и становятся его внутренним достоянием). Но это значит, что осуществление познавательного акта предполагает со стороны субъекта не только умение соотносить предметы-посредники с познаваемым объектом. Нужно также владеть способами оперирования той специфической реальностью, которой являются сами социально-функционирующие искусственные предметы.

В связи со сказанным обратим внимание на ряд существенных моментов, относящихся к общей проблеме взаимоотношения деятельности и познания. Предпримем для этого небольшой историко-философский экскурс. Дело в том, что представление о тесной связи познания и деятельности относительно недавнего происхождения. Для античной мысли было характерно резкое разделение, с одной стороны, знания в собственном смысле слова, т. е. понимания сущности вещей, и, с другой стороны, технического умения делать, искусственно создавать тот или иной предмет. Искусство может лишь в той или иной степени подражать природе, но не в состоянии сравниться с ней, считали философы древности. Человек неспособен сделать то, что творит природа. Это не означает с точки зрения античной философии, что он лишен возможности

познавать природную реальность. Однако знание нетождественно умению технического воспроизведения того, что познано. В отличие от искусственного производства, подчеркивали мыслители древности (мы в данном контексте отвлекаемся от весьма существенных различий между разными направлениями философии того времени), знание предполагает не изменение данного объекта и не конструирование нового предмета, а пассивную рецепцию, принятие содержания познаваемой реальности такой, какой она является сама по себе.

Иное понимание взаимоотношения знания и деятельности начинает развиваться в философии Нового времени, и это понимание непосредственно связано с процессом становления новой экспериментальной науки⁴⁶. Прежде всего совершается переоценка деятельности ремесленников, техников. Широко распространяется мнение о том, что техническое умение сделать ту или иную вещь — это тоже знание, и при том не просто один из его видов, а знание принципиально того же рода, что и теоретическое, более того, выражающее сущность всякого знания. Поскольку знание сущности предмета предполагает познание его ближайшей причины, постольку человек в состоянии понастоящему знать только лишь то, что он сам же сделал, т. е. вещи, ближайшей причиной которых является он сам. Знание, таким образом, отождествляется с созиданием, конструированием⁴⁷. Поскольку техника того времени имела дело преимущественно с механическими процессами сборки-разборки, постольку познание природы сводилось к выявлению в ней своеобразных сборно-разборных конструкций, а сама природа уподоблялась гигантскому часовому механизму. Тезис о познаваемости мира в этом контексте выступает как обоснование представления о возможности технического воспроизведения всех природных процессов, мнения о том, что человеческое техническое искусство в принципе по своему совершенству может не уступать природе. Научная теория в рамках данного понимания представляет собою не что иное, как своеобразную заготовку потенциальных способов технической деятельности, ибо в теории мысленно расчленяется и объединяется то, что впоследствии может разбираться и собираться материально.

Именно в этом контексте идут высказывания о том, что знание — это сила, что человек не только слуга, но и хозяин природы (Бэкон). Декарт не проводил принци-

пиального различия между механизмами, созданными ремесленниками, и телами, сотворенными природой.

Таким образом, широко обсуждаемый в философии Нового времени тезис о том, что человек может по-настоящему знать только лишь то, что он сам же создал, тесно связан с господством механицизма в новой экспериментальной науке, пришедшей на смену перипатетической физике средневековья. Однако для нас важнее обратить внимание на другой момент. Дело в том, что данный тезис стоит в непосредственном отношении также и к еще одной идее, которая именно в это время начинает занимать умы многих мыслителей, идее о том, что субъект имеет наиболее адекватное знание лишь о том, что прямо связано с ним самим, с его состоянием, с его действиями, т. е. той идее, которую в наиболее заостренной форме выразил Декарт.

Последнее обстоятельство является особенно важным, ибо именно с ним связан тот факт, что обсуждаемый тезис пережил гибель механицизма. В самом деле. Если не сближать слишком тесно всякую деятельность с материальной, технической, а тем более с работой по механической сборке-разборке, если считать, что сущность деятельности чисто духовна, то можно сохранить утверждение о том, что познание тождественно созиданию познаваемого предмета, придав этому тезису ярко выраженный субъективистский смысл, и одновременно отбросить отжившие идеи философского механицизма. Именно такая операция была проделана в немецкой классической философии, прежде всего в системах Канта и Фихте.

Заметим также, что, если познание равносильно созиданию познаваемого объекта, то все то, что не может быть создано субъектом, что существует само по себе, оказывается непознаваемым. Именно в этом контексте должно пониматься утверждение Канта о непознаваемости вещи в себе.

Безусловно, выявление принципиальной связи между знанием и деятельностью, теорией и практикой, подчеркивание активной роли субъекта в процессе познания были существенным вкладом в разработку теории познания. Марксистская философия творчески ассимилировала эти идеи, непосредственно отталкиваясь прежде всего от их разработки в немецкой философской классике. И все же мысль о том, что познание объекта принципиально тождественно его созиданию, конструиро-

ванию, не является приемлемой для научной теории познания. Можно, правда, попытаться снять субъективистское звучание этого тезиса, переформулировав его как идею о том, что всякое знание представляет собой набор некоторых потенциальных практических способов деятельности с объектом и что сами эти способы выражают реальную структуру объекта и в этом смысле объективно обусловлены. Но и в такой формулировке разбираемый тезис вряд ли приемлем, ибо сохраняется главный недостаток — непосредственное приравнивание знания к способам практической деятельности.

Между тем представление о том, что человек имеет наиболее адекватное знание о тех предметах, которые он сам создал, совершенно неосновательно. Хорошо известно, что можно быть прекрасным ремесленником или техником и довольно слабо разбираться в процессах, которые объективно определяют успешность тех или иных технических операций. Сегодня гораздо лучше известны закономерности, которым подчиняются физико-химические процессы, чем законы такого человеческого творения, как язык. Далека человек и от совершенного понимания того, как строятся и изменяются научные теории. Мы уже не говорим о том, сколь много предстоит сделать для познания явлений сознания. С другой стороны, существует множество вполне достоверных знаний такого рода, вопрос о практическом использовании которых пока не стоит. Этот тип знания непосредственно не вооружает способами практического, искусственного воссоздания тех объектов, к которым он относится (хотя, разумеется, может быть использован в будущем — в сочетании с другими знаниями — для разработки новых технологий, новых способов практической деятельности). Тем не менее он вполне основательно квалифицируется как знание.

Безусловно, что познание вырастает из практической деятельности и на всем пути развития обслуживает материальную практику. Это положение является одним из фундаментальных в диалектическом материализме. Верно и то, что само познание, будучи отражением, всегда выступает вместе с тем особым рода деятельностью, а значит, конструированием, созиданием, ибо деятельность всегда опредмечивается в тех или иных объектах.

Важно, однако, подчеркнуть, что познавательная деятельность направлена на отражение, воспроизведение свойств реальных объектов при помощи особой системы

искусственно созданных предметов-посредников. Конечно, в ходе познания может иметь место также и воздействие на внешний объект — это происходит, например, в процессе экспериментирования, — но это воздействие связано не с изменением (или тем более созданием) познаваемых характеристик объекта, а лишь с производством условий их лучшего обнаружения. (Подчеркнем, что речь идет именно о тех свойствах, которые выступают в данной ситуации как объект познания. Ибо, разумеется, в процессе любого материального воздействия какие-то объективные свойства всегда изменяются, а какие-то даже создаются.) Где действительно существует созидание, конструирование предметов в процессе познания, так это в деятельности с предметами-посредниками. Человек строит новые приборы, инструменты измерения, создает и развивает научные теории, конструирует модели, определенным образом оперирует знаками и символами и т. д. Но эта созидательно-конструирующая деятельность относится именно к миру предметов-посредников и не означает творения, создания познаваемого объекта. При помощи искусственно созданных предметов-посредников субъект познавательно воспроизводит другие объекты (и при этом, как мы отмечали, нередко знает последние лучше, чем первые). Из сказанного не следует, что предметы-посредники сами не могут быть объектом знания. Но в этом случае они перестают быть посредниками и предполагают построение новой системы предметов-посредников, в которой будет воплощено знание о них. Следует специально подчеркнуть также и то важное обстоятельство, что теория имеет целью воспроизведение сущности объекта безотносительно к той или иной конкретной, частной ситуации практического использования в отличие от восприятия, включающего лишь те предметные смыслы, которые непосредственно связаны с наличной общественной практикой. Именно эта особенность теории создает базу для развития и совершенствования практической деятельности, для нахождения способов практического использования новых сторон объектов, которые уже познаны теоретически, но еще не стали предметом технической деятельности.

Таким образом, познание, являясь деятельностью, будучи генетически и функционально зависимо от предметной практики, вместе с тем нетождественно последней. В процессе практической деятельности создаются предметы, представляющие непосредственную цепность для об-

щества и индивидуальных субъектов. Вместе с тем практика предполагает использование орудий — предметов, в которых объективирован опыт предметной материальной деятельности человечества. Воспроизведение свойств реальных объектов в процессе познания может осуществляться лишь путем создания целого мира особых предметов-посредников, подчиняющихся специфическим социальным законам функционирования и несущих в себе общественный познавательный опыт. Предметы-посредники, используемые в процессе познания, представляют ценность не сами по себе, а лишь как носители знания о других объектах. Творчество и познание, следовательно, связаны самым теснейшим образом и предполагают друг друга. Но по самому своему существу акт познания не может совпадать с актом созидания познаваемого предмета; в противном случае у нас не было бы вообще оснований говорить о познании и знании.

Развивавшаяся в философии Нового времени идея о тождестве знания и созидания познаваемого предмета кажется полной противоположностью античному представлению о знании как о пассивной рецепции. Однако обратим внимание на то, что обе эти идеи сходятся в одном: в понимании знания как непосредственного схватывания — в первом случае внешнего объекта, во втором — деятельности самого субъекта. В обоих случаях отсутствует понимание того обстоятельства, что воспроизведение в знании характеристик реального объекта возможно лишь путем конструирования другой системы объектов — особого мира предметов-посредников, являющихся своеобразной социальной реальностью. Иными словами, отсутствует понимание опосредованного характера всякого знания.

Как на пример последовательной разработки идеи о тождестве знания и конструирования познаваемого предмета в современной западной философии укажем на концепцию Г. Башляра. Обращая внимание на искусственность значительной части тех реальностей, которые составляют практический мир современного человека и своим появлением обязаны техническому творчеству, французский философ делает вывод о том, что наука все в большей мере перестает быть знанием естественных явлений и превращается в конструирование феноменов, своего рода фабрику по их созданию. Феномены, которые изучает физик или химик, считает Г. Башляр, — это

в значительной степени его собственные творения. Не природа поставляет химику «чистые» вещества, он prepares их в лаборатории, исходя из теоретической конструкции. В конце концов Башляр приходит к выводу о том, что суть науки вообще не в постижении естественной реальности, а в создании искусственных объектов, не в знании, а в технологии (так, например, он считает, что электрон, позитрон, протон, нейтрон относятся к технике электрических явлений)⁴⁸. Как мы видим, в данном случае конструктивная деятельность по созданию мира искусственных предметов-посредников смешивается с созданием самого познаваемого объекта⁴⁹.

4. Опредмечивание знания, коммуникация и социальность познания

До сих пор мы подчеркивали то обстоятельство, что познавательная деятельность глубочайшим образом связана с существованием и функционированием особого социально-культурного мира предметов-посредников. Может, однако, возникнуть естественный вопрос: не игнорирует ли подобный подход тот несомненный факт, что познание не только осуществляется отдельными индивидами, но сплошь и рядом происходит «внутри» сознания, без непосредственного внешнего обнаружения? Я не обязан кого-либо информировать о результатах моего восприятия того или иного объекта, не говоря уже о том, что в этом восприятии могут быть такие переживаемые оттенки, которые кажутся затруднительным выразить объективно. Хотя процесс мышления, по-видимому, неосуществим без тех или иных средств объективации — произносимых или фиксируемых на бумаге знаков естественного языка, математических символов и т. д. — сплошь и рядом мы мыслим «про себя», «в уме».

Интересные идеи как раз возникают обычно из глубин сознания, и их словесное оформление требует нередко большого труда. Да и вообще для каждого очевиден факт существования субъективного мира его собственного сознания, являющегося неотъемлемой принадлежностью субъекта и отличного не только от мира реальных объектов, но и от внешних предметных, объективно выраженных действий субъекта.

Речь не может идти об отрицании этих бесспорных фактов. Мы уже обращали внимание на то, что осуще-

ствление акта познания предполагает отличие субъектом себя от познаваемого объекта, что, в частности, включает различение реальных предметов и субъективных состояний сознания. Но для того чтобы это различение было возможным, субъективный мир должен быть в наличии, существовать. Дело, однако, в том, что субъективный мир, мир сознания вовсе не является некоторой исходной данностью. На ранних стадиях индивидуального развития психики субъекту еще не презентирован мир объективно реальных предметов, отличных от него и ведущих самостоятельную жизнь. Но именно поэтому для субъекта не существует и он сам, и его мир сознания. А это значит, что субъективного мира на данном этапе развития в действительности нет. Выдающийся советский психолог Л. С. Выготский, исходя из принципиальных положений марксистской философии, высказал идею⁵⁰, которая затем легла в основу многочисленных теоретических и практических разработок и была, в частности, реализована в исследованиях А. Н. Леонтьева⁵¹, А. Р. Лурия⁵², П. Я. Гальперина⁵³, А. В. Запорожца⁵⁴, В. В. Давыдова⁵⁵, В. П. Зинченко⁵⁶ и др., о том, что внутренние психические процессы возникают как следствие «интериоризации», т. е. «вращения», перехода во внутренний план тех действий субъекта, которые первоначально осуществляются во внешней форме и направлены на внешние предметы. Совершаясь во внешней форме, деятельность предполагает сотрудничество, кооперацию с другими людьми и использование общественно-исторически сформированных средств и способов, закрепленных в виде системы предметов-посредников. В процессе интериоризации внешние действия подвергаются специфической трансформации — обобщаются, вербализуются, сокращаются и вместе с тем становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности⁵⁷. «Другими словами, высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, т. е. как интрапсихологические, и лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно; при этом некоторые из них утрачивают далее свою исходную внешнюю форму, превращаясь в процессы интерпсихологические... Сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, оно производится»⁵⁸.

Это значит, что внешняя деятельность в виде оперирования теми или иными предметами, значками, схемами и т. д. — это не просто одно из средств объективации «подлинной» деятельности мышления, совершающейся «в уме», а ее настоящая основа и исходный пункт формирования.

Поэтому любая идея всегда выступает в так или иначе объективированной форме — хотя последняя не обязана быть словесной: идея может выступить в виде представления о деятельности с тем или иным предметом, и даже просто как наглядный образ той или иной ситуации, — в последнем случае сама деятельность дана субъекту в «свернутом» виде и включена в это представление. Заметим при этом, что перевод словесно неоформленной (т. е. неоформленной даже в плане внутренней речи) идеи в языковую форму — это не просто деятельность по выражению уже готового содержания в другом материале, а процесс развития самого содержания. Вообще каждая форма опредмечивания, объективации того или иного познавательного содержания означает определенное изменение последнего.

Это значит, что и процесс восприятия не является чисто субъективным, ибо опосредован овладением общественно-сформированным миром предметов, которые можно рассматривать как опредмечивание восприятия, подобно тому как, например, научные тексты (хотя, разумеется, не только они) — это опредмечивание мышления. Человек смотрит на мир «глазами общества».

Субъективный мир сознания выступает для индивида прежде всего как поток сменяющих друг друга наглядных образов, представлений. Обратим, однако, внимание на то, что любой наглядный образ (в том числе и образ воспоминания) не только выражает определенное переживание, но и всегда относится к некоторому реальному объекту (совокупности предметов, процессу, объективной ситуации и т. д.). А это предполагает различение объекта и самого образа, осмысление объекта представления (с разной степенью деятельности) в той или иной сетке объективных отношений: в пространственно-временных координатах, в определенных зависимостях от других объектов и т. д. Разумеется, существование наглядных представлений предполагает способность мозга «удерживать» «следы» прошлых впечатлений. Важно, однако, подчеркнуть, что человеческое представление отнюдь нетождественно

ственно этому «следу», ибо всегда носит предметно осмысленный характер. Вот почему для животных не существует ни представлений, ни субъективной памяти: «ожившие» следы прошлых впечатлений, во-первых, субъективно не включены в этом случае во временную связь и существуют только в настоящем (т. е. субъективно для животного нет ни прошлого, ни будущего), во-вторых, не характеризуют предметный мир, а непосредственно связывают получаемую извне информацию с той или иной ситуативной реакцией. Известный французский психолог П. Жанэ подчеркивает различие простого повторения и человеческой памяти. При повторении ранее познанного имеет место сохранение прошлого в настоящем (сюда относится вся область навыков). В социально обусловленном акте памяти (в терминологии Жанэ — в акте «истинной памяти») налицо рассказ, повествование о ранее бывшем, т. е. принципиально новое действие в настоящем, при котором прошлое выражается символически. Благодаря этому формируется иной по сравнению с реализацией навыков аспект личности, ее самосознание.

Эти же факты обыгрываются и субъективистски интерпретируются в современной экзистенциальной психиатрии. Когда человек, забыв, куда он положил какую-нибудь вещь, пишет Ю. Цутта, спрашивает: «Куда она могла деться?» — и, бездействуя, обдумывает это, он делает то, что не может сделать ни одно другое живое существо, так как он мысленно переводит возможность в действительность. Сущность амнезий, согласно экзистенциалистской психиатрии, и есть в первую очередь невозможность «выйти» из переживаемой ситуации и запомнить по-человечески⁵⁹. Наглядный образ как элементарный «квант» субъективного потока сознания всегда предметно осмыслен, и эта осмысленность возникает при формировании самих процессов сознания, т. е. в ходе интериоризации внешней деятельности с миром общественно созданных предметов, воплощающих социально-исторический опыт. Можно представить себе, что в различных социально-культурных условиях, т. е. в контексте разной общественной практики, предметные смыслы, воплощающиеся во внешней предметной деятельности, а затем в субъективном мире сознания, будут несколько различными. Ибо их содержание определяется не только миром реальных объектов, но и степенью их освоенности исторически развивающейся общественной практикой. Это

значит, что в этих условиях и субъективно переживаемые миры сознания могут в некоторых отношениях отличаться друг от друга в переживании времени, в осознании характера смены состояний сознания и их взаимных отношений и т. д.

Важно подчеркнуть, что наглядный образ не имеет познавательного содержания, отличного от представляемого в нем содержания внешнего объекта, хотя само существование образа и некоторые его переживаемые характеристики, не относящиеся к его предметному смыслу (его яркость или бледность, продолжительность самого акта переживания образа и т. д.), осознаются как принадлежащие к субъективному миру, отличному от мира внешних предметов. Наглядное представление всегда указывает на реальный объект, и вне этого указания не имеет никакого содержания и смысла. Поэтому, например, невозможно в сознании отделить содержание наглядного представления от содержания представленного в нем объекта (хотя само представление осознается в качестве отличного от объекта). Когда сознание пытается сделать своим предметом содержание того или иного наглядного образа, оно обнаруживает, что имеет дело с содержанием самого реального объекта, представленного в этом образе.

Предметная осмысленность содержания сознания, возникающая в процессе формирования последнего, т. е. в ходе внешней деятельности с общественно-созданными объектами, пронизывает все его компоненты, включая осознание самых элементарных единиц психической жизни. Обратимся в этой связи, например, к переживанию боли. Безусловны (и хорошо исследованы) физиологическая основа и функция болевых ощущений как своеобразного сигнала, информирующего индивида о необходимости устранения определенных внешних воздействий, представляющих угрозу для организма. Специфически-человеческое переживание боли предполагает осознание этого переживания как особого, отличного от всех остальных, включение его в контекст других состояний психической жизни, локализацию болевых ощущений на теле данного субъекта (мы переживаем не боль вообще, а боль в данном месте руки или зубную, головную боль и т. д.), осознание того, что боль — это всегда *моя* боль и поэтому не присуща отличным от моего тела объектам, наконец, определенное отношение к самой боли. Иными словами, хотя само по себе элементарное ощущение боли

в отличие от восприятия или наглядного представления выражает не знание, а переживание, но и оно включено в определенные смысловые, в том числе познавательные, структуры, относящиеся, с одной стороны, к внешним объектам, и с другой — к субъективному миру. Эти смысловые структуры усваиваются индивидом лишь по мере формирования его сознания, поэтому следует предположить, что само переживание боли на ранних этапах развития является иным, чем мы только что описывали. Младенец принципиально не может локализовать ощущение боли, потому что его тело еще не существует для него в качестве объекта. Поэтому он как бы весь сливается с собственной болью. Поскольку для него также еще сознательно не презентирована и область внешних объектов, можно сказать, что в случае болевого раздражения для младенца весь мир выступает как заполненный переживанием боли. Можно предположить и то, что даже это элементарное переживание (как осмысленное переживание) будет различаться в зависимости от культурно-исторических условий, во всяком случае в плане отношения к боли, в плане способов внешнего выражения этого переживания и т. д.

Сказанное о социально-культурной обусловленности процессов и функций сознания, разумеется, не означает отрицания того, что субъективный мир каждого индивида неповторим и своеобразен, что я могу знать о состояниях своего сознания то, что не знает никто другой. (Вместе с тем другой может знать обо мне, о моей личности и даже о моей психической жизни то, что я не знаю сам.) То, как я воспринимаю, переживаю, думаю и т. д., характеризует именно меня, и только меня. Все дело в том, что процесс интериоризации, в ходе которого и формируется субъективный мир, каждый раз происходит в неповторимых условиях: данный человеческий организм даже и в исходном пункте развития психики непохож на все остальные, сам процесс индивидуального развития сознания совершается каждый раз в особенных условиях, в неповторимых отношениях с другими людьми, каждый человек занимает уникальное место не только в системе межчеловеческих социально-культурных связей, но даже и в сетке пространственно-временных отношений. Когда я воспринимаю тот или иной предмет, я не только делаю это с определенной точки зрения, недоступной в данный момент никому другому

просто потому, что сейчас именно я занимаю эту позицию, в сам акт моей перцепции включен именно мой индивидуальный опыт, заставляющий выделять одни стороны предмета в большей степени, чем другие. (Изучению влияния личностных характеристик на процесс перцепции посвящена ныне огромная психологическая литература.)

И все же я сознаю в этот момент, что воспринимаю тот же самый объективный предмет, который (с позиций, отличных от моей, и в несколько иных оттенках) воспринимают и другие люди. Иначе говоря, принципиальные смысловые связи сознания, и в частности система предметных смыслов, при всем различии их индивидуального наполнения обладают общезначимым характером. Таким образом, социально-культурная опосредованность имеет место и в процессе формирования уникальных, индивидуальных особенностей данного субъекта, и в ходе усвоения всеобщих смысловых структур, лежащих в основе как познавательной, так и других специфически-человеческих видов деятельности. Только в первом случае речь идет о преломлении всеобщих норм и эталонов через осуществление деятельности в конкретных неповторимых условиях, во втором же дело касается присвоения индивидом самих этих норм.

Итак, в марксистской философии подчеркивается положение — ныне оно легло в основу конкретно-психологических разработок — о том, что принципиальные характеристики познавательной деятельности, особенности знания нельзя правильно понять, если исходить из анализа сознания, как такового, именно последнее пытался сделать философский трансцендентализм. Ибо само сознание вовсе не является готовой изначальной данностью, а формируется и развивается в процессе интериоризации внешней практической деятельности, опосредованной предметами, созданными человеком для человека, предметами, воплощающими общественно-исторический опыт человечества. Само предметное бытие человеческой деятельности, писал К. Маркс, выступает «чувственно представшей перед нами человеческой психологией...»⁶⁰.

Нужно сказать, что в немецкой классической философии, прежде всего в системах Фихте и Гегеля, значительное место занимал анализ значения деятельности внешней объективации, опредмечивания для развития

сознания, самосознания и познания. Согласно Фихте, как мы помним, необходимым условием становления Я, субъекта является отчуждение, объективация Абсолютным Субъектом собственной деятельности в виде не-Я. Гегель идет еще дальше и обращает внимание на ту роль, которую в процессе самосознания Абсолютного Духа, т. е. в процессе становления его в качестве Абсолютного Субъекта, играет социальная, меж-индивидуальная деятельность, направленная не только на опредмечивание тех или иных представлений, относящихся к сфере духовной культуры, но также и на переработку внешней природной среды, т. е. трудовая деятельность. Важно, однако, подчеркнуть, что не только для Фихте, но даже и для Гегеля речь идет в конечном счете об объективации, внешнем предметном выражении того содержания, которое потенциально уже заложено в недрах Абсолюта, понимаемого как изначально духовная сущность (Абсолютное Я у Фихте, Абсолютный Дух у Гегеля). Поэтому, строго говоря, в этом случае имеется в виду не порождение субъективности, мира сознания, а лишь его спонтанное саморазвитие из глубин Абсолюта, развертывание, которое лишь опосредовано деятельностью по внешней объективации. Иначе говоря, прежде всего происходит движение «изнутри» «вовне», а затем уже обратное движение — углубление сознания в самого себя, становление полноценного самосознания, опосредованного внешним опредмечиванием. Ход рассуждений в марксистской философии прямо противоположен: прежде всего имеет место движение «извне» «вовнутрь» — интериоризация, «вращивание», присвоение индивидуальным субъектом различных общественно выработанных способов деятельности и в этой связи становление индивидуального сознания и самосознания. Вместе с тем это усвоение совершается в процессе активной предметной деятельности индивидуального субъекта так, что движение «извне» «внутри» выражает не простое причинное воздействие внешнего предмета на субъект, а переход активной деятельности субъекта из внешнего плана в план внутренних. В то же время деятельность субъекта первоначально направлена не столько на внешнюю объективацию того содержания, которое уже имеется во «внутреннем плане», сколько на формирование последнего. И лишь на этой основе затем осуществляется второй процесс — который, возникнув, начинает взаимодейство-

вать с первым — экстериоризация, внешняя объективация, опредмечивание внутреннего содержания сознания, процесс, являющийся необходимым компонентом всякого творчества.

Марксистское понимание природы, путей формирования и способов функционирования сознания принципиально противостоит также и современному психологическому бихевиоризму, который, с одной стороны, практически отрицает возможность научного исследования сознания, а с другой — сами внешние действия (поведение) субъекта понимает не в их социально-культурной опосредованности, а скорее в качестве простых органических реакций.

Из сказанного следует еще один важный вывод. В исходном пункте процесса формирования сознания три вида деятельности выступают как связанные воедино: внешняя практическая деятельность, процесс познания и коммуникация. В ходе осуществления одного и того же предметного действия субъект одновременно выполняет ряд функций: изменяет форму внешнего предмета, совершает акт познавательной ориентировки и усваивает общественно-сформированные способы практической и познавательной деятельности, воплощенные в том предмете, который он использует в качестве посредника-орудия. Следует при этом заметить, что акт коммуникации, передачи сообщения от одного субъекта к другому надо понимать не просто как усвоение субъектом общественного опыта, опредмеченного в данном орудии, не как совершаемый собственными силами акт распредмечивания «свернутых» способов деятельности, процесс раскодирования «посланных предками» сообщений. В действительности само усвоение адекватных способов деятельности с социально-функционирующим предметом возможно лишь при условии включения субъекта, в данном случае ребенка, в живую коммуникативную связь с другими ныне существующими людьми, взрослыми, которые обучают его человеческим методам использования созданных человеком вещей, и этим самым формируют у него культурные установки и нормы, включая эталоны познавательной деятельности. Прежде чем ребенок научится действовать сам, он совершает действие в непосредственной кооперации со взрослым человеком (так называемая совместно-разделенная деятельность). Отношение к предмету деятельности и познания здесь, таким образом, яв-

ным, зримым образом опосредовано отношением к другому человеку.

Особенно явно этот процесс выражается в тех случаях, когда возможности получения сенсорной информации резко ограничены, как это происходит, например, при психическом развитии слепоглухонемых детей. В условиях работы дистантных рецепторов, общение взрослого с ребенком включает значительную долю таких подражательных действий последнего, которые внешне могут выглядеть не в качестве продукта и формы коммуникации, а как выявление спонтанной активности самого ребенка. В случае слепоглухонемой явственно выступает то обстоятельство, что психические процессы и функции «лепятся», создаются в процессе совместно-разделенной деятельности ребенка и взрослого, деятельности, в ходе которой происходит передача ребенку общественного опыта использования созданных человеком вещей. Развитие этой деятельности характеризуется постепенным уменьшением доли участия взрослого и соответственно возрастанием доли участия, активности ребенка, в результате чего в конце концов процессы присвоения общественно-выработанных способов деятельности и творческого преобразования предметного мира начинают выступать в их единстве⁶¹.

Впоследствии, на стадии сформировавшегося сознания, непосредственная связь практической деятельности, познания и коммуникации разрывается. Мы уже говорили о том, что отнюдь не всякое познание прямым образом связано с выявлением способов практического преобразования объекта, хотя глубочайшая внутренняя связь познания и практической деятельности сохраняется на всех этапах и уровнях знания. Очевидно и то, что развитой процесс познания вовсе не совпадает с актом коммуникации, последний выделяется в самостоятельную сферу деятельности, управляемую особыми законами. В самом деле, когда я рассуждаю «про себя», то многие очевидные и привычные для меня ходы мысли я пропускаю, как бы «проглатываю», ряд предпосылок не формулирую явным образом, некоторые исследовательские приемы осуществляю в «свернутом» виде и т. д. Сообщение результатов моей познавательной деятельности предполагает эксплицитную формулировку многого из того, что содержалось в неявном виде (хотя и не всего, ибо возможность коммуникации обязательно предполагает

наличие ряда общих неявных предпосылок у разных индивидов), а также учет точки зрения собеседника, уровня его знаний в данной области и т. д.

Вместе с тем, как вытекает из всего сказанного выше, любая познавательная деятельность — какова бы ни была форма ее непосредственной субъективной данности — по принципиальным механизмам своего осуществления носит социально-опосредованный характер, а значит, всегда содержит потенцию коммуницирования, т. е. как бы осуществляется не только для меня, но и для всякого другого человека, включенного в данную систему социально-культурных нормативов. Как мы уже отмечали, это относится и к таким познавательным идеям, которые всплывают в сознании в словесно неопосредованной форме, ибо наряду с речевым общением существуют и более простые уровни человеческой коммуникации, в частности такой ее основной и исходный вид, как сама предметная деятельность. С другой стороны, именно в процессе коммуникации в наиболее явном, развернутом виде выступают те внутренние нормы, которые управляют познавательным процессом. «Но даже и тогда, когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью, — деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими, — даже и тогда я занят *общественной* деятельностью, потому что я действую как человек. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель, — но и мое *собственное* бытие есть общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, создавая себя как общественное существо», — пишет К. Маркс⁶².

Поэтому, если речь идет о теоретико-познавательном исследовании, т. е. о выявлении используемых для производства знания всеобщих предметных смыслов, норм и эталонов, то наиболее подходящим материалом для анализа оказываются именно процессы, средства и продукты коммуникативной деятельности, в которых познание получает опредмеченное, объективированное выражение, а не сами по себе взятые явления сознания, в которых эти предметные смыслы и эталоны выступают как бы уже в «превращенной форме», в «свернутом» виде и не всегда достаточно явственны для самого субъекта. Для того чтобы наша мысль была правильно понята, сделаем

ряд необходимых разъяснений. Прежде всего заметим, что при теоретико-познавательном анализе речь идет не об исследовании самого процесса коммуникации во всей его сложности и многообразности: решение последней задачи предполагает координацию усилий целого ряда наук, включая теорию информации, семиотику, психологию, психолингвистику, социальную психологию, социологию и др. Теория познания выделяет в материале коммуникативной деятельности лишь ту сторону, тот аспект, который ее непосредственно интересует: опредмеченные, объективированные, всеобщие нормы, эталоны производства и оценки знания. Поэтому, строго говоря, теория познания исследует не сам живой процесс коммуникации, а некоторые всеобщие условия его возможности с точки зрения процесса передачи знаний. Поскольку эти условия воплощены в самом процессе, последний становится эмпирическим материалом для гносеологического анализа (это, разумеется, не исключает, а, напротив, предполагает взаимодействие теории познания с специальными науками, изучающими как коммуникативные процессы, так и механизмы познания) ⁶³.

Обратим далее внимание на то, что процесс передачи знаний в свете марксистской философии предполагает объективацию знания не только в виде текстов или высказываний, но и в форме созданных человеком предметов, несущих в себе социально-культурный смысл. Поэтому теория познания обязана анализировать предметную деятельность — в единстве ее практически-преобразовательных, познавательных и коммуникативных функций — как основу всего познавательного процесса. Вместе с тем теория познания не может не считаться и с данностью предметных смыслов в сознании, хотя бы уже потому, что объективная предметная деятельность, соответствующая некоторым из глубинных познавательных эталонов (в частности, перцептивным объект-гипотезам) до сих пор совершенно недостаточно научно исследована, и мы не располагаем иными, помимо данных сознания, способами выявления содержания этих смыслов.

Таким образом, в марксистско-ленинской гносеологии осуществляется радикальная переориентация традиционной теоретико-познавательной проблематики, принципиально изменяется сам способ ее задания и исследования. Исходный пункт анализа знания понимается не как изучение отношения индивидуального субъекта (будет ли

это организм или сознание) к противостоящему объекту, а как исследование функционирования и развития систем коллективной, меж-субъектной деятельности. В основе последней лежит практическое преобразование внешних объектов. В единстве с предметным преобразованием осуществляются познавательное отражение и коммуникация. Преобразовательная и познавательная деятельность предполагают создание целого мира социально-функционирующих «искусственных» предметов-посредников, в которых объективирован общественный опыт преобразовательной и познавательной деятельности. Сам индивидуальный субъект как субъект сознания и познания возникает лишь постольку, поскольку он выступает как агент этой деятельности, т. е. включается в определенную объективную систему отношений к другим субъектам и овладевает социальными способами деятельности, объективированными в предметах-посредниках. В этом смысле можно сказать, что как специфически-человеческое познание, так и его субъект — это «искусственные» продукты. Не в том, разумеется, смысле, что познание имеет дело только с собственными творениями человека и не отражает характеристик реальных, независимо от сознания существующих объектов, и не в том, что субъект — это какая-то химерическая выдумка. Имеется в виду лишь то принципиальное с точки зрения марксистско-ленинской гносеологии обстоятельство, что познавательный процесс, производство знания предполагает разрыв с естественным отношением организма к внешней среде и использование таких эталонов, которые имеют социально-культурный (в этом смысле «искусственный») характер⁶⁴.

В последующих разделах данной главы, мы остановимся на тех моментах познавательного отношения, исследование которых представляет особый интерес в связи с недавними результатами науковедческого и методологического анализа науки.

ТЕОРИЯ И МИР ОБЪЕКТОВ

1. Наблюдаемые и не-наблюдаемые объекты

Мы уже дали критический анализ феноменалистической эпистемологии, пытающейся изобразить процесс получения знания как комбинацию субъективных «чувственных данных». В современных западных работах по философии науки гораздо влиятельнее иная, более уточненная разновидность философского субъективизма. Среди западноевропейских и американских специалистов по логике и методологии науки до недавних пор было распространено мнение о том, что лишь познание на донаучном уровне (восприятие, знание, фиксируемое с помощью обыденного языка) может иметь дело с реально существующими объектами. Научно-теоретическое знание с этой точки зрения имеет иной характер — в нем лишь фиксируются в особой схематизированной форме регулярно воспроизводящиеся зависимости, существующие между объектами донаучного опыта. Конечно, отдается отчет в том, что получение научного знания предполагает использование особых искусственно созданных предметов, в частности приборов, измерительных инструментов и т. д.

Факт реального существования последних отнюдь не отрицается. Более того, считается, что и естественные и искусственные предметы в равной мере являются объектами познания. Точнее говоря, подчеркивается, что познание имеет дело с выявлением определенных отношений между разными комбинациями чувственно воспринимаемых естественных и искусственных предметов, ведь именно в этом состоит процесс измерения, а научное познание как раз и сводится в данном случае к осуществлению разного рода измерительных операций. Поэтому с точки зрения данной концепции, например, предмет, познаваемый микрофизиком, — это не процессы, в которые вовлечены электроны, позитроны и прочие чувственно не воспринимаемые объекты, а просто поведение соответствующих приборов: колебания их стрелок, появление световых пятен на экранах и т. д. Иначе говоря, предполагается, что приборы и измерительные инструменты вовсе не опосредуют познавательное отношение к тем объектам, которые не даны субъекту в до-

научном опыте, а сами выступают в качестве объектов знания (естественно созданные предметы, заявляют при этом представители данной точки зрения, становятся объектом научного знания лишь в их отношении к приборам и инструментам измерения). Реальным считается лишь то, что может быть непосредственно наблюдаемо. Все остальное, в частности те объекты, которые задаются только на теоретическом уровне, рассматривается в качестве некоторых субъективных фикций, которые, хотя и играют определенную роль в познавательном процессе, сами по себе не имеют референтов в виде реальных предметов. Как мы помним, подобного рода рассуждения характерны для доктрины операционализма.

В основе этого хода мыслей лежит противопоставление знания, совпадающего с фиксацией непосредственно наблюдаемого, тому знанию, которое выступает как результат целой совокупности допущений, предположений, рассуждений. Действительно, для того чтобы по показаниям стрелок прибора судить о поведении микрообъектов, необходимо владеть как теорией исследуемой области реальности, так и теорией, относящейся к работе самого прибора, позволяющей соотносить показания последнего с соответствующими характеристиками изучаемых явлений. Представителям рассматриваемой концепции кажется, что объекты, понятия о которых вводятся в ходе этих сложных рассуждений и допущений, не могут быть реальны в той степени, как естественные и искусственные объекты нашего обычного опыта: камни, деревья, столы, стулья, машины, приборы и т. д. Между тем нетрудно показать нелогичность подобной аргументации.

Дело в том, что в обычной жизни сплошь и рядом приходится применять те или иные предметы-посредники для осуществления простейших наблюдений: очки, лупа, наконец, простое оконное стекло. Таким же образом хирург использует зонд при обследовании раны. Во всех этих случаях человек имеет дело с познанием не самих посредников, а тех объектов, отношение к которым опосредуется искусственно созданными предметами. Но, если рассуждать последовательно, следует признать и то, что даже в случае простейшего наблюдения отношение субъекта к объекту опосредуется средой, заполняющей пространство между тем и другим. Выделение реального объекта во всех случаях предполагает использование — обычно бессознательное — целого ряда допущений относительно

поведения предмета-посредника. Но дело не только в этом. Как мы пытались показать в предыдущей главе, даже те созданные человеком предметы, которые прямым образом не выступают как посредники в процессе наблюдения — орудия труда, предметы бытового обихода и т. д. — в действительности служат для социального опосредования восприятия, ибо именно в предметах «искусственной среды» объективируется исторически накопленный опыт предметно-преобразовательной и познавательной деятельности, в частности, опредмечиваются эталоны и нормы восприятия. Лишь с помощью последних возможно выделение знания о реальном предмете из многообразной сенсорной информации. Любое восприятие, как мы пытались показать, — это сложная опосредующая деятельность, предполагающая допущения, предположения, гипотезы, схематизацию и т. д.

Представители рассматриваемой разновидности субъективизма не сомневаются в реальном существовании объектов обычного, донаучного опыта. Более того. С их точки зрения, реально существуют и те сверх-малые и сверх-большие объекты, которые могут наблюдаться лишь с помощью особых научных приборов: микроскопов и телескопов. Но ведь в этом случае интерпретация результатов наблюдения требует уже сознательного привлечения целого ряда разделов теоретической физики, касающихся, в частности, распространения световых волн в космическом пространстве, в земной атмосфере, в системе линз, в глазу и т. д. Значит, знание, полученное с помощью ряда допущений, предположений, теоретических рассуждений, может тем не менее относиться к реальным объектам? Почему же в таком случае нужно отрицать существование реальных референтов, например, у объектов современной микрофизики? Представители рассматриваемой точки зрения отвечают на это заявлением о необходимости различения наблюдаемых и не-наблюдаемых объектов. Знание о наблюдаемых предметах, рассуждают они, хотя и может предполагать определенные допущения, гипотезы и рассуждения, относится к реальным референтам. Что же касается не-наблюдаемых объектов, то их существование фиктивно.

Действительно, отнюдь не все объекты, величины, параметры, с которыми имеет дело та или иная научная теория, являются актуально наблюдаемыми. Зададимся, однако, вопросом: означает ли это, что тот или иной ныне

не-наблюдаемый объект, исследуемый в данный момент времени, лишь на теоретическом уровне, вообще никогда не может стать предметом наблюдения? По-видимому, нет. Так, например, хотя учение о молекулярном строении материи первоначально было лишь теоретической гипотезой, и вопрос о «данности» молекул в непосредственном опыте не ставился, в настоящее время молекулы целого ряда веществ могут наблюдаться с помощью электронного микроскопа.

Сказанное, конечно, справедливо, соглашаются представлятели критикуемой нами точки зрения. Но следует обратить внимание, говорят они, на существенное различие между молекулами и, например, такими субатомными объектами, как электрон. Знание о многих объектах, которые являются предметом чисто теоретического исследования, отнюдь не исключает того, что рано или поздно, с помощью тех или иных средств экспериментального исследования они будут фиксированы в опыте. Между тем есть такие теоретические объекты (к числу их относятся и электрон), которые в принципе не могут быть наблюдаемы. Реально лишь то, что может быть наблюдаемо актуально или потенциально. Принципиально не-наблюдаемые объекты не существуют в качестве реальных, заключают сторонники рассматриваемой системы взглядов.

Нужно признать, что объекты, с которыми имеет дело современная микрофизика, действительно считаются принципиально не-наблюдаемыми. Зададимся, однако, вопросом: а что означает наблюдаемость или не-наблюдаемость тех объектов и их характеристик, которые исследуются в научной теории?

Конечно, наблюдаемыми могут быть лишь те предметы, которые так или иначе включаются в процесс получения сенсорной информации. Однако, как мы пытались показать в предыдущей главе, уже на уровне обычного, донаучного восприятия знание характеристик наблюдаемых объектов нетождественно информации, получаемой по сенсорным каналам, а определяется особыми предметными смыслами. Именно эти предметные смыслы, объект-гипотезы, эталоны восприятия, а не сама по себе сенсорная информация определяют, что именно наблюдается, воспринимается. В случае научно-теоретического мышления опять-таки теория, а не сама по себе сенсорная информация определяет, какие именно из

объектов, величин, параметров, являющихся предметом научного исследования, могут быть актуально или потенциально наблюдаемы. Теории приходится считаться с такими случайными по отношению к изучаемым объектам обстоятельствами, как размеры тела человека, особенности его рецепторной системы. Тот факт, что люди как физические тела относятся к классу макрообъектов и что поэтому человек как субъект наблюдения может использовать в качестве приборов лишь макропредметы, оказывается существенным для микрофизики.

От этих обстоятельств зависит возможность включения тех или иных объектов в сам процесс получения сенсорной информации, т. е. в акт опытного наблюдения. Важно, однако, прежде всего подчеркнуть, что вопросы о том, какие именно исследуемые наукой специфические объекты могут или не могут быть включены в процесс наблюдения и почему могут быть включены, каковы содержательные характеристики объектов того и другого рода, вопрос, *что* именно мы наблюдаем, — все это решается лишь в рамках определенной научной теории. Особенности рецепторной системы субъекта тоже рассматриваются с точки зрения данной теории. Во всяком случае принципиальная наблюдаемость или не-наблюдаемость тех или иных объектов научного знания связана с определенными предполагаемыми и выявленными в теории характеристиками самих этих объектов, и непосредственно не совпадает с их существованием или несуществованием. Объекты, принципиально не-наблюдаемые человеком, могут существовать реально. (Это означает, что если бы наблюдение осуществляло разумное существо, природные особенности которого сильно отличались бы от человеческих — например, если бы оно было сравнимо по размеру с микрообъектами, — оно могло бы опытным путем фиксировать многие из объектов, принципиально не-наблюдаемых человеком. С другой стороны, очевидно, что радикальная перестройка данной научной теории, изменение ее фундаментальных посылок, не может не сказаться на представлениях о принципиальной наблюдаемости и не-наблюдаемости.)

Современный американский специалист по вопросам философии науки Г. Максвелл в целях иллюстрации тезиса о возможности реального существования принципиально не-наблюдаемых объектов рассматривает следующий чисто гипотетический случай.

Допустим, рассуждает он, что наука откроет некоторый ныне неизвестный вид микрообъектов, взаимодействие которых с электронами при некоторых обстоятельствах не ведет к изменению состояния последних. Допустим также, что открыт новый химический препарат, принятие которого изменяет особенности человеческой рецепторной системы, возможно, даже до такой степени активизирует скрытые способности рецепции, что ведет к возникновению новой чувственной модальности. Наконец, допустим, что в условиях изменившейся рецепторной системы мы оказываемся в состоянии совершать акт перцепции (она необязательно будет зрительной) при помощи вновь открытого вида микрообъектов таким способом, который в чем-то будет аналогичен зрительному восприятию, в осуществлении которого, как известно, принимают участие фотоны. При наличии еще ряда дополнительных условий, которые мы здесь не будем характеризовать, мы окажемся в состоянии «непосредственно наблюдать» позиции и ряд других характеристик некоторых электронов. Разумеется, в этом случае, квантовая теория должна быть изменена, так как вновь открытый вид микрообъектов не соответствует всем ее принципам. Вместе с тем перестройка теории не дает в этом случае оснований для заключения о том, что ныне наблюдаемые электроны — это не те же самые объекты, которые с точки зрения старых теоретических представлений считались принципиально не-наблюдаемыми. Никто не будет сомневаться в реальности наблюдаемых электронов. Но если это те же самые объекты, которые ранее не были наблюдаемы, то, очевидно, мы и раньше не имели никакого права отказывать им в реальном существовании. Как ни маловероятен рассматриваемый здесь гипотетический случай, он не заключает в себе ничего логически абсурдного, заключает Г. Максвелл свои рассуждения⁶⁵.

Как подчеркнул в свое время А. Эйнштейн в беседе с В. Гейзенбергом: «С принципиальной точки зрения абсолютно неверно, что теория должна основываться на наблюдаемых величинах. В действительности все обстоит как раз наоборот. Лишь теория решает, что именно можно наблюдать... Ваше утверждение, что вы вводите лишь наблюдаемые величины, является в действительности предположением о некоем свойстве теории, над формулировкой которой вы работаете»⁶⁶.

Таким образом, ученый-экспериментатор наблюдает отнюдь не абсолютно те же самые объекты, которые являются предметами восприятия на донаучном уровне. Ученый фиксирует в опыте — даже можно сказать «непосредственно видит» — такие предметы, процессы и ситуации, которые в обычных условиях отнюдь не являются воспринимаемыми: изменение электрической напряженности, падение силы тока в цепи и т. д. И дело здесь, разумеется, не в изменившейся чувствительности рецепторной системы, а в появлении новых предметных смыслов, определяемых принятой научной теорией.

В этом отношении наблюдение, осуществляемое посредством теории, принципиально сходно с обычным восприятием: и в том и в другом случае предметное содержание наблюдаемого определяется не самой по себе сенсорной информацией, а системой объект-гипотез. Вместе с тем было бы неверным смазывать всякое различие между первым и вторым, как это свойственно, например, Т. Куну. Американский ученый справедливо подчеркивает то весьма важное обстоятельство, что теоретические понятия не просто служат для интерпретации полученных независимо от их использования результатов обычного восприятия, но включаются в сам акт научного наблюдения, определяя его характер и результаты. Однако вряд ли прав Т. Кун, когда он идет еще дальше и заявляет о том, что научное наблюдение имеет такой же субъективно-непосредственный характер, как и обычное восприятие, т. е. в обоих случаях отсутствует процесс сознательной интерпретации, развернутой субъективной рефлексии⁶⁷. Это представление Т. Куна тесно связано с основной идеей, развиваемой в его книге, — уподоблением процесса смены научных «парадигм» изменению структуры перцептивного поля в результате «переключения гештальта». Между тем способность «непосредственно видеть» с помощью показаний приборов те объективные процессы, о которых эти приборы сигнализируют, предполагает длительный процесс обучения, в ходе которого происходит сознательное соотнесение поведения приборов с поведением исследуемого объекта. И даже когда этот процесс обучения закончен, и ученый как бы непосредственно наблюдает те объективные процессы, которые для него содержательно определены системой теоретических понятий, фиксация наблюдаемых предметов в этом случае предполагает также и функционирование

обычной, донаучной перцепции, ведь для того, чтобы, взглянув на амперметр, сразу увидеть силу тока в электрической цепи, субъект должен быть в состоянии воспринимать сам амперметр и движение его стрелок как обычные объекты обычного опыта. Таким образом, «данность» в опыте предметов научного исследования включает наблюдение сразу двух объектов: предмета обыденного опыта и того предмета, смысловое содержание которого схватывается субъектом посредством понятий той или иной теории (оба эти предмета существуют объективно-реально, хотя, так сказать, на разных уровнях реальности). Став ученым, человек не перестает быть субъектом обычного, донаучного опыта и связанной с ним практической деятельности. Поэтому система предметных смыслов, обслуживающих эту деятельность и включенных в механизм обычного восприятия, принципиально не может быть вытеснена предметными смыслами, определяемыми на уровне научного познания (вопреки, например, предположениям П. Фейерабенда). Более высокие уровни познавательной деятельности не отменяют функционирования механизмов обычной перцепции, а особым образом надстраиваются над этими механизмами и включают их в более сложные синтезы. Поэтому, к примеру, хотя овладение языком означает новую стадию осмысления воспринятого, было бы неверным утверждать, что воспринимаемые предметные смыслы порождены языком: в действительности в своей основе они формируются еще на доязыковом уровне познания, в ходе предметно-практической деятельности, хотя язык и вносит в них нечто новое. Появление наблюдения в рамках научного познания не исключает действия механизмов обычной перцепции. Астроном, наблюдающий Солнце как космическое тело, находящееся на определенном расстоянии от Земли и подчиняющееся в своем движении теоретически формулируемым законам, не может вместе с тем избавиться от восприятия того факта, являющегося иллюзорным, как показывает наука, что Солнце движется относительно неподвижной Земли.

Развитие науки снимает, разоблачает иллюзии донаучного познания. Но создание научно-теоретической картины действительности вовсе не означает отрицания объективной реальности тех предметов (а также их аспектов и отношений), с которыми человек имеет дело на донаучном уровне, не отвергает истинности — разую-

местся, относительной — многих утверждений так называемого здравого смысла. Это относится не только к таким объектам обычного опыта, как столы, деревья, камни и т. д., но также и к таким свойствам этих объектов, которые в философии принято называть вторичными: цвет, запах и т. п. Утверждать, что объективно-реально существуют не цвета и запахи, а лишь электромагнитные волны определенной длины и в то же время признать объективную реальность предметов, обыденного, донаучного опыта — а именно такой точки зрения придерживаются сторонники разделения воспринимаемых качеств предметов на «первичные» и «вторичные» — значит рассуждать непоследовательно. Ведь физические теории не включают не только понятия «вторичных» качеств, но и понятия об объектах обыденного, донаучного опыта. Если считать реальными лишь те объекты, на которые непосредственно ссылаются физические теории, то придется прийти к выводу о том, что в действительности существуют не деревья, скалы и столы, а лишь определенные комбинации атомов и молекул.

В действительности познание на разных уровнях имеет дело с реальными объектами и реальными характеристиками этих объектов. Однако сама объективная действительность многослойна, имеет ряд уровней, и разные объекты могут принадлежать к разным уровням реальности. Обычные макрообъекты и присущие им «вторичные» качества существуют на том уровне объективной реальности, к которой относится обыденный донаучный опыт. Научное познание, в частности физика, проникает в более глубокий уровень объективной реальности, наличие которого не отменяет реальности предметов обыденного опыта.

Система теоретических понятий отображает характеристики реально существующих объектов, в том числе и таких, которые актуально или принципиально ненаблюдаемы. Смысл этих понятий, таким образом, не сводится к совокупности измерительных лабораторных операций, как считают представители операционализма. Наоборот, само измерение становится возможным лишь тогда, когда известно, что подлежит измерению, т. е. в том случае, если теоретически заданы общие характеристики измеряемых объектов. Именно научная теория позволяет выбирать из всего многообразия опыта те факты, изучение зависимостей которых позволяет выделить существ-

венные характеристики исследуемых явлений. Измерения, осуществляемые вне контекста развитой теоретической системы, формулирующей сущностные зависимости объектов, в том числе и такие, которые не могут быть наблюдаемы, оказываются, как правило, совершенно бессмысленными. Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о том, что результаты измерения получают затем теоретическую интерпретацию. Суть дела в том, что развитые теоретические представления являются необходимой предпосылкой самих осмысленных измерений, ибо лишь первые указывают и на предмет и на сам способ измерения. Измерения, осуществленные вне их соотношения с сущностными зависимостями определенного типа объектов, не выражают, строго говоря, акта познания, так же как еще не является познанием объектно не соотнесенное получение информации от окружающей среды⁶⁸.

«Часто приходится слышать, — пишет Т. Кун, — что эти законы (имеются в виду законы, выражающие количественные зависимости. — В. Л.) открываются посредством одних лишь измерений, предпринятых ради самих этих законов без всяких теоретических предположений. Однако история никак не подтверждает применение такого, чисто бэконовского метода. Эксперименты Бойля были бы немыслимы, пока воздух рассматривался как упругий флюид, к которому можно применять понятия гидростатики (а если бы их и можно было бы поставить, то они получили бы другую интерпретацию или не имели бы никакой интерпретации вообще). Успех Кулона зависел от создания им специального прибора для измерения силы, действующей на точечные заряды. (Те, кто до него измерял электрические силы, используя для этого обычные весы и т. д., не могли обнаружить постоянной зависимости или даже простой регулярности.) Но конструкция его прибора, в свою очередь, зависела от предварительного признания того, что каждая частичка электрического флюида воздействует на другую на расстоянии. Кулон искал именно такую силу взаимодействия между частицами, которую можно было бы легко представить как простую функцию от расстояния. Эксперименты Джоуля также можно использовать для иллюстрации того, как количественные законы возникают благодаря разработке парадигмы. Фактически между качественной парадигмой и количественным законом су-

ществует столь общая и тесная связь, что после Галилея такие законы часто верно угадывались с помощью парадигмы за много лет до того, как были созданы приборы для их экспериментального обнаружения»⁶⁹.

На примере революции, осуществленной в химии Дальтоном, Т. Кун показывает, что одна и та же операция, когда она применяется к природе через другую парадигму, может свидетельствовать о совершенно другой стороне природной закономерности. Более того, старая измерительная манипуляция, выступая в новой роли, способна давать другие экспериментальные результаты⁷⁰.

Предпринятый Эйнштейном анализ процедур измерения времени — мы помним, что именно от этого анализа пытался отталкиваться Бриджмен, формулируя доктрину операционализма, — далек от простого описания «непосредственно данных» операций и предполагает в действительности целый ряд теоретических допущений. Определение одновременности возможно лишь при условии постулирования постоянства скорости света в вакууме во всех направлениях и ее инвариантности относительно движения источника и подателя светового сигнала. Этот постулат является логически исходным в специальной теории относительности по отношению к любой экспериментальной процедуре измерения скорости света, так как он используется для самого определения временной шкалы в различных точках⁷¹.

Даже самые простые используемые в науке предписания измерительных операций обычно исходят из теоретических соображений. Правда, инструкции относительно лабораторных операций могут формироваться таким способом, который маскирует их теоретические основы, но это вовсе не означает, что эти основы и в самом деле не существуют⁷².

Итак, научные теории, определяющие смысл и характер экспериментальных процедур, сплошь и рядом содержат знание о таких объектах и параметрах, которые не наблюдаются и непосредственно не измеряются. Обратим теперь внимание на то, что существуют и такие научные теории — именно они-то и оказываются наиболее фундаментальными (их в литературе по методологии науки обычно называют субстантативными), — которые вообще не применяются непосредственно для интерпретации данных наблюдения, а лишь соотносятся с эмпирией в сочетании с другими теориями (последние при-

нято называть «наблюдательными» или «интерпретативными») и при условии принятия ряда дополнительных предположений. Вообще вопрос об опытном применении фундаментальной научной теории — а в этой связи и об ее опытной проверке — оказывается далеко не простым, и обычно поиски способов экспериментального приложения такой теории требуют больших усилий, связанных с дальнейшей разработкой как самой этой теории, так и с построением ряда дополнительных теорий, гипотез и т. д.

Изолированная теория никогда непосредственно не сопоставляется с экспериментом, акт этого сопоставления предполагает использование целой иерархии теорий и гипотез, в число которых входят теории из других областей знания, теория экспериментальной установки, ряд гипотез, связывающих не-наблюдаемое с наблюдаемым, определенные идеализирующие предположения и т. д. Сами экспериментальные данные формулируются в рамках определенной («интерпретативной», или «наблюдательной») теории.

Мы не собираемся углубляться в детальное рассмотрение важной проблемы взаимоотношения эмпирического и теоретического компонентов в научном знании⁷³. В контексте непосредственно интересующих нас вопросов важно лишь подчеркнуть относительную автономность знания, фиксируемого в теории, от различных — потенциально они могут быть бесконечными — способов эмпирического, опытного приложения этого знания. Разумеется, теория должна получить опытную проверку, т. е. быть так или иначе связана посредством целой цепи опосредований с экспериментальными результатами. Вопрос о том, как осуществляется эта проверка, достаточно сложен и является ныне предметом интенсивного исследования в литературе по методологии науки. Вместе с тем смысл, содержание теоретического знания непосредственно не определяется способами его сопоставления с опытными данными.

В западной философии науки до недавнего времени доминировала концепция логического позитивизма, представлявшего научную теорию в качестве неинтерпретированного формального исчисления, получающего содержательную, эмпирическую интерпретацию при помощи так называемых правил соответствия, связывающих термины теоретического языка с терминами, фигурирующи-

ми в предложениях наблюдения, которые якобы лишь фиксируют непосредственные, чувственные данные. Правила соответствия с этой точки зрения необходимо должны включаться в структуру самой научной теории, так как лишь они превращают неинтерпретированное формальное исчисление, которое ни о чем не говорит, в теорию, т. е. в знание об определенном классе объектов⁷⁴. Между тем в действительности смысл, содержание теории непосредственно не определяются ее эмпирическими приложениями, ибо смысл задан не «снизу», а «сверху», путем некоторой модельной интерпретации теоретических утверждений. Количество потенциальных способов эмпирического приложения данной теории на самом деле бесконечно (при этом невозможно заранее предвидеть все возможные приложения), в то время как, согласно логическому позитивизму, число «правил соответствия», используемых в данной теории, строго ограничено. Наконец, самое главное. Утверждения, сопоставляющие данную теорию с экспериментальными результатами, не просто коррелируют теоретические и не-теоретические, «чисто наблюдательные» термины, а сами принадлежат к одной из вспомогательных (по отношению к данной) теорий. Эти утверждения (было бы неточным в духе логических позитивистов называть их «правилами соответствия»), таким образом, не включаются в структуру самой данной теории, которая выступает относительно независимой по отношению к различным возможным способам своего эмпирического приложения. Знание, фиксируемое в теории, отображает сущностные зависимости реальных объектов, а не является просто рецептурой для осуществления лабораторных операций, так же как не сводится к указанию способов непосредственно-практического преобразования объектов.

Здесь мы хотели бы провести далеко идущую аналогию между теоретическим знанием и знанием, фиксируемым в обычном восприятии. Как мы помним, предметный смысл образа восприятия амодален, т. е. относительно независим от того, в какой модальности (зрительной, слуховой, осязательной и т. д.) осуществляется рецепция. По-видимому, мы сталкиваемся с общей особенностью познавательного отношения: относительной независимостью знания от способов его соотнесения с актуальной сенсорной информацией (разумеется, речь идет об относительной самостоятельности, ибо при отсут-

ствии всякого способа подобного соотнесения знание невозможно).

Итак, познание может быть отображением реальных объектов как в случае обычного восприятия, так и в рамках научного мышления, при этом, что касается последнего, то речь идет и об эмпирическом и о теоретическом его уровнях⁷⁵.

2. Идеализированные и реальные объекты

В связи с рассмотрением взаимоотношения теории и ее объектов возникает еще одна проблема, на которой мы до сих пор специально не останавливались. Дело в том, что осуществление теоретического познания предполагает принятие целого ряда идеализаций, т. е. таких допущений, предположений, которые в принципе не соответствуют (иногда даже противоречат) тому, что может быть наблюдаемо непосредственно.

Так, например, абстракция актуальной бесконечности, которая широко использовалась в классической математике, основана на допущении, что мы можем пересчитать весь натуральный ряд чисел, хотя это и явно невозможно осуществить опытным путем. Эвклид при построении своей геометрии предполагал, что любой отрезок прямой — как бы он ни был мал или велик — можно с помощью циркуля и линейки разделить пополам. В классической физике исходят из того, что мы можем измерить скорость в каждой точке пути, т. е. мгновенную скорость⁷⁶.

Формулируемые в рамках научной теории законы тоже относятся к некоторым идеальным случаям. Поэтому их использование для описания актуального опыта и для предсказания будущих эмпирических фактов возможно лишь на основе учета целого ряда дополнительных факторов, тех, от которых отвлекается теория, выявляя закон «в чистом виде». Поскольку же все эти факторы теоретически учесть невозможно, между предсказываемым данной теорией течением эмпирических событий и тем, что мы непосредственно наблюдаем в опыте, всегда будет существовать некоторый «зазор», несмотря на то что в ходе развития науки этот «зазор» становится все меньше. Обращая внимание на роль идеализирующих предположений при осуществленной К. Марксом разработке научной теории политической экономии,

В. И. Ленин отмечал: «„Конкретно невозможна“ не только представленная Марксом реализация, но и представленная им поземельная рента, и представленная им средняя прибыль, и равенство заработной платы стоимости рабочей силы, и многое другое. Но невозможность осуществления в *чистом* виде вовсе не есть возражение»⁷⁷.

Идеализация выражается не только в принятии ряда допущений при формулировании теоретических законов, но также и в процедуре конструирования идеализированных объектов. Примером такого идеализированного объекта является «материальная точка», понятие которой широко использовалось в классической механике. Предполагается, что такой предмет, который существует во времени и пространстве, обладает массой (как и все реальные тела) и вместе с тем лишен размера, т. е., по существу, совпадает в этом отношении с математической точкой. Другим примером идеализированного объекта является «несжимаемая жидкость», изучаемая в гидродинамике. Ясно, что идеализированные объекты не имеют реальных референтов, что это некоторые конструкции теоретического мышления (иногда их называют «внутритеоретическими», отличая тем самым от «внеотеоретических» объектов, т. е. существующих независимо от теории). Возникает естественный вопрос: в чем же смысл этих фиктивных объектов?

Дело в том, что конструирование идеализированных предметов является способом формулирования идеализированных предположений и методом выявления «в чистом виде» определенных зависимостей, выражаемых в теоретических законах. Так, например, если реальное тело движется под воздействием силы, приложенной к центру его тяжести, то движение этого центра не зависит ни от геометрической формы тела, ни от распределения массы в теле, а лишь от общего количества массы. Центр тяжести движется так, как если бы вся масса была сосредоточена в нем, т. е. подобно идеализированному объекту «материальная точка». Выявляя с помощью идеализированного предмета зависимости, существующие в случае движения тел под воздействием силы, приложенной к центру тяжести, мы получаем ключ для раскрытия всей сложной системы зависимостей, существующих в многообразных случаях реальных механических движений.

Каков же характер тех зависимостей, которые формулируются в теории на основе ряда идеализирующих допущений? Следует ли считать их просто субъективным «упрощением» и «схематизацией» реальной эмпирической ситуации (подобная интерпретация процедуры идеализации отнюдь не редкость)?

По-видимому, идеализация не может быть сведена к «упрощению» того, что дано в опыте. Посредством идеализации не только отвлекаются от определенных данных в опыте факторов, но в ряде случаев формулируют такие допущения, которые не могут быть реализованы в опыте. Поэтому идеализация может служить выявлению сущностных, объективно-реальных зависимостей. Ведь достигаемое с помощью идеализации выявление тех или иных связей «в чистом виде» — это и есть обнаружение реальных сущностных отношений, которые непосредственно не совпадают с зависимостями, характеризующими явление и фиксируемыми опытным путем. Можно, однако, признать, что теория, формулируя определенные зависимости в виде системы научных законов, отображает объективно-реальные сущностные отношения, в то же время считая, что все теоретические объекты, конструируемые с помощью теории, не имеют реальных референтов, т. е. являются идеализированными, фиктивными объектами, играющими чисто вспомогательную роль при формулировании определенных зависимостей. В этом случае придется признать, что реальными являются лишь те объекты, которые фиксируются на дотеоретическом уровне, т. е. посредством обычного восприятия и в терминах обыденного языка. В самом деле, рассуждают сторонники данной точки зрения, знание о любом теоретическом объекте всегда вводится посредством ряда идеализаций. Значит, и сам этот объект всегда является идеализацией, т. е. не имеет реального референта, а ведет, так сказать, «внутритеоретическое» существование⁷⁸.

Обратим, однако, внимание на то, что само фиксируемое в обычном восприятии знание об объектах, реальность существования которых не вызывает никаких сомнений, тоже предполагает целый ряд допущений и гипотез, об этом мы подробно говорили в предыдущем параграфе. Правда, в отличие от используемых в науке идеализаций те допущения, на которых основан процесс восприятия, реализуются в самом чувственном опыте, поэтому обычно даже не осознаются. Во всяком случае

важно подчеркнуть, что принятие ряда предположений и допущений не только не исключает возможности отнесения знания к реальному объекту, а — более того — является необходимым условием такого отнесения. Там, где нет определенных допущений, невозможно отделить реальный объект от субъективной иллюзии. Заметим далее, что формулируемые наукой «в чистом виде» зависимости (выявление их, естественно, предполагает принятие ряда идеализаций) необязательно должны иметь в качестве референтов лишь «теоретические объекты», т. е. объекты, знание о которых возможно только на теоретическом уровне. Эти объекты могут быть и такими, которые фиксируются в обычном опыте и относительно реальности которых не возникает сомнения. Так, например, К. Маркс, выявляя в «Капитале» законы капиталистического способа производства «в чистом виде», имеет дело исключительно с реальными объектами: товарами, людьми, их деятельностью, машинами и т. д. Разумеется, сами эти объекты рассматриваются под определенным углом зрения, на основе принятия ряда тщательно фиксируемых теоретических предположений, причем развертывание теоретической системы связано с последовательным привлечением к рассмотрению тех факторов, от которых на первоначальной стадии анализа нужно было отвлечься (знаменитый метод восхождения от абстрактного к конкретному)⁷⁹. Наконец, подчеркнем, что в науке вовсе не производится отождествления теоретических объектов с идеализированными предметами. Это значит, что, по крайней мере, часть объектов, знание о которых вводится на теоретическом уровне, принимаются в качестве существующих объективно-реально: молекулы, атомы, электроны, позитроны, виртуальные частицы, события в четырехмерном пространственно-временном континууме, поле, кварки и т. д. Отмеченный момент очень важен. Дело в том, что само отличие идеализированных объектов от неидеализированных, т. е. реальных, возможно и имеет смысл лишь в рамках знания того, какие же объекты являются реальными и каковы их характеристики.

Что же касается этого знания, то оно задается не только вне-теоретическим путем (например, с помощью обычного восприятия). Сама научная теория вводит представления о таких реально существующих объектах, которые могут не совпадать с объектами, фиксируемыми в

обычном, донаучном опыте, или даже быть не-наблюдаемыми (актуально или принципиально). Следует подчеркнуть, что предположение о существовании ряда реальных объектов, знание о которых задается лишь на теоретическом уровне, обычно непосредственно связано с формулированием так называемого ядра исследовательской программы, на основе которой затем разворачивается серия научных теорий; оно в значительной степени определяет эвристические возможности данной программы. Идеализированные теоретические объекты конструируются лишь по отношению к реальным, т. е. выступают в качестве таких, у которых отсутствуют те или иные характеристики реальных объектов, или же, наоборот, которым присущи свойства, невозможные у реальных объектов⁸⁰. Из сказанного, между прочим, вытекает, что идеализированные объекты могут являться идеализациями не только тех реальных предметов, которые даны на вне-теоретическом, или даже вне-научном уровне (как правило, реальные прообразы идеализированных предметов истолковываются именно подобным образом), но и тех реальных объектов, получение знания о которых возможно лишь теоретическим путем. Вместе с тем важно подчеркнуть, что те объекты, которые на данном этапе развития науки предполагаются реально существующими, в процессе изменения научных представлений могут быть либо полностью признаны фиктивными (подобная судьба постигла, например, такой теоретический объект классической физики, как эфир), либо переведены в статус идеализированных предметов (атомы классической науки по отношению к реальным атомам, с которыми имеет дело современная физика).

Если рассматривать структуру теории чисто формально, игнорируя отношения ее различных содержательных слоев, если сводить смысл теоретической системы к рецептуре измерительных операций, то, разумеется, исчезает различие между идеализированными и реальными теоретическими объектами: все объекты, задаваемые на теоретическом уровне будут выглядеть в качестве простых вспомогательных конструкций.

Однако мы пытаемся показать как раз невозможность игнорирования содержательной стороны, объектного смысла теоретических построений.

Заметим, что та процедура, которую в работах по логике и методологии науки принято называть идеализа-

цией, в действительности включает ряд процедур, отличающихся друг от друга. Наряду с идеализацией в собственном смысле слова, служащей выявлению существенных зависимостей изучаемых процессов, т. е. дающей возможность исследовать определенную систему связей «в чистом виде», сюда обычно относят и такие процедуры, которые на самом деле не являются идеализацией, а, точнее, могли бы именоваться «упрощениями». Последние широко используются для удобства расчетов (например, изображение орбиты электрона в качестве круговой, применение в качестве удобного упрощения в чисто практических целях геометрической оптики и т. д.). По-видимому, сведение всего богатства приемов, применяемых при построении знания о теоретических объектах, к одной лишь идеализации существенно затрудняет анализ природы и структуры научной теории.

Таким образом, применение процедуры идеализации в качестве необходимого момента конструирования научной теории не исключает возможности исследования таких реальных объектов, знание о которых получается лишь на теоретическом уровне.

Рассмотрим, наконец, еще один аргумент, используемый в современной западной литературе по «философии науки» и утверждающий невозможность получения адекватного знания о реальных объектах, исследуемых на теоретическом уровне.

Речь идет о представлении теоретических утверждений в виде совокупности так называемых рамсэевских предложений. Для этого данная теория должна быть сначала аксиоматизирована, а затем образована конъюнкция всех аксиом данной теории и «правил соответствия», связывающих теоретические термины с терминами наблюдения. Эту конъюнкцию условно можно представить как — — p — — — q — — — ..., где « p » и « q » — это теоретические термины, а знаками тире обозначены те предложения данной конъюнкции, в которые входят « p » и « q ». Затем « p » и « q » «элиминируются» из этой конъюнкции путем замены их переменными, связанными квантором существования. В итоге получают так называемые рамсэевские предложения: $(\exists f)$ $(\exists g)$... (— — — f — — — g — — — ...). Содержательно рамсэевский метод «элиминации» терминов, относящихся к теоретическим объектам, может быть проиллюстрирован следующим образом. Если, например, первоначально в теории содержалось

утверждение о том, что существуют атомы, которые имеют такие-то и такие-то характеристики, и что процессы, в которых они участвуют, таким-то образом связаны с тем, что наблюдается в опыте, то после «элиминации» терминов, относящихся к теоретическим объектам, с помощью рамсеевских предложений, мы будем иметь предложение о том, что, если существуют некоторые не-наблюдаемые объекты (неизвестной природы), определенным образом связанные с тем, что наблюдается в опыте, то мы будем эмпирически констатировать такие-то факты. Нетрудно показать, что после «элиминации» из теории терминов, относящихся к теоретическим объектам, с помощью рамсеевских предложений из теории будут выводиться те же самые предложения наблюдения, что и из первоначальной аксиоматизированной теории. Это рассматривается как доказательство того, что теория, переписанная с помощью рамсеевских предложений, обладает тем же самым содержанием, что и первоначальная версия теории. Между тем в новом варианте теории не содержится прямого знания о теоретических объектах. Они выступают как нечто неизвестное, как некий « x », который, хотя и признается существующим, тем не менее не является непосредственно предметом знания. Уже упоминавшийся нами Г. Максвелл на этом основании делает вывод о том, что теоретически фиксируемые реальные объекты в отличие от объектов эмпирических могут быть познаваемы лишь косвенным, символическим путем, т. е. знание о них не может считаться полноценным⁸¹.

Однако нетрудно показать, что подобный вывод необоснован. Обратим прежде всего внимание на неадекватность представления в данном случае самой структуры теории. Мы уже отмечали неправомерность изображения теории в виде аксиоматизированного исчисления, которое получает содержательную интерпретацию исключительно при помощи «правил соответствия», связывающих теоретические термины и термины наблюдения. В действительности наука описывает опытные данные в теоретических терминах, и термины «чисто»-наблюдательные, не-теоретические не используются для производства научного знания. Поэтому, строго говоря, не существует и «правил соответствия» в их позитивистском понимании. Возможности эмпирического приложения данной теории (как правило, через посредство других, «вспомогательных» теорий) невозможно очертить заранее: они не фиксиро-

вапы и выявляются постепенно, по мере разработки данной и иных теорий. Поэтому затруднительно сравнивать две теории (или две версии данной теории) с точки зрения возможностей их приложения к опыту. Но если даже считать, что представление структуры теории, использованное в вышеприведенном рассуждении об «элиминации» теоретических терминов, является правомерным, то и в этом случае сама возможность переписывания теории при помощи рамсэевских предложений возникает лишь тогда, когда эта теория уже получена, сформулирована. Нетрудно видеть, что если бы стояла задача сразу же конструировать теорию, в которой термины, относящиеся к теоретическим объектам, были бы «элиминированы» по правилам Рамсэя, мы вряд ли имели хотя бы одну теоретическую систему. Дело в том, что утверждения относительно связей, в которые включены теоретические объекты, определяются смыслом, содержанием, приписываемым этим объектам. Если же природа теоретических объектов нам неизвестна (а переписывание теории с помощью рамсэевских предложений заставляет признать именно это), тогда непонятно, почему эти «*x*», существование которых мы постулируем по правилам Рамсэя, должны находиться между собой в таких-то отношениях. Переписывание теории с помощью рамсэевских предложений выглядит как некоторый искусственный трюк, который не выражает реальных связей теоретических утверждений и который сам вместе с тем делается возможным лишь на базе содержательного разворачивания теории, предполагает знание смысловых зависимостей между теоретическими объектами. Наконец, подчеркнем, что возможность получения знания о некоторых реальных объектах лишь на теоретическом уровне вовсе не делает это знание каким-то неадекватным или ущербным. Можно предположить, что наблюдаемость объекта в опыте облегчает получение о нем знаний, однако этот факт не имеет прямого отношения к принципиальной смысловой характеристике этого знания. То, что до сих пор не-наблюдаемый объект становится наблюдаемым (как мы отмечали, это иногда происходит), не дает оснований для утверждений о том, что раньше наше знание этого объекта было «символическим» и лишь теперь становится подлинным. Наоборот, в этом случае как раз подтверждается правомерность, адекватность того знания, которое было получено на теоретическом уровне.

Конечно, многие принципиально не-наблюдаемые объекты, с которыми имеет дело теория, по своим характеристикам радикально отличаются от обычных наблюдаемых тел. (Так, например, в квантовой механике частицы, занимающие разное место в пространстве, но тождественные по остальным своим свойствам, считаются тождественными.) Важно, однако, подчеркнуть, что принципиальное различие характеристик объектов разного типа объясняется не их наблюдаемостью или не-наблюдаемостью, а их различной реальной природой, именно последняя определяет возможность или невозможность их наблюдения.

В заключение обратим внимание на некоторые моменты общего характера.

В домарксистской философии была обычной интерпретация знания о реальных объектах (строго говоря, знание может относиться только лишь к реальным объектам, иначе это уже не знание, а нечто другое) как чего-то более или менее непосредственно данного. В своем анализе некоторых методологических проблем, связанных с изучением структуры и содержания научного знания, мы исходили из принципиальных положений марксистской философии о диалектически опосредованном характере всякого знания. Мы пытались показать, что наличие определенных предположений не только не исключает возможности отнесения знания к объекту, существующему реально, независимо от акта познания, но, наоборот, выявление характеристик реальных предметов осуществимо лишь на основе ряда предпосылок, допущений, гипотез и т. д. (разумеется, лишь при условии, что эти предположения и гипотезы так или иначе оправдываются на практике, сколь бы ни был сложен путь этого оправдания).

В марксистско-ленинской философии подчеркивается генетическая и функциональная зависимость познания от предметно-практической деятельности, направленной на преобразование природной и социальной реальности. Обращается внимание также и на то, что познание в ряде принципиальных пунктов существенно отлично от практической деятельности. Познание — это тоже определенная форма активной деятельности субъекта, но эта деятельность в любом ее виде и на любом уровне направлена на выявление, раскрытие сущностного содержания системы реальных объектов. Деятельность субъекта возможна лишь в рамках определенных предпосылок относительно

содержания этих объектов и поэтому не может быть уподоблена простому конструированию, созданию некоей совокупности искусственных образований, не имеющих реальных референтов. Познание при этом может иметь дело с реальными объектами даже и в том случае, если они принципиально не даны в опыте. Познание — это деятельность особого рода, предполагающая использование определенных предметных смыслов, объект-гипотез, норм и т. д. и направленная на реконструирование системы сущностных отношений между реальными объектами. Операции, включенные в познавательную деятельность, как экспериментальные, измерительные, так и «карандашно-бумажные», по выражению Бриджмена, имеют смысл лишь в контексте определенных предположений о реальной природе исследуемых объектов.

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ» МИРЫ И ПРОБЛЕМА НЕПРЕРЫВНОСТИ ОПЫТА

1. Объективность знания и возможность разрыва между перцептивными и концептуальными системами

В ходе анализа кантовской концепции познавательного отношения субъекта и объекта (см. раздел первый), мы обращали внимание на то, что непрерывность опыта, или, как выражается Кант, его единство, является одним из важных показателей объективности знания. Для Канта это даже единственный показатель. Между тем можно представить себе такой тип опыта, который был бы внутренне связан, непрерывен и последователен и вместе с тем насквозь субъективен. Нечто подобное, вероятно, имеет место в случае тех иллюзорных «миров», которые создают себе и в которых живут некоторые душевнобольные. События, происходящие в этих «мирах», подчинены определенной внутренней логике, однако она не соответствует реальным связям объективного предметного мира, что и обнаруживается в поведении душевнобольного, в его отношениях с действительностью и другими людьми. Поэтому важнейшим условием объективности опыта, как показывается в марксистской философии, является его связь с предметно-практической деятельностью, именно эта связь позволяет корректировать сам опыт, отделять в нем иллюзии от того, что соответствует объективно-реальному положению дел. Последнее, в свою очередь, предполагает включенность субъекта в систему полноценных социальных коммуникаций. Что касается душевнобольных, то ни то, ни другое, очевидно, не имеет у них места.

Однако если речь идет не о болезненных отклонениях, а о том, что принято обществом в качестве нормы, то в этом случае единство, непрерывность опыта и его корректировка практикой выступают для самого субъекта как неотделимые друг от друга. В этой связи выясняется, что Кант, действительно, нащупал важную проблему. В самом деле. Если опыт разрывен, если его последующая стадия не вытекает из предыдущей и не обусловлена ею, то у нас нет никаких оснований говорить о его объективности. Разумеется, я не могу бесконечно долго непрерывно па-

блюдать один и тот же объект. Различные предметы то и дело входят в поле моего восприятия и выходят из него. Конечно, в опыте других людей, с которыми я общаюсь, могут быть даны такие объекты, которые в данный момент не даны в моем опыте. Все эти факты, однако, вовсе не свидетельствуют о разрывности опыта. Дело в том, что в сам механизм моего восприятия «встроено» сознание того, что существование объекта не прерывается лишь по той причине, что я перестаю на него смотреть. Предметы опыта одного субъекта могут одновременно или спустя определенное время войти в опыт другого.

Реально существуют и такие объекты, которые в данный момент не воспринимаются ни одним субъектом. Если какой-то объект исчезает, перестает существовать, то лишь в силу определенных событий в предшествующей стадии опыта. Вместе с тем это исчезновение не может быть бесследным и всегда выражается в трансформации одних объектов в другие, вследствие чего существует определенная непрерывность событий и процессов, относящихся к разным стадиям опыта. Важно при этом подчеркнуть, что сознание непрерывности объективных процессов, к которым относится опыт, — это не просто продукт интерпретирующей рефлексии, результат размышлений, а непосредственное условие данности самого опыта как вида знания. Иными словами, процесс восприятия предполагает действие амодальной объективной схемы мира, которая делает возможным сознание независимости объектов от акта их познания (см. первую главу данного раздела). Эта схема лежит и в основании научно-теоретического мышления, исходящего из независимости мира объектов от познавательной деятельности субъекта. В том случае, если в опыте существуют разрывы, мы в праве сомневаться в его объективности и можем предполагать, что имеем дело с галлюцинациями, иллюзиями и т. д.

Возникает, однако, вопрос: а нельзя ли предположить существование такого опыта, который был бы резко отличным от нашего, т. е. имел бы дело вообще с другого рода объектами, в результате чего не существовало бы прямого перехода от одного типа опыта к другому? Тем самым между этими видами опыта был бы разрыв. Вместе с тем этот опыт необычного рода был бы вполне нормален и объективен, т. е. не только внутренне связан и непрерывен, но также включен в определенный тип предметно-практической деятельности, правда, деятельности, отлич-

ной от нашей. Такой опыт мог бы быть присущ существам, непохожим на человека (например, жителям других космических миров). Кант допускал такую возможность, но считал, что решить этот вопрос нельзя, поскольку любой ответ на него связан с выходом за границы человеческого опыта, а такой выход, с его точки зрения, является абсолютно недопустимым⁸².

Даже небольшое размышление над данной проблемой склоняет нас к тому, чтобы усомниться в самой правомерности ее постановки. В самом деле. Если объективно-реальный мир един, то вряд ли могут существовать такие типы опыта, относящегося к этому миру, которые настолько различны между собой, что между ними нет переходов и которые вместе с тем являются объективными. Конечно, опыт каждого субъекта уникален и отличен от опытов других субъектов. В то же время существование моего опыта включает возможность понимания высказываний других людей о данных их опыта, ибо наши разные опыты не только объективно относятся к одному и тому же миру, но в них и субъективно презентирован один и тот же мир объектов. Я могу знать об этом мире больше или меньше, чем другой субъект, но сами типы объектов остаются для нас одними и теми же. Те предметы, которые входят в опыт другого субъекта, могут быть включены и в мой опыт. Иными словами, наши разные опыты принципиально соизмеримы: общая система объектов обеспечивает между ними непрерывную связь. Совсем другое дело, если в опытах, объективно относящихся к одному миру, субъективно презентированы разные типы объектов. Если бы это было возможно, то, очевидно, между этими разными типами опыта существовал бы разрыв. Поскольку познание — это отражение, воспроизведение действительности, постольку невозможны разрывы не только в рамках данного типа опыта, но и в отношениях между опытами разного типа (а следовательно, невозможно и существование самих принципиально несоизмеримых опытов). Поэтому представляется, что если бы мы столкнулись с подобными принципиально несоизмеримыми познавательными опытами (хотя и не очень-то ясно, как это возможно), то мы должны были бы признать, во-первых, что все они не могут быть в равной мере отнесены к познанию и что, во-вторых, некоторые из них, по-видимому, являются лишь субъективной иллюзией. Кант мог допускать (хотя бы в виде гипотетической возможности) существо-

вание разных типов познавательных опытов лишь потому, что, с его точки зрения, сущностная структура опыта конституируется сознанием и, значит, существование разного типа сознаний определяет разные типы опыта. Если не принимать эту субъективистскую посылку кантовской философии, то мы не имеем права рассуждать и о возможности разных типов опыта.

Подобный ход рассуждений кажется вполне обоснованным. Дело, однако, в том, что представители ряда научных дисциплин столкнулись ныне с фактами, для объяснения которых они считают необходимым прибегать к гипотезам о существовании разных типов познавательного опыта, разных перцептивных и концептуальных миров.

Начнем изложение и анализ подобного рода концепций с напоминания о том, что, согласно теории Ж. Пиаже, существуют различные стадии развития перцептивных структур, когда на ранних этапах этого развития для ребенка еще не существует непрерывности опыта (объект, выпавший из поля зрения, исчезает для него абсолютно) и между разными стадиями перцептивного и интеллектуального развития существуют определенного рода разрывы — каждая стадия характеризуется собственными структурами, последующие стадии вытесняют предыдущие. Вместе с тем все эти стадии, с точки зрения Пиаже, выражают разные этапы развития познания в процессе интеллектуального онтогенеза.

Пиаже, правда, имеет дело с такими перцептивными и интеллектуальными структурами, которые характеризуют не познавательную деятельность взрослого человека, а лишь разные этапы ее генезиса.

Но вот известный специалист по теории и истории науки Т. Кун в своей книге «Структура научных революций» обосновывает тезис о существовании в науке принципиально разных «парадигм», сменяющих друг друга в процессе исторического развития научного знания. Кун обращает внимание на весьма важные факты: невозможность представить структуру научных теорий в качестве системы чисто формальных отношений между языковыми конструкциями (именно так интерпретировали научную теорию логические позитивисты); «погруженность» теоретических систем в некоторые содержательные мыслительные схемы, определяющие как характер и пути дальнейшего развития теории, так и сам способ постановки и осмысления экспериментов; существование неразрывной

связи между описательной функцией «парадигмы» — именно «парадигма» определяет онтологию теории, т. е. тот тип реальных объектов, к которым относится данная теория или даже целая система теорий, — и ее нормативной, методологической и эвристической функциями. Кун подчеркивает, что «парадигмы» можно рассматривать как определенные системы предписаний, разделяемых тем научным сообществом, которое принимает данную «парадигму». Эти предписания обычно не формулируются в виде системы четких правил или формальных алгоритмов (повидимому, такая их формулировка даже и невозможна), а как бы включены в содержательную структуру самой «парадигмы». Именно «парадигма», подчеркивает Кун, определяет целостность научного исследования на всех его уровнях, его принадлежность к определенному смысловому контексту. При этом способ организации данной целостности напоминает не столько формальные математические и логические структуры, сколько структуры восприятия, перцептивные «гештальты». Переход от одной «парадигмы» к другой может быть уподоблен переключению «гештальта».

Мы не будем детально останавливаться на тех характеристиках, которые Кун приписывает «парадигме», так же как и на его концепциях в целом⁸³. Заметим лишь, что Кун привлек внимание специалистов по теории, методологии и истории науки к целому ряду таких проблем, которые нередко оставались в тени и которые вместе с тем не только вполне реальны, но и существенны для понимания структуры и функций научного знания, для осмысления реального исторического процесса развития науки⁸⁴.

Для нас важно выделить лишь один момент куновской концепции, как раз тот, с которым связаны обвинения этой теории в субъективизме. Этот же момент вызывает наибольшие споры. Дело в том, что переход от одной «парадигмы» к другой (этот переход по Куну и выражает научную революцию) рассматривается как выход в другой концептуальный и перцептуальный мир, в котором работает ученый. То, что ученый наблюдает в опыте, определяется содержанием его теоретической «парадигмы», подчеркивает Кун. Вместе с тем «парадигмы» как целостности, подобные перцептивному гештальту, отличны друг от друга, между ними нет переходов. После научной революции ученый иначе видит мир: он наблюдает те объ-

екты, которые ранее для него не существовали, а то, что до этого казалось самоочевидным и «непосредственно данным», более не входит в структуру его опыта. Новая «парадигма» может оперировать теми же терминами, что и старая, она обычно включает в свой состав большинство из символических обобщений, фигурировавших в старой «парадигме» (формулировки научных принципов, законов), а также процедуры измерения, правила пользования приборами и т. д. Однако, войдя в состав новой содержательной целостности, эти термины, формулировки, правила получают качественно иной смысл⁸⁵. «... В период революций ученые видят новое и получают иные результаты даже в тех случаях, когда используются обычные инструменты в областях, которые они исследовали до этого. Это выглядит так, как если бы профессиональное сообщество было перенесено в один момент на другую планету, где многие объекты им незнакомы, да и знакомые объекты видны в ином свете. Конечно, в действительности все не так: нет никакого переселения в географическом смысле; вне стен лаборатории повседневная жизнь идет своим чередом. Тем не менее изменение в парадигме вынуждает ученых видеть мир их исследовательских проблем в ином свете. Поскольку они видят этот мир не иначе, как через призму своих воззрений и дел, постольку у нас может возникнуть желание сказать, что после революции ученые имеют дело с иным миром»⁸⁶. Разные «парадигмы» взаимно непереводимы и несоизмеримы друг с другом, подчеркивает Кун. Полноценная коммуникация между представителями разных «парадигм» невозможна: одни и те же слова получают разный смысл. Между «парадигмами» существует разрыв⁸⁷.

В обосновании тезиса о возможности разных концептуальных и перцептивных «миров» некоторые теоретики в определенных отношениях идут дальше Куна, связывая эти «миры» не только с теми или иными теоретическими системами, но и с теми способами расчленения мира, которые воплощены в обыденном языке. Американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф, пытаясь обобщить результаты этнолингвистических исследований (в частности, исследований Б. Уорфом языка индейского племени хопи), пришли к выводам, сформулированным в виде так называемой гипотезы лингвистической относительности, или гипотезы Сепира-Уорфа. (Кун отмечает влияние, которое гипотеза Сепира-Уорфа оказала на формирование его концепции.)

Согласно этой гипотезе, воспринимаемый и осмысливаемый нами «мир» бессознательно строится на основе определенных языковых норм. Мы расчленяем действительность на элементы в соответствии с определенными присущими данному языку правилами классификации (воплощенными в лексических единицах) и грамматическими структурами. Поскольку не существует двух похожих языков, то можно сказать, что разные общества живут в разных «мирах». «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем»⁸⁸. Согласно гипотезе лингвистической относительности, разные языковые картины мира могут воплощать разные категориальные структуры, а тем самым оказывать влияние на нормы мышления и опосредованным образом на нормы поведения данного языкового коллектива. В современных европейских языках, являющихся одной семьей, существует деление всех слоев на две большие группы — существительное и глагол, подлежащее и сказуемое. Именно данное обстоятельство, считает Уорф, обуславливает определенную онтологию, разделяемую носителями этих языков, — членение мира на предметы и их действия, процессы. В языке хопи, по мнению Уорфа, не существует деления на субъект и предикат, а в языке племени нутка нет даже деления на существительные и глаголы. В последнем случае привычное нам разделение мира на предметы и процессы не имеет места⁸⁹. В языке хопи не фиксируется той категории времени, которая свойственна европейским языкам. «Мы видим, что определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п., исходя из природы невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грам-

матическим категориям того или иного конкретного языка»⁹⁰.

Наиболее радикальная и вместе с тем логически заостренная формулировка тезиса о возможности альтернативных концептуальных «миров» принадлежит крупнейшему современному американскому логическому, математику и философу У. О. Куайну и связана с развиваемым им учением о так называемой онтологической относительности.

2. Концепция онтологической относительности

Куайн отталкивается в своих рассуждениях от того факта, что существуют такие разные интерпретации формальной системы, которые являются альтернативными, т. е. логически несовместимыми.

Например, для того чтобы ответить на вопрос о том, какого сорта объектами являются числа, мы должны дать такую интерпретацию формальной системы арифметики, при которой удовлетворялись бы арифметические операции и законы, в частности должен быть определен примитивный термин O и операция S , применение которой к любому элементу данной системы порождает последующий элемент S_n . Известны, в частности, две версии числа. Э. Цермело в качестве O выбрал пустой класс λ , а в качестве S_x для каждого x единичный класс $\{x\}$. Поэтому числа $0, 1, 2, 3, \dots$ соответственно становятся $\lambda, \{\lambda\}, \{\{\lambda\}\}, \{\{\{\lambda\}\}\}$ и т. д.

В версии Неймана в качестве O выбирается пустой класс λ , а натуральное число определяется как класс всех предшествующих чисел, т. е. S_x выступает как $x \cup \{x\}$. В этом случае число 1 будет $\{\lambda\}$, число 2 — $\{\lambda, \{\lambda\}\}$, т. е. $\{\lambda, \{\lambda\}\}$, число 3 — $\{\lambda, \{\lambda, \{\lambda\}\}\}$ или $\{\lambda, \{\lambda\}, \{\{\lambda\}\}\}$ и т. д.⁹¹

Обе версии удовлетворяют арифметическим законам и операциям. Однако они являются альтернативными. Для того чтобы обнаружить это, зададим, например, вопрос о том, принадлежит ли число 3 числу 5? Согласно Цермело, ответ должен быть отрицательным, а согласно Нейману, — утвердительным. «В самом деле, по теории Неймана для любых двух чисел x и y число x меньше числа y , если, и только если, x принадлежит y и x — есть собственное подмножество y . Символически $x < y \equiv x \in y$. Поскольку число 3 меньше числа 5, число 3 принадлежит числу 5.

По Цермело, эта аргументация приводит к неверному заключению, поскольку одно число x принадлежит другому y , если, и только если, y есть следующее число за числом x . Символически $x \in y \equiv y = S_x$. Так как число 5 не является следующим числом за числом 3, число 3 не принадлежит числу 5. Так, мы приходим к противоречащим друг другу утверждениям»⁹². Объясняется это противоречие тем, что понятие следующего числа для некоторого x в двух теориях различно.

Когда мы ставим вопрос об объектах, к которым относится теория, мы должны дать интерпретацию соответствующей формальной системы, т. е. осуществить некоторый перевод терминов и высказываний данной системы в термины и высказывания другой системы. Вместе с тем, как мы имели возможность убедиться, данная формальная система допускает разные переводы, характеризующиеся альтернативными онтологиями. «Можно допустить, что перевод теории влечет изменение онтологии, например от универсума чисел можно перейти к универсуму множеств. Новые объекты должны удовлетворять законам старой теории, и тогда нужно объяснить, каким образом перевод теории может дать несовместимые системы с разными онтологиями. Можно было бы еще представить, что новый объект есть объяснение старого в том смысле, что онтологический статус первого более понятен, чем статус второго, и поэтому второй сводим к первому. Но как понять, что старый объект сводим и к другому новому объекту, включенному в альтернативную теорию?»⁹³

Объяснение подобного рода фактов Куайн пытается дать в рамках философско-логической концепции, затрагивающей более широкий круг вопросов, чем только логические основания математики.

Что вообще означает перевод с одного языка на другой? — вопрошает он. Представим себе, что исследователь-антрополог столкнулся с совершенно неизвестным науке племенем и пытается изучить его язык. Для этого наш исследователь должен осуществить перевод терминов и иных лингвистических конструкций с чужого языка на тот, который является для него родным. Каждый язык, подчеркивает Куайн, это не что иное, как совокупность терминов и грамматических форм, которые не только связаны друг с другом определенными отношениями зависимости, но и в некоторых пунктах «прикреплены» к предметам и явлениям внеязыковой действительности. Именно

последнее обстоятельство позволяет использовать язык в качестве средства описания того, что происходит в мире. Важно при этом правильно понять способ «прикрепления» языковых конструкций к тому, что происходит в реальном мире, продолжает Куайн свои рассуждения. Человек может знать нечто о реальности прежде всего потому, что он получает о ней определенную информацию с помощью органов чувств. Однако сама по себе сенсорная информация еще не несет того или иного расчленения мира на систему объектов определенного типа. Это расчленение, считает Куайн, задается именно языком, всей совокупностью его лексических и грамматических средств. При этом, очевидно, разные языки могут решать эту задачу по-разному. Например, для того чтобы можно было выделить в мире отличные друг от друга предметы, находящиеся в определенных взаимных пространственно-временных отношениях и претерпевающие определенные процессы, в языке не только должно существовать разделение слов на существительные и глаголы. Для этого необходимо также выделение подлежащего и сказуемого в высказывании, а также наличие лингвистических способов различения и идентификации предметов: «этот», «тот, который», «тот же самый», выражения единственного и множественного числа и т. д. Возможен такой язык, в котором отсутствуют эти лингвистические средства. В таком случае для носителей данного языка внешние предметы не существуют в виде тех объектов, с которыми привыкли иметь дело люди, говорящие на европейских языках (характер последних, безусловно, связан и с определенным типом культуры). Каждый язык характеризуется собственной системой объектного расчленения мира и тем типом значений, которые приписываются этим объектам (значения, считает Куайн, и есть не что иное, как определенные зависимости в данной лингвистической системе). Поэтому внелингвистически не могут быть даны не только значения, но и объекты, референты лингвистических выражений.

Куайн пытается провести бихевиористскую, натуралистическую точку зрения на психику и язык. Сознание, считает он, является некоторого рода фикцией. Все психические явления в принципе могут и должны быть описаны в терминах физиологии высшей нервной деятельности. Значений как явлений мира сознания или тем более сверх-индивидуального идеального мира не существу-

ет. Имеются лишь правила «прикрепления» определенных языковых выражений к стимульным раздражениям данного типа, а также способы преобразования одних языковых выражений в другие. Однако было бы неточным делать на основании сказанного вывод о том, что Куайн понимает язык как чисто формальную систему. Дело в том, что Куайн считает принципиально неверным разделение языковых выражений на те, которые описывают опыт (содержательные, синтетические высказывания) и на те, в которых фиксируют чисто лингвистические отношения (аналитические, т. е. пустые по содержанию высказывания). Все элементы языковой системы взаимосвязаны, считает он, и вся эта система в целом служит средством описания опыта. Именно «прикрепленность» языковой системы к опыту делает невозможным выделение таких отношений внутри языка, которые были бы чисто формальны и не имели бы определенного содержательного смысла. В действительности любое отношение элементов данной языковой системы может рассматриваться и как отношение значений (важно не забывать, что, с точки зрения Куайна, значение не является внелингвистической сущностью, а принадлежит данному языку и выражает взаимоотношения его элементов), и как фиксация определенного внелингвистического содержания, т. е. знания о мире. Вне знания о мире не существует значений элементов языка. В свою очередь, знание о мире может существовать лишь через внутренние отношения элементов лингвистической системы, т. е. через их значения. Под каким углом зрения мы будем рассматривать отношения языковых выражений в аспекте выражения знания о мире — дело чисто условное, и решается этот вопрос в зависимости от целей анализа. (Правда, учитывая тот факт, что значения не являются не только внелингвистическими, но и интер-лингвистическими сущностями — на последнем мы остановимся несколько позже, — Куайн считает, что лучше вообще прекратить всякие разговоры о значениях и рассуждать лишь об отношениях внутри языка и об отношениях языка к миру объектов, референтов). Таким образом, каждая языковая система — это также и определенная система знания о мире, определенная теория с присущей ей онтологией. Такой своеобразной теорией является, в частности, естественный язык.

Иногда подчеркивают необходимость различать язык и теорию, имея в виду следующие факты: во-первых,

с помощью одних и тех же языковых средств могут быть сформулированы разные теории, даже на до-теоретическом уровне носители данного языка могут придерживаться разных взглядов по ряду вопросов; во-вторых, хорошо известно, что одна и та же теория может быть выражена на разных языках, причем под языком понимается не только естественный язык (английский, французский и т. д.), но и искусственный, как, например, язык математики.

Отвечая на эти аргументы, Куайн считает необходимым подчеркнуть условность разделения на язык и теорию: каждый язык — это своеобразная теория, каждая теория может быть представлена как язык. Нужно только не забывать того, что сами теории (и соответственно языки) могут принадлежать к разным уровням, обладать разной степенью общности и т. д. Обыденный, естественный язык выражает самую широкую теорию, воплощает определенные общие установки «здорового смысла». Можно соглашаться с этими общими установками и вместе с тем расходиться в понимании относительно более частных проблем. Поэтому имеется возможность с помощью одного и того же естественного языка формулировать разные системы взглядов, в частности разные научные теории. Что же касается перевода данной теории с одного языка на другой, то этот перевод лишь в некоторых случаях может считаться практически осуществимым. Теоретически же, т. е. в точном смысле слова, он неосуществим, считает Куайн, ибо не существует теоретического содержания безотносительно к языковым средствам его выражения. Каждый перевод в той или иной мере меняет содержание теории, в некоторых случаях это изменение может быть довольно существенным и затрагивать ее онтологию. На тезисе Куайна о невозможности «радикального перевода» мы более подробно остановимся позже.

Подчеркнем, что вопрос о том, какие типы объектов предполагаются данным языком, для Куайна не является чисто формальным, не относится лишь к условному принятию того или иного способа выражения, как это было у Р. Карнапа. (Последний считал, что онтологические вопросы, будучи «внешними» для языковой системы, не допускают теоретического решения и попросту равнозначны проблеме принятия или непринятия данных способов выражения.) Куайн подчеркивает, что принятие той или иной теории (соответственно языка) означает не только допущение определенных способов выражения, но также и

принятие некоторой концепции мира, онтологии. Поэтому онтологические проблемы он считает чрезвычайно важными и относящимися к содержанию теории (языка). В том случае, если теория логически формализована, допускаемые ею объекты являются значениями ее переменных. (Для такого рода теорий Куайн формулирует свой знаменитый тезис: «Онтология, к которой обязывает человека употребляемый язык, охватывает именно те объекты, которые он рассматривает как входящие... в область значений его переменных»⁹⁴. В этом случае «существовать — значит быть значением связанной переменной».)

Вернемся к вышеприведенному примеру с антропологом. Если этот исследователь, наблюдающий жизнь чужого племени, говорящего на совершенно незнакомом ему языке, пытается сразу же перевести на свой язык выражения, непосредственно не соотносящиеся с тем, что дано в опыте, ясно, что он вряд ли преуспеет. Ведь он не располагает средствами для установления смысла этих выражений. По-видимому, он прежде всего должен попытаться выяснить значения тех слов и выражений, которые наиболее «близко» стоят к опыту, т. е. фиксируют то, что непосредственно дано. При этом наш исследователь, по-видимому, будет исходить из того, что он наблюдает те же самые предметы окружающей среды, с которыми имеют дело и изучаемые им туземцы. Далее антрополог учтет тот факт, что нервнофизиологический аппарат, ответственный за прием информации из внешнего мира, является общим для всех людей. Значит, придет он к выводу, «стимульные значения» (*stimulus meanings*) слов и выражений и, следовательно, их референты, т. е. те значения, которые непосредственно характеризуют «прикрепленность» языка к объектам внешнего мира и которые отличны от значений как системы внутриязыковых отношений, могут быть выявлены относительно легко и должны быть общими в разных языках. (Правда, они будут относиться не ко всем выражениям, а лишь к тем, которые более или менее непосредственно соотносятся с опытом.)

При этом антрополог будет исходить из того, что референты являются внелингвистическими сущностями, а именно объектами внешнего мира.

Наш исследователь попытается применить свою теоретическую установку на практике. Допустим, он замечает, что каждый раз, когда в поле зрения туземца появляется быстро бегущий заяц, туземец издает звукооче-

тание «гавагаи». Антрополог начинает догадываться, что на языке изучаемого им племени «гавагаи» означает то же самое, что и слово «заяц» (или, точнее, выражение — «Это — заяц») на его родном языке. У нашего исследователя нет полной уверенности в том, что его догадка верна. Может быть, «гавагаи» относится вовсе не к зайцам, а ко всем быстро движущимся предметам? Может быть, «гавагаи» — это заяц, но не всякий заяц, а лишь быстро бегущий? Для того чтобы проверить свою догадку, антрополог продолжает исследование. Он, с одной стороны, расширяет круг наблюдений, а с другой — вступает в контакт с туземцами: указывая на спокойно сидящего зайца и произнося звуки «гавагаи», наш исследователь наблюдает реакцию членов племени и пытается установить, считают ли они уместным произнесение этого звукосочетания в данной ситуации. Наблюдая в течение некоторого времени поведение членов племени, общаясь с туземцами при помощи жестов, антрополог устанавливает, что они относят звуки «гавагаи» к тому же самому объекту, который он называет «зайцем». После этого наш исследователь со спокойной совестью переводит «гавагаи» как «заяц» (или, точнее, как короткую фразу — «Это — заяц»). Таким образом антрополог, констатирует Куайн, может осуществить перевод ряда слов и выражений чужого языка, непосредственно соотносящихся с опытно воспринимаемыми событиями.

Сложнее обстоит дело с переводом тех лингвистических конструкций, которые соотносятся с опытом более опосредованно. Осуществляя перевод этих конструкций, подчеркивает Куайн, наш антрополог будет учитывать, во-первых, их связь с теми выражениями, которые он уже умеет переводить, во-вторых, их включенность в «речевое поведение», в свою очередь находящееся в определенных отношениях к объективным, опытно фиксируемым ситуациям, в-третьих, некоторые принципиальные особенности такого специфического объекта, как «язык», известные ему как следствие владения его родным языком. Так в конце концов антрополог решит задачу формулировки средств перевода с языка туземцев на его собственный.

Конечно, описанная модель формулирования схемы перевода является весьма приближенной, идеализированной. Тем не менее, считает Куайн, она достаточно точно выражает главные черты существующей практики этнолингвистических исследований и — более широко — во-

обще практики перевода с любого языка на любой другой. Куайн отнюдь не намерен критиковать эту практику, поскольку она, по его мнению, и невозможна в ином виде. Однако он пытается показать теоретическую несостоятельность тех установок, которые обычно с ней связываются и без которых, по мнению Куайна, эта практика может и должна обходиться.

В самом деле, рассуждает Куайн, откуда следует, что референты, объекты, к которым относятся лингвистические выражения, являются внелингвистическими сущностями? Справедливо, конечно, что «стимульные значения» (*stimulus meanings*) являются общими у всех людей. Однако объекты вовсе не тождественны «стимульным значениям» (между тем антрополог-исследователь, о котором мы только что говорили, как раз отождествляет и то и другое). Одному и тому же «стимульному значению» могут соответствовать разные объектные расчленения, последние определяются особенностями языка. Когда антрополог устанавливает, что звуко сочетание «гавагаи» относится к тому же «стимульному значению», что и слово «заяц», это не значит, что обе эти лингвистические единицы имеют одного и того же референта. Указывая на зайца и произнося «гавагаи», туземец может иметь в виду не зайца в нашем смысле, т. е. не отдельный целостный объект, которому присущи также и аспекты, не воспринимаемые в данный момент времени, а лишь стороны зайца, входящие сейчас в поле зрения. Под «гавагаи» в туземном языке может пониматься не такой вид объектов, которые похожи друг на друга своими «обще-заячьими» характеристиками и вместе с тем каждый из которых уникален, а лишь явление некоей общей «заячности» в данном участке пространства и в данный момент времени (в этом случае в языке будут отсутствовать средства выражения грамматической формы числа, а также разделение существительных на абстрактные и конкретные)⁹⁵. Средств объектной интерпретации того «стимульного значения», которое соответствует нашему слову «заяц», в принципе существует достаточно много, и дело не в том, чтобы все их перечислить. Главное — это то, подчеркивает Куайн, что на основании поведения туземцев принципиально невозможно выявить, какого типа объекты служат референтами данного, чужого языка. (Еще раз напомним, что Куайн строго различает объекты и «стимульные значения». Последние установить как раз срав-

нительно нетрудно.) Одна и та же группа «стимульных значений», одно и то же внешнее поведение может обслуживаться разными системами языка, характеризующимися различным объектным расчленением мира. Но если дело обстоит так, то вообще невозможно однозначно установить ту систему объектов, к которой относится данный чужой нам язык. Это значит также, что не существует однозначно «верного» (Куайн называет его «радикальным») перевода с одного языка на другой. На практике антрополог, исследующий чужой язык, учитывая совпадение «стимульных значений», будет заключать также о совпадении объектов в качестве референтов языковых выражений. Что же касается перевода тех выражений, которые не имеют непосредственных «стимульных значений», то он будет осуществляться, во-первых, только в случае принятия во внимание связи этих выражений с теми, которые имеют «стимульное» значение, во-вторых, по аналогии с грамматическими и лексическими конструкциями, имеющими место в родном языке переводчика. При этом, считает Куайн, даже если исходить из онтологии языка переводчика как из общей для двух языков (хотя само это допущение, по его мнению, ничем не может быть обосновано), то и тогда возможны разные аналитические схемы соотношения отдельных языковых выражений в двух языках, т. е. существуют разные варианты перевода. Иными словами, радикальный перевод является неопределенным. Обычно переводчик не отдает себе в полной мере отчета в этом обстоятельстве, ибо принятую им аналитическую схему перевода он считает единственно возможной. Что же касается взаимных отношений тех языков, практика переводов которых имеет достаточно солидную традицию (например, перевод с немецкого языка на французский, или с английского на русский), то в этом случае вообще может не осознаваться наличие аналитической схемы перевода, ибо не стоит вопрос о поиске этой схемы: она давно уже найдена трудом предшествующих поколений переводчиков, и мысль о возможности существования принципиально иной схемы обычно даже не приходит в голову.

В этой связи Куайн задает вопрос: как выявить онтологию данного языка (теории), т. е. ту систему объектов, к которым этот язык (теория) относится? Для носителей самой данной системы языковые способы выражения и онтологическое содержание не отделены друг

от друга: мир дан им через систему значений, а значения воплощают знание о мире. Для того чтобы отделить то, что принадлежит языку от того, что относится к самому миру, мы должны выйти за пределы данной языковой системы и сопоставить ее с миром. Но у нас нет возможности проникнуть в мир сам по себе, считает Куайн, ибо мир как совокупность объектов всегда дан лишь через ту или иную языковую систему (Куайн не отрицает объективно реального существования мира, т. е. его бытия независимо от человека и языка, однако подчеркивает, что человеку мир дан лишь через ту или иную языковую (теоретическую) систему). Поэтому мы не можем ставить вопрос об абсолютной онтологии данной языковой системы, а имеем право говорить лишь о ее относительной онтологии. Когда мы спрашиваем о том, чем реально являются объекты данной языковой (теоретической) системы, роль «мира объектов», с которым сопоставляется исследуемая система, играет в действительности не мир сам по себе, а другая языковая (теоретическая) система. При этом не задается вопрос относительно онтологии последней: сама эта система и мир ее объектов даны как нечто нерасчлененное. Иными словами, решая вопрос об онтологии данной языковой (теоретической) системы, мы на самом деле осуществляем перевод с одного языка на другой. Язык, на который мы переводим, определяет мир объектов переводимого языка (т. е., если возвратиться к использованному нами примеру, объектом, к которому относится слово «гавагаи», является заяц — т. е. то, что характеризуется соответствующим словом нашего языка). Мы, однако, не должны забывать, что в зависимости от того, на какой язык переводится данный язык, последнему будет приписываться разная онтология, подчеркивает Куайн. Но если даже иметь в виду только два данных языка, то и здесь можно принимать разные аналитические схемы перевода (вспомним тезис Куайна о неопределенности радикального перевода)⁹⁶. В том случае, когда возникает вопрос об онтологии того языка, на который производится перевод, то и здесь мы сталкиваемся с той же самой проблемой — мы можем что-то сказать об этой онтологии только лишь в отношении некоторого другого языка. Итак, заключает Куайн свои рассуждения, на вопрос о том, чем являются объекты данной теории, нельзя дать ответа, имеющего абсолютное значение. Онтологию дан-

ной теории можно выяснить лишь в отношении некоторой другой теории. Если мы, например, хотим узнать, какими объектами на самом деле являются числа, мы должны перевести систему арифметики в некоторую другую математическую систему, например в теорию множеств. При этом один перевод (Цермело) дает один ответ на наш вопрос, другой перевод (Неймана) — иной. В принципе возможна и обратная процедура. Для ответа на вопрос, какого рода объектами являются в действительности множества, мы можем попытаться перевести предложения теории множеств на язык арифметики. Куайн считает возможным по аналогии с релятивистской теорией пространства и времени говорить о релятивистской теории объектов теории, или об онтологической относительности⁹⁷.

Очень важно обратить внимание на следующий момент в концепции Куайна, а именно, что каждому языку присущ свой способ объектного расчленения мира. Однако из этого утверждения, с точки зрения Куайна, вовсе не следует вывод о том, что каждый язык имеет свою собственную онтологию, в которую мы просто не можем проникнуть извне и поэтому вынуждены понимать ее по аналогии с онтологией собственного языка. Дело в том, считает Куайн, что вообще нельзя рассуждать об онтологии данного языка до тех пор, пока этот язык рассматривается сам по себе. Ибо, хотя язык и несет в себе определенную картину мира, в нем не вычленено взаимоотношение языка и самого мира объектов. Для того чтобы выяснить, как соотносятся выражения языка с объектами, т. е. выделить онтологию данного языка, мы должны рассуждать о нем на некотором другом языке, вопрос об онтологии которого в этом контексте рассуждения не ставится. Вопрос онтологии — это проблема взаимоотношения, взаимной переводимости разных языков (теорий). Поэтому, считает Куайн, мы не знаем также онтологии и своего родного языка.

Об онтологии последнего можно говорить лишь на некотором другом языке (при этом сама эта онтология будет выглядеть по-разному в зависимости от того, на какой язык переводится наш язык). Можно, правда, попытаться выявить онтологию нашего языка, оставаясь в его собственных пределах, и такие попытки мы предпринимаем как в обыденной жизни, так и особенно в логике и философии. Но для этого наш язык должен выступить

дважды, в разных качествах: один раз — как объектный язык (т. е. язык, онтологию которого мы выясняем), а другой раз — как язык, на котором мы рассуждаем об онтологии объектного языка. В этом случае мы осуществляем перевод предложений нашего языка на предложения этого же языка. При этом переводимые предложения необязательно должны быть эквивалентными тем, в которые мы их переводим. Вообще говоря, рассуждает Куайн, даже в этом случае мы можем выбрать разные аналитические схемы перевода. А это значит, что онтологии, приписываемые нашему языку, будут различаться в зависимости от схемы перевода.

Когда мы общаемся с другим человеком, говорящим на том же языке, что и мы, мы убеждены в том, что оба имеем в виду один и тот же мир объектов. Нам кажется, что уж по крайней мере в этом случае объектное расчленение мира у нас и у нашего собеседника должно совпадать.

Однако почему мы в этом уверены? — спрашивает Куайн. Только лишь потому, что наш собеседник произносит примерно те же звуки, что и мы, в аналогичных ситуациях? Как можем мы судить о содержательной картине мира, связанной для нашего собеседника с этими звуками? Мы приписываем его словам отношение к определенным объективным референтам лишь потому, что переводим его речь на тот язык, которым пользуемся сами. Важно подчеркнуть, что, с точки зрения Куайна, наш язык, как «система предрасположений к определенному речевому поведению», выступает для нас иначе, чем любой другой, к которому мы всегда относимся как к объектному: это касается не только языка чужого народа, но даже языка нашего соплеменника.

Концепция онтологической относительности, считает Куайн, применима ко всем языковым системам (теориям): не только к естественным, обыденным (национальным) языкам, но и к теориям в математике и в других науках. Следует, правда, иметь в виду следующий важный факт. В математике мы имеем возможность не только переводить теорию арифметики на язык теории множеств, но и также осуществлять обратный перевод. Каждая из этих теорий может выступать либо в роли объектной (той, онтология которой выясняется), либо в роли предпосылочной (той, которая задает онтологию объектной теории). Подобная свобода действий объясняется

тем, что мы одинаково свободно владем как той, так и другой. Иначе дело обстоит с обыденными языками. Лишь один из них является нашим родным, материнским. Поэтому обычно мы судим об онтологии других языков на основании их перевода в наш, т. е. именно последний задает объектное расчленение мира, в рамках которого мы понимаем, осмысливаем другие языки.

Что же касается естественнонаучного знания, то там проблемы онтологии, по мнению Куайна, решаются подобным же образом, т. е. посредством перевода терминов и высказываний данной теории на язык другой. Например, если мы задаемся вопросом о том, чем реально является объект, именуемый в данной физической теории словом «атом», мы должны перевести данную теорию на язык другой, например, той, которая оперирует терминами «чувственных данных», или пользуется терминологией лабораторных операций, или же применяет термины, относящиеся к ненаблюдаемым объектам: в последнем случае будет показано, что слову «атом» соответствуют такие-то сущностные процессы объективной действительности. В процессе перевода может обнаружиться, что то или иное языковое выражение объектной теории ничему реально не соответствует с точки зрения предпосылочной теории: так, например, обстоит дело с термином «эфир», если пытаться переводить теорию классической физики на язык современной науки. Может случиться и так, что мы не в состоянии отыскать способы перевода одной теории в другую. В этом случае, считает Куайн, мы не можем судить об онтологии данной теории. Однако попытки свести содержание естественнонаучного знания к содержанию «чувственных данных» и протокольных высказываний — чем в свое время усиленно занимались логические позитивисты — Куайн считает несостоятельными. В то же время концептуальные теоретические разрывы, возникновение принципиально новых систем знания, научные революции он рассматривает как явление крайне редкое в развитии естествознания, и при этом нежелательное. (В этом пункте, как видим, он существенно расходится с Куном). Естественные науки, по мнению Куайна, развиваются путем плавных изменений и постепенных перестроек теоретических структур. Поэтому вопросы онтологии в естественнонаучном знании встают достаточно редко. (Куайн считает, что даже в метаматематических исследованиях, которые

имеют дело с проблемами интерпретации формальных систем, можно в ряде случаев обойтись без решения онтологических проблем.)

Согласно Куайну, опыт каждой группы субъектов, являющихся носителями данного языка (теории) более или менее непрерывен. Тем более непрерывен опыт каждого отдельного субъекта. Все, что попадает в поле его опыта, в том числе и другие языки (теории), истолковывается с точки зрения той картины мира, которая воплощена именно в этом опыте. Вопрос о том, как видят и понимают мир другие субъекты, носители иных языков (теорий), согласно Куайну, не имеет смысла: я приписываю ту или иную онтологию другим языкам, исходя из особенностей собственного⁹⁷. Вместе с тем данная концепция исходит из того, что в разных языковых (теоретических) системах воплощается разное объектное расчленение действительности. А это значит, что, хотя внутри группы носителей данного языка опыт непрерывен, он разрывен в отношениях между разными группами, пользующимися разными языками (теориями)⁹⁸. Группы носителей разных языков (теорий) живут в «разных мирах». В принятии этого тезиса Куайн согласен с Сепиром—Уорфом и Куном. Существенное добавление, которое Куайн делает к этому тезису, состоит в утверждении о том, что сами субъекты—носители разных языков (теорий) обычно не замечают, что живут в «разных мирах», потому что истолковывают «чужой мир» по аналогии с собственным. Они могут выучить чужой язык (переводя его на собственный) и даже общаться с носителями другого языка и тем не менее так и не проникнуть в «чужой мир». Все дело в том, что «разные миры» существуют в различных измерениях и поэтому не соприкасаются, не взаимодействуют. Носители разных языков (теорий) в куайновском понимании напоминают монады Лейбница, которые отражают в себе весь мир, но в то же время «не имеют окон» и реально не взаимодействуют с другими монадами, хотя им кажется, что они вступают в такое взаимодействие.

Это, конечно, не значит, что кто-то не может овладеть чужим языком до такой степени, что последний станет для этого человека вторым родным (это возможно лишь тогда, когда человек включается в иную систему культуры). В этом случае субъект будет владеть тем способом объектного расчленения мира, который характерен

для нового языка. Куайну важно, однако, подчеркнуть, что нельзя пользоваться одновременно двумя языками. Когда данный субъект говорит и думает на новом языке, его родной выступает для него в качестве объектного. И наоборот. Два языка (и соответственно две картины мира) не могут сталкиваться между собой в одном поле опыта. Переход от одного языка к другому в качестве основы разговора и размышления может быть в этом случае уподоблен переходу в другое измерение.

Куайн и Фейерабенд, как мы помним, подчеркивают, что разные «парадигмы», крупные научные теории, несущие в себе различное видение мира, вступают в борьбу друг с другом, в том числе и в сознании отдельного субъекта, в результате чего одна из «парадигм» вытесняет другие. Между тем, согласно Куайну, различные языковые (теоретические) концепции, характеризующиеся разным объектным расчленением мира, в подобную борьбу вступать не могут. Ведь они лежат в разных плоскостях: в любом случае, когда стоит вопрос о взаимоотношении двух теоретических систем, о выявлении их онтологий, одна из них играет роль объектной теории, а другая — роль теории предпосылочной.

Куайн специально не рассматривает проблематику научных революций. Однако его утверждение о том, что концептуальные изменения в процессе развития науки могут быть лишь постепенными, очевидно, исключает возможность принятия им тезиса о существовании таких революций. Конечно, абстрактно рассуждая, можно представить попытку описания процесса смены «парадигм» на языке куайновской концепции онтологической относительности. Но в этом случае пришлось бы, во-первых, отказаться от утверждения о постепенности концептуальных изменений в науке, во-вторых, дать существенно иную, чем у Куна, интерпретацию самих «парадигм» и процесса их смены.

3. Перевод и проблема понимания

Критический анализ концепций «альтернативных миров» начнем с теории Куайна. Осуществить это удобнее потому, что именно последняя ставит обсуждаемую проблему в наиболее широком философском плане.

Сразу же заметим, что факт существования альтернативных теорий в метаматематике, от которого отталки-

вается Куайн при формулировке своей концепции, сам по себе бесспорен и, безусловно, заслуживает серьезного философского осмысления⁹⁹. Справедливо и мнение Куайна о том, что проблема обоснования научной теории не может быть решена путем онтологической и эпистемологической ее редукции (так, например, невозможно свести теорию арифметики к теории множеств; поэтому нельзя ставить и решать задачу обоснования математики в рамках редукционизма). Нас, однако, прежде всего интересует анализ концепции онтологической относительности в ее общем теоретико-познавательном значении.

И вот тут-то нетрудно показать, что ее основные утверждения вряд ли можно считать приемлемыми. В самом деле. Куайн отмечает, что сенсорная информация — именно ее он называет «стимульными значениями» — сама по себе еще не несет объектного расчленения мира. И в этом он, разумеется, прав. Неправ он в другом: в утверждении о том, что наличие объектов не присуще миру, существующему вне человека, что субъект выделяет внешние объекты лишь на языковом уровне и сама группировка «стимульных значений» в объекты определенного типа целиком определяется структурой данной языковой системы, а поэтому должна быть принципиально различна в разных языках. Согласно Куайну, исходная содержательная информация о действительности сводится к совокупности «стимульных значений». Именно этой информацией, а не объективными свойствами самих предметов якобы определяется человеческое поведение. Фактически получается что-то вроде возрождения субъективистской эмпирической теории «чувственных данных», сколь бы ни отрещивался от нее Куайн. Он оказывается близок к субъективизму логического позитивизма (хотя он и считает, что преодолел последний) и в другом пункте своей концепции — в утверждении невозможности признать существование объектов, референтов данных языковых выражений, в самой объективной действительности. Для Куайна, как и для Карнапа, субъект в известном смысле не может вырваться за пределы языка и прорваться к самому объективному миру: значения, через отношения которых субъекту презентирован мир, являются, с их точки зрения, лишь системой внутриязыковых отношений. Поэтому и сам «мир» как совокупность объектов — в сущности лишь продукт языка.

Подобный ход рассуждений при его последовательном логическом проведении неизбежно приводит к выводам, которые сами по себе заставляют усомниться в такого рода концепции. (Так, например, именно та интерпретация, которую Куайн дает субъективным «стимульным значениям», понимаемым в качестве исходного пункта познания, предопределяет тот факт, что в данной концепции воспроизводится на новый лад та же самая трудность, которая всегда была неразрешимой для субъективистского эмпиризма: утверждение мнимой невозможности познать состояние сознания другого человека). Главное, однако, состоит в том, что куайновская концепция не может дать адекватного объяснения целому ряду важных фактов, с которыми не могут не считаться современные науки о познании.

Отметим прежде всего то принципиальное обстоятельство, что — вопреки мнению Куайна — еще до овладения языком субъект уже умеет выделять объекты внешнего мира. Способы выделения объектов непосредственно соотносятся с определенными социально выработанными формами предметно-практической деятельности, и, усваивая последние, человек усваивает специфически человеческое, познавательное отношение к действительности, т. е. то отношение, которое предполагает презентированность сознанию мира объектов и отличие последнего от субъективного мира субъекта, его сознания. Само усвоение языка предполагает, что субъект владеет определенными «механизмами референции», т. е. способами отнесения знания к действительности — эти «механизмы» включены в исходные перцептивные структуры. Основные типы референтов и системы значений не конструируются языковой системой, а предпосланы ей.

Поэтому выражения, входящие в разные языки, могут иметь не только общих референтов, но и общие значения в узком смысле слова, т. е. быть синонимичными. Куайновская концепция заставляет отрицать возможность синонимии, что явно противоречит элементарной языковой интуиции. Эти принципиальные факты признаются ныне во всех сколько-нибудь серьезных теориях, имеющих дело с исследованием познавательной деятельности вообще и восприятия в частности.

Поскольку структуры восприятия связаны с определенными формами предметно-практической деятельности,

можно, основываясь на знании того, насколько данный субъект овладел последними, делать выводы о характере первых и о степени их сформированности, т. е. о том, в каком виде выступает для субъекта объектная расчлененность мира. Именно такой метод исследования применяет, в частности, Пиаже. (Мы сейчас отвлекаемся от того, что у него речь идет не об овладении социально-выработанными формами предметной деятельности, а о якобы спонтанном развитии у ребенка собственных структур и действий.) По поведению ребенка, например, по тому, ищет ли он предмет, исчезнувший из поля его зрения, Пиаже заключает о тех формах, в которых выступают для субъекта внешние объекты. Именно через внешнюю предметную деятельность происходит реальное соединение знания, которым владеет субъект, с самими действительными объектами. Конечно, формы этой деятельности определяются не только объектами, но и историческими особенностями социальной практики: в объекте выделяются те аспекты, которые получили особую значимость для данного типа предметной деятельности. Важно вместе с тем подчеркнуть, что, во-первых, речь идет о реальных сторонах самих объективных предметов, во-вторых, что сколь ни разнообразны и исторически изменчивы типы практики, сущностная структура человеческой практической деятельности остается постоянной. Именно это обстоятельство определяет то, что основные типы объектов, с которыми имеют дело люди в обыденной жизни независимо от того, на каких языках они говорят и на какой ступени культурно-исторического развития находятся, являются теми же самыми. (Не следует только смешивать типы объектов, данных в знании, с тем, что именно известно субъекту об этих объектах.)

Если же разорвать реальную связь, существующую между системами знания и формами предметно-практической деятельности, то, разумеется, невозможно судить о том, в какой мере соответствует объектная расчлененность мира, данная в знании, тому, что существует независимо от познания и сознания. Между тем Куайн осуществляет как раз подобную процедуру, заявляя, что по поведению нельзя судить о системе референтов, к которым относятся данные языковые выражения, что якобы разные системы объектного расчленения мира, воплощенные в различных языках, могут сочетаться с одним и тем же поведением. Ибо последнее, по мнению Куайна, ори-

ентировано не на систему объектов, а лишь на совокупность «стимульных значений».

Между тем, очевидно, что наиболее содержательные и существенные связи действительности фиксируются именно в объектной картине мира. Знание объекта предполагает познавательное овладение целой системой существенных связей в их сложных взаимных зависимостях, при этом связей не только актуальных, но и потенциальных. Если бы человек ориентировался в своей деятельности не на объекты и их взаимоотношения, а лишь на совокупность «стимульных значений», вряд ли его поведение существенно отличалось бы от поведения животного. Надо полагать, что если бы заяц воспринимался только как множество актуально данных его аспектов или же как явление некоей «заячности» (мы воспользовались примерами Куайна), то это так или иначе сказалось бы в поведении носителей такого рода восприятия. Правда, сам Куайн подчеркивает, что пытающийся осуществить перевод с одного языка на другой антрополог должен иметь дело лишь с относительно короткими отрезками стимульных значений и соответственно с относительно короткими фрагментами поведения туземцев. Вряд ли такое ограничение оправдано. Можно предположить, что именно оно затрудняет определение объектных референтов некоторых языковых выражений и что, следовательно, его устранение снимает целый ряд мнимых сложностей, на которые ссылается Куайн при аргументации тезиса о неопределенности радикального перевода¹⁰⁰.

Заметим далее, что само представление Куайна о языке тоже вызывает целый ряд возражений. Язык в куайновском понимании — это определенная совокупность чисто условных (ассоциативных, по его терминологии) связей между отдельными звуковыми комплексами, некоторые из которых находятся в условных (ассоциативных) связях с «стимульными значениями». Язык — это некоторые более или менее устойчивые связи речевого поведения, «предрасположенность» к речевому поведению определенного вида. Изменение речевого поведения, подчеркивает Куайн, меняет и язык. По его мнению, отношения разных звуковых комплексов друг к другу и к внешним стимулам в рамках данной языковой системы не определяются объектной расчлененностью самого мира. Значения — лишь взаимные отношения языковых выра-

жений. Поэтому для Куайна вполне естественен вывод о том, что наличие общей объективной среды, общего нервнофизиологического устройства у носителей разных языков и даже сущностная общность разных видов практики, связанных с теми или иными языками, никоим образом не могут свидетельствовать о наличии существенно общих структур в различных языках.

Однако то понимание языка, которое все более утверждается в современной лингвистике, исходит из принципиально иных представлений. Дело в том, что языковая система не просто определяется совокупностью в чем-то похожих друг на друга предложений, высказанных в течение данного интервала времени, т. е. речевым поведением. Такая совокупность всегда будет конечной. Между тем любая система языка содержит в себе возможность порождения бесконечного множества актов речевого поведения, в том числе и таких, которые не воспроизводят того, что уже было. Важно при этом заметить, что порождение новых предложений необязательно влечет изменение существенных характеристик данной языковой системы (если же язык — это совокупность условных связей между предложениями, появление новых предложений должно менять и сам язык). Существенным для языка как раз является феномен синонимии — тот самый феномен, от анализа которого Куайн отмахивается как от псевдопроблемы. Именно исходя из признания того принципиального обстоятельства, что язык служит для выражения системы определенных смыслов и что эта система в принципиальных пунктах является общей для всех различных языков (ибо имеет внеязыковую природу) осуществляется в современной лингвистике разработка теоретических моделей порождающей грамматики. По-видимому, универсальными являются такие грамматические категории, как названия предметов (существительные и именные фразы), названия ситуаций — предложения и так называемые преобразователи, т. е. лингвистические объекты, изменяющие лингвистические объекты одного класса в лингвистические объекты либо другого, либо того же класса¹⁰¹. А это значит, что, например, выделение предметов в объективной действительности и отличие их от процессов и действий, т. е. от ситуаций, является общим для всех языков, ибо определяется внеязыковыми обстоятельствами, с которыми вынужден считаться каждый язык¹⁰². Наличие во всех языках инва-

риантных грамматических структур свидетельствует также и против универалистских притязаний гипотезы Сепира-Уорфа. Грамматическая структура данного языка предполагает определенное объектное членение мира и задает некоторый самый общий смысл каждой фразы, порожденной с помощью данной системы грамматических правил. Поэтому даже в том случае, если во фразе нарушены лексические смысловые связи, но сама она построена грамматически правильно, то она, будучи собственно бессмысленной, выступает как осмысленная в более широком плане, во всяком случае может рассматриваться в качестве «понимаемой». Н. Хомский в этой связи приводит фразу: «Зеленая идея яростно спит»¹⁰³.

Но если мы даже имеем дело с абсолютно чужим для нас языком, грамматика которого нам неизвестна и может оказаться весьма отличной от грамматики нашего родного языка, наличие языковых универсалий препятствует истолкованию этого языка как простого набора звуков, условно связанных со стимулами внешней среды и допускающих почти неограниченный спектр несовместимых друг с другом интерпретаций. Куайн универсализирует и абсолютизирует определенную процедуру, оправданную в метаматематических исследованиях. В ходе последних действительно возникает необходимость рассматривать данную теоретическую систему в качестве чисто формальной структуры (набора определенных значков на бумаге), выполняющей роль объектного языка, о котором нечто содержательное говорится на метаязыке. Между тем в обычных условиях отношение к естественному языку, да и к тем языкам, которые выражают содержание теорий в фактуальных, т. е. отличных от математики, науках является иным. Если я сталкиваюсь с каким-то языком, на котором говорят существа, подобные мне физически и в принципе сходным образом взаимодействующие с внешним миром (а это выражается в их поведении), я должен сразу же предположить, что в своих существенных чертах смысловое поле наших разных языков является общим.

Согласно куайновской концепции, в конечном счете содержательно данными для меня являются лишь те акты речевого поведения, агентом которого являюсь я сам. Объектно расчлененную картину мира дает мне тот язык, который характеризует именно мою «предрасположенность» к определенному речевому поведению.

Что же касается языка всякого другого субъекта, в том числе и такого, который как будто бы говорит на том же языке, что и я, то этот язык, согласно Куайну, выступает лишь в качестве объектного, т. е. набора звуков, допускающего различную интерпретацию. Между тем в качестве исходного пункта не только теоретико-познавательного, но и психологического, и психолингвистического исследования не может быть выбран индивид, который лишь получает от внешнего мира набор воздействий в виде совокупности «стимульных значений» и относится к другим индивидам и их действиям тоже просто как к внешним стимулам. Исходным пунктом такого исследования должен быть субъект, с самого начала включенный в реальные связи коммуникации с другими субъектами, представляющими общество и накопленный социально-исторический опыт. Ребенок с первых дней жизни включен в смысловое взаимодействие со взрослым человеком. Сначала связи смысловой коммуникации завязываются непосредственно через практическую деятельность с внешними реальными объектами (а вовсе не с совокупностью «стимульных значений!»), а затем и при помощи языка. Последний, таким образом, в действительности выражает не только определенное отношение звуковых комплексов к внешним объектам, но и отношение друг к другу самих пользующихся им субъектов. Это принципиальное обстоятельство определяет тот факт, что типы объектов, к которым относятся выражения данного языка и основные виды отношений между этими объектами, т. е. основные системы смыслов, являются общими для всех носителей данного языка. Поэтому обсуждаемый Куайном вопрос о том, какова онтология языка, на котором говорит мой соплеменник, реально просто не может возникнуть и является типичной псевдопроблемой.

Заметим в этой связи, что различие между объектной расчлененностью мира, данной мне посредством того языка, на котором я говорю, и онтологией этого языка, не имеет того характера, который придает ему Куайн. Конечно, при формальном анализе, когда об объектном языке приходится говорить на метаязыке, в таком различии есть смысл. Однако вряд ли оно столь существенно во всех других случаях. Если речь идет о естественных языках и о языках теорий фактуальных наук, то их онтология существенно определяется данным в них объектным расчленением мира и не может рассматри-

ваться в качестве чего-то определяемого лишь отношением данного языка (теории) к другому произвольно выбранному языку (теории). Поэтому в неформальных контекстах онтологию теоретической системы можно рассматривать в качестве «встроенной» в последнюю.

Конечно, это не означает, что все смысловые оттенки, включенные в восприятие данного объекта у меня и у другого субъекта, абсолютно тождественны. Ведь если два субъекта смотрят на один и тот же предмет, то все же этот предмет будет выступать для них в различных аспектах уже вследствие того, что не могут совпадать их углы зрения: ведь в данный момент времени они занимают разные места в пространстве. Значит и фон, на котором воспринимается данный предмет, будет также различаться. Мы уже не говорим о том, что восприятие связано с особенностями личности и биографии каждого из субъектов. В принципе так же обстоит дело и с их высказываниями. Одно и то же слово необходимо вызывает у каждого из них различные ассоциации, обусловленные их неповторимым жизненным опытом. Поэтому, если считать, что понимание другого человека предполагает полное, абсолютное постижение всей той системы субъективных смысловых оттенков поведения и высказываний, которые существенны для него лично, то можно прийти к выводу, что подобное понимание вообще невозможно, что, следовательно, смысловое взаимодействие, осмысленный диалог между двумя субъектами вообще не существуют. К этому выводу и приходит Куайн. Между тем, как мы пытались показать, различие смысловых оттенков, характеризующее опыт разных субъектов, само возможно лишь на фоне существенно общих смысловых структур, лежащих в основе реальной предметно-практической и языковой коммуникации. Действительное понимание, реальный диалог отнюдь не исключают известного смыслового расхождения в каких-то не значимых для нужд коммуникации деталях и оттенках. Более того, коммуникация предполагает это, ибо ни один субъект не может перестать быть самим собой и вселиться в тело и сознание другого.

Поэтому если толковать понимание другого человека как полное совпадение смысловых полей, как абсолютное слияние с субъективными состояниями другого при помощи некоего непосредственного «вчувствования», то можно прийти к выводу, что всякое понимание в действи-

тельности есть непонимание. Другое дело, что подобная трактовка понимания несостоятельна. С целью отличения, с одной стороны, общей структуры смысловых полей, существенной для коммуникации, а с другой — субъективной системы смысловых связей, в которой воплощается эта структура в сознании каждого индивидуального субъекта, А. Н. Леонтьев проводит различие между категориями «значения» и «личностного смысла»¹⁰⁴. Из сказанного не следует, что для меня абсолютно закрыт доступ в систему личностных смыслов другого субъекта, что я не могу в какой-то мере приобщаться к характерному для него способу осмысления системы общих значений. Каждый реальный диалог и выполняет эту задачу, давая возможность как бы посмотреть на мир глазами другого человека, допустить возможность отличной от моей точки зрения. Что касается восприятия предмета в тех же ракурсах, как он дан в настоящее время другому, то достаточно занять ту же пространственную позицию, которую ранее занимал иной субъект. Другое дело, что абсолютное слияние систем личностных смыслов двух субъектов невозможно, поскольку они остаются различными.

Если же мы сталкиваемся с проблемой понимания поведения и речи носителей чужого, абсолютно незнамого нам языка, то дело обстоит, разумеется, сложнее. Мы говорили о существовании в различных языках общих грамматических универсалий. Но нельзя игнорировать и тот важный факт, абсолютизированный Сепиром-Уорфом и Куайном, что многое в грамматических структурах разных языков, действительно, различно¹⁰⁵. Так, например, в арабском языке всего лишь три падежа, в эстонском — пятнадцать, в некоторых языках вообще отсутствует система склонений. Особенно сильно варьируют от языка к языку системы лексических значений. Если признавать общность основных типов объектов, предполагаемых различными языками, то все же приходится считаться с тем фактом, что способы группировки этих объектов в классификационные системы — а именно последние выражаются в лексических единицах данного языка — отличают одну языковую систему от другой и определяются особенностями того вида практики, который характерен для носителей данного языка. «Как показали исследования самых разнообразных языков, спектр «распределяется» различными языками по-разному. Возьмем обозначения цветов: «зеленый», «синий», «голубой»,

«серый», «коричневый». Этой части цветового спектра в уэльском языке соответствуют три слова: «qwyrrdd», «glas», «elwyd». Последнее слово означает ту часть спектра, которая называется русскими словами «коричневый» и «серый», вернее, «темно-серый». Слово «glas» охватывает часть, именуемую по-русски «светло-серый», «синий», «голубой», «зеленый». Слово «qwyrrdd» также относится к той части спектра, которую мы называем «зеленый цвет». . . А в языке одного из негритянских народов, живущих в Либерии, все цвета радуги обозначаются только двумя словами: одно означает цвета, которые художники называют «теплыми» (красный, оранжевый, желтый), другое — «холодные» цвета (голубой, фиолетовый и др.)¹⁰⁶. Поскольку язык непосредственно связан с мышлением и не только служит средством для выражения мыслительных структур, возникших до языка в ходе предметно-практической деятельности, но и впервые создает возможность для появления новых структур мышления, можно предполагать, что различие грамматических и лексических средств свидетельствует о различии в определенных мыслительных схемах (хотя эти различия не касаются основных схем мышления, выражающихся в языковых универсалиях). Можно пойти еще дальше и предположить, что различие языковых структур определяет в известных пределах различие в восприятии. Так, например, представляется возможной гипотеза о том, что живущий в Либерии негритянский народ, о котором шла речь, иначе воспринимает цвета, чем носители современных европейских языков.

Для того чтобы оценить правомерность подобного хода рассуждений, обратим внимание на ряд обстоятельств. Дело в том, что различие грамматического строя двух данных языков само по себе вовсе не предопределяет возможностей передачи с их помощью тех или иных смыслов. Известно, например, что категория определенности-неопределенности очень существенна для романо-германских языков и выражается в них грамматически при помощи определенных и неопределенных артиклей. В русском языке система артиклей отсутствует. Однако категория определенности-неопределенности может быть выражена и в этом языке, только не грамматически, а лексически (через местоимения «этот», «тот» в одном случае, «какой-то», «некоторый» — в другом). Вообще одни и те же смыслы в разных языках выражаются по-разному: в од-

них — грамматически, в других — лексически (явление лексико-грамматической синонимии). Лексика, постоянно обновляясь, является наиболее гибкой и динамичной частью языковой системы и выступает как известного рода «дополнение» грамматики. Поскольку принципиальных препятствий для развития лексики не существует, можно, оставаясь в рамках данной грамматической структуры (наиболее консервативной части языковой системы), вводить в данный язык новые смыслы и типы смыслов. Таким образом, прямо заключать от грамматической структуры языка к характерной для него картине мира и к специфическим для его носителей мыслительным схемам, игнорируя исследование лексических систем, было бы, по крайней мере, опрометчиво. Изучение реальных естественных языков говорит скорее в пользу признания общности их смыслового поля в его основных, существенных чертах.

Что же касается несомненно существующих различий в лексике, а следовательно, различий в определенных классификационных и в некоторых смысловых системах, то вопрос о влиянии этих различий на восприятие мира нуждается в тщательном исследовании. Необходимо во всяком случае иметь в виду, что основные перцептивные структуры складываются еще до овладения языком. Поэтому отсутствие в данном языке слов для наименования тех или иных объектов и их аспектов необязательно означает, что последние совсем не воспринимаются. Несомненно также и то, что язык влияет на смысловые характеристики структур восприятия, хотя характер и степень этого влияния до сих пор изучены совершенно недостаточно¹⁰⁷.

Заметим, наконец, что социально-исторические изменения, реально происходящее сближение культур разных регионов необходимо ведут к пополнению лексики данного языка словами, позволяющими выразить новые системы значений, в результате чего имеет место все большее сближение смысловых полей разных языков.

Однако до тех пор, пока продолжают существовать различия культур и лежащих в их основе типов практической деятельности, продолжают оставаться и определенные различия смысловых полей языковых систем. Все это создает определенные реальные трудности как для перевода, так и для понимания. Трудности эти, правда, не носят какого-то непреодолимого характера и сни-

маются в ходе социального прогресса и культурного взаимодействия. Но на определенном этапе истории они существуют и с ними приходится считаться.

Однозначно определенный перевод с одного языка на другой вообще невозможен. Отдельные элементарные значения одного языка нередко не имеют соответствующих эквивалентов в другом. Однако сочетания, системы значений разных языков могут тем не менее в общем и целом соответствовать друг другу. Если же языки очень далеки друг от друга — в связи с удаленностью разных культур, — то перевод целого ряда значений на данной стадии социально-культурного и языкового развития иногда просто невозможен, но это не исключает такой возможности в будущем. Таким образом, реально существующие трудности перевода носят совсем иной характер, чем это изображает Куайн в теории невозможности радикального перевода, и, главное, не дают оснований для тех философских выводов, которые делает Куайн.

Теперь представим себе, что нам приходится иметь дело с таким разумным существом, физический облик которого, применяемые им способы получения и переработки информации из окружающей среды и тип взаимодействия с миром существенно отличны от человеческого (космический пришелец — любимый персонаж авторов научно-фантастических романов). Можно предположить, что проблема понимания языка этого существа оказалась бы исключительно трудной. Как раз такого рода случай, а вовсе не те, с которыми мы обычно сталкиваемся в этнолингвистических исследованиях, наиболее близок к куайновскому пониманию характера ситуации, в которой оказывается антрополог, изучающий язык незнакомого племени. Однако даже и этот случай полностью не укладывается в куайновскую интерпретацию. Допустим, что система восприятия мира у космического пришельца сформировалась в условиях, существенно отличных от земных, что в окружавшей его среде не было твердых тел, т. е. что среда эта была чем-то вроде жидкости или газа. (Конечно, это допущение в высшей степени гипотетично, если не неправдоподобно. Мы временно принимаем это предположение исключительно в целях своеобразного «мысленного эксперимента».) В этом случае либо у нашего пришельца должны отсутствовать способы восприятия того мира объектов, с которым имеем дело мы, люди, либо же он должен воспринимать эти объекты

как-то по-своему. Однако, если мы наблюдаем, что наш гость из космоса довольно удачно ориентируется в нашем земном мире, следует заключить, что он так или иначе воспринимает нашу систему объектов. Если же вместе с тем исходить из того, что объектная расчлененность мира характеризует определенные системы зависимостей самой действительности, а не просто выражает особенности нашего языка — мы как раз пытались показать необходимость именно такого толкования анализируемых нами фактов, — то приходится прийти к выводу, что непохожее на нас разумное существо воспринимает в условиях Земли принципиально те же типы объектов, что и мы. На этот вывод можно опираться в поисках способов понимания языка космического пришельца. Этот вывод дает основания также думать, что какую-то часть этого языка мы все же сможем перевести. Хотя в отношении языка пришельца в целом это вряд ли возможно: слишком различны выражающиеся в языках способы существования жителей Земли и гостей из космоса. Мы скорее можем рассчитывать на успех в том случае, если будем иметь дело с сообщениями, содержащими научную информацию. Ведь именно при помощи науки получается знание о реальных объектах и их зависимостях безотносительно к тому, включены ли они в какой-то форме на данном историческом этапе в непосредственную практическую деятельность. Недаром именно посредством передачи научных текстов рассчитывают наладить коммуникационную связь с другими разумными цивилизациями (если они существуют!).

Однако, как мы помним, Т. Кун считает, что и в самой науке утверждения о законах, входя в разные «парадигмы», приобретают существенно разный смысл. Поэтому в науке якобы не существует взаимного понимания между представителями разных «парадигм». И если жители Земли, занимающиеся одним и тем же делом — научным исследованием данной области явлений, принимающие в качестве истинных целый ряд утверждений, использующие одни и те же приборы, все же, по мнению Куна, не понимают друг друга полностью, то как же наука может обеспечить понимание между нами и предполагаемыми разумными обитателями далеких миров, непохожих на наш?

Можно ли принять тезис Куна о несоизмеримости различных «парадигм»?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам придется проделать определенную аналитическую работу.

Начнем с констатации того, что существование на разных этапах развития науки различных способов смысловой организации систем знания, воплощенных в разные «парадигмы», кажется довольно правдоподобным. При этом несводимость одной «парадигмы» к другой выражается не только в том, что одни и те же формулы получают в них разный смысл, на чем более всего делает акцент сам Кун. По-видимому, даже если отвлечься от проблемы смысловой интерпретации утверждений, выраженных в символической форме и образующих научные теории, то и в этом случае невозможно осуществить процедуру формального вывода всех утверждений одной теории из утверждений той теории, которая пришла ей на смену и которая, казалось бы, должна полностью вытеснить предыдущую. (Мы имеем в виду достаточно глобальные теории, т. е. близкие к тому, что Кун именует «парадигмой».) Редукция одной теории к другой в большинстве случаев оказывается невозможной не только в содержательном, но и в формальном отношении.

М. Бунге показывает, что даже термодинамика несводима полностью к классической механике, хотя в философской литературе именно на отношение этих двух теорий нередко ссылаются как на яркий пример редукции. «На самом деле, например, не существует строгого вывода второго начала термодинамики. Пока что лишь термодинамика идеального газа — весьма специальный случай — сведена к динамике молекул. Что касается твердых тел, то механика частиц не может объяснить их существование, поскольку фактически частицы являются квантовомеханическими системами и связаны между собой полями, которые чужды механике материальной точки. В свою очередь квантовая механика не переходит в пределе в классическую. Она лишь исправляет некоторые формулы механики частиц, но не имеет отношения к механике сплошных сред, составляющей большую часть классической механики. Наконец, некоторые релятивистские теории вообще не имеют нерелятивистских предельных случаев, тогда как другие имеют их несколько»¹⁰⁸.

Значит ли это, что придерживающиеся разных «парадигм» сообщества ученых живут в «разных мирах» и не могут полноценно общаться друг с другом?

Обратим внимание на то, что сам факт существования «парадигм» вряд ли дает основания для утверждения о полной перестройке способа видения мира при их смене. Конечно, рамки наблюдаемого в научном эксперименте определяются содержанием принятой теории. Но основные структуры восприятия, так же как и интерпретация мира посредством естественного, обыденного языка складываются на донаучном уровне и вряд ли существенно изменяются в результате смены научных теорий. Скорее можно предполагать, что многие смысловые системы, характерные для донаучного знания, в преобразованном виде входят в саму науку и существенно определяют ее содержательную сторону. Таким образом, смена фундаментальных научных теорий, «парадигм» происходит на фоне постоянства определенных слоев знания, воплощенных, по крайней мере, в структурах восприятия и в положениях так называемого здравого смысла, выраженных посредством обыденного языка.

Заметим далее, что в реальной практике научного исследования теория, как правило, прилагается к опыту не непосредственно, а при помощи некоторой другой («интерпретирующей») теории — об этом мы уже говорили ранее. Смена «субстантативных» теорий обычно не совпадает со сменой теорий «интерпретирующих». К тому же, как мы только что отметили, появление новых теорий никогда полностью не вытесняет теорий старых. Реальная многослойность научного знания, существование в нем на каждом данном этапе ряда (а не одной единственной!) систем, изменяющихся различным образом и разными темпами, наконец, «погруженность» научных теорий в обыденное, донаучное знание — все это делает возможным реальное сопоставление, оценку разных «парадигм» при помощи внешних им критериев и лишает оснований тезис о их несоизмеримости.

Существование общего «фона» в отношении разных «парадигм» создает возможность применения к ним общих мерил, стандартов. Это не означает их полной взаимной переводимости, ибо последняя предполагает существование общих систем референтов и общих значений. Но «парадигмы» как раз характеризуются разным содержанием, приданием разной интерпретации одним и тем же формулам, а иногда и разными референтами. Если даже допустить, что между «парадигмами» нет полного разрыва в смысловом отношении, а существует лишь определен-

ное различие — на этом мы остановимся несколько ниже, — то и тогда полная взаимопереводимость разных «парадигм» невозможна. Между прочим, Кун, смягчая под влиянием критики тезис приравнивающей «парадигмы» к «альтернативным мирам», в «Дополнении 1969 года» к своей книге, утверждает, что хотя разные «парадигмы» взаимопереводимы, они все же несоизмеримы¹⁰⁹. В действительности, как мы пытаемся показать, имеет место как раз обратное: «парадигмы» соизмеримы, но не взаимопереводимы.

В последнее время в науковедческих исследованиях большой интерес вызывает так называемый тематический анализ научных теорий, т. е. изучение тех содержательных компонент теоретических конструкций, которые передаются от одного этапа истории научной мысли к другому, связывая между собой различные «парадигмы» и обеспечивая непрерывность развития научного познания. Так, например, понятие силы имеет определенные характеристики, инвариантные по отношению как к аристотелевской, так и к ньютоновской «парадигмам». Тема сохранения (материи, движения, электричества и т. д.) передается от «парадигмы» к «парадигме». Некоторые темы, сопровождающие научную мысль с момента ее зарождения, группируются в отношении парной оппозиции: атомизм — континуализм, холизм — редукционизм и т. д.¹¹⁰ Ясно, что наличие такого рода общих тем было бы невозможно, если бы разные «парадигмы» действительно воплощали «альтернативные миры».

Конечно, возникновение новой «парадигмы» изменяет смысловую интерпретацию ряда научных понятий. Однако вряд ли это изменение следует понимать как полное вытеснение старого смысла. Если мы признаем существование общих тем в истории познания, подобное вытеснение, очевидно, невозможно. К тому же изменение, очевидно, касается не всех понятий. Вообще, отнюдь не любое вхождение того или иного понятия в новый контекст влечет за собой смену значений. В противном случае мы не могли бы общаться и понимать друг друга, поскольку язык предполагает, в частности, порождение таких высказываний, которые не могли быть сделаны ранее. В теории относительности масса в ряде существенных моментов понимается иначе, чем в классической механике. Тем не менее из этого факта вовсе не следует, что две «парадигмы», используя одно и то же слово, опе-

рируют разными понятиями, как утверждает Кун. Что касается системы объектов, к которым относятся эти «парадигмы», то они иногда являются для них общими.

Наконец, нельзя забывать, что новая «парадигма» может быть принята только в том случае, если она, помимо всего прочего, объясняет, почему вытесняемая «парадигма» могла до известных пределов успешно функционировать в общей для них предметной области. А такое объяснение возможно лишь тогда, когда существует какое-то содержательное понимание старой «парадигмы». Последнее же обеспечивается тем, что некоторые смысловые блоки и отдельные смыслы старой «парадигмы» входят, «погружаются» в новую содержательную структуру, выражающую «парадигму» новую. Ошибка Куна обусловлена тем, что он не различает «парадигму» как целостную структуру и входящие в нее отдельные смысловые системы. Для него деструкция «парадигмы» равнозначна полному отбрасыванию всех систем старых значений. В действительности именно вхождение значительной части смысловых систем одной «парадигмы» в ту целостную структуру, которую представляет «парадигма» новая, обеспечивает их представителям возможность взаимного понимания и реального общения на «меж-парадигмальном» уровне. Важно подчеркнуть, что речь идет не о совпадении всех систем значений, которые приписываются одним и тем же терминам и формулам, последнее исключено, поскольку разные «парадигмы» не могут быть полностью переводимы на язык друг друга. Для «меж-парадигмального» понимания и общения достаточно того, чтобы значения, входящие в разные «парадигмы», совпадали в каких-то существенных компонентах. Наличие же общего постоянного «фона» знаний делает возможным сопоставление разных «парадигм» и выбор между ними.

Поэтому ученый, изучающий историю физики, может понять не только ньютоновскую, но и аристотелевскую «парадигму». Для этого вовсе не требуется забыть теорию относительности, квантовую механику и путем некоего мистического «вчувствования» точно схватить тот самый смысл всех понятий, входящих в эти «парадигмы», который придавали им в давно прошедшие времена. Наоборот, именно в свете современных научных теорий историк может увидеть то содержание в старых «парадигмах», которого не знали сами их представители (например, выявить неразличение Ньютоном инертной и тяго-

теющей массе). Психолог, изучающий стадии формирования перцептивных структур, естественно, не может видеть мир так, как его видит маленький ребенок. Исследователь не только описывает внешнее поведение ребенка, но и строит догадки о том, на что примерно может быть похож воспринимаемый ребенком мир. Психолог имеет право формулировать подобные догадки — а они имеют для него немаловажное значение, — потому что перцептивные структуры ребенка, хотя и отличны от соответствующих структур взрослого человека, в то же время не просто отбрасываются в ходе психического развития, а, своеобразно перестраиваясь, входят как компонент в зрелые структуры восприятия. Психиатр, беседующий с психически больным, старается по поведению и речи последнего представить картину его субъективного мира. Успех этих попыток вовсе не предполагает, что врач каким-то образом должен уподобить свое состояние психике больного. Это невозможно до тех пор, пока сам врач остается здоровым человеком, а если он перестает им быть, он больше не может выступать в качестве врача. Дело в том, что отличие здорового от человека с больной психикой не исключает наличия у них общих психических структур и функций. При этом, очевидно, врач не только лучше понимает больного, чем последний первого, но также лучше, чем больной, понимает самого себя.

Таким образом, проблема непрерывности познавательного опыта оказалась сложнее, чем полагал в свое время Кант. В ходе развития познания возникают такие понятийные структуры, которые не могут быть сведены одна к другой, а это значит, что определенные смысловые разрывы и в самом деле имеют место в этом процессе.

Даже обычные естественные языки выражают в чем-то отличные друг от друга системы значений. Поэтому однозначно детерминированной переводимости не существует и в этом случае. Однако в общем и целом перевод с одного естественного языка на другой вполне осуществим, и тем легче, чем ближе культуры носителей этих языков. Объясняется это принципиальной общностью условий жизни и практической деятельности сообществ, использующих обычные национальные языки. Что же касается отношения разных теорий, возникающих в процессе развития научного знания, то там дело обстоит существенно иначе. Новая научная теория, а тем более принципиально новая «парадигма» потому и возникает,

что несет в себе принципиально иное содержание, невыразимое с помощью старых концептуальных средств. Естественно, что в этом случае не может быть полной переводимости. Ее, как мы видели, нет даже там, где делаются специальные попытки выразить одну теорию на языке другой с целью уточнения содержания первой (выражение теории арифметики на языке теории множеств).

Вместе с тем между разными теориями, «парадигмами» существуют отношения непрерывности и преемственности определенных смыслов, имеется общий «фон» знания. Все это исключает возможность приравнивания «парадигм» к абсолютно различным, «альтернативным мирам». Не будучи переводимыми, разные «парадигмы» тем не менее соизмеримы.

Вопрос о преемственности и об изменении значений понятий в ходе развития науки до сего времени остается мало изученным. Между тем именно от того или иного решения этого вопроса во многом зависит понимание содержательной стороны научно-теоретического знания. Во всяком случае нужно признать, что, хотя в развитии концептуальных систем науки существуют определенные разрывы, вряд ли они имеют место в отношении структур восприятия по крайней мере, если речь идет о взрослом человеке. Правда, если считать, что в основе опыта не лежит познавательная установка, что подлинный опыт не характеризуется разделением на субъект и объект, как это делает Сартр, то приходится констатировать, что полные разрывы существуют не только между опытами двух любых субъектов, но и в опыте каждого из них. Субъект постоянно обнаруживает себя в неповторимой «ситуации», считает Сартр, и между отдельными «ситуациями» нет ничего общего. Да и сам субъект каждый раз непохож на себя. Подобная интерпретация может быть принята лишь в том случае, если соглашаться с общей философской и эпистемологической концепцией Сартра. Ее несостоятельность мы выявили во второй главе первого раздела данной работы. Конечно, абстрактно говоря, определенные структуры восприятия — хотя опять-таки не все! — могли бы измениться в том случае, если бы принципиально изменился тип предметной среды, с которой человек имеет дело, или тип его практики, или же набор сенсорных модальностей, присущих его рецепторной системе. В этом случае могли бы возникнуть некоторые разрывы в структурах непосредственного опыта.

Р. Грегори, как мы помним, допускает гипотетическую возможность того, что человек создаст такую сверхсложную искусственную среду, что перед ним возникнет задача по формированию новых способов видения объектов. Если человек не решит эту задачу, он не сможет видеть. Если же он справится с ней успешно, между новым и старым опытом будут существовать разрывы.

Что касается результатов изменения набора модальностей, то об этом можно судить на основании действительных фактов успешных операций по удалению катаракты с глаза, вследствие чего человек прозревает. Восприятие мира раньше формировалось у таких людей на базе тактильной чувствительности. Вместе с тем в систему восприятия бывшего слепого была еще до операции встроена амодальная объективная схема мира. И если слепой довольно уверенно и правильно ориентировался в системе объектов, то появление новой — зрительной — модальности расстраивает сложившуюся систему ориентировки: прозревший первое время не может соотнести зрительную информацию с существующими у него тактильными перцептивными образами, и сложившиеся ранее способы тактильной ориентировки не могут функционировать так успешно, как раньше. Лишь постепенно вырабатываются новые перцептивные структуры, увязывающие зрительную и тактильную информацию. Очевидно, в данном случае имел место разрыв между старым и новым опытом, хотя и здесь он не был полным. Ведь амодальная объективная схема мира остается постоянной, и именно на ее основе происходит становление новой структуры опыта.

Развитие познания, таким образом, характеризуется расширением и углублением содержания знания, появлением новых смысловых систем и выделением новых типов объектов. В ходе этого процесса происходит все более точное и тонкое отображение, воспроизведение характеристик самой объективной реальности, существующей независимо от познания и сознания, т. е. производство объективно-истинного знания. Как мы видим, сложное диалектическое взаимоотношение прерывности и непрерывности, преемственности в развитии познания является одним из способов конкретного выражения диалектики абсолютной, относительной, объективной истины, философский анализ которых в классической форме осуществил В. И. Ленин¹¹¹.

4. «Иные миры» и смена форм объективации знания

Ранее мы отмечали, что большинство видов знания так или иначе объективируется, закрепляется в системе особых предметов-посредников: орудия, инструменты, приборы, знаки языка устного и письменного, научные тексты, схемы, графики, чертежи, рисунки и т. д. Есть и такие виды знания, которые непосредственно существуют не в объективированной, а в субъективной форме, например восприятие. Но и они, как мы пытались показать, генетически и функционально опосредованы созданным человеком миром «искусственных» предметов, воплощающих социально-исторический опыт. Качественные изменения в содержании систем знания вовсе не обязательно должны выражаться в смене предметных средств их объективации — как правило, этого как раз не происходит. Тем не менее в развитии познания существуют такие моменты, когда новые содержательные возможности открываются именно в результате появления принципиально иных средств опредмечивания знания.

Следует заметить, что чтение текста — если под текстом понимать любой способ объективации знания, а под чтением — любую форму его осмысливания субъектом — всегда предполагает различие между воплощенным в нем смысловым содержанием и теми особенностями материала воплощения, которые не имеют смысло-различающей функции. На практике это различие обычно происходит бессознательно, и в результате субъекту непосредственно презентруется смысловое содержание знания, т. е. то, что говорится в тексте о самих реальных объектах. В современной лингвистике проводится четкое различие между значимостью языковой единицы и тем материалом, из которого она построена. Материал разных единиц может меняться при сохранении их значимостей, выражающихся во взаимных отношениях. Когда человек воспринимает чью-либо речь (а этот случай тоже может быть подведен под чтение текста в принятом нами широком понимании) сознанию дано не то, как произносятся звуки, и не сами отдельные звучания, а лишь передаваемое речью содержание. (Конечно, при условии, что всегда существующие вариации в произнесении не выходят за те рамки, когда будет искажаться смысл.) При чтении письменного текста я не замечаю отдельных букв, того, на какой бумаге напечатан текст,

могу пропустить опечатку, ибо сознание в этот момент нацелено на воспроизведение смысловых связей. Если же передо мной стоит задача поиска опечаток, то данный текст воспринимается уже совсем иначе: в ходе корректорской работы я не могу достаточно успешно схватывать опредмеченные в тексте смысловые фразы. Принципиально то же самое имеет место при расшифровке любого смыслового содержания, объективированного в той или иной форме. Так, например, если я воспринимаю произведение живописи, я вижу не холст и красочные мазки, а выраженное с их помощью содержание. Даже чтение фотографии, которая иногда кажется чуть ли не «естественным подобием» реальных объектов, возможно лишь при отвлечении от качества бумаги, от того факта, что изображение существует на плоскости, т. е. в двух измерениях, в то время как реальные объекты трехмерны, что изображение на фотографии неподвижно, между тем как в мире объектов всегда происходят те или иные изменения и т. д.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что само выделение в предметных средствах объективации знаний тех особенностей, которые имеют смыслоразличающую функцию, и отличие их от безразличных к смыслу характеристик не определяются какими-то физическими свойствами этих предметов, непосредственно данными в их телесной форме. Это выделение целиком детерминировано культурой, в рамках которой функционируют данные предметы. Если я не включен в эту культуру, не владею принятыми в ней способами коммуникации, я не в состоянии выявить смысловое содержание, объективированное в предметах-посредниках. Незнакомая речь воспринимается как набор звуков, научный текст, в котором используются неизвестные термины и системы символов, выглядит как совокупность непонятных значков и т. д. Даже произведения живописи, скульптуры, при создании которых ставилась цель изображения действительности такой, какой она обычно нами воспринимается, могут быть верно «прочитаны» лишь в том случае, если мы владем языком искусства, т. е., в частности, учитываем особенности данного стиля, принятые в нем способы изображения и т. д.¹¹²

Однако то обстоятельство, что физические свойства предметов-посредников непосредственно не определяют той функциональной роли, которую они играют в каче-

стве средств объективации знаний, вовсе не означает, что первые совершенно безразличны ко второй. Независимость одного от другого существует лишь в определенных пределах. Необходимость выразить принципиально новое познавательное содержание может в некоторых случаях порождать потребность в иных типах предметов-посредников, таких, физические свойства которых были более адекватны для решения возникшей задачи. Эти посредники создают возможность выражения в знании новой системы объективных смыслов, таких сторон реального мира, которые было трудно схватить и выразить посредством уже сложившихся способов. Открытие новых типов посредников знаменует выход познания на иной содержательный уровень. Такой именно характер имеет, например, переход от языка жестов, непосредственно связанного с предметной деятельностью, к языку звуковому¹¹³, или от устной речи к письменной. (Письменная речь создает новые возможности для воссоздания предмета в его целостности. Без письменности развитие науки, очевидно, невозможно.)

Важно в этой связи подчеркнуть невозможность передачи абсолютно «того же самого» содержания с помощью разных типов объективации знания. То, что словесное оформление содержания восприятия вносит нечто новое в знание, уже отмечалось нами. Обратим здесь внимание на то, что подобное изменение содержания имеет место и тогда, когда речь идет как будто бы о простом копировании. Если художник рисует с натуры, он вынужден учитывать свойства материала, в котором воплощает свое произведение, особенности красок (которые всегда отличаются от цветовых характеристик реального мира), способы искусственного создания такого впечатления, которое в каких-то важных отношениях напоминало бы впечатление, возникающее при обычном восприятии — это важное условие реалистического искусства! — и вместе с тем в чем-то существенном углубляло бы последнее. В обычном восприятии и в произведении живописи мы имеем две разные системы передачи содержания. Поэтому и само содержание не может быть абсолютно тем же самым. Возможности живописи не безразличны к особенностям того материала, который в ней используется как средство объективации содержания. История данного вида искусства — это, между прочим, также и история своеобразного экспериментирования с самим материалом

с целью выявления его изобразительных возможностей, это поиски способов отображения, которые не диктуются в готовом виде простым восприятием изображаемого предмета. Человек, не умеющий рисовать, не может изобразить знакомый предмет на бумаге. Что же касается этого умения, то оно достигается вовсе не в процессе стихийного развития, а является итогом обучения, в ходе которого осуществляется передача определенного культурно-исторического опыта. Последний неодинаков в различных культурных регионах и на разных стадиях художественно-познавательного развития человечества. Возможность «срисовать с натуры» предполагает, таким образом, включение в особую систему предметов-посредников, т. е. умение оперировать с ними по определенным правилам. Поэтому нарисовать такой предмет, способы художественного изображения которого не разработаны в данной культурной традиции, оказывается делом чрезвычайной сложности. Э. Гомбрих убедительно иллюстрирует это положение, привлекая огромный материал из истории живописи¹¹⁴.

Появление новых систем предметов-посредников, таким образом, тоже характеризует возникновение новых познавательных возможностей, в известном смысле «иных миров». Но и в этом случае речь идет не о полном нарушении непрерывности познавательного опыта, не об «альтернативных мирах», якобы абсолютно исключających друг друга и взаимно непроницаемых, а лишь об обогащении опыта качественно новым содержанием, выражающем неизвестные до сих пор стороны объективной действительности.

РЕФЛЕКСИЯ НАД ЗНАНИЕМ И РАЗВИТИЕ ПОЗНАНИЯ

1. Самосознание и рефлексия.

Явное и неявное знание

Непрерывность, единство опыта, с точки зрения Канта, определены и обусловлены трансцендентальным единством апперцепции, т. е. единством самого Трансцендентального Субъекта. Положение «Я мыслю», считает Кант, является высшим основоположением знания. В ходе критического анализа концепции познания немецкого философа мы отметили, что в действительности существует зависимость иного рода. Верно, что знание внешних объектов предполагает самосознание, однако, в свою очередь, последнее предполагает первое. И то и другое — знание и самосознание — обусловлены в конечном счете предметной практической деятельностью субъекта с миром реальных объектов, деятельностью социальной по своему характеру, т. е. включающей отношение данного субъекта к другим субъектам.

Таким образом, в концепции Канта действительным фактам познания дается превратное толкование. Тем не менее приходится признать, что самосознание в самом деле играет особую роль в процессе получения знания. Этот факт заслуживает более тщательного анализа.

Прежде всего отметим, что самосознание — это всегда особого рода знание.

Правда, Кант принципиально разделяет знание и самосознание, подчеркивая, что Трансцендентальный Субъект может лишь сознаться, но не быть предметом знания. Именно попытка мыслить этот Субъект в качестве объекта опыта ведет к одной из антиномий чистого разума, считает Кант. Сартр тоже принципиально разделяет сознание и знание, обращая внимание на то, что сознание вовсе не обязательно имеет дело с миром объектов, в то время как знание необходимо предполагает объект, к которому оно относится. Внешний сознанию, отличный от него и независимый от него мир (мир «в себе») исходным образом не выступает, с точки зрения Сартра, как мир объектов, а поэтому не является и предметом знания. Сознание по

своей природе неререфлексивно и поэтому оно первоначально не знает не только мира внешних ему объектов, но также и самого себя. Однако оно сразу же сознает самого себя в качестве отличного от мира «в себе» (поэтому Сартр именует сознание бытием «Для-себя»). Таким образом, философ разводит самосознание и знание себя (рефлексию).

Обратим внимание на то, что и Кант и Сартр согласны с тем, что в обычных условиях имеет место такое отношение субъекта к самому себе, которое выступает как знание себя. Другое дело, что, с точки зрения этих философов, данное в опыте знание себя индивидуальным эмпирическим субъектом нетождественно схватыванию подлинной глубинной природы этого субъекта (последняя выступает как Трансцендентальный Субъект, по Канту, и как «чистое» сознание, бытие «Для-себя», по Сартру).

Поскольку мы начинаем наш анализ с исследования индивидуальных эмпирических субъектов и их взаимоотношений, постольку констатация того факта, что в обычном самосознании дано определенного рода знание, вряд ли может встретить какие-либо возражения. Позже мы попытаемся объяснить и те факты, которые Кант и Сартр истолковывают как принципиальное различие сознания (самосознания) и знания. Мы отмечали то важное, зафиксированное в современной психологии обстоятельство, что объективная амодальная схема мира, лежащая в основе всех типов и видов восприятия, предполагает также включенную в нее схему тела субъекта. Именно знание положения своего тела в объективной сетке пространственно-временных связей, знание различия между объективными изменениями в реальном мире и сменой субъективных состояний сознания, знание связи той или иной перспективы опыта с объективным положением тела субъекта — все эти разнообразные виды знания включены в «спрессованном» виде в элементарный акт самосознания, тот акт, который, действительно, предполагается любым познавательным процессом¹¹⁵. Без самосознания субъект не в состоянии определить объективного положения дел в мире. Когда имеет место такой специфический и высший вид отражения, как познание, субъект не просто знает нечто, но и сознает, что он это знает, т. е. всегда определенным образом относится к своему знанию и самому себе. В противном случае познание не имело бы места. «Животное непосредственно тождественно со своей

жизнедеятельностью, — подчеркивал К. Маркс. — Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности»¹¹⁶.

Поскольку сказанное верно, то возникает ситуация, которая выглядит довольно-таки парадоксальной и даже кажется невозможной. В самом деле. Если я познаю какой-либо объект, то могу ли я одновременно познавать также и самого себя, познающего, и акт собственного познания? Не ведет ли принятие тезиса о том, что знание объекта предполагает также знание познающего и акта его познания, к неразрешимому логическому парадоксу? И не подобен ли последний парадоксам, возникающим в том случае, когда высказывание в качестве одного из референтов имеет самого себя? (Эти парадоксы наряду с другими были обнаружены в начале нашего века в теории множеств и послужили стимулом для развертывания исследований по основаниям математики.) В самом деле. Мои глаза могут видеть все, что меня окружает. Они видят и отдельные части моего собственного тела. Они видят, как другие субъекты смотрят на те или иные объекты. Но мои глаза принципиально не могут видеть самих себя и процесс собственного видения. (Можно возразить, что глаза видят себя в зеркале. Однако в зеркале находятся не сами глаза, а лишь их отражение. Конечно, зеркальное отражение похоже на мои глаза, и я могу с помощью зеркала представить, как выгляжу я сам, мое лицо и мои глаза для любого постороннего наблюдателя. Однако, когда я смотрю в зеркало, объектом моего опыта являются не сами мои глаза, а лишь их физическое отображение на поверхности определенного тела. Тот факт, что это отражение похоже на то, как мои глаза выглядят для постороннего человека, вовсе не самоочевиден и неизвестен на ранних ступенях развития психики.)

Современный американский философ К. Гендерсон подчеркивает, что познающий субъект не может быть объектом собственного опыта, предметом своего знания. Опыт направлен на мир внешних объектов. Я могу знать состояния и отношения физических предметов. Я знаю и

других людей: как на уровне обыденного знания, так и с помощью специального научного исследования (например, физиологии, психологии, социологии и т. д.). В свою очередь, другой субъект может исследовать меня и в этом случае я буду объектом другого субъекта. Но я не могу знать себя, субъекта, в качестве объекта собственного опыта. В противном случае, считает К. Гендерсон, мы запутались бы в неразрешимом парадоксе, подобном парадоксам теории множеств. Приходится признать, подчеркивает американский философ, что сам субъект, носитель и генератор знания, «выпадает» из той предметной области, к которой относится его знание. В этом нет ничего удивительного, продолжает он свои рассуждения, поскольку данное обстоятельство относится не только к человеку, но вообще ко всем таким системам, в том числе и к искусственно созданным техническим механизмам, которые имеют дело с получением информации из внешней среды. Ведь любая подобная система собирает информацию, относящуюся к объектам, отличным от нее самой. Но она не может получать информацию, относящуюся к самому процессу сбора ею информации! Линзы перископа отображают все, что происходит вокруг. Но они не могут отобразить самих себя¹¹⁷.

Согласимся с Гендерсоном в том, что ситуация, при которой познание мира объектов предполагает также познание субъектом самого себя и процесса собственного познания, выглядит, действительно, довольно-таки парадоксальной¹¹⁸. Вместе с тем мы не можем не считаться с реальным и фундаментальным фактом, состоящим в том, что человеческое познание в самом деле предполагает самосознание. Приводимые американским философом примеры не противоречат этому факту. Дело в том, что искусственные механизмы, производящие сбор информации, не осуществляют процесса познания, не обладают самосознанием, не сознают они и мира объектов. Собранная этими механизмами информация становится фактом познания лишь тогда, когда она усваивается человеком. Перископ подводной лодки сам по себе ничего не видит. Видит пользующийся им человек. Что же касается последнего, то его восприятие внешнего мира предполагает элементарный акт самосознания, в противном случае он ничего не увидит даже с помощью перископа (самосознание, таким образом, относится не к перископу, а к пользующемуся им человеку).

Где же выход из сформулированного парадокса? Наме- тим пока этот выход самым кратким образом, имея в виду в дальнейшем вернуться к анализу этого вопроса. Дело в том, что, хотя самосознание является знанием, это знание — особого рода. До сих пор мы исходили из того, что в знании субъекту представлен мир объектов, которые осознаются в качестве таковых. Это относится и к такому связанному с индивидуальным субъектом виду знания, как восприятие, и к таким объективированным видам знания, как научные теории. Между тем самосознанию не презентирован его объект (не следует смешивать самосознание с рефлексией). Когда я воспринимаю какую-то группу объектов, я вместе с тем сознаю отличие своего сознания от этих объектов, сознаю пространственно-временное положение своего тела и т. д. Однако все эти факты сознания находятся не в его «фокусе», а как бы на «заднем плане», на его «периферии». Непосредственно мое сознание нацелено на внешние объекты, которые являются предметом знания. Мое тело, мое сознание, мой познавательный процесс в этом случае не входят в круг объектов опыта, предметов знания. Таким образом, предполагаемое любым опытом знание о себе, выражающееся в виде самосознания, — это знание особого рода. Его можно было бы несколько условно назвать «неявным знанием» в отличие от знания явного, с которым мы обычно имеем дело. Цель познавательного процесса — получение явного знания. Неявное знание выступает как средство, способ получения явного знания.

Когда я касаюсь рукою предмета, я чувствую сам объект, а не свою руку. Осязательное восприятие говорит о внешнем предмете, а не обо мне. И лишь на «заднем плане» сознания я переживаю акт собственного касания и локализирую воздействие объекта на меня на кончиках своих пальцев. В том случае, если я трогаю предмет не рукой, а палкой, осязательное восприятие опять-таки относится к самому предмету, а не к используемому мною средству — палке. Последняя уже не попадает в «фокус» сознания, а оказывается на его «периферии» и переживается как непосредственное продолжение моего тела. В этом случае ощущение воздействия предмета — мы уже обращали внимание на то, что это не то же самое, что осязательный образ предметов! — переживается мною как локализованное уже не на кончиках моих пальцев, а на конце палки.

2. Обоснование и развитие знания

Поскольку одна из важнейших задач теоретико-познавательного анализа — а может быть, даже и единственная задача, — рассуждали многие философы, состоит в разрешении проблемы обоснования знания, то, очевидно, в ходе этого анализа следует выявить и расчленить все предпосылки знания, в том числе и те, которые связаны с самосознанием. Теоретико-познавательное исследование должно все неявное сделать явным, т. е. осуществить абсолютно полную рефлексия.

Как мы помним, одно из предлагавшихся решений этой проблемы состояло в утверждении о том, что рефлексивное отношение Я к самому себе характеризует высшее основоположение всякого знания. Формулирующее это рефлексивное отношение суждение считалось абсолютно бесспорным и неопровержимым. В этой связи теоретико-познавательная рефлексия над знанием была истолкована как рефлексия Я над самим собой.

Мы пытались раскрыть те тупики, неразрешимые трудности, в которые неизбежно упирается принятие подобной установки в теории познания. В частности, мы стремились показать, что любое знание, и прежде всего знание о положении дел в мире внешних объектов, хотя и предполагает самосознание субъекта, в принципе не может быть сведено к рефлексии субъекта над самим собою. А поскольку знание о внешних объектах никогда не может быть абсолютно бесспорным — в том смысле, что оно принципиально не допускает никаких дальнейших уточнений и исправлений, — сколь бы практически достоверным оно ни было, возникают естественные сомнения в необходимости поиска абсолютных начал и совершенно бесспорных утверждений в качестве основоположений знания.

Эти сомнения усиливаются, когда мы принимаем во внимание опыт современной науки по решению проблемы обоснования тех или иных видов специально-научного знания. Мы уже отмечали, например, невозможность полного сведения теории арифметики к теории множеств или же одной физической теории к другой, так же как невозможность редукции теоретического знания — к совокупности протокольных высказываний, предложений о «чувственных данных» или же к лабораторным операциям. Разные образования знания связаны между собой

не посредством редукции, а иным способом. С этим обстоятельством приходится серьезно считаться при решении проблемы обоснования знания.

Однако все же остается вопрос: а в какой мере возможна абсолютная полнота рефлексии, в какой степени поддаются выявлению, прояснению и расчленению предпосылки знания?

Пытаясь ответить на этот вопрос, вспомним рассуждения Куайна о проблеме радикального перевода. Куайн обращает внимание на то, что язык, на котором мы говорим, дан нам иным образом, чем язык чужой, исследуемый нами. В отношении последнего мы ставим вопрос о соотношении его выражений с реальными объектами и действительными ситуациями, т. е. осуществляем рефлексии над этим языком. Что же касается нашего языка, то он непосредственно презентует нам картину мира, а не собственную структуру. Мы знаем свой язык в том смысле, что умеем им пользоваться для передачи того или иного объективного содержания. Но это неявное знание. Язык для нас неотделим от тех объектных знаний, которые мы получаем с его помощью, и даже как бы «не замечается» нами, находится «на заднем плане» сознания. (Это не исключает возможности рефлексии над собственным языком. Но в этом случае мы вынуждены «расщепить» свой язык на два. Один из них будет объектным, изучаемым языком, т. е. начнет играть уже совсем иную роль, чем это было до сих пор, и выступать уже не как естественно данное сознанию неявное знание, а как совокупность теоретических гипотез, идеализаций и т. д. Второй же язык, с помощью которого мы изучаем первый, сохраняет качества неявного знания.) Допустим, что мы исследуем структуру теории арифметики и пытаемся выявить ее онтологию, т. е. совершаем над этой концептуальной системой акт теоретической рефлексии. В этом случае в качестве средства рефлексии мы используем теорию множеств. В контексте исследования теория множеств не является объектом рефлексии и принимается как нечто знакомое и ясное. Возможна и обратная задача — перевод утверждений теории множеств на язык теории арифметики. Тогда уже сама теория множеств будет объектом рефлексии, а теория арифметики будет приниматься как нечто нерефлектируемое в данном контексте.

И. Лакатос, исследуя историю различных доказательств стереометрической теоремы, касающейся соотно-

шения между числами сторон, вершин и граней многогранника, показал, что нахождение слабых пунктов в рассуждениях, т. е. повышение их строгости, всегда предполагает наличие определенного «обосновывающего» знания. Последнее служит средством самого анализа, т. е. способом осуществления рефлексии над доказательством, и принимается как интуитивно ясный и нерефлектируемый гарант строгости. «При каждой „революции строгости“ анализ доказательства проникал все глубже в доказательства вплоть до „обосновательного слоя“ (foundational layer) хорошо знакомого основного знания (familiar background knowledge), где верховно правила кристально ясная интуиция ... а критика изгонялась»¹¹⁹. Вместе с тем рефлексия над „обосновательным слоем“, т. е. над тем знанием, которое предполагается непосредственно ясным (неявное знание, по нашей терминологии), обнаруживает проблематичность или даже ложность целого ряда его компонентов¹²⁰. «Количество того, что предполагается известным, уменьшается по мере того, как критика знание предполагаемое превращает в знание настоящее»¹²¹.

Рефлексия над «обосновательным слоем» предполагает принятие некоторого другого знания в качестве нерефлектируемого в данном контексте средства анализа.

Таким образом, даже в такой науке, как математика, в которой проблема обоснования знания занимает серьезное место и в которой рефлексия над существующими системами знания играет огромную роль, каждая процедура рефлексивного анализа предполагает некую нерефлектируемую в данном контексте рамку неявного «обосновывающего» знания. Гораздо большую роль неявное знание играет в науках фактуальных, т. е. в тех дисциплинах, которые имеют дело с объяснением эмпирических фактов. Как правило, в этих науках исследовательская деятельность непосредственно направлена на мир реальных внешних объектов, а не на саму теорию. Разработка, развитие теоретической системы и ее приложение к эмпирии — обычно одно неотделимо от другого — выступает для исследователя как выявление объективных связей самой действительности.

Теоретическая концептуальная система не рассматривается в этом случае отдельно от тех знаний о реальных объектах, которые формулируются при ее помощи. Теории в такого рода дисциплинах обычно не формализуются, не-

редко и не аксиоматизируются. Правила обработки эмпирических данных, нормы и стандарты рассуждений, способы выбора значимых проблем не формулируются эксплицитным образом, а задаются вместе с исходными содержательными «парадигмальными» предпосылками теории, т. е. в качестве неявного знания. На важное значение неявного знания в развитии естественнонаучной мысли обратили внимание современные специалисты по истории и теории науки М. Полэни и Т. Кун¹²². Это не означает, что в развитии естественнонаучного знания теоретическая рефлексия не играет никакой роли (хотя названные нами теоретики науки склонны всячески принижать эту роль, и в этом пункте они искажают действительное положение дел).

Следует заметить, что отмеченная особенность рефлексии — диалектическая взаимосвязь рефлектируемого и нерефлектируемого знания — в полной мере проявляется и в отношении тех видов знания, которые существуют в необъективированной форме, т. е. принадлежат индивидуальному субъекту (восприятие, воспоминание и т. д.), а также в отношении самого индивидуального сознания. Как мы подчеркивали, каждый акт индивидуального познания предполагает самосознание, т. е. неявное знание субъекта о себе самом. Можно попытаться превратить это неявное значение в явное, т. е. перевести самосознание в рефлексию. В этом случае субъект анализирует собственные переживания, наблюдает поток своей психической жизни, пытается выяснить характер своего «Я» и т. д. Кажется, что в этом акте рефлексии «Я» просто сливается с самим собой. В действительности дело обстоит не так. Каждый акт рефлексии — это акт осмысления, понимания. Последнее же всегда предполагает определенные средства понимания, некоторую рамку смысловых связей. Вне этой рамки невозможна и рефлексия. Вместе с тем предполагаемая актом рефлексии смысловая рамка не рефлектируется в самом этом акте, а «выпадая» из него, берется в качестве его средства, т. е. неявного знания. Расчлененность потока психической жизни, содержательная определенность всплывающих в сознании образов, пространственно-временная отнесенность воспоминаний — все это дается сознанию в акте индивидуальной рефлексии. Однако сами способы смыслового оформления этой данности не рефлектируются. Поэтому в процессе субъективной рефлексии не возникает вопроса о принципах

альной возможности иных смысловых характеристик психической жизни, т. е. о возможности другого содержания и структуры психической жизни, чем та, которая дана субъекту в процессе самонаблюдения. Выпадает, по крайней мере, частично из акта рефлексии и само «Я», ибо, если оно делает себя объектом собственной рефлексии, то оно же должно и осуществить этот акт в качестве субъекта. А это значит, что «Я» как субъект рефлексии нерелефлексивно, пока мы находимся в границах индивидуального сознания.

Именно это обстоятельство послужило основанием для мнения Канта и Сартра о том, что подлинная природа субъекта не может быть объектом знания, рефлексии, а дается лишь нерелефлексивному сознанию. Л. Витгенштейн рассуждал сходным образом: «5.631. Мыслящего, представляющего субъекта нет. Если я пишу книгу „Мир, как я нахожу“, в ней должно быть также сообщено о моем теле и сказано, какие члены подчиняются моей воле и какие — нет и т. д. Это есть, собственно, метод изоляции субъекта, или, скорее, показа, что в некотором важном смысле субъекта нет, т. е. о нем одном не может идти речь в этой книге. 5.632. Субъект не принадлежит миру, но он есть граница мира. 5.633. Где в мире можно заметить метафизический субъект? Вы говорите, что здесь дело обстоит точно так же, как с глазом и полем зрения. Но в действительности вы сами не видите глаза. И не из чего в поле зрения нельзя заключить, что оно видится глазом... 5.641... Философское Я есть не человек, не человеческое тело или человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница — а не часть мира»¹²³. Английский философ Дж. Райл считает, что факт «систематического ускользания Я» в ходе рефлексивного анализа свидетельствует о фиктивности самого предмета рефлексии, т. е. «Я» как особого образования, не сводящегося к физическим, телесным характеристикам человека¹²⁴.

Значит ли сказанное, что нерелефлексивное, неявное знание вообще не может быть объектом рефлексии, навечно обречено остаться на «периферии» сознания и в принципе не поддается анализу? Вовсе нет. Средство рефлексии, ее смысловая рамка сама может стать предметом рефлексивного анализа, но для этого она должна быть осмыслена с помощью иной смысловой рамки, которая в новом контексте будет оставаться нерелефлексив-

мой. Заметим при этом, что не следует неявное знание понимать в качестве чего-то иррационального или же как некое произвольное допущение, не имеющее отношения к реальной действительности. На самом деле в этого рода знании всегда с определенной степенью точности отражаются объективные зависимости, и в целом ряде случаев практическая и познавательная деятельность не нуждаются в специальном анализе, по крайней мере, некоторых познавательных предпосылок, из которых они исходят. Вместе с тем существуют обстоятельства, когда подобный анализ оказывается необходимым. Как мы уже отмечали, именно так обстоит дело, например, при исследовании оснований математики.

Обратим внимание на следующий важный момент. В том случае, когда неявное знание превращается в явное, т. е. становится объектом рефлексии, оно претерпевает определенные изменения. Теоретическая рефлексия над системой объективированного знания означает его расчленение, формулирование целого ряда допущений и идеализаций и вместе с тем — это особенно важно подчеркнуть! — уточнение самого этого знания, отказ от некоторых неявно принимавшихся предпосылок (именно необходимостью пересмотра ряда предпосылок знания и продиктована сама процедура рефлексии). То, что раньше казалось ясным, интуитивно понятным и простым, в результате рефлексии оказывается достаточно сложным и нередко проблематичным, а иной раз просто ошибочным. Результат рефлексии — это, таким образом, не какие-то простые и самоочевидные истины, не совокупность совершенно бесспорных утверждений, которые выступают как «абсолютное основание» системы знания, к которому могут быть так или иначе сведены разные виды знания. Результат рефлексии — это такая теоретическая система, которая является относительно истинным отражением некоторых реальных зависимостей в определенном контексте и которая вместе с тем предполагает целый ряд допущений, определенное неявное «предпосылочное» знание.

Таким образом, в итоге рефлексии происходит выход за пределы существующей системы знания и порождение нового знания (как явного, так и неявного). То, что первоначально казалось (например, в математике) чисто обосновывающей процедурой, в действительности является своеобразным способом развития самого содержания знания, одним из важных путей разработки теории. В резуль-

тате подобного рода процедуры осуществляется все более точное отражение объективных зависимостей действительности и все более точное воспроизведение структуры и содержания самих научных теорий. То исследование, которое в качестве непосредственной цели имело лишь повышение строгости рассуждения, реально порождает увеличение теоретического содержания в данной научной области. «„Достоверность“ никогда не может быть достигнута (имеется в виду метафизическая абсолютная достоверность. — В. Л.), — пишет И. Лакатос, резюмируя свое исследование истории анализа доказательств стереометрической теоремы, — „основания“ никогда не могут быть обоснованы, но „хитрость разума“ превращает всякое увеличение строгости в увеличение содержания, в цель математики»¹²⁵.

Что же касается наук фактуальных, то там связь процедуры обоснования знания и развития теоретического содержания выступает еще более явно. Мы уже отмечали, что в этих науках проблема обоснования обычно не выступает в качестве самостоятельной. В той мере, в какой существующая система теоретических представлений позволяет решать возникающие в ее рамках научные проблемы и в то же время допускает определенные практические приложения, эта система считается достаточно хорошо обоснованной. Возникновение принципиально новой теоретической системы, принятие новых «парадигмальных» предпосылок исследования обнаруживает, что мнение о хорошей обоснованности старой «парадигмы» было не вполне правильным. В то же время важно подчеркнуть, что новая «парадигма» принимается не в процессе анализа структуры теоретического знания, не в рамках теоретической рефлексии над наукой, а в ходе исследования самих реальных объектов, т. е. в качестве средства более адекватного теоретического воспроизведения реальных зависимостей. Вместе с тем принятие новой «парадигмы» включает в себя процедуру соотнесения ее с «парадигмой» старой. Последняя в этом случае выступает как объект рефлексии. Ее постулаты, понятия, смысловые связи реконструируются и сопоставляются с реальными объектами и действительными связями с целью сохранения из старой «парадигмы» всего того, что имеет объективно-реальное содержание, и элиминации того, что такого содержания не имеет, т. е. оказывается фиктивным. При этом в качестве средства представления реальных

объектов и действительных зависимостей выступает новая «парадигма». Таким образом, теоретическая рефлексия выступает важным моментом перехода от одной «парадигмы» к другой (вопреки мнению М. Полэни и Т. Куна), хотя и не исчерпывает всего содержания этого перехода. Вместе с тем важно заметить, что процесс этой рефлексии по существу означает реконструкцию и исследование старой «парадигмы» «в свете» и посредством парадигмы «новой». Так, теория относительности позволила выявить такие скрытые предпосылки классической механики, которые не были ясны — и не могли быть ясны! — самим ее творцам. В свою очередь Галилей, закладывая основы классической механики, вынужден был подвергать теоретической рефлексии систему предпосылок и допущений аристотелевской физики. Но он мог успешно осуществлять эту задачу лишь постольку, поскольку не оставался в рамках концептуальной системы аристотелевской физики, а выходил за ее пределы. Теоретическая рефлексия — это одновременно и результат выхода за пределы данной концептуальной системы и средство такого выхода. В любом случае, как мы видим, она оказывается неразрывно связанной с развитием содержания теоретического знания.

В этой связи следует обратить внимание на несостоятельность одной трактовки специальной теории относительности. Эта трактовка, получившая распространение благодаря Бриджмену, усматривает все значение специальной теории относительности в рефлексивном анализе первичных понятий физики (вроде понятия «одновременности»). С этой точки зрения Эйнштейн создал не столько физическую теорию, сколько метатеорию, имеющую дело с проблемой смысла физических понятий. Лабораторные операции измерения, о которых говорится в специальной теории относительности, — это якобы и есть абсолютно надежное основание науки, тот фундамент, на котором должна быть построена физика. В действительности же операции измерения, используемые в специальной теории относительности, сами предполагают ряд теоретических допущений, не имеющих операционального характера. Задача данной теории — вовсе не в решении проблемы смысла научных понятий, а в выявлении новых содержательных зависимостей реальной действительности. Рефлексивный анализ, т. е. обсуждение вопросов о характере и смысле понятий физики, действительно, играл важную роль в процессе разработки принципов этой тео-

рии. Но этот анализ неразрывно связан с сопоставлением старой и новой «парадигм»: классической механики и концепции Эйнштейна. К тому же теоретическая рефлексия вовсе не была и не могла быть единственным средством обоснования новой теории.

Таким образом, рефлексия над знанием оказывается неразрывно связанной с развитием его содержания, с выходом за пределы существующей концептуальной системы. (Это не означает вместе с тем, что верно и обратное положение, т. е. что всякое развитие содержания знания выступает в форме рефлексии. Так, например, разработка теоретической системы в рамках данных «парадигмальных» предпосылок явно не может служить примером рефлексии.)

Но если дело обстоит так, то возникает законный вопрос: а имеет ли вообще какой-либо смысл проблема обоснования знания? Ведь в классической философии и науке решение задачи обоснования знания представлялось как нахождение такой совокупности утверждений, которые были бы абсолютно бесспорны, незыблемы и к которым могли бы быть так или иначе сведены все остальные виды и типы знания. Коль скоро такого рода задача не может быть решена — а мы пытались показать, что это именно так, — не следует ли признать, что проблемы обоснования знания вообще не существует? К подобному выводу приходят ныне многие западные специалисты по вопросам обоснования математики, логики, методологии и философии науки, теории и истории естествознания¹²⁶.

Вряд ли можно согласиться с такого рода мнением. В самом деле. В чем смысл самой задачи обоснования знания? По-видимому, в том, чтобы выявить объективную сферу приложимости данной системы знания, отделить то, что действительно является знанием, от того, что напрасно претендует на этот титул. Если же вопрос об основании стоит в общем теоретико-познавательном плане, то речь идет о нахождении общих критериев решения этой задачи, критериев, которые могут применяться к разным случаям, к разнообразным конкретным системам знания. Если считать, что эта задача потеряла всякий смысл, тогда следует принять вывод, что вообще не существует никаких критериев, позволяющих провести границу между знанием и незнанием.

В действительности ход развития познания — это диалектический процесс размежевания знания и незнания и

вместе с тем процесс все более точного определения объективной сферы приложимости существующих систем знания. Обоснование знания прежде всего предполагает его соотнесение с реальными объектами посредством практической предметной деятельности. Вместе с тем не все виды знания могут быть непосредственно включены в практическую деятельность. К тому же сама практика всегда ограничена данным конкретно-историческим уровнем своего развития. Поэтому даже наличие практических приложений данной системы знания вовсе не равнозначно полному обоснованию последней. Процесс практики предполагает развитие самих систем знания. Именно в ходе этого совместного развития связанных между собою предметно-практической и познавательной деятельности совершается процесс обоснования знания. Обоснование, таким образом, должно быть понято не в качестве некоторой совокупности процедур, позволяющих «окончательно», раз и навсегда обеспечить знание «незыблемым фундаментом», а как исторический процесс развития познания, появления новых теоретических систем, отбрасывания некоторых старых представлений, установления новых связей между теориями, переделки старых теорий и т. д. Обосновать данную теоретическую систему — это значит выйти за ее пределы, включить ее в более глубокий синтез, рассмотреть в более широком контексте.

Таким образом, те процедуры, которые исторически рассматривались в философии и науке как способы решения проблемы обоснования, хотя, действительно, имеют определенное отношение к решению этой проблемы, однако в другом смысле, чем это предполагалось. Эти процедуры вовсе не обеспечивают «абсолютного» обоснования, а являются лишь моментами исторического процесса обоснования, совпадающего с развитием самого знания. К реально осуществляемому обоснованию поэтому относятся также и такие моменты научного исследования, которые не рассматривались в классической домарксистской и немарксистской философской и методологической литературе в контексте данной проблемы (например, процесс возникновения новых теорий). Если обоснование знания совпадает с его развитием, а теоретическая рефлексия — это лишь один из моментов последнего, то, значит, реальное обоснование не сводится к рефлексии, а гораздо шире последней¹²⁷.

3. Рефлексия как единство отражения и преобразования ее объекта

Мы уже обращали внимание на то, что в ходе рефлексии осуществляется не только выход за пределы существующей системы знания, но и преобразование последней. Неявные предпосылки, превращаясь в явные, не только выявляются, расчленяются и реконструируются, хотя даже и сама по себе эта процедура меняет характер знания, выступающая объектом рефлексии. Ряд предпосылок уточняется или вообще отбрасывается. Само по себе это обстоятельство вполне понятно. Ведь потребность в рефлексии возникает лишь тогда, когда появляются сомнения в обоснованности исходных предпосылок. Задача теоретического анализа состоит как раз в пересмотре этих предпосылок, а выполнение ее невозможно хотя бы без частичного изменения того, что критически исследуется. Но это значит, что в результате теоретической рефлексии меняется сам ее объект. Остановимся несколько подробнее на этом важном обстоятельстве.

Когда в теоретическом знании воспроизводятся зависимости между реальными объектами, существующими независимо от знания, сплошь и рядом приходится выходить за пределы той или иной концептуальной системы, ставить исследуемые объекты в новые отношения, разрабатывать новые теоретические представления, вводить новые идеализации, строить новые системы абстрактных объектов и т. д. Все эти процессы, характеризующие развитие теоретического знания о реальных объектах, не меняют самих этих объектов, к которым относится знание. Иного рода отношение существует между рефлексией и ее объектом. В результате рефлексии ее объект — система знания — не только ставится в новые отношения, но дорабатывается и перестраивается, т. е. становится иным, чем он был до процесса рефлексии. Процесс исследования оказывается неразрывно связанным с процессом творческой переделки самого изучаемого предмета. Столь необычное отношение между познанием и изменением объекта объясняется тем, что мы имеем в данном случае дело не с таким предметом, который существует независимо от познания и сознания, а с познавательным воспроизведением самого познания и сознания, т. е. с обращением познания на самого себя.

Нужно сказать, что отмеченное нами своеобразное отношение между рефлексией и ее объектом имеет место не только в системах объективированного знания, но и в случае индивидуального сознания. Дело в том, что рефлексия над состоянием сознания, над особенностями конкретного личностного «Я» возникает в контексте — сознаваемой или несознаваемой — задачи перестройки системы сознания и личности. Когда я сознаю себя как «Я» с такими-то особенностями, я не только объективирую, превращаю в относительно устойчивый предмет некоторые до того текущие, и как бы «распыленные» моменты моей психической жизни (и уже этим вношу определенные изменения в жизнь моего сознания). Я также рефлексивно анализирую самого себя в свете того или иного принятого мною идеала личности, выражающего тип отношения к другим людям, т. е. социально опосредующего мое отношение к самому себе. Когда я анализирую себя, пытаюсь дать отчет в своих особенностях, размышляю над своим отношением к жизни, стремлюсь заглянуть в тайники и глубины собственного сознания, я тем самым как бы хочу «обосновать» самого себя, лучше укоренить систему собственных жизненных ориентиров, от чего-то в себе навсегда отказаться, в чем-то еще больше укрепиться. В процессе и в результате рефлексии происходит, таким образом, изменение и развитие моего индивидуального «Я».

Не вытекает ли, однако, из сказанного, что рефлексия просто творит собственный объект и по существу ничего не отражает? Многие современные буржуазные философы, а также ряд западных специалистов по теории науки в той или иной форме склоняются к этому мнению. Согласно отстаиваемому Куайном тезису «онтологической релятивности», как мы помним, нельзя говорить об онтологии данной теории до тех пор, пока мы остаемся в ее рамках: данная теоретическая система будет иметь ту или иную онтологию — при этом разные приписываемые теории онтологии могут быть взаимно исключаящими — в зависимости от того, на язык какой другой системы мы будем ее переводить. Получается так, что произвольно выбранный нами «угол зрения» в процессе рефлексии над теорией определяет ее онтологию и содержание. М. Полэни развивает концепцию, согласно которой всякая попытка подвергнуть теоретической рефлексии принимаемые данным естественнонаучным сообществом в форме неявного

знания нормы и правила теоретического размышления и стандарты научности заведомо обречена на провал, ибо эти нормы и правила якобы в принципе не поддаются рациональному анализу. То, что формулируется в результате такой рефлексии, считает он, — это лишь продукт самой рефлексии, не имеющий никакого отношения к реальным нормам теоретического мышления, навсегда обреченным остаться неявным знанием¹²⁸. Последнее, таким образом, приобретает вполне иррациональный оттенок. Наконец, Сартр подчеркивает, что индивидуальное «Я» — это целиком продукт самой рефлексии. Пытающемуся познать себя сознанию кажется, что оно находит перед собою некий определенный объект в виде «Я». В действительности «Я» не существовало до тех пор, пока не начался процесс рефлексии. Поэтому «Я», с точки зрения Сартра, не выражает подлинной природы сознания.

Для этого чтобы ответить на вопрос, не творит ли целиком рефлексия собственный объект, продолжим начатый нами анализ.

Обратим прежде всего внимание на то, что отнюдь не всякая рефлексия принимается наукой. Если рефлексия неразрывно связана с развитием системы теоретического знания, то лишь тот рефлексивный анализ отвечает поставленной перед ним задаче, который способствует приросту и обогащению знания. Иными словами, теоретическая рефлексия может перестраивать свой объект — систему научного знания лишь в той мере, в какой эта перестройка служит выявлению таких концептуальных структур, которые более точно отражают объективно-реальные процессы, воспроизводимые в научной теории, и в то же время соответствуют объективным нормам развития самого знания. В том случае, если это условие не соблюдено, рефлексия оказывается ложной. Это значит, что рефлексивно воссозданный образ знания и само реальное научное знание могут не соответствовать друг другу. История науки знает немало подобных примеров. Так, осуществленный Э. Махом в конце прошлого столетия анализ теоретических предпосылок и логической структуры классической механики в целом оказался ложным рефлексивным образом и не мог послужить базой для создания новой физической теории. Иногда рефлексивный образ бывает неадекватен в ряде существенных отношений и в то же время схватывает некоторые реальные зависимости знания. Так, например, та рефлексия над основаниями мате-

матики, которая осуществлялась в рамках интуиционизма, во многом способствовала развитию научной мысли и в то же время не могла воссоздать ряд важных положений математической теории, пожертвовать которыми невозможно не выходя за пределы самой математики¹²⁹. Все это говорит о том, что в процессе рефлексии своеобразно сочетается отражение, воспроизведение ее объекта — системы знания — с его критической перестройкой.

Несоответствие рефлексии ее объекту может иметь место и в рамках индивидуального сознания. Образ «Я» не всегда адекватен реальному «Я».

Классическая домарксистская философия и психология исходили из того, что субъект имеет к самому себе особый «внутренний доступ» и знает о себе, о состоянии собственного сознания лучше, чем кто-либо другой. Более того, именно эта индивидуальная субъективная рефлексия считалась совершенным и безошибочным знанием в отличие от знания внешних объектов. Нужно признать, что действительно, я знаю о себе нечто такое, что может быть неизвестно другим. Образы воспоминаний, субъективные ассоциации, возникающие у меня при восприятии какого-либо предмета, — все это мое личное достояние, это то, что непосредственно дается моему сознанию¹³⁰. Правда, многие из моих индивидуальных переживаний обычно объективируются, сопровождаются внешними действиями — движениями тела, мимикой лица, восклицаниями, — и это обстоятельство дает возможность другим людям судить о внутренних состояниях моего сознания. Вместе с тем я могу усилием воли подавить внешнее выражение того или иного переживания — даже такого, как боль. В этом случае лишь я один буду знать об этом переживании.

Вспомним, однако, что рефлексия — это вид познания. Познание же — это не просто пассивное вбирание извне получаемой информации, а установление определенных связей, выделение смысловых зависимостей, деятельность интерпретации. Бессмысленно говорить об ошибках там, где имеет место просто передача информации из одной системы в другую (в этом случае может иметь место лишь потеря или искажение информации, но не ошибки). Лишь там, где появляется познание, возникает возможность ошибок.

Казалось бы, что может быть бесспорнее элементарной констатации, выраженной в утверждении «мне больно»?

Однако обратим внимание на то, что обычно осознание собственной боли связано с определенной локализацией этого переживания, и эта локализация иной раз бывает ошибочной (что знакомо каждому, у кого, например, болели зубы). В понимании того, что «мне больно», заключается не только знание различия между «мною» и «немною», но и определенная смысловая интерпретация самого переживания «больно»: его выделение из других моих переживаний, знание его обусловленности состоянием моего тела, различение моей боли и боли другого субъекта и т. д.

Поток жизни сознания не может существовать в качестве неосмысленного. Если в моем сознании всплывает какой-то образ, я пытаюсь определить его, т. е. выяснить, о чем он говорит, к какому конкретному лицу или событию моей жизни относится. Нередко я ошибаюсь в осмыслении отдельных образов: например, неправильно локалирую в пространстве и времени объект того или иного воспоминания, неверно соотношу данный образ с тем или иным лицом и т. д.

Когда я испытываю какое-то эмоциональное переживание, например, чувство радости, рефлексивное осознание этого переживания неотделимо от самого чувства. И может случиться так, что в действительности я не столь радостен, как это кажется мне самому в акте субъективной рефлексии. (Я кажусь себе радостным потому, что мне по определенным несознаваемым мною мотивам хочется быть таковым.) В этом случае посторонний человек может лучше судить о моем эмоциональном состоянии, чем я сам, хотя, разумеется, и он может ошибаться.

Если же я пытаюсь рефлексивно осознать особенности своей личности, осмыслить свое конкретное «Я» в целом, то возможность ошибки с моей стороны еще больше. Дело в том, что моя личность, мое «Я» не открываются мне полностью в акте индивидуальной рефлексии, а наиболее всесторонне обнаруживаются в моих отношениях с другими людьми и точнее всего могут быть поняты именно последними. Другой субъект, наблюдающий меня извне, может лучше судить о моем «Я», чем я сам. Конечно, в той мере, в какой я учитываю эту оценку меня со стороны других, я могу и сам судить о себе более или менее верно. Если мне присущи психические расстройства, то я с трудом разбираюсь в состояниях моего сознания. Другой человек, врач-психиатр, лучше, чем я сам,

сумеет распутать клубок моих субъективных переживаний.

Важно не упускать из виду и другое обстоятельство. Как мы уже отмечали, рефлексия как особый вид познания предполагает определенную смысловую рамку, которая не рефлектируется в самом данном акте. Поэтому, когда я осмысливаю даже такие свои состояния, которые известны лишь мне, даны только «изнутри», я пользуюсь системой смысловых связей, выходящей за границы моего индивидуального сознания и связывающей меня с другими субъектами. На субъективные состояния своего сознания я как бы смотрю глазами любого другого человека. Это значит, что если бы этот другой «вселился» в мое тело и обладал такой же биографией, как я, занимал бы то же самое пространственно-временное положение, что и я, он рефлексивно осознавал бы те же самые субъективные состояния. Мы уже писали о том, что рамка смысловых связей, предполагаемая субъективной рефлексией, возникает в ходе совместной меж-человеческой деятельности и усваивается каждым индивидом в процессе его развития, в ходе коммуникации с другими людьми при посредстве созданных человеком предметов, несущих в себе опыт социально-культурного развития. Это значит, что рефлексия над самой этой рамкой, и прежде всего рефлексия над таким важнейшим элементом этой рамки, как само рефлектирующее Я, возможна лишь в том случае, когда мы покидаем пределы индивидуального сознания и рассматриваем иную, более широкую и более фундаментальную систему отношений. Речь идет о системе меж-человеческой деятельности, в которой практическое преобразование предметного мира, коммуникация и познание существуют в непосредственном единстве. Именно в процессе этой социальной деятельности вырабатываются нормы познания. Интериоризация эталонов этой деятельности порождает само индивидуальное Я, которое, таким образом, будет оставаться неполностью рефлектируемым до тех пор, пока мы находимся в пределах сознания индивида, и может стать объектом рефлексии только лишь тогда, когда мы исследуем более широкую систему отношений.

Таким образом, именно в коллективных формах деятельности следует искать источник норм и эталонов познания. Непосредственно представляется, что те виды знания, которые существуют в неразрывной связи с субъек-

том (восприятия, образы воспоминаний и т. д.), как бы находятся рядом с знаниями, существующими в объективированной форме и являющимися всеобщим достоянием (знания, опредмеченные в орудиях труда, предметах человеческого обихода, научных приборах, теориях и т. д.). Между тем, как мы пытались показать в первой главе данного раздела, именно исследование объективированных форм знания и производящих их коллективных форм деятельности дает возможность понять познавательные процессы, осуществляемые индивидом.

4. Коллективный субъект, индивидуальный субъект

До сих пор мы обращали внимание на далеко идущее сходство объективированных видов знания и тех знаний, которые неотделимы от индивидуального субъекта. И в том и в другом случае наряду с явным знанием существует знание неявное, которое переводится в явное лишь в результате рефлексии. Что касается последней, то и рефлексия над объективированным знанием (условно назовем ее объективной), и рефлексия над знаниями, неотделимыми от индивидуального субъекта (назовем ее субъективной), обнаруживают в принципе одинаковое отношение к своему объекту.

Называя рефлексия «объективной», мы имеем в виду лишь тот факт, что она относится к объективированным формам знания, и при этом отвлекаемся от вопроса о том, насколько адекватно она воспроизводит свой объект. Объективная рефлексия может не соответствовать предмету и в этом смысле быть субъективной по содержанию. Субъективная по форме рефлексия тоже может быть как объективной, так и субъективной по содержанию. Таким образом, принятое нами наименование рефлексии в качестве «объективной» или «субъективной» касается лишь формы их осуществления, а не их содержания.

Отметим, что в целом ряде важных моментов объективированное знание непохоже на то знание, которое присуще индивиду. Если индивидуальный субъект обладает каким-то неявным знанием (например, знанием языка, на котором он говорит, знанием своего Я и т. д.), то он, хотя и не владеет этим знанием в расчлененной и отрефлексированной форме, все же так или иначе сознает его. Что же касается объективированного знания, то в нем могут существовать и такие элементы, которые в настоящий момент

не сознаются ни одним индивидуальным субъектом. В самом деле. Допустим, что какой-то ученый выявил до сих пор неизвестные науке зависимости и написал об этом статью. Статья была принята и опубликована в научном журнале. Ее прочитало несколько десятков человек, специалистов в данной области. Однако никакого воздействия на дальнейший ход исследований статья не оказала и вскоре была забыта. Прошло около столетия. За это время умерли и автор статьи, и те немногие люди — редакторы и читатели, которые в свое время знали ее содержание. Сейчас ни один человек не только не знает того, о чем написана статья, но даже не догадывается о самом факте ее существования. Означает ли это, что объективированное в статье знание вообще не существует? Вряд ли мы решимся на такое утверждение. Ведь статья не исчезла. В комплекте старых журналов она покоится на полках библиотек и только временно не включена в актуальный познавательный процесс. Однако вполне возможно, что исследователь истории науки обнаружит ее, прочтет и придет к выводу, что ее идеи исключительно актуальны. И тогда опредмеченное в статье знание начинает вторую жизнь: оно станет предметом обсуждений, споров, на него начнут ссылаться в научной периодике, ученые будут размышлять над выраженными в ней идеями.

Рассмотрим другой пример. Допустим, что в данный момент времени никто из людей не думает над содержанием теории Ньютона. Означает ли это, что в данный момент знание, объективированное в этой теории, не существует и что оно вновь начнет существовать лишь тогда, когда кто-либо подумает об этой теории? С подобным утверждением согласиться трудно.

Обратим внимание также и на то, что, как правило, в любом объективированном знании имеется такое содержание, которое в данное время неизвестно никому из тех, кто пользуется этим знанием. Это содержание может не осознаваться и тем, кто произвел это объективированное знание — творцом научной теории, автором художественного произведения. Выявляется это содержание лишь в ходе исторического развития познания. Так, например, термодинамика и атомно-молекулярная теория разрабатывались первоначально независимо друг от друга. Но это не значит, что пока связи между этими теориями не были выявлены и осознаны, эти связи объективно не сущест-

вовали. Далее, когда Кантор формулировал свою теорию множеств, он еще не знал присущих ей парадоксов, хотя в самом содержании этой теории они уже существовали. В. И. Ленин, анализируя художественные произведения Л. Н. Толстого, показал, что они являются «зеркалом русской революции», хотя ни сам великий писатель, ни его многочисленные читатели не осознавали до появления ленинских работ этой исключительно важной стороны содержания произведений классика русской литературы. Важно при этом подчеркнуть, что, когда речь идет об осознании того содержания, которое присуще объективированному знанию, имеет место не привнесение субъективных взглядов, а выявление тех связей, которые объективно имеются в данном знании, но до сих пор не признавались.

Это относится и к процедуре так называемой интерпретации текстов: научных, философских, литературных и т. д. Конечно, всякая такая интерпретация неизбежно имеет определенный элемент субъективности. Однако она лишь в той мере может претендовать на истолкование текста, в какой раскрывает содержание, действительно присущее этому тексту, а не просто вносит в последний то, чего в нем нет и быть не может.

Заметим, что необходимость разграничения того, что хотел сказать автор той или иной системы идей, и объективного содержания последней — одна из принципиальных установок марксистско-ленинской философии при изучении не только науки, но и других явлений общественного сознания и культуры.

Таким образом, определенные элементы объективированного знания могут не признаваться в данный момент времени никем из индивидуальных субъектов, составляющих общество.

Обратим внимание еще на одно существенное обстоятельство. Знание, неотделимое от индивидуального субъекта, дано последнему в качестве непосредственно совпадающего со своим объектом (если оно не совпадает с последним, то это не знание, а лишь иллюзия). Иными словами, этого рода знание субъективно выступает как нечто статичное и завершенное. Между тем то объективированное знание, которое порождается в результате научного исследования, в принципе не закончено. Научное знание обязательно предполагает наличие ряда проблем, «белых пятен», т. е. включает в само свое понятие необ-

ходимость дальнейшей исследовательской деятельности, связанной с выдвижением и обсуждением новых гипотез, их оценкой по определенным стандартам и т. д. Это, в свою очередь, возможно лишь при существовании разделения исследовательного труда и организации специальной системы научных коммуникаций: журнальных публикаций, диспутов и иных форм общения исследователей. Если знание, неотделимое от индивидуального субъекта, непосредственно выступает как обращенное к нему лично, то объективированное знание явным образом включает адресованность всем субъектам, занимающимся изучением данных проблем. Иными словами, способы обращения с объективированным знанием носят непосредственно коллективный характер. Поэтому исследование научного знания и связанного с ним познания невозможно без анализа систем коммуникации, функционирующих в особом рода коллективах — научных сообществах. К такому выводу все больше склоняется современное науковедение¹³¹.

Но не вытекает ли из сказанного, что объективированное знание — это знание бессубъектное, т. е. что оно существует независимо от какого-либо субъекта и должно быть понятно без отношения к последнему? Именно к такому выводу склоняется один из крупнейших современных буржуазных философов и методологов науки К. Р. Поппер.

Рассмотрим его аргументацию по этому вопросу более подробно¹³².

Поппер резко разграничивает «субъективное знание», т. е. знание, неразрывно связанное с индивидуальным субъектом, и «объективное знание». Под последним понимается содержание журналов, книг, библиотек. Это содержание выражается в виде теоретических систем, проблем и проблемных ситуаций, критических аргументов, а также определенных «состояний дискуссии».

Подчеркивая независимость содержания, о котором идет речь, от субъективных мнений и взглядов, Поппер включает его в особую сферу действительности — «третий мир», мир объективного духа (к этому миру он относит также содержание художественной литературы и произведений искусства). «Третий мир», согласно Попперу, существует наряду с «первым миром» — миром реальных физических предметов и «вторым миром» — миром индивидуальных сознаний.

Конечно, «третий мир» — это продукт человека, признает английский философ. Но, будучи созданным человеком, он, этот мир, стал автономным и самостоятельным. Во всяком случае невозможно понять характеристики и логику развития «третьего мира», исходя из анализа индивидуального человеческого сознания. Более плодотворен, по мнению Поппера, обратный путь: многие важные особенности индивидуального сознания можно верно понять, если учесть, что оно постоянно взаимодействует с независимым от него миром объективного духа.

Для того чтобы нагляднее представить независимость «третьего мира» от человека и его сознания, философ предлагает читателю проделать следующие мысленные эксперименты.

Допустим, что в результате какой-то катастрофы погибли все машины и орудия, и одновременно потеряно субъективное знание того, как с ними нужно обращаться. Однако сохранились библиотеки, и люди не разучились читать книги. В этом случае по истечении некоторого, исторически необходимого промежутка времени будет восстановлен мир культуры и техники и связанный с ним специфически-человеческий образ жизни.

Представим теперь, что не только разрушены машины и орудия, что не только исчезло субъективное знание того, как обращаться с последними, но погибли также библиотеки и хранящееся в них объективное знание (хотя, возможно, люди не разучились читать книги). На этот раз могут пройти миллионы лет прежде, чем будет восстановлена человеческая цивилизация¹³³.

Независимость «третьего мира», согласно Попперу, выражается не только в том, что человек может не сознавать те или иные его фрагменты. Хотя обычно то, что относится к царству объективного духа, создается человеком, в принципе существует возможность порождения элементов этого мира не человеком, а, например, автоматом, считает Поппер. Целая серия книг логарифмов может быть целиком создана и отпечатана компьютером, причем логарифмы в этих книгах могут быть вычислены точнее, чем в других книгах, написанных человеком. Созданные автоматом книги могут пролежать в библиотеке многие годы и не быть прочитаны никем из людей. Тем не менее в этих книгах, о которых не знает и никогда не знал ни один субъект, безусловно содержится объективное знание¹³⁴.

Правда, признает Поппер, для того чтобы значки, содержащиеся на страницах книг, можно было рассматривать в качестве носителей «объективного знания», книги должны обладать особой характеристикой — возможностью быть прочитанными и понятыми. Однако, считает он, эта возможность вовсе не обязательно должна быть реализована. Не исключен такой вариант, когда книги будут прочитаны иными, не человеческими существами. (Допустим, что человечество погибло, но библиотеки сохранились. Пришельцы из космоса могут обнаружить наши книги, расшифровать и прочитать их.)

Поппер считает весьма плодотворным биологический подход при изучении «третьего мира». Биолог, исследующий поведение животных, должен учитывать тот факт, что последние создают некоторые жизненно важные для них «неживые структуры». Паук тклет паутину, птицы выют гнезда, пчелы строят соты, бобры возводят плотины, олени прокладывают в лесу тропы к водопою и т. д. Хотя «неживые структуры» созданы животными, возникнув, эти структуры существуют вполне объективно, независимо от своих создателей. При исследовании этих структур имеется два рода проблем, считает Поппер. Проблемы первого рода касаются способов их производства, отношения животных к их продуктам. Проблемы второго рода относятся к характеристикам самих структур: химическому составу материалов, из которых они сделаны, их геометрическим и физическим особенностям, их связи с условиями среды и т. д. При анализе этих проблем мы не можем обойтись без изучения структур с точки зрения их биологических функций. Поппер считает, что именно проблемы второго рода наиболее фундаментальны, ибо из знания самих объективных структур можно делать выводы о возможных способах их производства.

Этот же принцип, согласно Попперу, применим и к изучению продуктов человеческой деятельности: домов, орудий, произведений искусства. Особо значимым такой подход оказывается при исследовании науки. Изучение объективных продуктов научной деятельности (теорий, научных аргументов и т. д.), с точки зрения Поппера, гораздо важнее исследования методов их производства. «Мы гораздо больше можем узнать об эвристике, методологии и даже психологии исследования, изучая теории и аргументы, выдвигаемые за и против них, чем при непосредственном бихевиоральном, психологическом или со-

циологическом подходе»¹³⁵. Подчеркивая этот антибиохевиористский и антипсихологический тезис, Поппер утверждает, что подлинная научная эпистемология должна иметь дело не с анализом субъекта, его сознания и его познавательной деятельности — как это традиционно было принято в западной философии, — а с исследованием «третьего мира», прежде всего содержания научных теорий, проблем, научных аргументов и т. д. Это будет «эпистемология без познающего субъекта».

Поппер безусловно прав, обращая внимание на то, что отдельные фрагменты объективированного знания могут не сознаться в данный момент ни одним индивидуальным субъектом, что законы развития этого знания не сводятся к законам индивидуального сознания, что само индивидуальное познание должно быть понято как «подключенное» к миру объективированного знания. Об этих важных особенностях познания мы уже говорили. Во многом справедлива и критика Поппером традиционной постановки проблем теории познания в буржуазной философии.

Но следует ли из всего этого, что мир объективированного знания должен и может быть понят безотносительно к субъекту?

Для подобного вывода нет никаких оснований. Дело в том, что хотя объективированное знание и создаваемое знание, т. е. знание, присущее тому или иному индивидуальному субъекту, — не одно и то же, между тем и другим знанием существуют очень тесные связи.

Прежде всего отметим, что творцом объективированного знания может быть лишь человек, конкретный индивидуальный субъект. А это значит, что, по крайней мере, в момент своего возникновения любое объективированное знание должно в какой-то степени осознаваться, т. е. быть достоянием субъекта. Возможность создания компьютером отдельных фрагментов объективированного знания, о котором говорит Поппер, вовсе не противоречит сказанному. Ведь результаты деятельности компьютера лишь до тех пор могут рассматриваться как знание, пока за машиной стоит человек, задающий ей программу и способный интерпретировать произведенный ею продукт. Для самого компьютера никакого знания не существует.

Тем более знание не может существовать «в себе», совершенно безотносительно к его использованию в познавательной деятельности конкретных людей. Конечно,

это использование может быть лишь возможным. Однако важно, чтобы эта возможность сохранялась. Последнее обеспечивается тем, что продукт, в котором объективировано знание, даже в том случае, если он не входит в актуально совершаемый познавательный процесс, остается включенным в такие социально-культурные связи, которые делают возможным в любой момент времени использование его в деятельности конкретных субъектов. А это значит, что даже те фрагменты объективированного знания, которые в данный момент не сознаются, сохраняют тем не менее тесную связь с тем, что создается и используется в актуальной деятельности. Если связь между фрагментами знания, включенными в познавательный процесс и не включенными в него, прерывается, то последние вообще перестают быть каким-либо знанием.

Допустим, что данная цивилизация погибла и никто не знает языка, на котором говорили ее представители. Хотя сохранились книги, написанные на этом исчезнувшем языке, никто не в состоянии расшифровать их, т. е. утеряна связь между погибшей культурой и актуально совершающимся социально-культурным, в частности, познавательным процессом. А это значит, что сохранившиеся книги не содержат более никакого знания. Собственно говоря, это уже даже не книги, а просто некоторые предметы со странными черточками.

Познание совершается реальными людьми, конкретными индивидуальными субъектами. Знание в субъективной или же в объективированной форме существует лишь постольку, поскольку прямо или опосредованно соотносится с этой деятельностью. Вместе с тем саму познавательную деятельность следует рассматривать в социально-историческом измерении: как деятельность связанных друг с другом субъектов — прошлых, настоящих и будущих. Поэтому, если какие-то фрагменты объективированного знания в данный момент времени не сознаются ни одним из существующих субъектов, то это не значит, что эти фрагменты вообще целиком находятся вне сознания субъектов, ибо последние могут относиться как к субъектам прошлого, так и будущего (во всяком случае отношение к прошлому обязательно, ибо лишь человек может производить знание).

Социально-исторический характер познавательного процесса, его коллективность выражаются не только в том, что этот процесс осуществляется множеством взаи-

модействующих между собой индивидов. Само это взаимодействие предполагает существование особых, специфических законов коллективного процесса развития знания, законов, отличных от тех, которые характеризуют индивидуальное познание. Таким образом, носителем коллективного познавательного процесса не является индивидуальный субъект, так же как и простая совокупность последних. Этим носителем можно считать коллективного субъекта, понимая под ним социальную систему, несводимую к конгломерату составляющих ее людей. Заметим, что существует множество коллективных субъектов познания, связанных между собой определенными отношениями. Так, например, изучение функционирования той или иной «парадигмы» теоретического знания предполагает анализ некоторого сообщества; последнее в этом случае выступает в качестве коллективного субъекта определенного вида познавательной деятельности. Разные «парадигмы», очевидно, определяют различных относящихся к ним коллективных субъектов. Вместе с тем «парадигмы» включены в общий процесс развития научного знания, для которого характерны общие стандарты и нормы. А это значит, что данное научное сообщество является подсистемой более обширной системы: сообщества всех специалистов в данной области знания и сообщества всех людей, занимающихся научной деятельностью. Ученый использует в своей деятельности тот или иной национальный язык. Но это значит, что он включен в общество всех тех, кто говорит на данном языке. Это общество, в которое, очевидно, входят и те, кто не занимается наукой, тоже является определенным коллективным субъектом познания. Функционирование и развитие знания определяется процессами в более широкой социальной системе, чем сообщество ученых. Общественные науки непосредственно связаны с социальным положением, интересами и практической деятельностью определенных социальных классов. Это значит, что именно последние выступают в качестве коллективных субъектов познания социальных процессов. При этом тип социальной практики, характерной для того или иного класса, определяет горизонт познавательных возможностей, открывающихся перед его представителями. Как известно, марксистская теория общества, выражающая интересы пролетариата, впервые ставит исследование социальных процессов на научные основы. Человек, не занимающийся наукой, тоже

осуществляет процесс познания и, следовательно, тоже подключен к различным коллективным субъектам.

Вместе с тем, принимая во внимание не только разнообразие, но и единство социально-исторического процесса развития познания, общество в целом следует тоже рассматривать в качестве коллективного субъекта, включающего множество как коллективных, так и индивидуальных субъектов. Именно наличие определенных связей между разными коллективными субъектами обеспечивает единство познавательного процесса. Различие этих субъектов ответственно за разное понимание того, что следует считать познанием¹³⁶.

Полный разрыв связей между коллективными субъектами привел бы к распаду познания как единого процесса, осуществляемого человечеством. В этом случае общество в целом перестало бы быть субъектом познавательной деятельности.

Каждый индивидуальный субъект включен одновременно в разные коллективные субъекты. Различные системы познавательной деятельности, со своими стандартами и нормами, интегрируются в индивида в некоторую целостность. Существование последней является необходимым условием единства Я. Разрыв связей между различными коллективными субъектами или же невозможность интеграции в рамках данного индивида тех систем познавательной деятельности, которые относятся к разным коллективным субъектам, привели бы к распаду индивидуального субъекта.

Таким образом, в марксистско-ленинской философии подчеркивается, что познание может быть правильно понято лишь в том случае, если оно рассматривается в связи с формами жизнедеятельности конкретно-исторических субъектов, на основе исследования предметно-практической и коммуникационной деятельности коллективных и индивидуальных субъектов. «Если рассматривать отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного* субъекта (= *жизнь человека*) в объективной обстановке»¹³⁷, — подчеркивал В. И. Ленин.

Индивидуальный субъект, его сознание и познание должны быть поняты, учитывая их включенность в различные системы коллективной практической и познавательной деятельности. Но это не означает, что индивидуальный субъект каким-то образом растворяется в коллек-

тивном. Во-первых, сам коллективный субъект не существует вне конкретных людей, реальных индивидов, взаимодействующих между собой по специфическим законам коллективной деятельности. Коллективный субъект нельзя уподоблять индивидуальному. Первый не является особой личностью, не обладает собственным Я и не совершает актов познания, отличных от тех, которые осуществляют входящие в него индивиды. Во-вторых, познание, неотделимое от индивидуального субъекта, хотя и тесно связано с обьективированными системами знания и в конечном счете определяется последними, непосредственно с ними не совпадает. Индивидуальные особенности моего восприятия, мои воспоминания, мои субъективные ассоциации относятся к знанию, важному лично для меня и доступному только мне. Они не входят в систему обьективированного знания, являющегося достоянием всех индивидов и включенного в структуру коллективного субъекта. А это значит, что знания, присущие индивидуальному и коллективному субъекту, не совпадают полностью и не растворяются друг в друге, а взаимно предполагают друг друга.

Как мы помним, Кант, Фихте, Гуссерль выделяют наряду с индивидуальным еще одного субъекта — Трансцендентального. Последний выражает внутреннюю общность между различными эмпирическими индивидами и в этом отношении может показаться похожим на коллективного субъекта. Действительно, определенные подходы к идее коллективного субъекта содержатся в концепциях названных философов. Но это только подходы, и они могут быть обнаружены лишь после того, как сформировалось марксистское учение о социально-историческом характере процесса познания. Непосредственно же Трансцендентальный Субъект в понимании философского трансцендентализма принципиально отличен от коллективного субъекта как конкретной социально-исторической общности. В самом деле. Трансцендентальный Субъект, как считают трансценденталисты, — это особая личность, сверх-индивидуальное Я. Вместе с тем он сверх-эмпиричен и существует вне времени и пространства. Между тем, хотя коллективный субъект отличен от индивидуального, он вполне эмпиричен и имеет определенные пространственно-временные границы. Трансцендентальный Субъект доступен лишь «изнутри», со стороны индивидуального сознания и по существу является глубинным

слоем последнего. Что же касается коллективного субъекта, то хотя его нет вне системы взаимодействующих индивидов, он вместе с тем существует в известном смысле вне каждого отдельного индивидуального субъекта. Коллективный субъект выявляет себя и законы своего функционирования не столько через внутренние структуры сознания индивида, сколько через внешнюю предметно-практическую деятельность и коллективную познавательную деятельность с системами объективированного знания. Наконец, коллективный субъект не единствен. Множество таких субъектов изменяется: одни коллективные субъекты и присущие им формы деятельности возникают, другие отмирают. Отношения между разными коллективными субъектами могут быть достаточно сложными¹³⁸.

В связи со сказанным предпримем анализ тезиса Поппера о важности «биологического подхода» к изучению отношения человека и «третьего мира», и о том, что анализ структуры продуктов научной деятельности определяет исследование способов их производства.

Принципиальная ошибка английского философа состоит в непонимании того важного обстоятельства, что создаваемые людьми предметы «второй природы», т. е. предметы, воплощающие специфическое социально-культурное содержание, начиная от орудий труда и домов и кончая научными теориями, в корне отличны от тех изменений во внешней среде, которые производят животные, ибо практическая предметная деятельность человека социальна по своему характеру и предполагает использование орудий труда и коммуникативную связь индивидуальных субъектов друг с другом. Особенности этой деятельности определяет и ее саморазвитие, постоянный выход за установившиеся пределы. Применение «биологического подхода» при ее изучении не дает абсолютно ничего. «Практическое созидание *предметного мира*, *переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу, — подчеркивает К. Маркс. — Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т. д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне,

тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только соответственно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты»¹³⁹.

Конечно, книги и другие созданные людьми предметы, в которых опредмечены знания, существуют объективно. Если их рассматривать с точки зрения химического состава материала, их физической структуры и геометрической формы, то они в принципиальном отношении не отличаются от природных объектов, в том числе от тех «неживых структур», которые созданы животными. В качестве носителей знания они существуют лишь до тех пор, пока включены в человеческую познавательную деятельность. Вне последней эти предметы вообще не имеют структуры, если речь идет не о химической и физической структурах, а о структуре объективированного в них знания. Понять книгу — это значит воспроизвести определенную структуру познавательной деятельности. Усвоить опредмеченную в книге теорию — означает принять необходимость дальнейшей деятельности в данной области, и притом деятельности определенным способом, ибо научная теория — это не столько готовое знание, сколько деятельность по решению проблемы. Если определенная познавательная деятельность расшифрована неадекватно, то мы не можем считать, что обладаем данным знанием.

Допустим, что книга прочитана не людьми, а какими-то пришельцами из космоса, не человеческими разумными существами (пример, обсуждаемый Поппером). Последние смогут овладеть опредмеченным в книге знанием лишь в том случае, если расшифруют ее язык, т. е. только тогда, когда смогут воспроизвести социально-культурную коммуникационную и познавательную систему

связей, в которые книга была когда-то включена. А это возможно в той мере, в какой космические пришельцы уподобят себя человеческим субъектам, как бы приобщаются к реальным особенностям человеческой познавательной деятельности.

Познание и знание существуют лишь до тех пор, пока поддерживается особого рода деятельность коллективного субъекта, а значит, и деятельность включенных в последний индивидуальных субъектов.

Если элементарное восприятие предполагает не только отнесение к внешнему объекту, но и самосознание индивидуального субъекта, то научная деятельность возможна лишь тогда, когда имеет место не только движение познания по изучаемым объектам, но и сознание (оно necessarily выступает в виде рефлексии, т. е. явного знания) присущих коллективному субъекту способов и норм познавательной деятельности, стандартов оценки ее результатов. Ибо лишь при посредстве последних может быть задано само проблемное поле исследования.

«Эпистемология без познающего субъекта» оказывается невозможной.

Гораздо точнее и глубже Поппера вопрос о роли объективированных систем знания в развитии познания, так же как и все другие вопросы, связанные с пониманием познавательного отношения субъекта и объекта, обсуждались величайшим представителем немецкой классической идеалистической философии Г. Ф. В. Гегелем¹⁴⁰. Гегель из всех домарксистских и немарксистских философов наиболее близко подошел к пониманию многих существенных особенностей анализируемой нами проблемы и вместе с тем сильно мистифицировал ее.

Гегель подчеркивает, что индивидуальное сознание и самосознание не могут быть поняты из самих себя. Хотя каждому индивиду дано в виде непосредственной достоверности его Я и единство самосознания, последнее в действительности опосредовано отношением индивида к другим единичным субъектам. Единичное самосознание признает в других самосознаниях нечто отличное, и вместе с тем внутренне тождественное себе самому. Лишь через отношение к другим индивидуальный субъект существует для себя как Я. «Каждое для другого есть средний термин, через который каждое с самим собой опосредствуется и смыкается, и каждое оказывается для себя и для другого непосредственной для себя сущей сущ-

ностью, которая в то же время есть таким образом для себя только благодаря этому опосредствованию. Они признают себя признающими друг друга»¹⁴¹.

«Субстанция» индивида, его «неорганическая природа» — это формы объективного духа, т. е. по существу коллективные способы деятельности, опредмеченные произведения человеческой культуры. Усваивая последние, включаясь в эти формы деятельности — объективный дух существует лишь постольку, поскольку он является деятельностью, — индивид становится субъектом¹⁴².

Рефлексия предполагает выход за пределы индивидуального сознания: признание себя в других составляющих общество индивидах и вместе с тем объективацию человека в предметах творимого им мира культуры.

Но рефлексия — это не просто отношение к индивидуальному Я. Сущность рефлексии, по Гегелю, состоит в познании самого объективного духа. Последнее же осуществляется в процессе диалектического развития знания. Это развитие и есть обоснование знания, его рефлексирование и углубление в себя. Подлинное основание существует не в начале, а в конце и результате развития. Движение вперед, развитие содержания объективного знания — это одновременно движение назад, обнаружение подлинной скрытой основы своего процесса.

«...Сознание есть, с одной стороны, осознание предмета, а с другой стороны, осознание самого себя: сознание того, что для него есть истинное, и сознание своего знания об этом»¹⁴³. Предмет кажется сознанию лишь таким, каким оно его знает. Сознание сравнивает свое знание о предмете с самим предметом. «Если в этом сравнении одно не соответствует другому, то, по-видимому, сознание должно изменить свое знание, дабы оно согласовалось с предметом; но с изменением знания для него фактически изменяется и сам предмет, так как наличное знание по существу было знанием о предмете; вместе с знанием и предмет становится иным, ибо он по существу принадлежал этому знанию»¹⁴⁴. Сознание выясняет, что то, что прежде выступало как в-себе-бытие, т. е. как независимое от данного сознания, в действительности является лишь бытием для этого сознания. Вместе с тем меняются не только сознание и его предмет, но и сами стандарты и критерии проверки соответствия знания его предмету. «... Изменяется критерий проверки, раз то, для чего он предназначался быть критерием, не выдерживает про-

верки; и проверка есть проверка не только знания, но и своего критерия»¹⁴⁵.

Гегель подчеркивает, что новый предмет знания возникает «благодаря *обращению* (*Umkehrung*) самого *сознания*»¹⁴⁶. Вместе с тем индивидуальное сознание не знает, как это происходит, процесс возникновения нового предмета знания «совершается для нас как бы за спиной сознания»¹⁴⁷.

Поэтому рефлексия знания о себе самом на каждом этапе своего развития (поскольку последнее не завершено) — это «неистинная», несовершенная рефлексия, предполагающая существование неотрефлексированных движений сознания, совершаемых «за его спиной». Знаемое в той или иной форме еще не есть познанное, подчеркивает Гегель.

Познание, по Гегелю, — это всемирно-исторический диалектический процесс, в ходе которого изменяются как субъект, так и объект. Субъект — это не некоторый идеальный предмет, не нечто изначально равное самому себе, а вечное движение, становление, развитие, снятие всех установленных границ и постоянное полагание новых. Субъект неотделим от беспокойства, активности и в наиболее чистом виде выражает эту активность. Он немалым вне познаваемого и изменяемого им объекта. Вместе с тем сам объект преобразуется по мере развития сознания, т. е. меняется в историческом процессе познавательной деятельности. Понимание субъекта и объекта в качестве изолированных друг от друга и метафизически противостоящих друг другу сущностей совершенно несостоятельно и может привести лишь к безвыходным тупикам в философии.

Однако суть познавательного процесса Гегель усматривает — и здесь начинается идеалистическая мистификация всей проблемы — в рефлексии, самосознании Абсолютного Духа, Абсолютного Субъекта.

Последний, согласно Гегелю, лежит в основе всей действительности вообще. Субстанцию следует мыслить в качестве Субъекта, подчеркивает Гегель. То, что индивидуальному сознанию представляется в качестве независимого от него, познаваемого им объекта, является на самом деле порождением Абсолютного Духа. Гегель пытается показать, что развитие познания приводит к снятию независимости познаваемого предмета от познающего субъекта, если только под последним понимать не единичного

индивида, а Абсолютного Субъекта. Абсолют — это в конечном счете Субъект-Объект, мышление о мышлении, познание самого себя.

С этим тезисом связана и гегелевская попытка интерпретировать познание как самопознание. Отталкиваясь от реальных фактов взаимосвязи сознания и самосознания, познания и рефлексии, Гегель вслед за Фихте пытается представить всякое познание в качестве сводящего в конечном счете к самопознанию. Правда, у Гегеля речь идет не о самопознании индивидуального Я, и даже не о самопознании Трансцендентального Я, а о самопознании Абсолютного Субъекта.

В анализе конкретно-исторического процесса развития познания Гегель далеко вышел за пределы философского трансцендентализма, показав коллективный характер познания, развитие во времени его форм и норм, раскрыл диалектику рефлексивного и неотрефлексированного содержания знания. Вместе с тем, согласно Гегелю, полностью адекватное познание, т. е. познание, которое по настоящему заслуживает своего имени, достигается лишь тогда, когда возникает абсолютная полнота рефлексии, когда субъект — а это относится к Абсолютному Субъекту — становится как бы совершенно прозрачным для самого себя и рефлексиирует над собою, не выходя за собственные пределы. Именно в этом акте совпадения знающего субъекта с самим собою и завершается процесс обоснования знания.

Гегель считает, что основание знания не следует искать у истоков познавательного процесса. Это основание не дано, оно становится и вырабатывается в процессе развития познания. В этом пункте Гегель противостоит широко распространенному в западной буржуазной философии метафизическому пониманию проблемы обоснования знания. В то же время, хотя, по Гегелю, основание знания лежит не в начале, а в конце познавательного процесса, обоснование понимается им в качестве совпадающего с абсолютной рефлексией, с самосознанием Абсолютного Духа.

Подобно Декарту, Канту и Фихте, Гегель считает, что наиболее адекватным может быть лишь самопознание духа, сознание о себе самом. Именно в акте абсолютной рефлексии выявляется абсолютное основоположение знания. Таким образом, в этом принципиальном пункте своей теоретико-познавательной концепции Гегель, по

существо, воспроизводит традиции философского трансцендентализма. Правда, Гегель говорит о некотором над-индивидуальном, Абсолютном Субъекте. Но и индивид, считает Гегель, поскольку он приобщился к движению Абсолютного Духа и встал на точку зрения «абсолютного знания», не только адекватно постигает Абсолют, но вместе с тем сознает собственную глубинную сущность, т. е. познает самого себя. Самопознание индивида совпадает в этом случае с абсолютной рефлексией.

Развитие познания объясняется в рамках гегелевской философии в конечном счете самопознанием Абсолюта. Абсолют, в начале развития существующий лишь в-себе, должен в итоге стать также и для-себя бытием. А это значит, что все исторические перипетии реального познавательного процесса предопределены в над-человеческих сферах. Реальные люди, индивидуальные субъекты практической и познавательной деятельности — лишь исчезающие моменты в развертывании над- и сверх-индивидуальных сил.

Меж-индивидуальные взаимоотношения, процессы человеческой коммуникации, реальная практическая деятельность, опредмечивание человеком себя в произведениях культуры, развертывание социальных процессов, относимые Гегелем к сфере объективного духа, — все эти моменты, опосредующие отношение духа к самому себе, в конечном итоге снимаются; дух возвращается к себе, как к «внутреннему». Именно в отношении к себе как к «внутреннему», в существовании для самого себя, а не для другого, дух выступает в наиболее адекватной форме¹⁴⁸.

Внешняя предметная деятельность не может породить сознания, считает Гегель. В этого рода деятельности осуществляется лишь объективация сознания, в результате которой происходит обогащение самого сознания. Однако же суть дела в том, что всякое внешнее опосредование сознания должно быть снято в единстве непосредственного и опосредованного, в диалектическом тождестве сознания с самим собою.

Чисто непосредственного знания — понимается ли под ним эмпирическое знание или интеллектуальная интуиция — не существует, подчеркивает Гегель. Непосредственная достоверность, поскольку она лишь непосредственна, не есть знание. Последнее предполагает опосредствование. Адекватным является лишь такое знание,

в котором достигается единство непосредственного и опосредованного в виде нового, диалектически непосредственного. В непосредственном, существующем в начале развития познания, уже заложены возможность и необходимость опосредования, а также по существу предопределен характер последнего. Результат развития познания, опосредствования — это возврат к непосредственности, но на новой основе, считает Гегель. «...Опосредствование есть не что иное, как равенство себе самому, находящееся в движении, или оно есть рефлексия в себе же... „Я“ или становление вообще, этот процесс опосредствования в силу своей простоты есть именно становящаяся непосредственность и само непосредственное»¹⁴⁹. (Между тем в реальном познании в определенном смысле всегда имеет место единство непосредственного и опосредующего моментов в знании. Само по себе это единство не гарантирует истинности знания.)

Гегель сводит в конечном счете сущность всякого познания к рефлексии. Поскольку объект рефлексии изменяется в процессе самого осуществления последней, Гегель делает вывод о том, что познание имеет дело с таким объектом, который является собственным продуктом Абсолютного Духа. Гегелевская «Феноменология Духа» — это история борьбы самосознания с объектом, в результате которой объект оказывается собственным моментом Абсолютного самосознания. «Двигаясь к своему истинному существованию, сознание достигнет пункта, когда оно откажется от своей иллюзии, будто оно обременено чем-то чужеродным, которое есть только для него и в качестве некоторого иного, т. е. достигнет пункта, где явление становится равным сущности, и тем самым изображение сознания совпадает именно с этим пунктом — с подлинной наукой о духе; и, наконец, само постигнув эту свою сущность, сознание выразит природу самого абсолютного знания»¹⁵⁰.

«Суть дела в том, — писал К. Маркс, — что предмет сознания есть по Гегелю не что иное, как самосознание, или что предмет есть лишь опредмеченное самосознание, самосознание как предмет (приравнивание человека к самосознанию).

Поэтому речь идет о том, чтобы преодолеть предмет сознания. Предметность как таковая считается отчужденным, не соответствующим человеческой сущности (самосознанию) отношением человека. Поэтому обратное при-

своение порождаемой как нечто чужое, под категорией отчуждения, предметной сущности человека имеет значение не только снятия *отчуждения*, но и снятия *предметности*, т. е. человек рассматривается как *непредметное, спиритуалистическое существо*»¹⁵¹.

«Гегель серьезно „верил“, думал, что материализм как философия невозможен, ибо философия есть наука о мышлении, об *общем*, а общее есть мысль, — писал В. И. Ленин. — Здесь он повторял ошибку того самого субъективного идеализма, который он всегда называл „дурным“ идеализмом»¹⁵².

Таким образом, несмотря на то что в гегелевской философии схватывается целый ряд важных моментов реального познавательного процесса, эта философия по многим принципиальным вопросам обнаруживает родство с теоретико-познавательной позицией философского трансцендентализма, и, не выходя за пределы идеализма, не может дать адекватной картины познания.

5. Как возможна теория познания?

В свете сказанного попробуем ответить на следующий вопрос: каковы особенности теоретико-познавательной рефлексии? Иными словами: какова природа и характер того исследования, которое в качестве своего объекта имеет само познание?¹⁵³

Мы уже анализировали весьма распространенные в буржуазной философии концепции, согласно которым теория познания не предполагает никаких предпосылок, поскольку в ее пределах должна быть обоснована сама возможность любого знания, в том числе знания научного. Обоснование в данном случае понимается как нахождение таких видов знания, которые были бы абсолютно достоверны и непосредственно даны по содержанию. Подобного рода знания представители рассмотренных концепций пытались найти в индивидуальном сознании. Как мы помним, именно этот ход рассуждений характерен для теоретико-познавательного трансцендентализма, в частности, для Декарта, Фихте, Гуссерля. При подобном понимании методом теоретико-познавательного исследования становится «абсолютная», трансцендентальная рефлексия над содержанием сознания субъекта, а результатом — «абсолютное знание». Последнее может быть получено лишь в рамках теории познания. Все остальные

виды знания — как обыденного, так и научного — с точки зрения представителей трансцендентализма относительно и условны.

Но это значит, что теория познания становится весьма своеобразной дисциплиной, принципиально отличной от специально-научных теорий. (Некоторые философы-трансценденталисты, как, например, Гуссерль, считают, что эпистемология, будучи обоснованием научного знания, сама не является теорией в точном смысле слова, а представляет собой своеобразное дотеоретическое описание непосредственно данных очевидностей.)

Разные представители данного подхода к проблемам теории познания различаются между собой в понимании самого характера и содержания тех очевидностей, которые, по их мнению, непосредственно даны сознанию субъекта. В этой связи нужно заметить, что ряд направлений субъективистского эмпиризма, в частности, такие школы буржуазной философии, как неореализм и критический реализм, тоже должны быть отнесены в этому общему типу понимания проблем теории познания.

Несколько сложнее обстоит дело с теоретико-познавательными концепциями таких философов, как Кант и Гегель, которые — особенно последний — в существенных пунктах выходят за границы данного подхода.

Однако и для Канта и для Гегеля философская, теоретико-познавательная рефлексия в отличие от частно-научного исследования и от частно-научной рефлексии обеспечивает получение «абсолютного» знания.

В качестве реакции на крах попыток решения метафизически (и вместе с тем, как правило, субъективистски) понимаемой проблемы обоснования знания, ныне в буржуазной философии все шире распространяется мнение о том, что названная проблема вообще не имеет смысла и что в связи с этим теория познания как особая философская дисциплина теряет право на существование. Все реальные проблемы, относящиеся к пониманию механизмов и характера протекания познавательных процессов изучаются с этой точки зрения специальными научными дисциплинами. Так, согласно У. Куайну, познание является предметом научного исследования в рамках физиологии высшей нервной деятельности, психологии, использующей аппарат теории информации, и ряда других специальных научных дисциплин. Научная эпистемология — которая, по мнению Куайна, до сих пор еще не

создана — мыслима лишь как обобщение результатов этих специальных дисциплин. Эта будущая наука должна исходить из натуралистического и биологического подхода к человеку и его познавательному процессу (так называемая натурализованная эпистемология)¹⁵⁴. Ж. Пиаже считает, что конструируемая им «генетическая эпистемология» является обобщением, с одной стороны, эмпирических и теоретических данных психологии — при этом у Пиаже речь идет прежде всего о его собственной психологической теории — а с другой стороны, данных истории науки¹⁵⁵. При подобном понимании эпистемология, по существу, выглядит как специально-научная дисциплина особого рода: во-первых, дисциплина довольно общего характера, во-вторых, зависящая от иных, более частных наук о познании. (Мы отвлекаемся от того, что сама психология при таком понимании может трактоваться весьма различно: и как эмпирическая наука о фактах сознания, и — в духе бихевиоризма — как наука о поведении.)

С точки зрения раннего Л. Виттгенштейна, традиционная теория познания была лишь неадекватной интерпретацией в философских терминах данных психологии. В отличие от последней подлинная философия, считал Виттгенштейн, должна заниматься анализом языка, а не познания: «4.1121. Психология не ближе к философии, чем любая другая естественная наука. Теория познания есть философия психологии»¹⁵⁶.

Доминирующая в современной буржуазной философии Англии школа лингвистического анализа, сложившаяся под сильным воздействием работ позднего Л. Виттгенштейна, занимает в понимании природы теоретико-познавательного исследования особую позицию, промежуточную между той, которая сводит это исследование к эмпирическому обобщению определенных объективированных данных, и той, рассмотренной ранее, которая видит задачу теории познания в анализе предпосылок всякого, в том числе научного знания. С одной стороны, подчеркивается в философии лингвистического анализа, решение философских проблем, связанных с пониманием познания, может и должно быть найдено лишь на пути изучения вполне объективных, общезначимых фактов употребления слов обыденного языка. Это исследование возможно лишь в результате кропотливых коллективных усилий многих специалистов, каждый из которых уточняет и углубляет уже полученные эмпирические результаты, используя целый

ряд специальных технических приемов. Деятельность философа-аналитика напоминает во многих отношениях работу ученого, занятого в той или иной области специальной науки. Большая часть вопросов традиционной теории познания, и в частности проблема обоснования знания, объявляется в этой философии псевдопроблемой. С другой стороны, подчеркивается в философии лингвистического анализа, именно словоупотребление обыденного языка определяет смысловую, содержательную сторону всех специально-научных теорий, в частности, теорий тех наук, которые исследуют процессы познания. Последние, в том числе психология, принципиально не могут решить ни одного философского вопроса, относящегося к пониманию знания и познания, считают философы-аналитики. Теоретико-познавательные проблемы находят свое решение в аналитической деятельности, которая сама по себе не является научной, ибо она относится к таким вопросам, которые уже предполагаются всеми науками, и принципиально атеоретична. Результаты анализа, подчеркивают эти философы, не могут сопоставляться с опытом таким же путем, как специально-научные теории, ибо анализ имеет дело со структурой самого опыта. Обыденный язык, являющийся предметом деятельности философа-аналитика, выступает в качестве некоей первичной данности, определяющей содержание всех типов и способов познания. Неудивительно поэтому, что в деятельности философов-аналитиков обнаруживается определенная близость к философскому трансцендентализму, в частности к феноменологии и кантовской философии, близость, признаваемая иной раз самими аналитиками¹⁵⁷. Критика теоретико-познавательной концепции философии лингвистического анализа дана рядом советских философов¹⁵⁸.

Возможно ли, однако, раскрытие подлинной природы знания и познания на пути простого индуктивного обобщения и систематизирования тех представлений о познании, которые складываются в обыденной жизни и отдельных науках? Все дело в том, что представления о характере познания, об эталонах, критериях, нормах знания значительно варьируются не только при переходе от донаучного познания к научному и от одной науки к другой, но и в рамках отдельной научной дисциплины — в процессе ее исторического развития. Ведь одна из существенных задач теории познания — отделить знание от незнания, выявить эталоны знания и познания. Выполнить

эту задачу путем простого собирания и элементарной систематизации разнообразных фактов познания, в том числе фактов, изучаемых в психологии, оказывается невозможным. Теория познания не просто изучает познавательный процесс, как он актуально осуществляется, но задает общие нормы познавательной деятельности.

Обращая внимание на это принципиальное обстоятельство, Поппер в своей книге «Логика научного открытия», выступает против наивно натуралистической эпистемологии (ее он называет также «индуктивной теорией науки»), пытающейся описывать эмпирическое поведение ученых. В действительности, подчеркивает Поппер, эпистемология является общей методологией познания. Она говорит не о том, что реально имеет место в познании, а о том, каким должно быть познание, чтобы соответствовать определенным пормам, идеалам. Формулируя общие нормы познавательной, прежде всего научной деятельности, специалист по эпистемологии, согласно Попперу, выдвигает определенные предписания (*proposals*), принимаемые чисто конвенционально. Вопросы о том, что такое познание, что такое наука, решаются не путем эмпирического исследования, а в результате заключения соглашения. Характер последнего определяет границу между утверждениями, выражающими и не выражающими знание. Специалист по эпистемологии (методологии), с точки зрения Поппера, формулирует некоторые «абсолютные» предписания в том смысле, что их содержание не диктуется эмпирическим опытом. Однако эти предписания не описывают какую-либо особую, сверх-эмпирическую реальность, как считали философы-трансценденталисты, и не выражают никаких абсолютных истин. В строгом смысле слова — это не утверждения, и поэтому они не могут быть ни истинными, ни ложными. Одни эпистемологические конвенции могут быть заменены другими. Эпистемология выявляет связи между разными эпистемологическими (методологическими) пормами и в этом отношении напоминает научную теорию. Однако, строго говоря, подчеркивает Поппер, эпистемология (методология) — это не теория, ибо она не отображает никакого объекта¹⁵⁹.

Но тогда возникает естественный вопрос: а чем же все-таки руководствоваться при принятии той или иной эпистемологической (методологической) системы? Если последние не определяются ни эмпирическим опытом, ни структурой трансцендентального сознания, то открывается

возможность для полного произвола при заключении эпистемологических конвенций. Но тогда чем же одна эпистемологическая система лучше других? Может быть, следует признать, что все они правомерны? В таком случае бессмысленны споры в эпистемологии, все теоретико-познавательные вопросы перестают быть реальными проблемами, а различные их решения оказываются просто замаскированными предложениями относительно правил своеобразной игры, которую мы называем познанием. Поппер отказывается принять эти субъективистские и релятивистские выводы, вытекающие из его теоретико-познавательной концепции¹⁶⁰. Он считает, что все-таки существуют какие-то критерии, заставляющие предпочесть одну теоретико-познавательную систему другой. К таким критериям Поппер относит, в частности, отсутствие противоречий в системе эпистемологии, а также то, насколько данная система оказывается плодотворной и «помогает» в понимании реально осуществляемого познания¹⁶¹. Однако нетрудно увидеть, что, с одной стороны, эти критерии совершенно недостаточны (внутренне непротиворечивой может быть самая произвольная, фантастическая конструкция) и весьма неопределенны, а с другой стороны, вступают в противоречие с исходными принципами попперовской концепции (эпистемологическую систему все же приходится так или иначе соотносить с реально существующим познанием).

Как же все-таки решается вопрос о природе и характере теоретико-познавательного исследования? Пытаясь дать на этот вопрос такой ответ, который исходит из принципов диалектико-материалистической философии, отметим прежде всего, что научная гносеология — это теория, имеющая дело с реальными эмпирическими фактами познания, пытающаяся исследовать разнообразные формы, виды и типы познания и знания — как донаучного, так и научного — с точки зрения присущих им этапов и норм. При этом теория познания прежде всего ориентируется на анализ объективированных видов знания и коллективных форм познавательной деятельности, ибо именно эти виды знания и познания в наиболее чистом виде выражают познавательные нормы. Это значит, что научная гносеология выступает по преимуществу как форма объективной рефлексии. Вместе с тем в теории познания приходится в какой-то степени учитывать и факты индивидуального сознания — в нем познавательные

нормы выступают в «превращенной форме», — поскольку нередко отсутствуют иные эмпирически доступные пути реконструкции некоторых познавательных эталонов.

Научная теория познания, таким образом, необходимо должна сопоставляться с эмпирией познания. Но подобно любой научной теории она не просто пассивно воспроизводит, описывает эту эмпирию, а пытается выявить сущность изучаемого процесса. Для гносеологии это означает выделение таких познавательных эталонов, норм, которые выражают глубинные характеристики процесса познания и могут непосредственно не совпадать с тем, как в определенных случаях эти нормы понимаются в обыденном познании или же в том или ином отдельном научном исследовании.

Поэтому теория познания прежде всего должна считаться с реальными познавательными процессами, корректировать свои положения, уточнять и развивать их в свете реальных фактов познания. Фундаментальные принципы диалектико-материалистической теории познания — принцип отражения, принцип единства практической деятельности и познания, принцип единства диалектики, логики и теории познания и т. д. — выражают вовсе не «абсолютное» и окончательное решение всех возможных гносеологических проблем, не создание замкнутой и неспособной к развитию теоретико-познавательной конструкции. Эти принципы задают необходимые условия плодотворного научного исследования проблем теории познания, такого исследования, которое не стоит на месте, а ставит и решает новые вопросы, уточняет определенные положения в связи с развитием как самого реального познания, так и специальных наук о нем (психологии, истории науки, науковедения и т. д.). Вместе с тем научная гносеология, как и любая научная дисциплина, строит определенную идеализированную модель изучаемого процесса, а затем постепенно уточняет и конкретизирует эту модель, сопоставляя ее с эмпирией познания. Теория познания — это, таким образом, не продукт непосредственного схватывания некоторых субъективных очевидностей. Это вместе с тем и не простое описание разнообразных фактов познания. Тем более гносеология не может просто совпадать с какой-либо из специальных наук о познании, будет ли это психология или науковедение.

Хотя теория познания в ряде принципиальных отношений похожа на все другие научные теории, в некоторых

пунктах она отличается от большинства теорий. Мы не должны забывать, что гносеология — это теория рефлексивная.

Большинство научных теорий имеет дело с такими объектами, относительно которых они не имеют никакого предварительного знания. Конечно, наука не может не считаться с данными обыденного опыта. Однако развитие научного знания означает выход за пределы этого опыта. Последний ничего не говорит о характере тех объектов, с которыми имеет дело, например, современная физика. Знание об этих объектах получается лишь в самом процессе научного исследования. Что же касается теории рефлексивной, то она, как мы отмечали, имеет некоторое предварительное, неявное знание того объекта, относительно которого она формулирует явное знание. Теория познания как рефлексивная теория исходит из неявного знания того, что такое знание, познание, каковы основные познавательные нормы, т. е. исходит из того неявного знания, которое содержится в индивидуальном сознании, в обыденном языке, в «парадигмальных» предпосылках научных теорий.

Вместе с тем рефлексия над знанием, перевод его из неявной формы в явную, его теоретическая формулировка означают определенные изменения самого объекта рефлексии, обнаружение мнимого характера ряда образований, которые до осуществления самой этой процедуры неосновательно относились к знанию. Мы уже приводили примеры переформулировки объекта рефлексии в результате этой процедуры в специально-научном знании. Теория познания отличается от специально-научной рефлексии тем, что пытается выявить необходимые условия любого познания и выделить всеобщие познавательные нормы. Поэтому связь гносеологической системы с той или иной конкретной частнонаучной теорией является довольно опосредованной. И тем не менее формулировка теоретико-познавательной концепции — это всегда попытка не просто констатировать сложившуюся практику познания, но также стремление в чем-то эту практику изменить, попытка отвергнуть некоторые принятые каноны познавательной деятельности в качестве приводящих познание к уклонению от достижения его задачи, и в то же время стремление узаконить новые стандарты этой деятельности. Создаваемый теорией познания общий образ познания, науки сам включается в реальный ход познания и в известных

отношениях перестраивает его. Поэтому любые серьезные, влиятельные теоретико-познавательные концепции — это не только осмысление существующей практики познания, но и критика ряда аспектов этой практики в свете того или иного идеала знания, науки.

Таким образом, некоторое расхождение между моделью знания, конструируемой в гносеологии, и реальной познавательной практикой объясняется не только теми отличиями, которые существуют между любой научной теорией и ее эмпирической базой. Поскольку речь идет о последних различиях, теория познания должна стремиться к большей ассимиляции эмпирического материала, и в этой связи необходимо должна перестраиваться и уточняться. Вместе с тем отличия между теорией познания и соответствующей эмпирией познания могут характеризовать расхождения между задаваемым идеалом знания и практикой его реализации. В последнем случае должна перестраиваться, подтягиваться к идеалу практика, эмпирия познания.

Сказанное не означает, что все теоретико-познавательные системы — а история философии насчитывает их достаточно много — могли повлиять на реальный ход познания. Не следует также думать, что в тех случаях, когда такое влияние имело место, оно было обязательно плодотворным. В истории философской и научной мысли нередко дело обстояло так, что та или иная гносеологическая концепция задавала ориентиры для производства специально-научных теорий определенного типа и в то же время формулировала в целом неверное понимание природы познания, знания, науки, что приводило к неразрешимым коллизиям в построении общей теоретико-познавательной концепции и в то же время существенно ограничивало возможности самой науки. Так, например, теоретико-познавательный эмпиризм Бэкона сыграл весьма прогрессивную роль в период становления экспериментальной науки. Вместе с тем он уже в то время не соответствовал реальной практике естествознания, а позже стал явным тормозом в ее развитии. О принципиальных изъянах гносеологической концепции Декарта мы уже говорили. Нельзя, однако, не учитывать того факта, что декартовская теория познания служит обоснованием его метафизики, а последняя явилась ядром исследовательской программы, с одной стороны, в физике, с другой — в психологии. Картезианской физике принадлежат важ-

ные исторические заслуги. В рамках эмпирической психологии, исходившей из декартовского понимания сознания, был накоплен значительный фактический материал. В то же время эта психология как научная дисциплина изжила себя к началу XX в. Теория познания Канта, критику которой мы дали, не только формулировала общую стратегию поиска в ряде теоретических дисциплин (так, например, из кантовской гносеологии вытекает невозможность рационалистической онтологии, особый статус психологии как нематематизируемой науки, необходимость в биологии дополнять причинное описание телеологическим и т. д.). Кантовская концепция (вместе с феноменологией Гуссерля) была использована Брауэром и Гейтингом при создании интуиционистской программы обоснования математики. В рамках математического интуиционизма был получен целый ряд важных результатов, хотя с поставленной задачей это направление в целом не справилось. Вместе с тем хорошо известно, что данное Кантом априористское истолкование основных принципов классической науки пришло в резкое столкновение с развитием познания.

Бывают и иные случаи воздействия теоретико-познавательной концепции на ход развития науки. Гносеологическая система может быть совершенно неадекватной рефлексией над научным знанием, давать в целом ложный образ науки, легко выявлять свою уязвимость в общепhilosophическом плане. И в то же время подобная система используется для производства некоторых локальных частнонаучных теорий, причем таких теорий, которые сохраняют известную ценность даже после того, как отвергнута их философская интерпретация. Подобная возможность объясняется тем, что какие-то стороны реального познавательного процесса обычно схватываются даже в ложных гносеологических конструкциях. Однако произведенные в этом случае специально-научные теории, как правило, имеют весьма узкое значение. В то же время главные пути развития научного знания оказываются перекрытыми ложными гносеологическими концепциями, развитие теоретической мысли в данной области знания в целом уводятся в сторону. Так обстояло дело, например, с гносеологией операционализма и с физическими теориями, полученными по операционалистским рецептам.

Специфика теории познания диалектического материализма заключается в том, что в ней впервые дается адек-

ватный образ познания, знания, науки. А это значит, что воздействие этого образа познания на реальный ход развития науки должно привести к весьма существенным результатам. История марксистской философии, история ее взаимоотношений с естественными и общественными науками подтверждает эту мысль. Марксов «Капитал», воплощающий научную теорию политической экономии, создан на основе сознательного применения диалектико-материалистической теории познания и методологии науки.

Исходя из развиваемой научной концепции природы теоретического мышления и сознательно пользуясь философски обоснованным методом восхождения от абстрактного к конкретному, К. Маркс строит научную экономическую теорию. При этом он детально формулирует возникающие в ходе теоретического исследования методологические проблемы и последовательно решает их, используя общие теоретико-познавательные принципы. Критика буржуазной политической экономии осуществляется К. Марксом не просто в плоскости сопоставления содержания научной теории с превратными истолкованиями того же самого предмета, а всегда также и в плоскости столкновения с принципиально ошибочными методологическими подходами. Главный изъян буржуазной политической экономии, предопределяющий ее принципиальную ненаучность и непосредственно связанный с ее социальной функцией, это, как показывает К. Маркс, ложное понимание ее представителями и характера познаваемого объекта, и самих путей и методов научного познания. Поэтому изменение методологической, теоретико-познавательной ориентации является необходимым условием создания научной политической экономии.

Теоретико-познавательные идеи, разработанные В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (весь комплекс идей, связанных с марксистско-ленинской теорией отражения, научное понимание материи, образа, диалектика относительной и абсолютной истины, положение о неисчерпаемости материи «вглубь», об отражении как свойстве всей материи и т. д.) оказались принятыми на вооружение современной наукой (физикой, биологией, физиологией, психологией, кибернетикой и т. д.) и обнаружили свою исключительную плодотворность. Одна из особенностей современного этапа развития науки состоит в осознанной необходимости включения общих

теоретико-познавательных идей (научную основу для разработки таких идей дает именно марксистско-ленинская гносеология) в процесс производства теорий в специальных областях знания. Современная наука достигла такой стадии развития, когда ее дальнейшее движение вперед требует вплетения саморефлексии в саму ткань научного исследования. На этой основе идет все усиливающийся процесс взаимодействия философского, в частности, теоретико-познавательного и частнонаучного знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерные для домарксистской и немарксистской философии подходы в анализе познавательного отношения оказываются внутренне несостоятельными и вступают в противоречие с практикой современного познания. Понимается ли познание только как простое взаимодействие двух природных систем или же как определяемое структурой индивидуального сознания — и в том и в другом случае сам способ постановки и обсуждения исследуемой проблемы предопределяет неплототворность движения исследовательской мысли и приводит к ложным результатам.

В рамках первого подхода верные материалистические исходные посылки (субъект и объект рассматриваются как определенные материальные системы, между которыми существует реальная, материальная связь) сочетаются с такими предположениями, которые заводят в тупик исследование ряда принципиальных теоретико-познавательных вопросов, а в некоторых пунктах заставляют метафизический материализм делать серьезные уступки субъективизму.

Идеалистические концепции, исходящие из обусловленности познания структурой индивидуального сознания, спекулируют на проблеме обоснования знания, на необходимости выявления нормативов, позволяющих отделить знание от незнания. При обсуждении проблемы обоснования знания представители этого подхода исходят из двух ложных предпосылок, предопределяющих субъективистский характер их гносеологических концепций. Первая из этих предпосылок — метафизическое представление о существовании эталонов, позволяющих провести резкую границу между знанием и незнанием и выделить «в чистом виде» «абсолютное знание», которое можно было бы положить в основание всей системы научных теорий. Вторая из них состоит в том, что представители рассмотрен-

ных идеалистических концепций, отталкиваясь от факта, что постановка проблемы обоснования предполагает критическое отношение к тем или иным видам существующего знания, приходят к выводу о необходимости отказа при философском анализе познавательного отношения от всякой опоры на результаты специальных наук или же на положения донаучного «здорового смысла».

Диалектико-материалистическое понимание познавательного отношения не только позволяет ответить на вопросы, в которых запуталась немарксистская гносеология, но и ставит перед теорией познания задачи и проблемы, не существующие для традиционной буржуазной философии. Марксистско-ленинская теория познания исходит из признания единства отражения, предметно-практической деятельности и коммуникации, из понимания познания как социально-опосредованной, исторически развивающейся деятельности отражения.

В марксистской философии подчеркивается, что в основе познания лежит практическая деятельность и что последняя должна быть понята в ее специфически человеческих характеристиках, а именно как деятельность коллективная, совместная, в ходе осуществления которой индивид вступает в определенные отношения с другими людьми; как деятельность опосредованная, в процессе которой человек ставит между собой и внешним, естественно возникшим предметом другие предметы, созданные людьми и играющие роль орудий деятельности; и, наконец, как деятельность исторически развивающаяся и несущая в себе собственную историю. В познаваемых объектах человек выделяет те черты, которые оказываются существенными с точки зрения развивающейся общественной практики, а это возможно лишь при помощи предметов-посредников, воплощающих социально-исторический опыт. Созданные человеком предметные средства выступают в качестве объективных, вне данного индивидуума существующих форм выражения познавательных норм, эталонов, объективных гипотез. Усвоение индивидом этих норм, имеющих социальное происхождение, создает возможность их функционирования в качестве структурообразующих компонентов познания.

Внутренние процессы сознания возникают как следствие «интериоризации», т. е. «вращивания», перехода во внутренний план тех действий субъекта, которые первоначально осуществляются во внешней форме и направле-

ны на внешние предметы. В исходном пункте процесса формирования сознания три вида деятельности выступают как связанные воедино: внешняя практическая деятельность, процесс познания и коммуникация. В ходе осуществления одного и того же предметного действия субъект одновременно выполняет ряд функций: изменяет форму внешнего предмета, совершает акт познавательной ориентировки и усваивает общественно-сформированные способы практической и познавательной деятельности, воплощенные в том предмете, который он использует в качестве посредника-орудия. При этом усвоение адекватных способов деятельности с социально-функционирующим предметом возможно лишь при условии включения субъекта в живую коммуникативную связь с другими людьми, которые обучают его методам использования созданных человеком вещей, и тем самым формируют у него культурные установки и нормы, включая эталоны познавательной деятельности. На стадии сформировавшегося сознания непосредственная связь практической деятельности, познания и коммуникации разрывается. Вместе с тем любая познавательная деятельность — какова бы ни была форма ее непосредственной субъективной данности — по принципиальным механизмам своего осуществления носит социально-опосредованный характер, а значит, всегда содержит потенцию коммуницирования. Поэтому, если речь идет о теоретико-познавательном исследовании, т. е. о выявлении используемых для производства знания всеобщих предметных смыслов, норм и эталонов, то наиболее подходящим материалом для анализа оказываются именно процессы, средства и продукты коммуникативной деятельности, в которых познание получает опредмеченное, объективированное выражение, а не сами по себе взятые явления сознания, в которых эти предметные смыслы и эталоны выступают как бы уже в «превращенной форме», в «свернутом» виде и не всегда достаточно явственны для самого субъекта. При этом процесс передачи знаний в понимании марксистской философии предполагает объективацию знания не только в виде текстов или высказываний, но и в форме созданных человеком вещей, несущих в себе социально-культурный смысл.

В марксистско-ленинской гносеологии осуществляется радикальная переориентация традиционной теоретико-познавательной проблематики, принципиально изменяется сам способ ее постановки и исследования. Исходный

пункт анализа знания понимается не как изучение отношения индивидуального субъекта (будет ли это организм или сознание) к противостоящему объекту, а как исследование функционирования и развития систем коллективной, меж-субъектной деятельности, в основе которой лежит практическое преобразование внешних объектов.

Из особенностей марксистско-ленинского понимания природы познания вытекает ряд положений, важных для дальнейшего исследования проблем научной теории познания и вместе с тем открывающих возможность научного понимания ряда проблем, активно обсуждаемых в современных работах по методологии науки, науковедению, психологии познания.

В частности, к ним относятся:

1) Понимание субъекта как материального существа и признание важной роли в познании материальной деятельности субъекта необходимо, но само по себе недостаточно для научной трактовки познавательного отношения. Ограниченное натуралистическое истолкование практической и познавательной деятельности субъекта не может противостоять субъективизму. Научное понимание познавательного отношения предполагает последовательное проведение точки зрения единства отражения и деятельности. Однако, в свою очередь, это оказывается возможным лишь в том случае, если сам субъект и его деятельность поняты в их социально-культурной и исторической обусловленности, если признается, что предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта опосредованы отношением субъекта к другим субъектам.

2) Человеческое познание как высшая форма отражения действительности предполагает не только сознательное отношение субъекта к объекту, но и сознательное отношение субъекта к самому себе. Элементарные формы знания (например, восприятие) сопровождаются сознанием места индивидуального субъекта в системе пространственно-временных отношений объективного мира. Научная деятельность возможна лишь тогда, когда имеет место не только движение познания по изучаемым объектам, но и сознание присущих коллективному субъекту способов и норм познавательной деятельности, стандартов оценки ее результатов. Наконец, переломные этапы в развитии науки предполагают развернутую рефлекссию над научно-теоретическим знанием, над условиями его производства. Знание внешних объектов и самопознание в разных фор-

мах диалектически предполагают друг друга, хотя вместе с тем не сводятся одно к другому.

3) Научная теория познания является особым видом рефлексии над знанием и имеет задачу выявить необходимые условия любого познания и выделить всеобщие познавательные нормы. Одна из важных специфических черт этой теории состоит в том, что в ней отражение характеристик реально существующего знания осуществляется в неразрывном единстве с предписыванием определенных норм познавательной деятельности. Создаваемый теорией познания общий образ познания, науки сам включается в реальный ход познания и в известных отношениях перестраивает его.

Задача теории познания состоит вовсе не в решении метафизически понимаемой проблемы «абсолютного» обоснования знания. Реальное обоснование знания осуществляется в процессе действительного развития самого познания в единстве с практической деятельностью. При этом в процессе развития познания имеет место сложное диалектическое взаимоотношение прерывности и непрерывности, преемственности. Это взаимоотношение является одним из аспектов связи абсолютных и относительных моментов в объективной истине, философский анализ которых в классической форме осуществлен В. И. Лениным. Органической и особой частью познания является научная гносеология. Ни индивидуальный, ни коллективный субъекты познания не являются высшими гарантами этого обоснования. Конечно, можно сказать, что научная теория познания — это объективная рефлексия над коллективным познающим субъектом. Однако последний — это не некая законченная, равная самой себе сущность, не замкнутый в себе мир сознания, а система постоянно развивающейся коллективной познавательной деятельности, неразрывно связанной с деятельностью предметно-практической. Поэтому полем теоретико-познавательного исследования является прежде всего развитие познавательных норм, филогенез и онтогенез познания в их диалектическом единстве. Развитие познания — это изменение и познающих субъектов, коллективных и индивидуальных, и круга познаваемых объектов. Вместе с тем это также развитие определенных познавательных стандартов, а значит, развитие ряда характеристик самого познания.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

- ¹ См.: *Кедров Б. М.* Ленин и диалектика естествознания XX века. М., 1971.
- ² См.: *Дышлевый П. С.* Материалистическая диалектика и физический релятивизм. Киев, 1972, с. 22—23.
- ³ *Бор Н.* Избранные научные труды. М., 1971, т. II, с. 529.
- ⁴ *Фок В. А.* Квантовая физика и строение материи. Л., 1965, с. 11.
- ⁵ *Клини С. К.* Введение в метаматематику. М., 1957, с. 49.
- ⁶ Цит. по кн.: *Клини С. К.* Введение в метаматематику, с. 52.
- ⁷ *Вейль Г. О.* О философии математики. М.; Л., 1934, с. 106.
- ⁸ См.: *Quine W. V.* *O. Ontological Relativity and Other Essays.* New York, 1969.
- ⁹ См.: *Chomsky N.* *Cartesian Linguistics.* New York, 1966; *Chomsky N.* *Recent Contributions to the Theory of Innate Ideas.* — In: *Boston Studies in the Philosophy of Science*, vol. III. Dordrecht, 1967.
- ¹⁰ См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
- ¹¹ Ленинская теория отражения и современная наука: В 3-х т. София, 1973 (под ред. Т. Павлова); *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957; *Он же.* Человек и мир. — В кн.: *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1976; *Копнин П. В.* Диалектика как логика. Киев, 1961; *Он же.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966; *Он же.* Диалектика, логика, наука. М., 1973; *Он же.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973; *Кедров Б. М.* Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963; *Он же.* Ленин и диалектика естествознания XX века. М., 1971; *Он же.* Из лаборатории ленинской мысли. М., 1972; *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; *Он же.* Об идолах и идеалах. М., 1968; *Он же.* Диалектическая логика. М., 1974; *Коршунов А. М.* Теория отражения и творчество. М., 1971; *Он же.* Познание и деятельность. М., 1967; *Коршунов А. М., Мантатов В. В.* Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974; *Тюхтин В. С.* О природе образа: (Психическое отражение в свете идей кибернетики). М., 1963; *Он же.* Отражение, системы, кибернетика: Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М., 1972; *Спиркин А. Г.* Происхождение сознания. М., 1960; *Он же.* Сознание и самосознание. М., 1972; *Шинкарук В. И.* Единство диалектики, логики и теории познания. Введение в диалектическую логику. Киев, 1977; *Абдильдин Ж. М., Балгимбаев А. С.* Диалектика активности субъекта в научном познании. Алма-Ата, 1977; *Науменко Л. К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968; *Дученко Н. В.* Проблема объекта

- в марксистско-ленинской теории познания: Автореф. на соиск. учен. степени д-ра филос. наук. Киев, 1970; *Шептулин А. П.* Система категорий диалектики. М., 1967; *Архипцев Ф. Т.* Актуальные аспекты взаимоотношений субъекта и объекта. — В кн.: Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975; *Кузьмин В. Ф.* Объективное и субъективное: (Анализ процесса познания). М., 1976; *Оруджев З. М.* Диалектика как система. М., 1973; *Михайлов Ф. Т.* Загадка человеческого Я. М., 1976; *Тупухин В. Н.* Логическое становление субъекта. Омск, 1971; *Библер В. С.* Мышление как творчество. М., 1975; *Любутин К. Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1973; *Кармин А. С., Майзель И. А.* К анализу субъектно-объектного отношения в научном познании. — В кн.: Вопросы теории познания и методологии научного исследования. Л., 1969; *Бухалов Ю. Ф.* О соотношении субъективного и объективного в познавательном образе. — Вопросы философии, 1961, № 5; Проблема субъекта и объекта в истории философии и в современной науке (под ред. Б. Я. Пахомова). Воронеж, 1974; *Сычев Н. И.* Объективное и субъективное в научном познании. Ростов н/Д, 1974; *Швырев В. С., Юдин Э. Г.* Мировоззренческая оценка науки: критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М., 1973; *Горский Д. П.* Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966, и др.
- ¹² *Омельяновский М. Э.* Диалектика в современной физике. М., 1973; *Он же.* О физической реальности. — Вопросы философии, 1971, № 10; *Он же.* Объективное и субъективное в квантовой теории. — Вопросы философии, 1974, № 6; *Он же.* Философская борьба в современной физике вокруг проблемы объективного и субъективного. — Вопросы философии, 1976, № 2; *Дышлевый П. С.* Материалистическая диалектика и физический релятивизм. Киев, 1972; *Он же.* Диалектика соотношения объекта и субъекта познания в современной физике. — Вопросы философии, 1969, № 6; *Бажан В. В., Дышлевый П. И.* и др. Диалектический материализм и проблема реальности в современной физике. Киев, 1974; *Степин В. С., Томильчик Л. М.* Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970; *Степин В. С.* Становление научной теории. Минск, 1976; *Он же.* Проблема субъекта и объекта в опытной науке. — Вопросы философии, 1970, № 1; *Казютинский В. В., Наан Г. Н.* Теория познания и проблемы современной астрономии. — В кн.: Вопросы теории познания. М., 1969, вып. 1; *Ангипенко Л. Г.* Проблема физической реальности. Логико-гносеологический анализ. М., 1973; *Хютт В. П.* Концепция дополнительности и проблема объективности физического знания. Таллин, 1977; *Купцов В. И.* Проблема реальности макроскопических спонтанных флюктуаций. — В кн.: Человек, творчество, наука. М., 1967, и др.
- ¹³ *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959; *Он же.* Проблемы общей психологии. М., 1976; *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972; *Он же.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; *Гальперин П. Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий. — В кн.: Психологическая наука в СССР. М., 1959, т. 1; *Он же.*

- К исследованию интеллектуального развития ребенка. — Вопросы психологии, 1969, № 1; *Он же*. Введение в психологию. М., 1976; *Давыдов В. В.* Виды обобщения в обучении. М., 1972; *Он же*. Анализ структуры мыслительного акта. — Доклады АПН РСФСР, 1960; № 2; *Он же*. Категории логики и педагогика. — В кн.: Проблемы диалектической логики: Материалы к симпозиуму. Алма-Ата, 1968; *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов: Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974; *Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г.* Восприятие и действие. М., 1967; *Шорохова Е. В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961; *Мещеряков А. И.* Слепозрячие дети: Развитие психики в процессе формирования поведения. М., 1974; *Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности. М., 1973; *Она же*. Диалектика человеческой жизни: Соотношение философского, методологического и конкретно-научного подходов к проблеме индивида. М., 1977; *Брушлинский А. В.* Культурно-историческая теория мышления: (Философские проблемы психологии). М., 1968; *Роговин М. С.* Введение в психологию. М., 1969; *Роговин М. С., Соловьев А. В., Урванцев Л. П., Шотемор Ш. Ш.* Структура психики и проблема познания. — Вопросы философии, 1977, № 4, и др.
- ¹⁴ *Лекторский В. А.* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965; *Он же*. Проблема субъекта-объекта в теории познания. — Вопросы философии, 1964, № 5; *Он же*. Принципы воспроизведения объекта в знании. — Вопросы философии, 1967, № 4; *Он же*. Ленинское понимание диалектики субъекта и объекта. — Коммунист, 1967, № 6; *Он же*. Единство эмпирического и теоретического в научном познании. — В кн.: Диалектика — теория познания: Проблемы научного метода. М., 1964; Статьи: Опыт, Объект, Субъект, Субъективное, Теория познания. — Филос. энцикл. М., 1967, т. 4, 1970, т. 5; *Он же*. Материалистическая диалектика — методологическая основа научного познания. — Коммунист, 1971, № 7 (в соавт. с П. В. Копниным); *Он же*. Методологический анализ науки (типы и уровни). — В кн.: Философия, методология, наука. М., 1972 (в соавт. с В. С. Швыревым); *Он же*. Философия и научный метод. — В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972; *Он же*. О субъективном и объективном. — В кн.: Некоторые проблемы диалектики. М., 1973, вып. VII; *Он же*. Проблема субъекта и объекта в теории познания Гегеля и Маркса. — В кн.: Философия Гегеля в современность. М., 1973; *Он же*. Разработка Лениным диалектики как логики и теории познания. — В кн.: История марксистской диалектики: Ленинский этап. М., 1973 (в соавт. с А. Х. Касымжановым); *Он же*. Философия, наука, «философия науки». — Вопросы философии, 1973, № 4; *Он же*. Философия и наука в свете научно-технической революции. — В кн.: Человек — наука — техника. М., 1973, и др.
- ¹⁵ *Историю постановки и обсуждения проблемы субъекта и объекта в теории познания см. в наших работах: Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965; Теория познания. — Филос. энцикл., т. 5.*

К разделу первому

- ¹ Локк Дж. Избр. филос. произв., т. 1. М., 1960, с. 549.
- ² Критику репрезентационизма см. также: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 34; Леонтьев А. И. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 60, 130; Леонтьев А. И. Образ и модель. — Вопросы психологии, 1970, № 2; Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965, с. 84—94; Брушлинский А. В. О некоторых методах моделирования в психологии. — В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 148—254; Коршунов А. М. Теория отражения и творчество. М., 1971, с. 89—118; Он же. Проблема соотношения так называемых «первичных» и «вторичных» свойств. — В кн.: Человек, творчество, наука: Философские проблемы. М., 1967; Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого Я. М., 1976, с. 143—173.
- ³ Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. М., 1957, с. 262.
- ⁴ Более подробно о философской и психологической концепции Ж. Пиаже см.: Лекторский В. А., Садовский В. Н. Основные идеи «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже. — Вопросы психологии, 1961, № 4; Леонтьев А. И., Тихомиров О. К. После­словие к книге Ж. Пиаже, Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М., 1963; Непомнящая Н. И. О связи логики и психологии в системе Ж. Пиаже. — Вопросы философии, 1965, № 4; Лекторский В. А., Садовский В. Н. Генезис и строение интеллектуальной деятельности в концепциях Ж. Пиаже. — В кн.: Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М., 1966; Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Жан Пиаже — психолог, логик, философ. — Вопросы психологии, 1966, № 4; Лекторский В. А., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Операциональная концепция интеллекта в работах Жана Пиаже. — В кн.: Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
- ⁵ Пиаже Ж. Избранные психологические труды, с. 62.
- ⁶ Там же, с. 67.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же, с. 67—68.
- ⁹ Там же, с. 68.
- ¹⁰ Там же, с. 69.
- ¹¹ При изложении этапов становления интеллекта мы опираемся в основном на работу Пиаже Ж. и Инельдер Б.: Piaget J., Inhelder B. Die Psychologie der frühen Kindheit. Die geistige Entwicklung von der Geburt bis zum 7 Lebensjahr. — In: Handbuch der Psychologie/ Hrsg. D. und R. Katz. Basel; Stuttgart, 1960, S. 275—314.
- ¹² Ibid., S. 285.
- ¹³ См.: Piaget J. Introduction à l'épistémologie génétique, vol. I—III. Paris, 1950.
- ¹⁴ Пиаже Ж. Роль действия в формировании мышления. — Вопросы психологии, 1965, № 6, с. 43.
- ¹⁵ Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963, с. 283.
- ¹⁶ Там же, с. 275.

- 17 Более подробно об инвариантности как индикаторе объективности знания см.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 125—126; *Омельяновский М. Э.* В. И. Ленин и философские вопросы современной физики. М., 1958; *Он же.* Диалектический материализм — методологическая основа современной физики. — Философские науки, 1965, № 1; *Лекторский В. А.* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии, с. 66—84; *Он же.* Принципы воспроизведения объекта в знании. — Вопросы философии, 1967, № 4; *Он же.* Ленинское понимание диалектики субъекта и объекта. — Коммунист, 1967, № 6; *Он же.* О субъективном и объективном. — В кн.: Некоторые проблемы диалектики. М., 1973, вып. VII; *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972, с. 107—112.
- 18 См.: *Piaget J.* Introduction à l'épistémologie génétique, vol. I. Paris, 1950.
- 19 См.: *Лекторский В. А., Садовский В. Н.* О принципах исследования систем. — Вопросы философии, 1960, № 8; Исследование философской проблематики системно-структурных исследований см. в следующих работах: *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. М., 1974; *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976; *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода. — Вопросы философии, 1971, № 1.
- 20 См.: *Apostel L., Mandelbrot B., Piaget J.* Logique et équilibre. Paris, 1957, p. 44.
- 21 *Piaget J.* Introduction à l'épistémologie génétique, vol. II, p. 42.
- 22 См. также: *Лекторский В. А.* Операционализм. — В кн.: Современная буржуазная философия. М., 1972.
- 23 *Bridgman P. W.* The Logic of Modern Physics. New York, 1954, p. 1.
- 24 *Ibid.*, p. 2.
- 25 *Ibid.*, p. 5.
- 26 *Ibid.*, p. 10.
- 27 См.: *Bridgman P. W.* The Nature of Physical Theory. Princeton, 1936.
- 28 *Ibid.*, p. 66—67.
- 29 *Ibid.*, p. 51.
- 30 *Benjamin A. C.* Operationism. Springfield, 1955, p. 67.
- 31 *Bridgman P. W.* Some General Principles of Operational analysis. — Psychological Review, 1945, vol. 52, N 5, p. 248.
- 32 «С операциональной точки зрения бессмысленно отделять «природу» от «значения природы»» (*Bridgman P. W.* The Logic of Modern Physics, p. 62).
- 33 *Bridgman P. W.* The Nature of Physical Theory, p. 13—14.
- 34 *Bridgman P. W.* The Intelligent Individual and Society. New York, 1938, p. 80.
- 35 См.: *Lenzen V.* Operational Theory in Elementary Physics. — American Physical Teacher, 1939, vol. 7, p. 367.
- 36 *Pap A.* Semantics and Necessary Truth. New Haven, 1958, p. 312—313.
- 37 См.: The Present State of Operationalism. — Scientific Monthly, 1954, vol. 79, N 4.

- ³⁸ Grünbaum A. Operationalism and Relativity. — Scientific Monthly, 1954, vol. 79, N 4, p. 5.
- ³⁹ Горский Д. П. О видах определений и их значении в науке. — В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964, с. 308.
- ⁴⁰ Швырев В. С. Некоторые вопросы логико-методологического анализа отношения теоретического и эмпирического уровней научного знания. — В кн.: Проблемы логики научного познания, с. 74.
- ⁴¹ Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950, с. 266.
- ⁴² Там же, с. 265. ⁴³ Там же, с. 264. ⁴⁴ Там же, с. 265.
- ⁴⁵ Там же, с. 394. ⁴⁶ Там же, с. 336. ⁴⁷ Там же, с. 337.
- ⁴⁸ Там же, с. 338. ⁴⁹ Там же. ⁵⁰ Там же, с. 342. ⁵¹ Там же, с. 428. ⁵² Там же, с. 429. ⁵³ Там же. ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. ⁵⁶ Там же, с. 346. ⁵⁷ Там же, с. 350. ⁵⁸ Там же, с. 344. ⁵⁹ Там же, с. 395. ⁶⁰ Там же, с. 397. ⁶¹ Там же, с. 445.
- ⁶² См.: Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М., 1973; Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии, с. 41—52.
- ⁶³ Price H. H. Perception. London, 1932, p. 3. Цит. по: Hirst R. I. The Problems of Perception. London; New York, 1959, p. 28.
- ⁶⁴ Ibid., p. 67—68.
- ⁶⁵ См.: Hirst R. I. The Problems of Perception, p. 85.
- ⁶⁶ Ibid., p. 91—92.
- ⁶⁷ Ibid., p. 102.
- ⁶⁸ Анализ феноменологической теории познания Э. Гуссерля см. также в работах: Бакрадзе К. С. Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960, с. 410—529; Какабадзе З. М. Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля. Тбилиси, 1966; Мотрошилова Н. В. Принципы и противоречия феноменологической философии. М., 1968.
- ⁶⁹ См.: Husserl E. Erfahrung und Urteil. Prag, 1930, S. 12.
- ⁷⁰ Какабадзе З. М. Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля, с. 76.
- ⁷¹ См.: Lauer Q. Phénoménologie de Husserl. Paris, 1955, p. 188, 315; Kockelmans G. Husserl's Phenomenological Psychology. Pittsburg, 1966, p. 225—229, 260.
- ⁷² См.: Kockelmans G. Husserl's Phenomenological Psychology.
- ⁷³ Анализ проблемы субъекта и объекта в философии Фихте см. также: Деборин А. М. Диалектика у Фихте. — В кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.; Л., 1927, кн. 3; Асмус В. Ф. Очерки истории диалектики в новой философии. М.; Л., 1930; Ойзерман Т. И. Философия Фихте. М., 1962; Бур М. Фихте. М., 1965; Любугин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1973, с. 35—47.
- ⁷⁴ См.: Фихте И.-Г. Избранные сочинения. М., 1916, т. 1, с. 62.
- ⁷⁵ Там же, с. 64.
- ⁷⁶ Там же, с. 72.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же, с. 160.
- ⁷⁹ Там же, с. 161.

- ⁸⁰ Анализ кантовской теории познания см. также в следующих работах: *Бородай Ю. М.* Воображение и теория познания. М., 1966; *Философия Канта и современность* (под общ. ред. Т. И. Ойзермана). М., 1974; *Критические очерки по философии Канта* (под ред. М. А. Булатова). Киев, 1975; *Ойзерман Т. И.* Философия И. Канта. М., 1974; *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант. М., 1973; *Шинкарук В. И.* Теория познания, логика и диалектика И. Канта. Киев, 1974; *Абдильдин Ж. М.* Диалектика Канта. Алма-Ата, 1974; *Мотрошилова Н. В.* Гуссерль и Кант: проблема «трансцендентальной философии». — В кн.: *Философия Канта и современность*. М., 1974; *Нарский И. С.* Кант. М., 1976.
- ⁸¹ *Кант И.* Сочинения. В 6-ти т. М., 1964, т. 3, с. 118.
- ⁸² «... мысль, что все представления, данные в созерцании, в совокупности принадлежат мне, означает, что я соединяю их в одном самосознании или по крайней мере могу соединить их в нем...; иными словами, только в силу того, что я могу постичь многообразное [содержание] представлений в одном сознании, я называю все их *моими* представлениями; в противном случае я имел бы столь же пестрое разнообразие Я (Selbst), сколько у меня есть сознаваемых мной представлений» (*Кант И.* Сочинения. В 6-ти т., т. 3, с. 192—193).
- ⁸³ См. там же, с. 196—197.
- ⁸⁴ Там же, с. 288—289.
- ⁸⁵ Там же, с. 288.
- ⁸⁶ Там же, с. 286.
- ⁸⁷ Там же, с. 287—288.
- ⁸⁸ Там же, с. 289.
- ⁸⁹ См. там же, с. 194—195.
- ⁹⁰ Там же, с. 382—383.
- ⁹¹ «... мы должны... признать... относительно внутреннего чувства, что посредством него мы созерцаем себя самих лишь постольку, поскольку мы сами воздействуем на себя изнутри, т. е. во внутреннем созерцании мы познаем свой собственный субъект только как явление, а не по тому, как он существует в себе» (*Кант И.* Сочинения. В 6-ти т., т. 3, с. 208).
- ⁹² Может показаться, что сказанное неприменимо, по крайней мере, к кантовскому пониманию «чистой математики». Последняя рассматривается в «Критике чистого разума» как наука, предмет которой определяется априорными формами чувственности — пространством и временем. Это означает, что, с кантовской точки зрения, «воззрительные» элементы играют принципиальную роль в математическом знании. Важно, однако, заметить, что, по Канту, математика как наука предполагает применение к чистым априорным формам чувственности логических категорий рассудка. Кантовское понимание математики, таким образом, отлично от гуссерлевского. Именно последнее, а не первое лежит в основании того современного направления в обосновании математики, которое получило название интуиционизма.
- ⁹³ *Какабадзе З. М.* Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля, с. 87.
- ⁹⁴ Там же, с. 90.
- ⁹⁵ Анализ общей философской концепции Ж.-П. Сартра см. в работах: *Кузнецов В. П.* Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М.,

- 1969; Стрельцова Г. Я. Критика экзистенциалистской концепции диалектики: (Анализ философских взглядов Ж.-П. Сартра). М., 1974; Киссель М. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л., 1976; Филиппов Л. И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М., 1977.
- ⁹⁶ См.: Sartre J.-P. L'être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique. Paris, 1943, p. 372, 388, 390.
- ⁹⁷ Ibid., p. 332—333.
- ⁹⁸ Ibid., p. 198—202.
- ⁹⁹ Ibid., p. 342—343.
- ¹⁰⁰ Ibid., p. 220—240.
- ¹⁰¹ Так называемые науки о человеке (психология, социальные науки, гуманитарные науки), с точки зрения Сартра, в отличие от наук естественных имеют дело не с подлинными объектами, а с псевдообъектами, т. е. с сознанием и его действительностью, принявшими извращающую их подлинную природу форму предметности. Поэтому, считает Сартр, хотя результаты этих наук имеют определенные объективные основания, эти дисциплины, именно в той мере, в какой они научны, являются плодом мистификации.
- ¹⁰² См.: Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Piaget J. Le langage et la pensée chez l'enfant. Paris, 1948, p. 4; Piaget J. Pensée egocentrique et pensée sociocentrique. — Cahiers internationaux de Sociologie, 1951, vol. X; Piaget J. Comments on Vygotsky's Critical Remarks Concerning «The Language and Thought of the Child». Cambridge, 1962; Лекторский В. А., Садовский В. Н. Генезис и строение интеллектуальной деятельности в концепциях Ж. Пиаже. — В кн.: Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М., 1966.
- ¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62.
- ¹⁰⁴ См.: Выготский Л. С. Проблемы речи и мышления в учении Ж. Пиаже. — В кн.: Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.; Л., 1932, с. 3—54; Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956; Он же. Развитие высших психических функций. М., 1960.
- ¹⁰⁵ См.: Piaget J. Comments on Vygotsky's Critical Remarks Concerning «The Language and Thought of Child».
- ¹⁰⁶ Piaget J. Pensée egocentrique et pensée sociocentrique. — Cahiers internationaux de Sociologie, 1951, vol. X, p. 34.
- ¹⁰⁷ См.: Ayer A. The Problem of Knowledge. London, 1956, p. 47, 48, 50—52.

К второму разделу

- ¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976, с. 253.
- ² Коршунов А. М. Теория отражения и творчество. М., 1971, с. 20.
- ³ См.: Глезер В. Д., Цуккерман И. И. Информация и зрение. М.; Л., 1961, с. 89.
- ⁴ См.: Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г. Восприятие и действие. М., 1967, с. 55.
- ⁵ «В сущности, нашим органам чувств предметы доступны лишь в очень малой степени, — пишет известный современный специалист по психологии восприятия профессор бионики Эдинбургского университета Р. Грегори. — Ведь ощущаются не пред-

меты как таковые, а мимолетные зрительные формы, дуновения запахов, разобщенные тактильные формы, возникающие при легком контакте объекта с кожей руки, а иногда — болезненные уколы, остающиеся при слишком тесном соприкосновении с предметом вещественный след — царапину. Нашим ощущениям непосредственно доступна лишь малая часть важных свойств объектов... Если вдуматься, мы полагаемся (речь идет о восприятии. — В. Л.) главным образом как раз на такие свойства предметов, которые никогда не воздействовали на наши органы чувств непосредственно.

Некогда считалось, что поведение индивида определяется сенсорной информацией — той, которая непосредственно и ситуационно доступна зрению и другим чувствам. Теперь мы знаем, что это не так; сенсорная информация недостаточно полна. Она неполна настолько, что совершенно правомерно ставился вопрос, пригодна ли она вообще для руководства поведением, содержит ли она то, что человеку нужно узнать о предмете, чтобы отнестись к нему правильно, то есть чтобы решить задачу поведения по отношению к данному объекту. Трудность задачи несомненна, и мозг сталкивается с этой задачей постоянно» (Грегори Р. Разумный глаз. М., 1972, с. 9).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 82.

⁷ Цит. по кн.: Пиаже Ж., Инсельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М., 1963, с. 27.

⁸ Грегори Р. Разумный глаз, с. 10.

⁹ Тюстин В. С. О природе образа. М., 1963, с. 40, 50.

¹⁰ Грегори Р. Разумный глаз, с. 15.

¹¹ См.: Gombrich E. Art and Illusion. New York, 1961, p. 363.

¹² Gibson J. The perception of visual world. Boston, 1950, p. 26—27.

Цит. по: Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа. — В кн.: Восприятие и деятельность. М., 1976, с. 233.

¹³ Ibid.

¹⁴ См.: Леонтьев А. Н. О путях исследования восприятия; Столин В. В. Исследование порождения зрительного пространственного образа; Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа; Пузырей А. А. Смыслообразование в процессах перцептивной деятельности. — В кн.: Восприятие и деятельность.

¹⁵ «Гибсон совершенно прав, настаивая на качественных особенностях образа восприятия в его содержательном семантическом аспекте по сравнению с той сенсорной «данностью», в которой он существует... Безусловно, информация о мире извлекается не из сенсорной ткани образа, а вычерпывается из самого окружающего нас мира, поэтому механизм этого вычерпывания невозможно найти в принципах «структуризации» сенсорики» (Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа. — В кн.: Восприятие и деятельность, с. 264—265).

¹⁶ Ruskin J. The Elements of Drawing. London, 1857. Note to part 5.

Цит. по кн.: Gombrich E. Art and Illusion, p. 296.

¹⁷ «...хорошо известно, что шахматист при кратковременной экспозиции шахматной диаграммы может дать хороший качественный анализ шахматной позиции, но не в состоянии вспомнить, сколько фигур было на доске и какие поля они

занимали. Это — яркая иллюстрация того, что чувственная форма прежде всего существует для субъекта как материал, в котором субъекту презентуется предметное содержание. Сама по себе чувственная форма презентуется лишь при наличии специальной задачи на осознание. Если ограничить время экспозиции и тем самым лишить субъекта возможности осознать, в каком материале ему было дано то или иное предметное содержание, возникает парадоксальная ситуация: шахматист видел «мат в два хода» и не помнит, был ли ферзь на доске» (Восприятие и деятельность, с. 262—263).

¹⁸ См.: *Логвиненко А. Д.* Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа. — В кн.: *Восприятие и деятельность*, с. 252—256.

¹⁹ *Грегори Р.* Разумный глаз, с. 26—27.

²⁰ Там же, с. 32.

²¹ См.: *Вергилес Н. Ю., Зинченко В. П.* Проблема адекватности образа (на материале зрительного восприятия). — *Вопросы философии*, 1967, № 4.

²² «Восприятие, — пишут известные советские психологи В. П. Зинченко и Н. Ю. Вергилес, — ... скорее похоже не на слепое копирование действительности, а на творческий процесс познания, в котором, по-видимому, как и во всяком творчестве, присутствуют элементы фантазии и бессознательного» (*Вергилес Н. Ю., Зинченко В. П.* Проблема адекватности образа. — *Вопросы философии*, 1967, № 4, с. 65).

²³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

²⁴ См.: *Роговин М. С.* Чувственный образ и мысль. — *Вопросы философии*, 1969, № 9.

²⁵ См.: *Грегори Р.* Разумный глаз, с. 121.

²⁶ См. также: *Современные проблемы теории познания диалектического материализма* под ред. М. Б. Митина. М., 1970, т. 1, 2; *Георгиев Ф. И., Дубовской В. И., Коршунов А. М., Михайлова И. Б.* Чувственное познание. М., 1965.

²⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.

²⁸ Описание опытов со «стульями Эймса» см.: *Gombrich E.* Art and Illusion, p. 248—249, а также *Грегори Р.* Разумный глаз, с. 31.

²⁹ Это существенное условие опытов Эймса. Как известно, рассматривание предмета двумя глазами (бинокулярное зрение) обеспечивает получение двух несколько отличных друг от друга ретинальных изображений одного объекта, что позволяет воссоздать его глубину и расстояние от воспринимающего. В этом случае человек в меньшей степени подвержен зрительным иллюзиям. Однако, как следует из сказанного, для выделения реального объекта и отличения его от иллюзии бинокулярного зрения тоже недостаточно, ибо выделение объекта предполагает владение объект-гипотезами, которые наследственно вовсе не закреплены в сетчатке, а формируются и усваиваются в ходе активной практической деятельности с реальными предметами. Вот пример иллюзии, возникающей и при бинокулярном зрении. В обычных условиях, когда мы поворачиваем картину, на которой изображен портрет, под острым углом к воспринимающему, последний продолжает видеть на портрете то же самое лицо, сохраняющее для него константность формы. Если рассматривать сделанный в Англии в XVII в.

портрет короля Эдуарда VI так, как мы делаем это обычно, т. е. так, чтобы угол зрения был примерно перпендикулярен к поверхности портрета, то изображенное лицо не только имеет странно уродливый вид, но и кажется расплывшимся, каким-то текучим и иллюзорным. Если повернуть этот портрет под острым углом к зрителю, лицо Эдуарда VI приобретает нормальный вид. Портрет специально написан так, что фронтальная проекция на сетчатку изображенного на нем лица не соответствует фронтальной проекции деревянной основы портрета. И хотя мы можем смотреть на обычные портреты, когда проекция изображенного лица на сетчатку не является фронтальной, и не теряем при этом впечатления реального изображенного, тем не менее оказывается невозможным воспринять данную картину в качестве портрета реального человека в том случае, если рама не повернута под острым углом к зрителю. Причина иллюзии в том, что мы интерпретируем ретинальные изображения посредством объект-гипотезы, подтвержденной нормальной, обычной практикой рассматривания картин и предполагающей, что наш угол зрения примерно перпендикулярен плоскости изображения (см. *Gombrich E. Art and Illusion*, p. 252).

Адекватность восприятия, по мнению некоторых авторов, обеспечивается тем, что впечатления от объектов, находящихся на значительных расстояниях, в необычных ракурсах или при необычном освещении, преобразуются в некоторые нормы, как если бы субъект действительно придвинул к себе воспринимаемый объект на дистанцию оптимального видения, повернул его фронтальной плоскостью перпендикулярно к оси зрения или перенес его для удобства рассмотрения в более обычные или благоприятные условия освещения (*Вергилес Н. Ю., Зинченко В. П. Проблема адекватности образа. — Вопросы философии*, 1967, № 4, с. 61).

³⁰ См.: *Gombrich E. Art and Illusion*, p. 249.

³¹ *Грегори Р. Разумный глаз*, с. 80.

³² Там же.

³³ Там же, с. 40, 193.

³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 42, с. 261.

³⁵ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 19, с. 377.

³⁶ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 29, с. 195.

³⁷ Там же, т. 32, с. 72.

³⁸ См.: *Piaget J. La construction du réel chez l'enfant*. Paris, 1937.

Излагается по кн.: *Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г. Восприятие и действие*, с. 163—165.

³⁹ *Коршунов А. М. Теория отражения и творчество*. М., 1971, с. 78.

⁴⁰ См.: *Вергилес Н. Ю., Зинченко В. П. Проблема адекватности образа. — Вопросы философии*, 1967, № 4, с. 57.

⁴¹ Философский анализ марксистского принципа предметной деятельности см.: *Коршунов А. М. Познание и деятельность*. М., 1967; *Огурцов А. П. Практика как философская проблема. — Вопросы философии*, 1967, № 7; *Лекторский В. А. Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания. — В кн.: Эргономика. Методологические проблемы исследования деятельности: Труды ВНИИТЭ*, т. 10, М., 1976; *Швырев В. С. Задачи разработки категории деятельности как теоретического понятия*. Там же; *Юдин Э. Г. Понятие деятельности как мето-*

дологическая проблема. Там же; *Трубников Н. Н.* О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968; *Булатов М. А.* Деятельность и структура философского знания. Киев, 1976; *Иванов В. П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977; *Яценко А. И.* Целеполагание и идеалы. Киев, 1977.

О значении категории предметной деятельности для психологической теории см.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957; *Он же.* Принципы и пути развития психологии: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1959; *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; *Роговин М. С., Соловьев А. В., Урванцев Л. П., Шотемор Ш. Ш.* Структуры психики и проблема познания. — Вопросы философии, 1977, № 4.

⁴² См.: *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1974, с. 183—240.

⁴³ См.: *Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Ружская А. Г.* Восприятие и действие, с. 265, 285.

⁴⁴ См.: *A Source Book of Gestalt Psychology.* London, 1938, p. 48, 50, 52—54.

⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 120, 122.

⁴⁶ См.: *Rossi P.* Hermeticism, Rationality and the Scientific Revolution. — In: Reason, Experiment and Mysticism in the Scientific Revolution/ Ed. by M. L. Reghini et al. New York, 1975, p. 247—273.

⁴⁷ Ср. следующие рассуждения Спинозы о сущности круга. Круг можно определить как «фигуру, у которой линии, проведенные от центра к окружности, равны...» (*Спиноза В.* Избранные произведения. М., 1957, т. 1, с. 352). Однако такая дефиниция, считает Спиноза, «совсем не выражает сущности круга, а только некоторое его свойство» (там же), к тому же свойство производное, вторичное. Это всего лишь номинальная дефиниция. Реальная дефиниция должна выражать ближайшую причину вещи, а это, по мнению Спинозы, равносильно заданию способа построения вещи. В этом случае круг должен быть определен как «фигура, описываемая какой-либо линией, один конец которой закреплен, а другой подвижен» (там же).

⁴⁸ См.: *Bachelard G.* L'activité rationaliste de la physique contemporaine. Paris, 1951, p. 90.

⁴⁹ См.: *Зотов А. Ф. Г.* Бахтияр и методология науки XX века. — Вопросы философии, 1973, № 3.

⁵⁰ См.: *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.

⁵¹ См.: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972; *Он же.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

⁵² См.: *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов: Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974.

⁵³ См.: *Гальперин П. Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий. — Психологическая наука в СССР, М., 1959, т. 1; *Он же.* К исследованию интеллектуального развития ребенка. — Вопросы психологии, 1969, № 1; *Он же.* Введение в психологию. М., 1976.

⁵⁴ См.: *Запорожец А. В.* Развитие произвольных движений. М., 1960.

- 55 См.: Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М., 1972; *Он же.* Анализ структуры мыслительного акта. — Доклады АПН РСФСР, 1960, № 2; *Он же.* Категории логики и педагогика. — В кн.: Проблемы диалектической логики: Материалы к симпозиуму. Алма-Ата. 1968.
- 56 См.: Вергилес Н. Ю., Зинченко В. П. Проблема адекватности образа. — Вопросы философии, 1967, № 4; Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г. Восприятие и действие. М., 1967.
- 57 См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность, с. 95.
- 58 Там же, с. 97—98.
- 59 См.: Роговин М. С. Проблемы теории памяти. М., 1977, с. 78—79.
- 60 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 123.
- 61 См.: Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети. М., 1974; Гургенцидзе Г. С., Ильенков Э. В. Выдающееся движение советской науки. — Вопросы философии, 1975, № 6, с. 69—79; Ильенков Э. В. Становление личности: к итогам научного эксперимента. — Коммунист, 1977, № 2.
- 62 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 118.
- 63 «Реально мы всегда имеем два взаимосвязанных отношения — человек и бытие, человек и другой человек (другие люди). Эти два отношения взаимосвязаны и взаимообусловлены... Вопрос о существовании внешнего мира и вопрос о существовании других людей (и отношений к ним) должны быть сплетены в своей исходной постановке, вскрывающей мир и других людей как предпосылку существования, подлинного существования субъекта» (Рубинштейн С. Л. Проблема общей психологии. М., 1976, с. 254, 329). См. также: Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973).
- 64 См. также: Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии; *Он же.* Проблема субъекта-объекта в теории познания. — Вопросы философии, 1964, № 5; *Он же.* Принципы воспроизведения объекта в знании. — Вопросы философии, 1967, № 4; *Он же.* Ленинское понимание диалектики субъекта и объекта. — Коммунист, 1967, № 6; *Он же.* О субъективном и объективном. — В кн.: Некоторые проблемы диалектики, вып. VII. М., 1973.
- 65 См.: Maxwell G. The Ontological Entities. — In: Minnesota Studies in the Philosophy of Science, vol. III. Minnesota, 1962, p. 10.
- 66 Гейзенберг В. Квантовая механика и беседа с Эйнштейном. — Природа, 1972, № 5, с. 87.
- 67 См.: Кун Т. Структура научных революций. М. 1975, с. 145—173.
- 68 См.: Омельяновский М. Э. О принципе наблюдаемости в современной физике. — Вопросы философии, 1968, № 9; *Он же.* Еще раз о принципе наблюдаемости и принципе дополнительности в физике и о диалектике. — Вопросы философии, 1977, № 2.
- 69 Кун Т. Структура научных революций, с. 48—49.
- 70 Там же, с. 172—173.

И. Лакатос подчеркивает, что в том случае, когда теория, в рамках которой проводились те или иные «точные» измерения, оказывается отвергнутой, сами эти измерения задним числом начинают выглядеть довольно бессмысленно. В этой связи он цитирует рассуждение известного химика Содди: «Трагична судьба, которая постигла результаты работы всей

жизни целой плеяды блестящих химиков девятнадцатого столетия, которые справедливо почитались современниками в качестве самых совершенных представителей точного научного измерения. Их с таким трудом полученные результаты кажутся сегодня имеющими столь же малое значение, как определение среднего веса коллекции бутылок, некоторые из которых полны, а другие более или менее пусты». (Цит. по кн.: *Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes.* — In: *Criticism and the Growth of Knowledge.* Cambridge, 1970, p. 140).

- ⁷¹ См.: *Hesse M. Is There an Independent Observation Language?* — In: *The Nature and Function of Scientific Theory.* Pittsburg, 1970, p. 47.
- ⁷² В этой связи М. Бунге приводит следующий пример. Лаборант для измерения сопротивления в электрической цепи может пользоваться следующим операциональным утверждением: «Если один из контактов гальванометра на мостике Уитстона присоединен к точке Q, выбранной произвольно на одном из ответвлений мостика, а второй перемещается вдоль другого ответвления, то будет найдена некоторая точка S, где указатель гальванометра придет в состояние покоя на нулевом делении шкалы, что мы и увидим». В этом утверждении содержатся лишь ссылки на поведение приборов и на соответствующие действия самого экспериментатора. Дело, однако, в том, что сформулированное выше утверждение могло быть получено лишь в результате перевода на операциональный язык следующего физического утверждения, характеризующего реальные процессы, являющиеся объектом измерения: «в одном из ответвлений мостика Уитстона существует некоторая точка S, где электрический потенциал имеет то же самое значение, что и потенциал в заданной точке другого ответвления». Это утверждение, в свою очередь, получено как следствие элементарной теории электрических цепей, основными законами которой являются законы Кирхгофа и Ома (См.: *Бунге М. Философия физики.* М., 1975, с. 314).
- ⁷³ Об этом см., напр., *Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки.* М., 1966; *Он же.* К анализу категорий теоретического и эмпирического в научном познании. — *Вопросы философии*, 1975, № 2; *Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания.* — В кн.: *Проблемы логики научного познания.* М., 1964, с. 23—52; *Попович М. В. О философском анализе языка науки.* Киев, 1966.
- ⁷⁴ См.: *Suppe F. The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories.* — In: *The Structure of Scientific Theories.* Urbana, 1974, p. 104—109.
- См. также: *Лекторский В. А. Позитивизм.* — В кн.: *Философская энциклопедия.* М., 1967, т. 4; *Он же.* От позитивизма к неопозитивизму. — В кн.: *Буржуазная философия XX века.* М., 1974; *Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки; Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма.* М., 1960.
- ⁷⁵ См.: *Лекторский В. А. Единство эмпирического и теоретического в научном познании.* — В кн.: *Диалектика — теория познания. Проблемы научного метода.* М., 1964.
- ⁷⁶ См.: *Горский Д. П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики.* М., 1966, с. 33—34.

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 25.

⁷⁸ См., напр., Грязнов Б. С. Теория и ее мир. — В кн.: Грязнов Б. С., Никитин Е. П. и др. Теория и ее объект. М., 1973, с. 5—38.

⁷⁹ О методе К. Маркса в «Капитале» см.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967; Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976; История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа (под ред. М. М. Розенталя). М., 1971.

⁸⁰ Д. Шэпир формулирует следующие особенности, присущие реальным объектам, с которыми имеет дело научно-теоретическое мышление, и отсутствующие у идеализированных предметов:

1) Если объект *A* реально существует, то он может взаимодействовать с другими реальными объектами, в частности макроскопическими (этого нельзя сказать об идеализированных предметах);

2) Утверждение о том, что «*A* существует» означает, что *A* может иметь такие характеристики, которые еще не открыты;

3) Реальному объекту *A* могут приписываться такие свойства, которые в действительности ему не присущи, что и обнаруживается в дальнейшем (очевидно, особенности, сформулированные в пунктах «2» и «3», бессмысленно относить к идеализированным предметам);

4) Если *A* реально существует, то в отношении его могут иметься различные и даже конкурирующие между собой теории (именно так и обстоит дело, например, с электроном), т. е. *A* имеет «транстеоретический» статус.

См.: *Shapere D. Notes Towards a Post-Positivistic Interpretation of Science.* — In: *The Legacy of Logical Positivism.* Ed. by R. Achinstein, S. Barker. Baltimore, 1969, p. 140—159;

Также: *Shapere D. Scientific Theories and Their Domains.* — In: *The Structure of Scientific Theories*, p. 567—569.

Заметим в этой связи, что так называемые абстрактные объекты, изучаемые в «чистой» математике (числа, множества, функции, группы и т. д.), являются выражением не реальных предметов, существующих в пространстве и времени, а определенного типа отношений между реальными объектами.

⁸¹ См.: *Maxwell G. Theories, Perception and Structural Realism.* — In: *The Nature and Function of Scientific Theories.* Pittsburg, 1970.

⁸² «Других форм созерцания (кроме пространства и времени), а также других форм рассудка (кроме дискурсивных форм мышления или познания посредством понятий), если бы даже они и были возможны, мы никаким образом не в состоянии ни представить себе, ни понять; а если бы нам это и удалось, то такие формы все же не принадлежали бы к опыту как единственному способу знания, каким нам даются предметы. Существуют ли другие восприятия, отличные от тех, которые вообще принадлежат ко всему нашему возможному опыту, и возможна ли, следовательно, совершенно другая по содержанию область — этот вопрос рассудок решить не может:

он имеет дело только с синтезом того, что дано». (*Кант И.* Сочинения. В 6-ти т. М., 1964, т. 3, с. 292).

⁸³ Обратим внимание, что «парадигма», по Куну, — это не просто общая структура теории, или же абстрактная схема, которая заполняется содержанием и конкретизируется по мере ее теоретической разработки.

Развитие исследований в рамках данной «парадигмы» не может быть уподоблено движению от общего к частному или же восхождению от абстрактного к конкретному (между прочим, в рамках другой теоретической концепции развития научного знания — теории «исследовательских программ», предложенной И. Лакатосом, — разработка «исследовательской программы», в основе которой лежит некоторое содержательное «твердое ядро», как раз напоминает восхождение от абстрактного к конкретному). Для Куна принципиально важным является понимание «парадигмы» в качестве конкретного научного достижения, воплощенного в том или ином труде, например, в «Физике» Аристотеля, «Началах» Ньютона или «Химии» Лавуазье. «Парадигма» содержит общую теоретическую схему в неразрывной связи с конкретными образцами ее приложения к решению тех или иных особых задач. Принятие «парадигмы» вовсе не означает усвоения алгоритма для решения задач определенного типа, а лишь овладение некоторым образцом, моделью такого решения, применение которой предполагает творческую деятельность по уподоблению новых задач тем, которые содержатся в классическом труде — «парадигме». Хотя разработка «парадигмы» включает в себя также и переход от определенных идеализаций к их конкретизации, основным в этой деятельности является нахождение способов преобразования данной задачи, позволяющих уподобить ее тем, которые содержатся в «парадигме». Приложение «парадигмы» к тем или иным особым задачам, ситуациям — это не просто накладывание готовой теоретической схемы на эмпирический материал, не только лишь описание эмпирии посредством сетки теоретических понятий, а теоретическая деятельность. Ибо возможность приложения теоретической структуры, содержащейся в «парадигме», к данной эмпирической ситуации непосредственно не дана в самой этой ситуации, как она воспринимается на донаучном уровне, и предполагает ее концептуальную теоретическую реконструкцию, позволяющую выявить ее аналогию с другими примерами приложения «парадигмы». Теоретическая разработка «парадигмы» неотделима для Куна от нахождения новых способов ее приложения и в значительной степени сводится к последней, т. е. предполагает движение мысли от одних особых случаев к другим.

⁸⁴ О концепции Т. Куна см. также: *Микулинский С. Р., Маркова Л. А.* Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций». — В кн.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975; *Легостаев В. М.* Философская интерпретация развития науки Томаса Куна. — Вопросы философии, 1972, № 11; *Родный Н. И.* Проблема научной революции в концепции развития науки Т. Куна. — В кн.: Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973; *Швырев В. С.* Анализ научного знания в современной «философии науки». — Вопросы философии, 1971, № 2; *Лекторский В. А.* Философия, наука,

«философия науки». — Вопросы философии, 1973, № 4; Мам-чур Е. А. Проблема выбора теории. М., 1975; Левин А. Е. Модель науки в первом приближении. — Природа, 1976, № 10.

⁸⁵ «Физическое содержание эйнштейновских понятий никоим образом не тождественно со значением ньютоновских понятий, хотя и называются они одинаково. (Ньютоновская масса сохраняется, эйнштейновская может превращаться в энергию. Только при низких относительных скоростях обе величины могут быть измерены одним и тем же способом, но даже тогда они не могут быть представлены одинаково)... Необходимость изменить значение установленных и общеизвестных понятий — основа революционного воздействия теории Эйнштейна. Хотя это изменение более тонкое, нежели переход от геоцентризма к гелиоцентризму, от флогистона к кислороду или от корпускул к волнам, полученное в его результате концептуальное преобразование имеет не менее решающее значение для разрушения ранее установленной парадигмы. Мы даже можем увидеть в концептуальном преобразовании прототип революционной переориентации в науках» (Кун Т. Структура научных революций, с. 134—135).

⁸⁶ Там же, с. 145.

⁸⁷ Следует, правда, заметить, что в «Дополнении 1969 года» к своей книге Кун существенно смягчает тезис о наличии разрыва между разными «парадигмами». Обращая теперь внимание на то, что обыденный мир, язык и большая часть научного мира являются общими для представителей разных научных сообществ. Кун считает возможным, используя общий житейский словарь, осуществлять перевод с языка одной парадигмы на язык другой. «Каждый будет обучен переводить теорию другого и ее следствия на свой собственный язык и в то же время описывать на своем языке тот мир, к которому применяется данная теория» (Кун Т. Структура научных революций, с. 254). Следует заметить, что в еще более резкой форме, чем Кун, тезис о несоизмеримости и взаимной непереводаемости разных теоретических систем формулирует П. Фейерабенд. Последний подчеркивает, что поскольку каждая концептуальная система содержит собственные стандарты приемлемости формулируемых в ней утверждений, невозможно судить о теории на основании тех методов оценок, которые присущи другой концептуальной системе. Обыденный язык тоже является своего рода концептуальной системой. Поэтому, считает Фейерабенд, утверждения, формулируемые в терминах обыденного языка, не могут быть тем якобы «нейтральным базисом», который дает возможность сравнивать разные теории. См.: *Feysabend P. Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge.* London, 1975.

⁸⁸ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960, вып. 1, с. 174, 175.

⁸⁹ См.: Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974, с. 21.

⁹⁰ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. — В кн.: Новое в лингвистике, с. 177.

⁹¹ См.: Целищев В. В. Логическая истина и эмпиризм. Новосибирск, 1974, с. 13.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, с. 16.

⁹⁴ Quine W. V. Notes on Existence and Necessity. — Journal of Philosophy. New York, 1943, vol. 40, p. 118.

⁹⁵ См.: Quine W. V. Word and Object. New York, 1960, p. 40, 42, 51.

⁹⁶ «Когда мы релятивизируем эти вопросы, ставя их в зависимость от отношения к предпосылочной теории (т. е. той теории, на которую осуществляется перевод, которая задает онтологию. — В. Л.)... то сама релятивизация имеет два компонента: относительно выбора «предпосылочной теории и относительно выбора того, как перевести объектную теорию (т. е. теорию, онтология которой исследуется. — В. Л.) в предпосылочную теорию» (Quine W. V. Ontological Relativity and Other Essays. New York, 1969, p. 67).

⁹⁷ Ibid., p. 50.

⁹⁸ Сторонник разбираемой концепции Б. Страуд рассуждает следующим образом: «Для того чтобы найти корреляцию выражений чужого и нашего языка, мы, очевидно, должны формулировать аналитические гипотезы на нашем языке... Отсюда следует, что, например, по отношению к общим терминам, служащим для выражения основных типов вещей, невозможно показать, что носители чужого языка имеют в виду такие эти типы, которые мы не имеем средств выразить на нашем языке, или, что они говорят об этих вещах таким образом, который не имеет аналогов в нашем. Успех в переводе языка чужого племени на наш собственный несовместим с предположением о том, что чужому языку якобы присущи отличные от нашего «механизмы референции»... если данное предположение может быть сделано понятным, значит, мы имеем в нашем языке средства выражения вещей этого типа, и поэтому механизмы референции чужого и нашего языка не отличаются друг от друга; если же это предположение не может быть сделано понятным, тогда возможность существования в чужом языке механизмов референции, отличных от принятых у нас, не может быть продемонстрирована. В любом случае получается, что принятый в нашем языке механизм референции не может быть подвергнут ревизии» (Stroud B. Conventionalism and the Indeterminacy of Translation. — In: Words and Objections. Essays on the Work of W. V. Quine/ Ed. by D. Davidson, G. Hintikka. Revised Edition. Dordrecht, 1975, p. 90—91). Концепция онтологической относительности поддерживает бессмысленность встречающихся в современной англо-американской эпистемологической литературе рассуждений о возможности существования своеобразного «языка», — а значит, и «разума» и «картины мира» — у таких существ, которых мы не считаем разумными (например, у тюльпанов). Авторы подобных рассуждений аргументируют свою позицию ссылкой на то, что «язык», который они имеют в виду, может быть настолько отличным от нашего, что мы не в состоянии понять его смысл; тем более, что поведение носителей этого «языка» тоже не имеет ничего общего с человеческим. Мы можем даже не догадаться, что имеем дело с языком, считают эти авторы. Такие ситуации, по мнению авторов этих рассуждений, возможны, в частности, при столкновении человека с разумными космическими пришельцами: последние не обаяны внешне походить на человека, им может быть присущ

- совершенно непривычный для нас способ поведения и абсолютно непохожие на наши методы коммуникации. В этом случае мы не распознаем в них разумных существ. Вообще, считают авторы этих рассуждений, мы можем быть окружены массой разумных существ, о присутствии которых мы даже не догадываемся и в мир которых не имеем ни малейшей возможности проникнуть. Куайн отмечает все подобные рассуждения указанием на то, что не существует никаких опытных средств их подтверждения или опровержения: ведь наш опыт уже несет в себе ту объектную схему расчленения мира, которая принята в нашем языке. В этом пункте Куайн напоминает Канта. См.: *Genova A. C. Kant and Alternative Frameworks and Possible Worlds.* — In: *Akten des 4 Internationalen Kant Kongresses.* Mainz, 6—10 April 1974, Teil II.2. Berlin; New York, 1974, p. 834—841; *Rorty R. The World Well Lost.* — *Journal of Philosophy*, New York, 1972, vol. LXIX, N 19, p. 649—665.
- ⁹⁹ Попытка такого осмысления с позиций диалектического материализма предпринята в упомянутой книге В. В. Целищева.
- ¹⁰⁰ Куайн считает необходимым для антрополога-исследователя ограничиваться изучением лишь относительно коротких отрезков стимульных значений на том основании, что за более или менее длительный период времени (например, за месяц) могут произойти определенные изменения в самом языке (см.: *Quine W. V. Word and Object.* Cambridge, 1960, p. 63). Подобный аргумент нельзя считать убедительным.
- ¹⁰¹ См.: *Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности*, с. 96.
- ¹⁰² Следует, правда, заметить, что для такого крупнейшего современного представителя теории порождающей грамматики, как Н. Хомский, наличие языковых универсалий и факт несводимости языка к речевому поведению служат основанием для возрождения картезианской концепции врожденных идей. В действительности универсальность основного смыслового поля, которое в разных языках выражается различными языковыми средствами, определяется общностью существенной структуры практической деятельности, которая характерна для носителей разных национальных языков.
- ¹⁰³ См.: *Хомский Н. Синтаксические структуры.* — В кн.: *Новое в лингвистике.* М., 1962, вып. II.
- ¹⁰⁴ См.: *Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность*, с. 140—158.
- ¹⁰⁵ Критический анализ гипотезы Сепира-Уорфа см. также в работах: *Брутян Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа.* Ереван, 1968; *Он же. О гипотезе Сепира-Уорфа.* — *Вопросы философии*, 1969, № 1; *Звягинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа.* — В кн.: *Новое в лингвистике.* М., 1960, вып. I; *Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности.* Киев, 1974.
- ¹⁰⁶ *Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности*, с. 45.
- ¹⁰⁷ Возможности и пути экспериментального исследования того, как разные языковые системы влияют на характер восприятия обсуждаются в кн.: *Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк.* М., 1977.
- ¹⁰⁸ *Бунге М. Философия физики.* М., 1975, с. 257.

- ¹⁰⁹ См. *Кун Т.* Структура научных революций, с. 254—257.
- ¹¹⁰ См.: *Holton G.* On the Role of *Themata* in Scientific Thought. — Science, 1975, vol. 188, N 1186. Анализ непрерывных линий в развитии науки см. в книгах: Противоречия в развитии естествознания (под ред. Б. М. Кедрова). М., 1965; *Степин В. С.* Становление научной теории. Минск, 1976; *Библер В. С.* Мышление как творчество: (Введение в логику мысленного диалога). М., 1975; *Ахутин А. В.* История принципов физического эксперимента. М., 1976.
- ¹¹¹ См.: *Лекторский В. А.* В. И. Ленин и принципы диалектической логики. — В кн.: Ленинизм — философия современной эпохи. М., 1969; *Он же.* Разработка проблем теории познания в книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». — В кн.: «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. М., 1978; *Лекторский В. А., Сафаров Х.* О логике развития теоретического знания. — Проблемы мира и социализма, 1976, № 12.
- ¹¹² В противном случае мы можем приписать произведению то содержание, которое ему несвойственно. Так, например, древние греки задавались вопросом о смысле «величественных поз» египетских статуй (об этом, в частности, писал Платон). Между тем, как считает Э. Гомбрих, подобный вопрос мог бы поразить египетского скульптора так же, как если бы кто-то пытался выяснить значение возраста или настроения фигурки короля при игре в шахматы. По мнению Гомбриха, для древних египтян позы статуй не имели содержательного смысла. Подчеркнем, что мы ведем речь лишь о реалистическом искусстве, т. е. о таком, которое решает задачу отображения действительности. Что касается искусства нереалистического, то разговор о нем должен быть особым.
- ¹¹³ «Знаковая природа словесного языка имеет то преимущество перед языком жестов, что она дает возможность совершать любые изменения, преобразования с идеальными предметами, выполненными в словесном материале. Словесный язык по сравнению с жестовым языком более «пластичный» материал, в котором можно «воспроизводить» с большей точностью и тонкостью все свойства и законы объективного мира, могущие не совпадать с теми формами, какие воспроизводятся жестами. Для грубой аналогии можно взять пластилин (слово) и камень (жесты). Пластилину можно придать без особого труда самые точные, замысловатые формы, а камень такой возможности не дает. Но беда в том, что с пластичностью слова надо обращаться очень осторожно, ибо при этом могут возникать несуществующие свойства, каких нет в объективном мире» (*Сироткин С. А.* Чем лучше мышлению вооружаться — жестом или словом? — Вопросы философии, 1977, № 6, с. 101).
- ¹¹⁴ См.: *Gombrich E.* Art and Illusion.
- ¹¹⁵ «Знание не тождественно всякому психическому акту, оно предполагает выделение человеком себя из окружающего мира в процессе осознания его» (*Копнин П. В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966, с. 46). «Животные не знают, а человек знает о своем знании: он знает и то, что он знает, и то, что знает он, и то что именно он знает» (*Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972, с. 142).
- ¹¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 93.

- 117 См.: *Gunderson K. Assymetries and Mind. Body Perplexities.* — In: *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, vol. IV/Ed. by M. Radner, St. Winskur. Minneapolis, 1970, p. 272—304.
- 118 Заметим, что формулирование именно этого парадокса и поиски путей его логического разрешения были стимулом для разработки диалектики на идеалистической основе сначала у Фихте, а затем у Шеллинга и Гегеля.
- 119 *Лакарос И.* Доказательства и опровержения. М., 1967, с. 80.
- 120 Анализируя один из этапов в истории доказательства стереометрической теоремы, И. Лакарос рассуждает следующим образом: «Если бы мы сознательно ввели предположения, то они были бы таковы: (а) вынимание грани всегда оставляет связанную сеть и (б) всякая нетреугольная грань может быть диагоналями разделена на треугольники. Пока они были в нашем подсознательном, то считались тривиально истинными, но цилиндр заставил их перескочить в сознательный ваш перечень в качестве тривиально ложных» (Там же, с. 65).
- 121 «Кто может сказать, когда заявление «автор признает свое невежество в области x » заменит авторитетный эвфемизм „автор предполагает знакомство с областью x ”? (Там же).
- 122 См.: *Polanyi M. Personal Knowledge.* Chicago, 1958. «...„неявное знание“... приобретает скорее практическим участием в научном исследовании, чем усвоением правил, регулирующих научную деятельность» (*Кун Т.* Структура научных революций, с. 240).
- 123 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958, с. 81—82.
- 124 См.: *Ryle G. The Concept of Mind.* London, 1951, p. 195—198.
- 125 *Лакарос И.* Доказательства и опровержения, с. 80. Лакарос обращает внимание на то, что преследовавшаяся в процессе работы по обоснованию математики цель логической тривиализации последней на практике привела к возникновению «изопренной системы, включающей аксиомы сводимости, бесконечности, выбора и разветвленной теории типов — одного из самых запутанных концептуальных лабиринтов, которые когда-либо создавал человеческий ум» (*Lakatos I. Infinite Regress and Foundations of Mathematics.* — In: *The Aristotelian Society. Suppl. Volume*, 1962, p. 171).

С. А. Яновская обращает внимание на то, «сколь важную роль для получения новых результатов в математике, для решения наиболее трудных ее задач, для создания новых — революционных — направлений в науке могут иметь достижения в области, относящейся к проблематике, связанной с требованиями логической строгости... Достаточно напомнить, что важнейшие достижения в области математического анализа в XIX веке были получены благодаря тому, что в ходе ряда дискуссий были уточнены основные понятия анализа: понятия действительного и комплексного числа, предела, непрерывности, функции. В настоящее время с полным правом можно сказать, что лицо современной, и в первую очередь машинной, математики все более и более определяется именно тем, что благодаря развитию философских и логических оснований математики, а также логической теории математического доказательства было строго уточнено понятие

- алгоритма (и эквивалентное ему понятие рекурсивной, или вычислимой, функции)». ... Яновская С. А. О математической строгости. — Вопросы философии, 1966, № 3, с. 41, 42, 43.
- 126 Куайн, обращая внимание на невозможность редукции одной концептуальной системы к другой, считает, что классическая эпистемологическая проблема обоснования знания оказывается псевдопроблемой. См., например: *Quine W. V. Epistemology Naturalized*. — In: *The Psychology of Knowing*. New York; Paris; London, 1972. С точки зрения И. Лакатоса: «Знание основ — это когда мы допускаем, что знаем все, а в действительности не знаем ничего... Знание не имеет основ» (*Лакатос И. Доказательства и опровержения*, с. 65). К. Поппер, П. Фейерабенд, Т. Кун тоже считают проблему обоснования знания бессмысленной.
- 127 См. также: *Метлов В. И. Диалектика оснований и развития научного знания*. — Вопросы философии, 1976, № 1.
- 128 См.: *Polanyi M. Personal Knowledge*, p. 63—65.
- 129 См.: *Клини С. К. Введение в метаматерику*. М., 1957, с. 53.
- 130 «Каждый знает о себе столько и такое, что никакими объективными методами никто и никогда не узнает» (*Спиркин А. Г. Сознание и самосознание*. М., 1972, с. 155).
- 131 См., например: *Кун Т. Структура научных революций*; *Микулинский С. Р., Ярошевский М. Г. Социально-психологические аспекты научной деятельности*. — Вопросы философии, 1972, № 12; *Ziman J. M. Public Knowledge*. Cambridge, 1968.
- 132 См. также: *Евсевичев В. И., Налетов И. З. Концепция «третьего мира» в гносеологии Карла Поппера*. — Вопросы философии, 1974, № 10; *Майзель Б. М. Проблема познания в философских работах К. Р. Поппера 60-х годов*. — Вопросы философии, 1975, № 6.
- 133 См.: *Popper K. R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*, Oxford, 1975, p. 107—108.
- 134 *Ibid.*, p. 115.
- 135 *Ibid.*, p. 114.
- 136 «При характеристике понятия „субъект познание“ приходится учитывать и разделение людей по группам, одни из которых прямо осуществляют творческую деятельность (производство новых идей, знаний), другие же выполняют как бы подсобные функции (систематизация знаний, их классификация), третьи осуществляют передачу знаний — обучение... Субъект познания есть не просто система, осуществляющая извлечение информации о внешних явлениях природы и общественной жизни, но она включает и процесс коммуникации в самом широком смысле слова (передача сведений в ходе обучения, обмен мнениями, борьба идей и т. д.)» (*Коршунов А. М., Мантатов В. В. Теория отражения и эвристическая роль знаков*. М., 1974, с. 14).
- 137 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 29, с. 184.
- 138 О коллективном и индивидуальном субъектах см. также: *Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию*. Киев, 1966, с. 58—65; *Он же. Диалектика как логика и теория познания*. М., 1973, с. 106—117; *Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии*, с. 100—113.
- 139 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 42, с. 93—94.

- 140 Анализ гегелевской концепции субъекта и объекта см. также в работах: *Ойзерман Т. И.* Философия Гегеля. М., 1956; *Овсянников М. Ф.* Философия Гегеля. М., 1959; *Бакрадзе К. С.* Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958; *Шинкарук В. И.* Логика, диалектика и теория познания Гегеля. Киев, 1964; *Кедров Б. М.* В. И. Ленин и гегелевская диалектика. М., 1975; *Лекторский В. А.* Проблема субъекта и объекта в теории познания Гегеля и Маркса. — В кн.: Философия Гегеля и современность. М., 1973; *Любугин К. Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1973, с. 56—57; *Богомолов А. С.* Философия Гегеля и современность. — Коммунист, 1970, № 14; *Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления. М., 1968; *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1974; *Булатов М. А.* Ленинский анализ немецкой классической философии. Киев, 1974.
- 141 Гегель. Сочинения. М., 1959, т. IV, с. 100.
- 142 «Образование, если рассматривать его со стороны индивида, состоит в том, что он добывает себе то, что находится перед ним, поглощает в себя свою неорганическую природу и овладевает ею для себя» (Там же, с. 15).
- 143 Там же, с. 48.
- 144 Там же.
- 145 Там же.
- 146 Там же, с. 49.
- 147 Там же.
- 148 Гегель упрекает Канта и Фихте за то, что они не дошли, по его мнению, «ни до понятия, ни до духа, как он есть в себе и для себя, но только до духа, как он есть в отношении к другому» (Гегель. Сочинения. М., 1956, т. III, с. 205).
- 149 Гегель. Сочинения, т. IV, с. 10.
- 150 Там же, с. 50.
- 151 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 159—160.
- 152 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 250.
- 153 См. также: *Лекторский В. А.* Теория познания. — В кн.: Философская экспедиция, М., 1970, т. 5; *Лекторский В. А., Швырев В. С., Огурцов А. П., Юдин Э. Г.* Философия. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 5; *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки (типы и уровни). — В кн.: Философия, методология, наука. М., 1972; *Лекторский В. А.* Философия и научный метод: (К истории и теории постановки вопроса). — В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972; *Лекторский В. А.* Философия и наука в свете научно-технической революции. — В кн.: Человек, наука, техника. М., 1973; *Кедров Б. М.* Философия как общая наука в ее соотношении с частными науками. — В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука; *Ойзерман Т. И.* Проблемы историко-философской науки. М., 1969; *Копнин П. В.* Логические основы науки. Киев, 1958, с. 227—240; *Он же.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973, с. 85—90; *Юдин Э. Г.* Отношение философии и науки как методологическая проблема. — В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука.
- 154 См.: *Quine W. V.* Epistemology Naturalized. — In: The Psychology of Knowing/ Ed. by J. R. Royce, W. W. Rozeboom. London, 1972,

- 155 См.: *Piaget J. Sagesse et illusions de la philosophie*. Paris, 1965; *Piaget J. Epistémologie de la science de l'homme*. Paris, 1970; *Piaget J. Psychologie et épistémologie*. Paris, 1970.
- 156 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат, с. 50.
- 157 См., например: *Strawson P.* The Bounds of Sense. An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. London, 1973; *Stroud B.* Transcendental Arguments. — The Journal of Philosophy, 1968, vol. LXV, N 19.
- 158 См., например: *Лекторский В. А.* Аналитическая философия сегодня. — Вопросы философии, 1972, № 1; *Козлова М. С.* Философия и язык. М., 1972; *Богомолов А. С.* Английская буржуазная философия XX века. М., 1973.
- 159 См.: *Popper K. R.* The Logic of Scientific Discovery. London, 1972, p. 49—72.
- 160 Зато их принимает и даже доводит до абсурда попперовский ученик П. Фейерабенд, выступивший с обоснованием «анархизма» в теории познания. См.: *Feyerabend P.* Against Method. Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. London, 1976.
- 161 См.: *Popper K. R.* The Logic of Scientific Discovery, p. 52.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдильдин Ж. М.* Диалектика Канта. Алма-Ата: Казахстан, 1974. 157 с.
- Абдильдин Ж. М., Балгимбаев А. С.* Диалектика активности субъекта в научном познании. Алма-Ата: Наука, 1977. 303 с.
- Абульханова К. А.* Диалектика человеческой жизни: (Соотношение философского, методологического и конкретно-научного подходов к проблеме индивида). М.: Мысль, 1977. 224 с.
- Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973. 288 с.
- Автономова Н. С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. (Критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977. 271 с.
- Акурин И. А.* Единство естественнонаучного знания. М.: Наука, 1974. 207 с.
- Алексеев И. С.* Концепция дополнительности: историко-методологический анализ. М.: Наука, 1978. 276 с.
- Андреев И. Д.* Теория как форма организации научного знания. М.: Наука, 1979. 303 с.
- Антипенко Л. Г.* Проблема физической реальности: Логико-гносеологический анализ. М.: Наука, 1973. 262 с.
- Архипцев Ф. Т.* Актуальные аспекты взаимоотношений субъекта и объекта. — В кн.: Методологические аспекты исследования биосферы. М.: Наука, 1975. 456 с.
- Асмус В. Ф.* Иммануил Кант. М.: Наука, 1973. 534 с.
- Асмус В. Ф.* Очерки истории диалектики в новой философии. М.; Л.: Госиздат, 1929. 255 с.
- Ахутин А. В.* История принципов физического эксперимента: От античности до XVII в. М.: Наука, 1976. 292 с.
- Бажан В. В., Дышлевый П. С. и др.* Диалектический материализм и проблема реальности в современной физике. Киев: Наукова думка, 1974. 352 с.
- Баженов Л. Б.* Строение и функции естественнонаучной теории. М.: Наука, 1978. 231 с.
- Бакрадзе К. С.* Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1960. 529 с.
- Бакрадзе К. С.* Система и метод философии Гегеля. Тбилиси: Гос. ун-т, 1958. 463 с.
- Батищев Г. С.* Общественно-историческая, деятельная сущность человека. — Вопросы философии, 1967, № 3, с. 20—29.
- Батищев Г. С.* Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. 119 с.

- Библер В. С. Мышление как творчество: (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 399 с.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.
- Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1973. 317 с.
- Богомолов А. С. Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма. М.: Мысль, 1964. 421 с.
- Богомолов А. С. Буржуазная философия США XX века. М.: Мысль, 1974. 343 с.
- Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. М.: Изд-во МГУ, 1962. 375 с.
- Богомолов А. С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. М.: Изд-во МГУ, 1969. 448 с.
- Богомолов А. С. Философия Гегеля и современность. — Коммунист, 1970, № 14, с. 99—110.
- Бор Н. Избранные научные труды. М.: Наука, 1971, т. 2, 675 с.
- Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 335 с.
- Бородай Ю. М. Воображение и теория познания: (Критический очерк кантовского учения о продуктивной способности воображения). М.: Высшая школа, 1966. 150 с.
- Брудный А. А. Семантика языка и психология человека: О соотношении языка, сознания и действительности. Фрунзе: ИЛИМ, 1972. 234 с.
- Брутян Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа: (Лекция, прочитанная в Лондонском ун-те в 1967 г.). Ереван, 1968. 66 с.
- Брутян Г. А. О гипотезе Сепира-Уорфа. — Вопросы философии, 1969, № 1, с. 56—66.
- Брушлинский А. В. Культурно-историческая теория мышления: (Философские проблемы психологии). М.: Высшая школа, 1968. 104 с.
- Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование: (Логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979. 230 с.
- Брушлинский А. В. О некоторых методах моделирования в психологии. — В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии/ Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1969. 376 с.
- Булатов М. А. Деятельность и структура философского знания. Киев: Наук. думка, 1976. 216 с.
- Булатов М. А. Ленинский анализ немецкой классической философии: Логико-диалектические и историко-философские проблемы. Киев: Наук. думка, 1974. 271 с.
- Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975. 347 с.
- Бур М. Фихте. М.: Мысль, 1965. 166 с.
- Буржуазная философия XX века. М.: Политиздат, 1974. 335 с.
- Бухалов Ю. Ф. О соотношении субъективного и объективного в познавательном образе. — Вопросы философии, 1961, № 5, с. 124—132.
- Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев: Наук. думка, 1974. 135 с.
- Вейль Г. О философии математики. М.; Л.: Гос. тех.-теор. изд-во, 1934. 128 с.
- Вергилес Н. Ю., Зинченко В. П. Проблема адекватности образа

- (на материале зрительного восприятия). — Вопросы философии, 1967, № 4, с. 55—65.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Иностранная литература, 1958. 131 с.
- Вопросы теории познания: (Материалы в помощь философским семинарам. Вып. 1). М., 1969, 160 с. (ротационный оттиск Ин-та философии АН СССР).
- Вопросы теории познания и методологии научного исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 122 с.
- Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976. 319 с.
- Выготский Л. С.* Проблемы речи и мышления в учении Ж. Пиаже. — В кн.: Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.; Л.: ОГИЗ, 1932. 412 с.
- Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1956. 517 с.
- Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М.: АПН, 1960. 498 с.
- Витгенштейн Л.* Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М., 1914. 437 с.
- Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. 566 с.
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1976. 150 с.
- Гальперин П. Я.* К исследованию интеллектуального развития ребенка. — Вопросы психологии, 1969, № 1, с. 15—25.
- Гальперин П. Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий. — В кн.: Психологическая наука в СССР. Т. 1. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. 599 с.
- Гегель.* Сочинения. Т. 1—14. М.; Л.: Госиздат, 1929—1958. Т. 3. М., 1956. 368 с. Т. 4. М., 1959. 643 с.; Т. 5. М., 1937. 715 с.; Т. 6. М., 1939. 387 с.
- Гейзенберг В.* Квантовая механика и беседа с Эйнштейном. — Природа, 1972, № 5.
- Георгиев Ф. И., Дубовской В. И., Коршунов А. М., Михайлова И. Б.* Чувственное познание. М.: Изд-во МГУ, 1965. 237 с.
- Глезер В. Д., Цуккерман И. И.* Информация и зрение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 183 с.
- Горский Д. П.* О видах определений и их значении в науке. — В кн.: Проблемы логики научного познания. М.: Наука, 1964. 410 с.
- Горский Д. П.* Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М.: Мысль, 1966. 374 с.
- Готт В. С.* Удивительный неисчерпаемый познаваемый мир. М.: Знание, 1974. 221 с.
- Готт В. С., Урсул А. Д.* Общенаучные понятия и их роль в познании. М.: Знание, 1975. 64 с.
- Грегори Р.* Разумный глаз. М.: Изд-во Мир, 1972. 210 с.
- Грязнов Б. С., Никитин Е. П.* и др. Теория и ее объект. М.: Наука, 1973. 248 с.
- Гуревич Г. С., Ильенков Э. В.* Выдающееся достижение советской науки. — Вопросы философии, 1975, № 6, с. 63—72.
- Гуссерль Э.* Логические исследования: Прологомены к чистой логике. СПб.: Образование, 1909. Т. 1. 224 с.

Гуссерль Э. Философия, как строгая наука. — Логос, 1911, № 1, с. 1—56.

Давыдов В. В. Анализ структуры мыслительного акта. — Доклады АПН РСФСР, 1960, № 2, с. 81—84.

Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М.: Просвещение, 1972. 423 с.

Давыдов В. В. Категории логики и педагогика. — В кн.: Проблемы диалектической логики: Материалы к симпозиуму. Алма-Ата: Изд-во Наука АН КазССР, 1968. 282 с.

Движение глаз и зрительное восприятие/ Отв. ред. Б. Ф. Ломов. М.: Наука, 1978. 277 с.

Деборин А. М. Диалектика у Фихте. — В кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Госиздат, 1927, кн. 3, 463 с.

Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 710 с.

Дубровский Д. И. Психические явления и мозг: Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. 385 с.

Дученко Н. В. Проблема объекта в марксистско-ленинской теории познания: Автореф. на соиск. степени доктора филос. наук. Киев: Киев. ун-т, 1970. 44 с.

Дышлевый П. С. Диалектика соотношения объекта и субъекта в современной физике. — Вопросы философии, 1969, № 4, с. 68—77.

Дышлевый П. С. Материалистическая диалектика и физический релятивизм. Киев: Наук. думка, 1972. 323 с.

Евсеевичев В. И., Налетов И. З. Концепция «третьего мира» в гносеологии Карла Поппера. — Вопросы философии, 1974, № 10, с. 130—136.

Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Ружская А. Г. Восприятие и действие. М.: Просвещение, 1967. 323 с.

Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1960. 427 с.

Звягинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира—Уорфа. — В кн.: Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1960, вып. 1. 463 с.

Звягинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во МГУ, 1973. 248 с.

Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии. — Вопросы философии, 1977, № 7, с. 109—125.

Зотов А. Ф. Г. Башляр и методология науки XX века. — Вопросы философии, 1977, № 3, с. 137—145.

Зотов А. Ф. Структура научного мышления. М.: Политиздат, 1973. 182 с.

Зотов А. Ф., Воронцова Ю. В. Буржуазная «философия науки» (становление, принципы, тенденции). М.: Изд-во МГУ, 1978. 200 с.

Иванов В. П. Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев: Наук. думка, 1977. 251 с.

- Ильенков Э. В.* Диалектика конкретного и абстрактного в «Капитале» Маркса. М.: Наука, 1960. 284 с.
- Ильенков Э. В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
- Ильенков Э. В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. 319 с.
- Ильенков Э. В.* Проблема идеального. — Вопросы философии, 1979, № 6, с. 128—140; 1979, № 7, с. 145—158.
- Ильенков Э. В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента. — Коммунист, 1977, № 2, с. 66—79.
- Ильичев Л. Ф.* Философия и научный прогресс: Некоторые методологические проблемы естествознания и обществознания. М.: Наука, 1977. 318 с.
- История марксистской диалектики: Ленинский этап/ Под ред. Г. А. Курсанова. М.: Мысль, 1973. 606 с.
- История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа/ Под ред. М. М. Розенталя. М.: Мысль, 1971. 536 с.
- Каган М. С.* Человеческая деятельность: (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 325 с.
- Казютинский В. В., Наан Г. Н.* Теория познания и проблемы современной астрономии. — В кн.: Вопросы теории познания. (Материалы в помощь философским семинарам). М., 1969. Вып. 1. 160 с. (Ротапринт Ин-та философии АН СССР).
- Какабадзе З. М.* Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля. Тбилиси: Изд-во Мецниереба, 1966. 159 с.
- Кант И.* Сочинения: В 6-ти т. М.: Наука, 1964. Т. 3. 799 с.
- Кармин А. С., Майзель И. А.* К анализу субъектно-объектного отношения в научном познании. — В кн.: Вопросы теории познания и методологии научного исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 122 с.
- Карнап Р.* Философские основания физики: Введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971. 389 с.
- Карнап Р.* Эмпиризм, семантика, онтология. — В кн.: Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностр. лит. 1959. 382 с.
- Кассирер Э.* Познание и действительность: Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб.: Шиповник, 1912. 453 с.
- Касымжанов А. Х., Лекторский В. А.* Разработка В. И. Лениным диалектики как логики и теории познания. — В кн.: История марксистской диалектики: Ленинский этап. М., Мысль, 1973. 606 с.
- Кедров Б. М.* Единство диалектики, логики и теории познания. М.: Госполитиздат, 1963. 295 с.
- Кедров Б. М.* Из лаборатории ленинской мысли: (Очерки о «Философских тетрадах» В. И. Ленина). М.: Мысль, 1972. 358 с.
- Кедров Б. М.* Ленин и диалектика естествознания XX века: Материя и движение. М.: Наука, 1971. 399 с.
- Кедров Б. М. В. И. Ленин и гегелевская диалектика: (О ленинских принципах и способах материалистической переработки диалектики Гегеля).* М.: Знание, 1975. 63 с.
- Кедров Б. М.* Философия как общая наука в ее соотношении с частными науками. — В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука. Критика современной буржуазной философии. М.: Наука, 1972. 423 с.

- Кедров Б. М., Огурцов А. П.* Марксистская концепция истории естествознания. XIX в. М.: Наука, 1978. 663 с.
- Келле В. Ж.* Методологические проблемы комплексного исследования научного труда. — Вопросы философии, 1977, № 5, с. 100—110.
- Киссель М. А.* Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976. 239 с.
- Клини С. К.* Введение в метаматематику. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 526 с.
- Козлова М. С.* Философия и язык: (Критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в.). М.: Мысль, 1972. 254 с.
- Копнин П. В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев: Наук. думка, 1966. 288 с.
- Копнин П. В.* Диалектика как логика. Киев: Изд-во Киев. гос. ун-та, 1961. 448 с.
- Копнин П. В.* Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования. М.: Наука, 1973. 324 с.
- Копнин П. В.* Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973. 464 с.
- Копнин П. В.* Логические основы науки. Киев: Наук. думка, 1968. 283 с.
- Копнин П. В., Лекторский В. А.* Материалистическая диалектика — методологическая основа научного познания. — Коммунист, 1971, № 7, с. 88—98.
- Коршунов А. М.* Познание и деятельность. М.: Политиздат, 1967. 127 с.
- Коршунов А. М.* Проблема соотношения так называемых «первичных» и «вторичных» свойств. — В кн.: Человек, творчество, наука: Философские проблемы. М.: Наука, 1967. 205 с.
- Коршунов А. М.* Теория отражения и творчество. М.: Политиздат, 1971. 255 с.
- Коршунов А. М., Мантатов В. В.* Теория отражения и эвристическая роль знаков. М.: Изд-во МГУ, 1974. 214 с.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление: Психологический очерк. М.: Прогресс, 1977. 261 с.
- Критические очерки по философии Канта/ Под ред. М. А. Булатова. Киев: Наук. думка, 1975. 367 с.
- Крымский С. Б.* Научное знание и принципы его трансформации. Киев: Наук. думка, 1974. 207 с.
- Кузнецов В. Н.* Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М.: Изд-во МГУ, 1969. 286 с.
- Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1976. 247 с.
- Кузьмин В. Ф.* Объективное и субъективное: (Анализ процесса познания). М.: Наука, 1976. 216 с.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
- Купцов В. И.* Проблема реальности макроскопических спонтанных флуктуаций. — В кн.: Человек, творчество, наука: Философские проблемы. М.: Наука, 1967. 205 с.
- Кураев В. И.* Диалектика содержательного и формального в научном познании. М.: Наука, 1977. 160 с.

Лакатос И. Доказательства и опровержения: Как доказывают теоремы. М.: Наука, 1967. 152 с.

- Легостаев В. М.* Философская интерпретация развития науки Томаса Куна. — Вопросы философии, 1972, № 11, с. 129—136.
- Лекторский В. А.* В. И. Ленин и принципы диалектической логики. — В кн.: Ленинизм и философские вопросы современности. М.: Мысль, 1970. 653 с.
- Лекторский В. А.* Единство эмпирического и теоретического в научном познании. — В кн.: Диалектика — теория познания: Проблемы научного метода. М.: Наука, 1964. 501 с.
- Лекторский В. А.* Ленинское понимание диалектики субъекта и объекта. — Коммунист, 1967, № 6, с. 38—48.
- Лекторский В. А.* Операционализм. — В кн.: Современная буржуазная философия. М.: Изд-во МГУ, 1972. 651 с.
- Лекторский В. А.* Принципы воспроизведения объекта в знании. — Вопросы философии, 1967, № 4, с. 44—54.
- Лекторский В. А.* От позитивизма к неопозитивизму. — В кн.: Буржуазная философия XX века. М.: Политиздат, 1974. 335 с.
- Лекторский В. А.* О субъективном и объективном. — В кн.: Некоторые проблемы диалектики: (Центральное бюро философских (методологических) семинаров. Программно-методические материалы в помощь философским семинарам; вып. VII). М., 1973. 192 с.
- Лекторский В. А.* Позитивизм. — В кн.: Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 287—288.
- Лекторский В. А.* Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания. — В кн.: Эргономика: Методологические проблемы исследования деятельности. М.: Изд-во Всесоюзного научно-исслед. ин-та технической эстетики, 1976. 250 с. (Труды ВНИИТЭ, т. 10).
- Лекторский В. А.* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М.: Высшая школа, 1965. 121 с.
- Лекторский В. А.* Проблема субъекта и объекта в теории познания. — Вопросы философии, 1964, № 5, с. 24—34.
- Лекторский В. А.* Проблема субъекта и объекта в теории познания Гегеля и Маркса. — В кн.: Философия Гегеля и современность. М.: Мысль, 1973. 432 с.
- Лекторский В. А.* Современные проблемы диалектической логики. — Вопросы философии, 1967, № 10, с. 106—112.
- Лекторский В. А.* Субъект. — В кн.: Философская энциклопедия. М.: 1970, т. 5, с. 154—156.
- Лекторский В. А.* Теория познания. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 5, с. 216—223.
- Лекторский В. А.* Философия и научный метод. — В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972. 423 с.
- Лекторский В. А.* Философия, наука, «философия науки». — Вопросы философии, 1973, № 4, с. 108—121.
- Лекторский В. А., Мелюгин С. Т.* О некоторых тенденциях развития материалистической диалектики. — Коммунист, 1976, № 1, с. 53—62.
- Лекторский В. А., Огурцов А. П., Швырев В. С., Юдин Э. Г.* Философия. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 5, с. 332—342.
- Лекторский В. А., Садовский В. Н.* Генезис и строение интеллектуальных структур в концепциях Ж. Пиаже. — В кн.: Ос-

- новные направления исследования психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука, 1966. 299 с.
- Лекторский В. А., Садовский В. Н. О принципах исследования систем. — Вопросы философии, 1960, № 8, с. 67—79.
- Лекторский В. А., Садовский В. Н. Основные идеи «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже. — Вопросы психологии, 1961, № 4, с. 167—178.
- Лекторский В. А., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Операциональная концепция интеллекта в работах Жана Пиаже (вступительная статья и комментарий к произведениям Ж. Пиаже). — В кн.: Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
- Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни). — В кн.: Философия, методология, наука. М.: Наука, 1972. 236 с.
- Лекторский В. А., Швырев В. С. Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода. — Вопросы философии, 1971, № 1, с. 146—152.
- Ленинская теория отражения и современная наука: В 3-х т/ Под ред. Т. Павлова. София: Наука и искусство, 1973. Т. 1. Отражение, познание, логика. 526 с. Т. 2. Теория отражения и естествознание. 347 с. Т. 3. Теория отражения и обществознание. 369 с.
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Леонтьев А. Н. О путях исследования восприятия. — В кн.: Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976. 320 с.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1972. 575 с.
- Леонтьев А. Н. Чувственный образ и модель в свете ленинской теории отражения. — Вопросы психологии, 1970, № 2, с. 34—45.
- Леонтьев А. Н., Тихомиров О. К. Послесловие к книге Ж. Пиаже, Б. Инельдер. Генезис элементарных логических структур. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 448 с.
- Линьков Е. С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 112 с.
- Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа. — В кн.: Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976. 320 с.
- Локк Д. Избранные философские произведения: В 2-х т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1. 733 с.
- Ломов Б. Ф. Психологическая наука и общественная практика. М.: Знание, 1974. 46 с.
- Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологические исследования. М.: Наука, 1974. 172 с.
- Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1973. 187 с.
- Майзель Б. М. Проблема познания в философских работах К. Р. Поппера 60-х годов. — Вопросы философии, 1975, № 6, с. 140—147.

- Мамардашвили М. К.* Анализ сознания в работах Маркса. — Вопросы философии, 1968, № 6, с. 14—25.
- Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления: (К критике гегелевского учения о формах познания). М.: Высшая школа, 1968. 191 с.
- Мамардашвили М. К.* Форма превращенная. — В кн.: Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 386—389.
- Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классическая и современная буржуазная философия. — Вопросы философии, 1970, № 12, с. 23—38. 1971, № 4, с. 59—73.
- Мамчур Е. А.* Проблема выбора теории: К анализу переходных ситуаций в развитии физического знания. М.: Наука, 1975. 231 с.
- Метлов В. И.* Диалектика оснований и развития научного знания. — Вопросы философии, 1976, № 1, с. 117—128.
- Методологические аспекты исследования биосферы. М.: Наука, 1975. 456 с.
- Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. 376 с.
- Мещеряков А. И.* Слепоглухонемые дети. М.: Педагогика, 1974. 327 с.
- Микулинский С. Р., Маркова Л. А.* Основные методологические направления в зарубежной истории науки: (Обзор западно-европейской и американской литературы). Материалы к XIII Международному конгрессу по истории науки. М.: Наука, 1971. 48 с.
- Микулинский С. Р., Маркова Л. А.* Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций». — В кн.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
- Микулинский С. Р., Ярошевский М. Г.* Об историческом пути психофизиологии: (Анализ некоторых коренных проблем психофизиологии в трудах В. И. Ленина). М.: Знание, 1970. 64 с.
- Мизайлов Ф. Т.* Загадка человеческого Я. 2-е изд., М.: Политиздат, 1976. 287 с.
- Мизайлова И. Б.* Чувственное отражение в современном научном познании. М.: Мысль, 1972. 279 с.
- Мотрошилова Н. В.* Принципы и противоречия феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1968. 128 с.
- Мотрошилова Н. В.* Гуссерль и Кант: проблема «трансцендентальной философии». — В кн.: Философия Канта и современность. М.: Мысль, 1974. 469 с.
- Мотрошилова Н. В.* Познание и общество: Из истории философии XVII—XVIII веков. М.: Мысль, 1969. 296 с.
- Нарский И. С.* Кант. М.: Мысль, 1976. 207 с.
- Нарский И. С.* Очерки по истории позитивизма. М.: Изд-во МГУ, 1960. 199 с.
- Науменко Л. К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Наука, 1968. 327 с.
- Некоторые проблемы диалектики. М., 1973, вып. VII. 192 с. (АН СССР. Научный совет по философским вопросам естествознания. Центральное бюро философских (методологических) семинаров. Программно-методические материалы в помощь философским семинарам).

Непомнящая Н. И. О связи логики и психологии в системе Ж. Пиаже. — Вопросы философии, 1965, № 4, с. 135—144.
Никигин Е. П. Объяснение — функция науки. М.: Наука, 1970. 280 с.

- Овсянников М. Ф.* Философия Гегеля. М.: Соцэкгиз, 1959. 304 с.
Овчинников Н. Ф. Принцип сохранения. М.: Наука, 1969. 331 с.
Огурцов А. П. Практика. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 4, с. 340—349.
Огурцов А. П. Практика как философская проблема. — Вопросы философии, 1967, № 7, с. 91—105.
Огурцов А. П., Разумов А. Е., Юдин Б. Г. Научно-техническая революция и особенности современного научного познания. М.: Знание, 1977. 61 с.
Ойзерман Т. И. К критике феноменологической концепции философии. — Вопросы философии, 1975, № 12, с. 50—61.
Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М.: Мысль, 1969. 398 с.
Ойзерман Т. И. Философия Гегеля. М.: Знание, 1956. 48 с.
Ойзерман Т. И. Философия И. Канта. (К 250-летию со дня рождения). М.: Знание, 1974. 63 с.
Ойзерман Т. И. Философия Фихте. М.: Знание, 1962. 48 с.
Омельяновский М. Э. Диалектика в современной физике. М.: Наука, 1973. 324 с.
Омельяновский М. Э. Диалектический материализм — методологическая основа современной физики. — Философские науки, 1965, № 1, с. 3—11.
Омельяновский М. Э. Еще раз о принципе наблюдаемости и принципе дополнителности в физике и о диалектике. — Вопросы философии, 1977, № 2, с. 62—70.
Омельяновский М. Э. Объективное и субъективное в квантовой теории. — Вопросы философии, 1974, № 6, с. 39—51.
Омельяновский М. Э. О принципе наблюдаемости в современной физике. — Вопросы философии, 1968, № 9, с. 43—56.
Омельяновский М. Э. О физической реальности. — Вопросы философии, 1971, № 10, с. 99—109.
Омельяновский М. Н. Философская борьба в современной физике вокруг проблемы объективного и субъективного. — Вопросы философии, 1976, № 2, с. 127—135.
Оруджев З. М. Диалектика как система. М.: Политиздат, 1973. 352 с.
Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука, 1966. 299 с.
Очерки истории и теории науки/ Под ред. С. Р. Микулинского. М.: Наука, 1969. 422 с.
Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 660 с.
Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.; Л.: Огиз, 1932. 412 с.
Пиаже Ж. Роль действия в формировании мышления. — Вопросы психологии, 1965, № 6, с. 33—51.
Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 448 с.
Полгорацкий А. Ф., Швырев В. С. Знак и деятельность. М.: Политиздат, 1970. 117 с.

- Попович М. В.* О философском анализе языка науки. Киев: Наук. думка, 1966. 224 с.
- Проблема субъекта и объекта в истории философии и в современной науке/ Под ред. Б. Я. Пахомова.* Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1974. 224 с.
- Проблемы логики научного познания.* М.: Наука, 1964. 410 с.
- Проблемы научного метода: Диалектика — теория познания.* М.: Наука, 1964. 502 с.
- Принцип симметрии: историко-методологические проблемы/ Отв. ред. Б. М. Кедров, Н. Ф. Овчинников.* М.: Наука, 1978. 397 с.
- Противоречия в развитии естествознания/ Под ред. Б. М. Кедрова.* М.: Наука, 1965. 362 с.
- Пузырей А. А.* Смыслообразование в процессах перцептивной деятельности. — В кн.: Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976. 319 с.
- Ракитов А. И.* Философские проблемы науки: Системный подход. М.: Мысль, 1977. 268 с.
- Рассел Б.* Человеческое познание: Его сфера и границы. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 554 с.
- Риккерт Г.* Введение в трансцендентальную философию: Предмет познания. Киев: Изд-во Просяниченко, 1904. 258 с.
- Роговин М. С.* Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 382 с.
- Роговин М. С.* Проблемы теории памяти. М.: Высшая школа, 1977. 181 с.
- Роговин М. С.* Чувственный образ и мысль. — Вопросы философии, 1969, № 9, с. 44—55.
- Роговин М. С., Соловьев А. В., Урванцев Я. П., Шотемор Ш. Ш.* Структура психики и проблема познания. — Вопросы философии, 1977, № 4, с. 75—87.
- Родный Н. И.* Очерки по истории и методологии естествознания. М.: Наука, 1975. 424 с.
- Родный Н. И.* Проблема научной революции в концепции развития науки Т. Куна. — В кн.: Концепции науки в буржуазной философии и социологии: Вторая половина XIX—XX в. М.: Наука, 1973. 352 с.
- Розенталь М. М.* Диалектика «Капитала» К. Маркса. 2-е изд. доп. и перераб. М.: Мысль, 1967. 592 с.
- Розов М. А.* Проблема эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 220 с.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Наука, 1957. 328 с.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Наука, 1959. 351 с.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. — В кн.: Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
- Рузавин Г. И.* Научная теория: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1978. 244 с.
- Садовский В. Н.* Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.

- Савовский В. И., Юдин Э. Г.* Жан Пиаже — психолог, логик, философ. — Вопросы психологии, 1966, № 4, с. 106—120.
- Сироткин С. А.* Чем лучше мышлению вооружаться — жестом или словом? — Вопросы философии, 1977, № 6, с. 96—101.
- Славин А. В.* Наглядный образ в структуре познания. М.: Политиздат, 1971. 271 с.
- Современная буржуазная философия/ Под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М.: Изд-во МГУ, 1972. 651 с.
- Современные проблемы теории познания диалектического материализма/ Под ред. М. Б. Митина. М.: Мысль, 1970. Т. 1. Материя и отражение. 327 с. Т. 2. Истина, познание, логика. 430 с.
- Смирнов В. А.* Уровни знания и этапы процесса познания. — В кн.: Проблемы логики научного познания. М.: Наука, 1964. 410 с.
- Спиноза Б.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 631 с.
- Спиркин А. Г.* Происхождение сознания. М.: Политиздат, 1960. 471 с.
- Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
- Степин В. С.* Проблема субъекта и объекта в опытной науке. — Вопросы философии, 1970, № 1, с. 80—90.
- Степин В. С.* Становление научной теории: Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 319 с.
- Степин В. С., Томильчик Л. М.* Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск: Наука и техника, 1970. 94 с.
- Столин В. В.* Исследование порождения зрительного образа. — В кн.: Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976. 319 с.
- Стрельцова Г. Я.* Критика экзистенциалистской концепции диалектики: (Анализ философских взглядов Ж.-П. Сартра). М.: Высшая школа, 1974. 127 с.
- Сычев Н. И.* Объективное и субъективное в научном познании. Ростов н/Д, 1974. 180 с.
- Типухин В. Н.* Логическое становление субъекта. Омск: Зап.-сиб. кн. отд., 1971. 264 с.
- Трубников Н. Н.* О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1968. 148 с.
- Тюхтин В. С.* О природе образа: (Психическое отражение в свете идей кибернетики). М.: Высшая школа, 1963. 123 с.
- Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика: Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М.: Наука, 1972. 256 с.
- Урсул А. Д.* Отражение и информация. М.: Мысль, 1973. 231 с.
- Урсул А. Д., Абрамова Н. Т., Кремянский В. И.* Синтез знания и проблема управления. М.: Наука, 1978. 199 с.

Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. 3-е изд. М.: Мысль, 1978. 656 с.

Федосеев П. Н. Коммунизм и философия. 2-е изд. М.: Наука, 1971. 573 с.

- Федосеев П. Н.* Марксизм в XX веке: Маркс, Энгельс, Ленин и современность. 2-е изд. М.: Мысль, 1977. 638 с.
- Филатов В. П.* Естествознание и «жизненный мир»: проблемы феноменологической интерпретации точных наук. — Вопросы философии, 1979, № 4, с. 134—142.
- Филиппов Л. И.* Философская антропология Жан-Поля Сартра. М.: Наука, 1977. 287 с.
- Философия в современном мире: Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972. 423 с.
- Философия Гегеля и современность. М.: Мысль, 1973. 431 с.
- Философия Канта и современность. М.: Мысль, 1974. 468 с.
- Философия, методология, наука. М.: Наука, 1972. 236 с.
- Физте И.-Г.* Избранные произведения. М.: Путь, 1916. Т. 1. 523 с.
- Флейвелл Дж.* Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Просвещение, 1967. 622 с.
- Фок В. А.* Квантовая физика и строение материи. Л., Изд-во ЛГУ, 1965. 29 с.
- Фок В. А.* Физические принципы теории тяготения Эйнштейна. — Вопросы философии, 1966, № 8, с. 15—22.
- Франк С. Л.* Предмет знания: Об основах и пределах отвлеченного знания. Пг.: 1915. 504 с.
- Франк Ф.* Философия науки: Связь между наукой и философией. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 542 с.
- Фролов И. Т.* Очерки методологии биологического исследования: (Система методов биологии). М.: Мысль, 1965. 286 с.
- Фролов И. Т.* Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1979. 336 с.
- Хилл Т. И.* Современные теории познания. М.: Прогресс, 1965. 533 с.
- Хютт В. П.* Концепция дополнительности и проблема объективности физического знания. Таллин: Валгус, 1977. 180 с.
- Целищев В. В.* Логическая истина и эмпиризм. Новосибирск: Наука, 1974. 113 с.
- Человек — наука — техника: (Опыт марксистского анализа научно-технической революции). М.: Политиздат, 1973. 366 с.
- Человек, творчество, наука: Философские проблемы. М.: Наука, 1967. 205 с.
- Швырев В. С.* Анализ научного познания в современной «философии науки». — Вопросы философии, 1971, № 2, с. 100—111.
- Швырев В. С.* Задачи разработки категории деятельности как теоретического знания. — В кн.: Эргономика: Методологические проблемы исследования деятельности. М.: Изд-во Всесоюзного науч.-исслед. ин-та технической эстетики, 1976. 250 с. (Труды ВНИИТЭ. Т. 10).
- Швырев В. С.* К анализу категорий теоретического и эмпирического в научном познании. — Вопросы философии, 1975, № 2, с. 3—14.
- Швырев В. С.* Некоторые вопросы логико-методологического анализа отношения теоретического и эмпирического уровней научного знания. — В кн.: Проблемы логики научного познания. М.: Наука, 1964. 410 с.

- Швырев В. С.* Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М.: Наука, 1966. 215 с.
- Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. 382 с.
- Швырев В. С., Юдин Э. Г.* Мировоззренческая оценка науки: критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М.: Знание, 1973. 64 с.
- Шенгулин А. П.* Система категорий диалектики. М.: Наука, 1967. 375 с.
- Шинкарук В. И.* Единство диалектики, логики и теории познания. Введение в диалектическую логику. Киев: Наук. думка, 1977. 367 с.
- Шинкарук В. И.* Логика, диалектика и теория познания Гегеля. (Проблема тождества логики, диалектики и теории познания в философии Гегеля). Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1964. 295 с.
- Шинкарук В. И.* Теория познания, логика и диалектика И. Канта. (И. Кант как родоначальник немецкой классической философии). Киев: Наук. думка, 1974. 335 с.
- Шорохова Е. В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М.: Соцэкгиз, 1961. 363 с.
- Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966. 301 с.
- Штофф В. А.* Проблемы методологии научного познания. М.: Высшая школа, 1978. 271 с.
- Юдин Э. Г.* Отношение философии и науки как методологическая проблема. — В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука. М.: Наука, 1972. 423 с.
- Юдин Э. Г.* Понятие деятельности как методологическая проблема. — В кн.: Эргономика: Методологические проблемы исследования деятельности. М.: Изд-во Всесоюзного науч.-исслед. ин-та технической эстетики, 1976. 250 с. (Труды ВНИИТЭ. Т. 10).
- Юдин Э. Г., Юдин Б. Г.* Наука и мир человека. М.: Знание, 1978. 63 с.
- Юлина Н. С.* Проблема метафизики в американской философии XX века: Критический очерк эмпирико-позитивистских течений. М.: Наука, 1978. 295 с.
- Яновская С. А.* О математической строгости. — Вопросы философии, 1966, № 3, с. 39—50.
- Ярошевский М. Г.* История психологии. 2-е изд. М.: Мысль, 1976. 463 с.
- Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
- Яценко А. И.* Целеполагание и идеалы. Киев: Наук. думка, 1977. 275 с.
- Agassi J.* The Logic of Inquiry. — In: Synthèse, vol. 26, N 3/4. Amsterdam, 1974, p. 498—514.
- Agassi J.* The nature of Scientific Problems and their Roots in Metaphysics. — In: The Critical Approach to Science and Philosophy/ Ed. by M. Bunge in Honor of Karl R. Popper. New York:

- Free Press of Glencoe; London: Collier-Macmillan, 1964. 480 p.
Apostel L., Mandelbrot B. et Piaget J. Logique et équilibre. Paris: Presses univ. France. 1957. 173 p.
Ayer A. J. The problem of knowledge. London: Macmillan; New York: St. Martin's Press. 1956. 258 p.
- Bartley W. W.* Rationality Versus the Theory of Rationality. — In: The Critical Approach to Science and Philosophy/ Ed. by M. Bunge in Honor of Karl R. Popper. New York: Free Press of Glencoe; London: Collier-Macmillan. 1964. 480 p.
- Benjamin A. C.* Operationalism. Springfield: Thomas, 1955. 154 p. (American lecture series/ Ed. by M. Farber. N 256).
- Bridgman P. W.* The Logic of Modern Physics. New York: Macmillan, 1954. 228 p.
- Bridgman P. W.* The Nature of Physical Theory. Princeton Univ. Press, 1937. 138 p.
- Bridgman P. W.* Some General Principles of Operational Analysis. — Psychological Review, 1945, vol. 52, N 5, p. 246—249.
- Chomsky N.* Cartesian Linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought. New York; London: Harper and Row, 1966. 119 p.
- Chomsky N.* Recent Contribution to the Theory of Innate Ideas. — In: Boston Studies in the Philosophy of Science/ Ed. by R. S. Cohen, M. W. Wartofsky. Vol. 3. Dordrecht: Reidel, 1967. 489 p.
- Cognitive Development and Epistemology/ Ed. by Th. Mischel. New York; London: Acad. Press, 1971. 423 p.
- The Critical Approach to Science and Philosophy/ Ed. by M. Bunge in Honor of Karl R. Popper. New York: Free Press of Glencoe; London: Collier-Macmillan, 1964, 480 p. *Dretske F. I.* Seeing and Knowing. London: Routledge and Paul, 1969. 261 p.
- Farber M.* The Foundations of Phenomenology. Edmund Husserl and the Quest for a Rigorous Science of Philosophy. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1943, 585 p.
- Feigl H., Brodbeck M.* Readings in the philosophy of science. New York: Appleton—Century—Crofts, 1953, 811 p.
- Feyerabend P.* Against Method. Outlines of an anarchistic theory of Knowledge. London: NLB, 1975, 339 p.
- Feyerabend P.* Explanation, Reduction and Empiricism. — In: Minnesota Studies in the Philosophy of Science/ Ed. by H. Feigl, G. Maxwell. Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 1966, Vol. 3, 628 p.
- Feyerabend P.* Problems of Empiricism. — In: Beyond the Edge of certainty. Essays in Contemporary Science and Philosophy/ Ed. by R. Colodny. Englewood Cliffs (N. Y.): Prentice-Hall, 1965. 287 p.
- Feyerabend P.* Problems of Empiricism, II. — In: The Nature and Function of Scientific Theories/ Ed. by Colodny. Pittsburgh Univ. Pittsburgh Press, 1970, 361 p.
- Genova A. C.* Kant and Alternative Frameworks and Possible worlds. — In: Akten des 4 Internationalen Kant—Kongresses.

- Mainz, 6—10 April 1974. Teil II.2. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1974, 986 p.
- Gibson J.* The Perception of the Visual World. Boston: Houghton Mifflin, 1950, 235 p.
- Gombrich E. H.* Art and Illusion. A Study in the Psychology of Pictorial Representation. 2nd ed., rev. New York: Pantheon, 1961, 466 p.
- Grene M.* The Knower and the Known. New York: Basic Books, 1966, 283 p.
- Grünbaum A.* Operationalism and Relativity. — In: Scientific Monthly, 1954, vol. 79, N 4, p. 228—231.
- Gunderson K.* Assymetries and Mind-Body Perplexities. — In: Minnesota Studies in the Philosophy of Science/ Ed. by M. Rudner, St. Winokur. Vol. 4. Minneapolis, Univ. of Minnesota, 1970, 384 p.
- Hanson N. R.* Patterns of Discovery: An Inquiry into the conceptual Foundation of Science. Cambridge: Univ. press, 1958, 240 p.
- Hanson N. R.* Perception and Discovery: An Introduction to Scientific Inquiry. San Francisco: Freeman, Cooper and Co., 1969, 435 p.
- Hempel C. G.* Aspects of Scientific Explanation and other Essays in the Philosophy of Science. New York: Free Press, 1965, 505 p.
- Hempel C. C.* Formulation and Formalisation of Scientific Theories. — In: The Structure of Scientific Theories/ Ed. by F. Suppe. Urbana; Chicago: Univ. Illinois Press, 1974, 682 p.
- Hesse M.* Is there an Independent Observation Language? — In: The Nature and Function of Scientific Theory/ Ed. by R. Colodny. Univ. Pittsburgh Press, 1970, 361 p.
- Hesse M.* Models and Analogies in Science. London; New York: Sheed and Ward, 1963, 150 p. (Newman History and Philosophy of Science, ser. 14).
- Hesse M.* The Structure of Scientific Inference. London; Basingstoke: Macmillan, 1974, 309 p.
- Hintikka K. I. I.* Knowledge and the Known (Historical Perspectives in Epistemology). Dordrecht; Boston: Reidel, 1974, 243 p.
- Hirst R. J.* The Problems of Perception. London: Allen und Unwin; New York: Macmillan, 1959, 330 p.
- Holton G.* On the Role of Themata in Scientific Thought. — Science, April 1975, vol. 188, N 1186, p. 328—334.
- Hooker C. A.* Systematic Realism. — In: Synthèse. Amsterdam, 1974, vol. 26, N 3/4, p. 409—497.
- Hooker C. A.* On Global Theories. — In: Philosophy of Science. Baltimore, 1975, vol. 42, N 2, p. 152—179.
- Husserl E.* Erfahrung und Urteil: Untersuchungen zur Genealogie der Logik/ Prag: Academia, 1939, 478 S.
- Husserl E.* Cartesian Meditations: An Introduction to Phenomenology. The Haag: Nijhoff, 1960, 157 p.
- Kockelmans J.* A First Introduction to Husserl's Phenomenology. Louvain: Duquesne Univ. Press, 1967, 372 p.
- Kockelmans J.* Edmund Husserl's Phenomenological Psychology. Louvain: Nauwelaerts Pittsburgh: Duquesne Univ. Press, 1967, 359 p.
- Körner St.* Categorical Frameworks. Oxford: Blackwell, 1970, 85 p.

- Lakatos I.* Changes in the Problem of Inductive Logic.— In: *The problem of Inductive Logic/* Ed. by I. Lakatos. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1968, 417 p.
- Lakatos I.* Infinitive Regress and Foundations of Mathematics.— In: *The Proceedings of Aristotelian Society. Suppl. Volume XXXVI.* London: Harrison, 1962, 250 p.
- Lakatos I.* Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes.— In: *Criticism and the Growth of Knowledge.* Cambridge Univ. Press, 1970, 282 p.
- Lakatos I.* History of Science and its Rational Reconstruction.— In: *Boston Studies in the Philosophy of Science/* Ed. by R. C. Buck, R. S. Cohen. Dordrecht: Reidel, 1971, vol. VIII, 615 p.
- Lauer Q.* Phénoménologie de Husserl. Essai sur la genèse de l'intentionnalité. Paris, Presses univ. de France, 1955, 444 p.
- Linguistic Analysis and Phenomenology/* Ed. by W. Mays, S. C. Brown. London; Basingstoke: Macmillan, 1972, 307 p.
- The Legacy of Logical Positivism.*— In: *Studies in the Philosophy of Science/* Ed. by P. Achinstein, St. F. Barker. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1969, 300 p.
- Maxwell G.* The Ontological Status of Theoretical Entities.— In: *Minnesota Studies in the Philosophy of Science/* Ed. by H. Feigl, G. Maxwell. Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 1962, vol. 3, 628 p.
- Maxwell G.* Theories, Perception and Structural Realism.— In: *The Nature and Function of Scientific Theories/* Ed. by R. Colodny. Univ. Pittsburgh Press, 1970, 361 p.
- McMullin E.* The History and Philosophy of Science: A Taxonomy.— In: *Minnesota Studies in the Philosophy of Science/* Ed. by R. H. Stuewer. Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 1970, vol. V, 384 p.
- Nowak L.* Relative Truth, the Correspondence Principle and Absolute Truth.— In: *Philosophy of Science.* Baltimore, 1975, vol. 42, N 2, 187—202 p.
- Pap A.* Semantics and Necessary Truth: An inquiry into the Foundations of Analytic Philosophy. New Haven: Yale Univ. Press, 1958, 456 p.
- Piaget J.* Epistémologie des sciences de l'Homme. Paris: Gallimard, 1970, 380 p.
- Piaget J.* The Language and Thought of the Child. 3rd ed. London: Routledge and Paul; New York: Humanities Press, 1959, 288 p.
- Piaget J.* Introduction à l'épistémologie génétique. T. I. La pensée mathématique. 361 p., t. II. La pensée physique. 355 p., t. III. La pensée biologique, la pensée psychologique et la pensée sociologique: 344 p. Paris: Presses univ. France, 1950.
- Piaget J.* Pensée egocentrique et pensée sociocentrique.— In: *Cahiers internationaux de sociologie*, 1951, vol. X, p. 72—112.
- Piaget J.* Psychologie et épistémologie (Pour une théorie de la connaissance). Paris; Gonthier, 1970, 189 p.
- Piaget J.* Sagesse et illusions de la philosophie. Paris: Presses Univ. France, 1965, 287 p.

- Polanyi M.* Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy. Univ. Chicago Press, 1958, 428 p.
- Popper K. R.* The Logic of Scientific Discovery. New York: Basic Books, 1959, 480 p.
- Popper K. R.* Objective Knowledge: An Evolutionary approach. Oxford: Clarendon Press, 1972, 380 p.
- Price H. H.* Perception. London: Methuen, 1954, 332 p.
- Quine W. V. O.* Epistemology Naturalised. — In: The Psychology of Knowing/ Ed. by J. R. Royce, W. W. Rozeboom. New York; Paris etc.: Gordon and Breach, 1972, 496 p.
- Quine W. V. O.* Notes on Existence and Necessity. — Journal of Philosophy, 1943, vol. 40, N 5, p. 113—127.
- Quine W. V. O.* Ontological Relativity and Other Essays. New York; London: Columbia Univ. Press, 1969, 165 p.
- Quine W. V. O.* Word and Object. New York; London: Wiley, 1960, 294 p.
- Quinton A.* The Foundations of Knowledge. — In: British Analytical Philosophy/ Ed. by B. A. O. Williams, A. Montefiore. London: Routledge and Kegan Paul; New York: Humanities Press, 1966, 346 p.
- Rorty R.* The World Well Lost. — Journal of Philosophy, 1972, vol. LXIX, N 19, p. 649—665.
- Rescher N.* Conceptual Idealism. Oxford: Blackwell, 1973, 204 p.
- Rescher N.* The Primacy of Practice: Essays Towards a Pragmatically Kantian Theory of Empirical Knowledge. Oxford: Blackwell, 1973, 156 p.
- Rossi P.* Hermeticism, Rationality and the Scientific Revolution. — In: Reason, Experiment and Mysticism in the Scientific Revolution/ Ed. by M. L. Righini et al. New York: Science, History publications, 1975, 320 p.
- Ryle G.* The Concept of Mind. London: Hutchinson, 1951, 334 p.
- Sartre J.-P.* L'être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943, 722 p.
- Scheffler I.* Science and Subjectivity. Indianapolis etc.: Bobbs-Merrill Co., 1967, p. 132 p.
- Shapere D.* Notes Towards a Post-Positivist Interpretation of Science. — In: The Legacy of Logical Positivism. Studies in the Philosophy of Science/ Ed. by P. Achinstein, S. Barker. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1969, 300 p.
- Shapere D.* Scientific Theories and their Domains. — In: The Structure of Scientific Theories/ Ed. by F. Suppe. Urbana; Chicago: Univ. Illinois Press, 1974, 682 p.
- Shoemaker S. S.* Self-Reference and Self-Awareness. — Journal of Philosophy, 1968, vol. LXV, N 19, p. 555—567.
- A Source Book of Gestalt Psychology/* Prep. by W. D. Ellis. London: Kegan Paul, French, Trubner and Co., 1938, 403 p.
- Spiegelberg H.* The Phenomenological Movement: A Historical introduction. 2nd ed. The Hague: Nijhoff, 1969, vol. 1, 391 p.; vol. 2, 765 p.
- Strawson P. F.* Individuals: An Essay on Descriptive Metaphysics. London: Methuen, 1961, 255 p.

- Suppe F.* The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories.— In: *The Structure of Scientific Theories/* Ed. by F. Suppe. Urbana; Chicago: Univ. Illinois Press, 1974, 682 p.
- Stroud B.* Conventionalism and the Indeterminacy of Translation.— In: *Words and Objections. Essays on the Work of W. V. O. Quine/* Ed. by D. Davidson, Hintikka. Revised edition. Dordrecht: Reidel, 1975, 373 p.
- Stroud B.* Transcendental Arguments.— In: *Journal of philosophy*, 1968, vol. LXV, N 9, p. 241—256.
- Toulmin St.* Foresight and Understanding: On inquiry into the Aims of Science. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1961, 115 p.
- Toulmin St.* Human Understanding. Oxford: Clarendon Press, 1972, vol. 1, General introduction, 520 p.
- Toulmin St.* Rationality and the Changing Aims of Inquiry.— In: *Logic, Methodology and Philosophy of Science: Proceedings of the Fourth International Congress for Logic, methodology and philosophy of Science. Bucurest, 1971/* Ed. by P. Suppes et al. Amsterdam; London: North-Holland publ. Co., 1973, 981 p.
- Ziman J. M.* Public Knowledge: An Essay Concerning the Social Dimension of Science. Cambridge: Univ. Press, 1968, 154 p.
- Watkins Y. W. N.* Metaphysics and the Advancement of Science.— *British Journal for the Philosophy of Science*, 1975, vol. 26, p. 91—121.
- Woods M.* Reference and Self-Identification.— *Journal of Philosophy*, 1968, vol. LXV, N 19, p. 568—578.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдильдин Ж. М. — 14 (11)¹, 93 (80), 332
- Абрамова Н. Т. — 343
- Абульханова К. А. — 14 (13), 180 (63), 332
- Автономова Н. С. — 332
- Айер А. — 132
- Акчурина И. А. — 20, 332
- Алексеев И. С. — 332
- Андреев И. Д. — 332
- Антипенко Л. Г. — 14 (12), 332
- Апостел Л. — 40 (20)
- Аристотель — 209 (83)
- Архипцев Ф. Т. — 14 (11), 332
- Асмус В. Ф. — 89 (73), 93 (80), 332
- Ахутин А. В. — 242 (110), 332
- Бажан В. В. — 14 (12), 332
- Баженов Л. Б. — 332
- Бакрадзе К. С. — 74 (68), 285 (140), 332
- Балгимбаев А. С. — 14 (11), 332
- Батищев Г. С. — 332
- Башляр Г. — 168—169
- Бенджамен А. К. — 48, 49 (30)
- Библиер В. С. — 14 (11), 242 (110), 333
- Блауберг И. В. — 38 (19), 333
- Богомолов А. С. — 20, 66 (62), 285 (140), 294 (158), 333, 343
- Бойль Р. — 191
- Бор Н. — 9 (3), 333
- Борн М. — 36, 333
- Бородай Ю. М. — 93 (80), 333
- Броуэр Л. Э. Я. — 10, 300
- Бриджмен П. У. — 16, 42—51, 54, 192, 204, 263
- Брудный А. А. — 333
- Брутян Г. А. — 235 (105), 333
- Брушлинский А. В. — 14 (13), 24 (2), 333
- Булатов М. А. — 93 (80), 160 (41), 285 (140), 333
- Бунге М. — 192 (72), 240, 333
- Бур М. — 89 (73), 333
- Бухалов Ю. Ф. — 14 (11), 333
- Бэкон Ф. — 164, 191, 299
- Васильев С. А. — 211 (89), 231 (101), 235 (105), 236 (106), 333
- Вейль Г. О. — 10 (7), 333
- Венгер Л. А. — 14 (13), 137 (4), 159 (38), 161 (43), 335
- Вергилес Н. Ю. — 144 (21), 151 (29), 160 (40), 333
- Виттгенштейн Л. — 260, 293, 334
- Воронцова Ю. В. — 335
- Выготский Л. С. — 128, 170, 334
- Вышеславцев Б. — 334
- Гайденок П. П. — 334
- Галилей Г. — 192, 263

¹ В скобках указаны номера сносков, в которых приводится имя автора.

- Гальперин П. Я. — 14 (13), 170, 334
 Гегель Г. В. Ф. — 19, 82, 133, 175—176, 254 (118), 285—292, 334
 Гейзенберг В. — 9, 187, 334
 Гейтинг Л. — 10, 300
 Гендерсон К. — 253—254
 Георгиев Ф. И. — 146 (26), 334
 Гибсон Дж. — 140—141
 Глезер В. Д. — 137 (3), 334
 Гомбрих Э. — 139 (11), 150 (28), 151, 248 (112), 250
 Горский Д. П. — 14 (11), 53 (38), 195 (76), 334
 Готт В. С. — 334
 Грегори Р. — 138 (5), 139 (10), 143 (19), 144 (20), 146 (25), 150 (28), 153 (31), 154, 246, 334
 Грюнбаум А. — 53 (38)
 Грязнов Б. С. — 197 (78), 334
 Гургенидзе Г. С. — 178 (61), 334
 Гуссерль Э. — 17—18, 74—90, 93, 97—98, 100—112, 114—115, 118, 128, 131, 132, 146, 149, 282, 291—292, 300, 334—335
 Давыдов В. В. — 14 (13), 20, 170, 335
 Дальтон Дж. — 192
 Деборин А. М. — 89 (73), 335
 Декарт Р. — 5, 12, 17—18, 59—66, 74, 83—84, 89—90, 93, 97—98, 117—118, 128, 131—132, 164—165, 288, 291, 299, 335
 Джоуль Дж. П. — 191
 Дубовский В. И. — 146 (26), 334
 Дубровский Д. И. — 335
 Дученко Н. В. — 14 (11), 335
 Дышлевый П. С. — 9 (2), 14 (12), 332, 335
 Евсеевич В. И. — 275 (132), 335
 Жанэ П. — 138, 172
 Женова А. С. — 225 (98)
 Запорожец А. В. — 14 (13), 137 (4), 159 (38), 161 (43), 170, 335
 Звягинцев В. А. — 135 (105), 335
 Зиман Дж. — 258 (121)
 Зинченко В. П. — 14 (13), 137 (4), 144 (21), 151 (29), 159 (38), 160 (40), 161 (43), 170, 333—335
 Зотов А. Ф. — 169 (49), 335
 Иванов В. П. — 160 (41), 335
 Ильенков Э. В. — 14 (11), 161 (42), 178 (61), 198 (79), 285 (140), 334, 336
 Ильичев Л. Ф. — 336
 Инельдер Б. — 33 (11)—34, 138 (7), 341
 Каган М. С. — 336
 Казютинский В. В. — 14 (12), 336
 Какабадзе З. — 74 (68), 76, 105 (93), 106 (94), 336
 Кант И. — 5, 17, 18, 57, 93—102, 112, 117—118, 124, 146—147, 165, 207—208, 225 (98), 244, 251—252, 260, 282, 288—289 (148), 292, 300, 336
 Кантор Г. — 274
 Кармин А. С. — 14 (11), 336
 Карнап Р. — 216, 227, 336
 Кассирер Э. — 336
 Касымжанов А. Х. — 14 (14), 336
 Кедров Б. М. — 6 (1), 14 (11), 285 (140), 291 (153), 336—337, 342
 Келле Б. Ж. — 337
 Киссель М. А. — 111 (95), 337
 Клини С. К. — 10 (6), 269 (129), 337

- Козлова М. С. — 194 (158), 337
 Кокельманс Дж. — 82 (71), 84 (72)
 Копнин П. В. — 14 (11), 14 (14), 252 (115), 283 (138), 291 (153), 337
 Коршунов А. М. — 14 (11), 20, 24 (2), 137 (2), 146 (26), 160 (39, 41), 281 (136), 334, 337
 Коул М. — 237 (107), 337
 Кремянский В. И. — 343
 Крымский С. Б. — 337
 Куайн У. О. — 7, 13, 19, 212—213—235, 238, 257, 264 (126), 267, 292—293 (154)
 Кузнецов В. Н. — 111 (95), 337
 Кузьмин В. П. — 38 (19), 198 (79), 337
 Кузьмин В. Ф. — 14 (11), 337
 Кулон Ш. О. — 191
 Кун Т. — 7, 19, 188, 191—192, 208—210, 224—226, 239—240, 242—243, 259, 263—264 (126), 275 (131), 337
 Купцов В. И. — 14 (12), 20, 337
 Кураев В. И. — 337

 Лавуазье А. — 209 (83)
 Лакатос И. — 192 (70), 209 (83), 257—258 (119, 120, 121), 262, 264 (186), 337
 Лауэр К. — 82 (71)
 Левин А. Е. — 209 (84)
 Легостаев В. М. — 209 (84), 338
 Лейбниц Г. В. — 225
 Лензен В. — 51 (35)
 Ленин В. И. — 6, 144, 148, 158, 196, 246, 274, 281, 291, 301, 307
 Лекторский В. А. — 17 (15), 24 (2), 30 (4), 37 (17), 38 (19), 42 (22), 66 (62), 125 (102), 160 (41), 181 (64), 195 (75), 209 (84), 246 (111), 283 (138), 285 (140), 291 (153), 294 (158), 336—337—338
 Леонтьев А. Н. — 14 (13), 24 (2), 30 (4), 141, 160 (41), 170, 235, 339
 Линьков Е. С. — 339
 Логвиненко А. Д. — 140 (12), 141 (14), 143 (18), 339
 Локк Д. — 16, 22, 23 (1), 24, 27, 29, 339
 Ломов Б. Ф. — 339
 Лурья А. Р. — 14 (13), 170, 339
 Любутин К. Н. — 14 (11), 89 (73), 285 (140), 339

 Майзель Б. М. — 275 (132), 336, 339
 Майзель И. А. — 14 (11)
 Максвелл Г. — 186—187, 201
 Мамардашвили М. К. — 285 (140), 335, 340
 Мамчур Е. А. — 209 (84), 340
 Мандельбро — 40 (20)
 Мантатов В. В. — 14 (11), 281 (136), 337
 Маркова Л. А. — 209 (84), 340
 Маркс К. — 127—128, 138, 152, 157—158 (34, 35), 162—163 (45), 175, 179, 195, 198, 253, 283—284 (139), 290—291 (151), 301
 Мах Э. — 268
 Мелюхин С. Т. — 338
 Мельвиль Ю. К. — 343
 Метлов В. И. — 265 (127), 340
 Мещеряков А. И. — 14 (13), 178 (61), 340
 Микулинский С. Р. — 209 (84), 275 (131), 340
 Митин М. Б. — 343
 Михайлов Ф. Т. — 14 (11), 24 (2), 340
 Михайлова И. Б. — 146 (26), 334, 340

- Мотрошилова Н. В. — 74 (68), 93 (80), 340
- Наан Г. Н. — 14 (12), 336
- Налетов И. З. — 275 (132), 335
- Нарский И. С. — 93 (80), 194 (74), 340, 343
- Науменко Л. К. — 14 (1), 340
- Нейман К. Г. — 212, 222
- Непомнящая Н. И. — 30 (4), 341
- Никитин Е. П. — 197 (78), 334, 341
- Ньютон И. — 209 (83), 243, 273
- Овсянников М. Ф. — 285 (140), 341
- Овчинников Н. Ф. — 341—342
- Огурцов А. П. — 160 (41), 291 (153), 337—338, 341
- Ойзерман Т. И. — 89 (73), 93 (80), 285 (140), 291 (153), 341
- Омельяновский М. Э. — 14 (12), 37 (17), 191 (68), 341
- Оруджев З. М. — 14 (11), 341
- Павлов Т. — 14 (11), 339
- Пап А. — 51—52 (36)
- Пахомов Б. Я. — 14 (11), 342
- Пижаке Ж. — 7, 13, 16, 29—42, 125—129, 138 (7), 158—159, 161, 208, 229, 293, 341
- Платон — 149, 248 (112)
- Полторацкий А. Ф. — 341
- Полэни М. — 259, 263, 267—268 (128)
- Попович М. В. — 193 (73), 342
- Поппер К. Р. — 19, 264 (126), 275—278, 283, 285, 295—296
- Прайс Х. — 67 (63)
- Пригожин И. — 38
- Пузырей И. И. — 141 (14), 342
- Райл Дж. — 260
- Разумов А. Е. — 341
- Ракитов А. И. — 342
- Рассел Б. — 16, 27—28, 342
- Рескин Дж. — 142
- Роговин М. С. — 14 (13), 20, 145 (24), 160 (41), 172 (59), 342
- Родный Н. И. — 209 (84), 342
- Розенталь М. М. — 198 (79), 342
- Розов М. А. — 342
- Рорти Р. — 225 (98)
- Росси Ф. — 164 (46)
- Рубинштейн С. Л. — 14 (11), 14 (13), 24 (2), 37 (17), 136 (1), 160 (41), 180 (63), 342
- Рузавин Г. И. — 342
- Рузская А. Г. — 14 (13), 137 (4), 159 (38), 161 (43), 335
- Садовский В. Н. — 30 (4), 38 (19), 125 (102), 338—339, 342
- Сартр Ж.-П. — 18, 111—126, 129—130, 245, 251—252, 260, 268
- Сафари Х. — 246 (111)
- Сепир Э. — 11, 19, 210, 225, 232, 235
- Сироткин С. А. — 249 (113), 343
- Скрибнер С. — 237 (107), 337
- Славин А. В. — 342
- Смирнов В. А. — 193 (73), 343
- Соловьев А. В. — 14 (13), 160 (41), 342
- Спиноза Б. — 164 (47), 343
- Спиркин А. Г. — 14 (11), 252 (115), 269 (130), 343
- Степин В. С. — 14 (12), 242 (110), 343
- Столин В. В. — 343
- Страуд Б. — 225 (98), 294 (157)
- Страусон Р. — 294 (157)
- Стрельцова Г. Я. — 111 (95), 343
- Сычев Н. И. — 14 (11), 343
- Сьюнн Ф. — 194 (74)
- Типухин В. Н. — 14 (11), 343
- Тихомиров О. К. — 30 (4), 339

- Толстой Л. Н. — 274
 Томильчик Л. М. — 14 (12), 343
 Трубников Н. Н. — 160 (41), 343
 Тухтин В. С. — 14 (11), 37 (17), 138, 343
- Уорф Б. — 11, 19, 210—211, 212 (90), 225, 232, 235
 Урванцев Л. П. — 14 (13), 160 (41), 342
 Урсул А. Д. — 334, 343
- Фейерабенд П. — 189, 210 (87), 226, 264 (126), 296 (160)
 Федосеев П. Н. — 343—344
 Филатов В. П. — 344
 Филиппов Л. И. — 111 (95), 344
 Фихте И.-Г. — 17, 18, 89—93, 98, 100—102, 115—118, 128, 132, 165, 175—176, 254 (118), 282, 288—289 (148), 291, 344
 Флейвелл Дж. — 344
 Фок В. А. — 9, 344
 Франк С. Л. — 344
 Франк Ф. — 344
 Фролов И. Т. — 344
- Херст Р. — 67 (63), 71 (65), 72 (66), 73 (67)
 Хессе М. — 192 (71)
 Хилл Т. И. — 344
 Холтон Г. — 242 (110)
 Хомский Н. — 11, 12, 231 (102), 232 (103)
 Хютт В. П. — 14 (12), 344
- Целищев В. В. — 212 (91), 213 (92, 93), 227 (99), 344
 Цермело Э. — 212—213, 222
 Цуккерман И. И. — 137 (2), 334
 Цутта Ю. — 172
- Швырев В. С. — 14 (11), 14 (14), 38 (19), 54 (40), 160 (41), 193 (73)—194 (74), 209 (84), 291 (153), 338—339, 341, 344
 Шеллинг — 254 (118)
 Шептулин А. П. — 14 (11), 344
 Шинкарук В. И. — 14 (11), 93 (80), 285 (140), 344
 Шорохова Е. В. — 14 (13), 344
 Шотемор Ш. Ш. — 14 (13), 160 (41), 342
 Штофф Д. — 344
 Шэпир Д. — 199 (80)
- Эвклид — 195
 Эймс А. — 150—151
 Эйнштейн А. — 42, 43, 45, 54, 187, 192, 263—264
 Энгельс Ф. — 127 (109), 291 (151)
- Юдин Б. Г. — 341, 344
 Юдин Э. Г. — 14 (11), 30 (4), 38 (19), 160 (41), 291 (153), 333, 338—339, 343—344
 Юлина Н. С. — 344
- Яновская С. А. — 262 (125), 344
 Ярошевский М. Г. — 275 (131), 340, 344
 Яценко А. И. — 160 (41), 344

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Раздел первый	
Понимание познавательного отношения в немарксистских гносеологических концепциях	21
Глава первая	
Трактовка познания как взаимодействия двух природных систем	21
1. Интерпретация знания как результата причинного воз- действия объекта на субъект	22
2. Теория познавательного «уравновешивания» субъекта и объекта	29
3. Понимание познания как совокупности физических опе- раций субъекта	41
Глава вторая	
Истолкование познания как определяемого структурой со- знания	56
1. Проблема обоснования знания и «радикальная» рефлексия	56
2. Трансцендентальный Субъект, эмпирический субъект. Концепция самодостоверности трансцендентального со- знания как гаранта объективности знания	73
3. Факт знания и трансцендентальная интерпретация усло- вий его возможности	93
4. Концепция «жизненного мира» и уникальность места эмпирического субъекта в структуре опыта	102
5. Понимание познания в качестве обусловленного инди- видуальным сознанием и вместе с тем мистифицирую- щего сущность последнего. Я, «другие» и мир объектов	111

Раздел второй

Марксистский подход: познание как социально-опосредованная, исторически развивающаяся деятельность отражения 135

Глава первая

Отражение, предметно-практическая деятельность и коммуникация 137

1. Сенсорная информация и предметное знание 137

2. Иллюзия и реальность 148

3. Познание и предметно-практическая деятельность 157

4. Определенность знания, коммуникация и социальность познания 169

Глава вторая

Теория и мир объектов 182

1. Наблюдаемые и не-наблюдаемые объекты 182

2. Идеализированные и реальные объекты 195

Глава третья

«Альтернативные» миры и проблема непрерывности опыта 205

1. Объективность знания и возможность разрыва между перцептивными или концептуальными системами 205

2. Концепция онтологической относительности 212

3. Перевод и проблема понимания 226

4. «Иные миры» и смена форм объективации знания 247

Глава четвертая

Рефлексия над знанием и развитие познания 251

1. Самосознание и рефлексия. Явное и неявное знание 251

2. Обоснование и развитие знания 256

3. Рефлексия как единство отражения и преобразования ее объекта 266

4. Коллективный субъект, индивидуальный субъект 272

5. Как возможна теория познания? 291

Заключение 303

Примечания 308

Библиография 332

Именной указатель 351

Владислав Александрович
Лекторский

СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ,
ПОЗНАНИЕ

Утверждено к печати
Институтом философии АН СССР

Редактор издательства В. В. Рукман
Художник Н. В. Илларионова;
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Н. А. Несмеева, В. Г. Петрова

ИБ № 18358

Сдано в набор 10.03.80
Подписано к печати 08.08.80
Т-15616. Формат 84×108^{1/32}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 21,3
Тираж 10400 экз. Тип. зак. 1284
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12